

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 5 том - «Бунтующая Анжелика»

Перевод с фр. М. Пахомовой, Е. Ринг, Г. Скоробеднова
СП «Интербук» СП «Панас» (Москва), 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ПОТАЕННЫЙ ОГОНЬ**

Глава 1

Прибыв в Марсель, господин де Бретей, посланник французского короля, арестовавший Анжелику в Сеуте, заточил ее в форте Адмиралтейства. Город, где некогда маркиза дю Плесси-Белльер так ловко обвела вокруг пальца полицию Королевства, ныне стал для нее тюрьмой. Именно здесь, в темной и мрачной камере, недавняя пленница султана, ценой стольких мук вырвавшаяся из гарема, убедилась, что ждет ребенка.

Эта догадка пронзила ее на следующее утро после заключения в цитадель, где она ощутила себя зверем, вновь попавшим в капкан. В камере не было ни малейших удобств, и, хотя квадратик голубого неба виднелся в зарешеченном окошке, Анжелике вдруг показалось, что она умрет от удушья. Почти всю ночь она не сомкнула глаз, терзаясь ужасом при мысли, что ее здесь заживо похоронят. Нервы, дотоле не подводившие ее, сдали. В панике она забарабанила в дверь, колотя по жесткому дереву молча, с неистовством отчаяния.

Неба, неба и чистого воздуха! Как они смели запереть ее в этом склепе, ее, еще недавно проводившую дни и ночи в пустыне, блуждавшую в огромном магическом круге вечных песков.

Как обезумевшая птица, она билась, калеча себя, об эту безжалостную клетку из дерева и железа. Ее похудевшие до прозрачности запястья еще хранили следы страданий, перенесенных в пустыне, и удары этих слабых рук в массивную дверь производили не больше шума, чем хлопанье птичьих крыл. Боль в пальцах, разбитых до крови, привела ее в чувство, и она отступила на шаг, прижавшись спиной к прохладной стене.

Ее взгляд скользил от двери к оконной решетке. Небесная голубизна казалась ей чистой водой, которая одна могла бы утолить ее жажду. Но увы, Осман Ферраджи не явится сюда за ней и не уведет по плоским крышам прочь, на обманчиво вольный простор.

Здесь ее окружали чуждые ей люди с жухлыми глазами и душами, опутанными подозрительностью. Герцог де Вивон, желая искупить прошлые ошибки, выслал из Парижа самые драконовские распоряжения на ее счет. Марсельское Адмиралтейство обязано было оказывать господину Бретею всяческое содействие. Склонить кого-либо на свою сторону было невозможно, к тому же Анжелика отнюдь не чувствовала себя во всеоружии. На нее обрушилась невероятная усталость. Казалось, так тяжело ей не было никогда, даже на каменистых тропках Рифа.

Морское путешествие из Сеуты в Марсель с остановкой в Кадиксе было пыткой, каждодневно отнимавшей частицу ее мужества. Может, арестовав ее именем короля, де Бретей сломал в ее душе ту самую пружину, что всегда помогала ей оживать после самых жестоких ударов?..

Она дотащила до постели. Жесткость тюфяка, брошенного на откидную деревянную лежанку, не могла помешать ее сну. Чтобы дать отдых усталым членам, она предпочла бы мягким перинам уголок травянистой лужайки где-нибудь там, под кедрами.

Взгляд ее вновь обратился к двери. Сколько дверей захлопывалось уже за ней, раз от разу все более тяжелых и глухих! Может, это игра, провидение забавляется с ней, и все это — расплата за вольное босоное детство в Монтелу, где она носилась по лесным тропам с таким бесстрашием, что местные крестьяне считали, будто в ее жилах есть примесь ведьминой крови.

«Не пройдешь!» — говорили ей двери. И после каждого бегства она утыкалась в новую дверь, еще более безжалостную. Сначала она вырвалась из нищеты, затем ускользнула от короля Франции, потом отомкнула решетки гарема. И вот снова она в руках французского короля. Неужто он одержит верх?

Она вспомнила о Фуке, о маркизе де Варде, о легком, как блуждающий огонек, де Лозене, что томились неподалеку, в крепости Пиньероль. Все они оказались за тюремными запорами за проступки менее тяжкие, нежели те, что совершила она.

Чувство слабости и одиночества угнетало ее. Ступив на французскую почву, она попала в мир, где люди повинуются только двум силам: страху и любви к королю. Где нет иного закона, кроме воли повелителя. На этих берегах храбрость какого-нибудь Колена Патюреля, его невероятная доброта, тонкий ум — все это не имело цены. Любой похотливый пакостник в парике и манжетах вправе его презирать. Ведь у Колена Патюреля нет власти. Он — лишь нищий моряк. Даже память о нем бессильна помочь Анжелике. От него не будет вестей, а это страшнее смерти.

Забывшись, она позвала:

— Колен! Колен, брат мой!

И ей стало так нехорошо, что она пошатнулась, вся в холодном поту.

Тогда-то она и поняла, что беременна.

Кое-что она заметила еще в Сеуте, но подумала, что ее здоровье расстроено от сверхчеловеческих тягот. Теперь же напрашивалось иное объяснение.

Итак, у нее будет ребенок.

Ребенок от Колена Патюреля! Дитя пустыни! Сжавшись в комок на жестком ложе, она позволила сомнению превратиться в уверенность, и невообразимое открытие наполнило ее удивлением, затем каким-то странным спокойствием и наконец — радостью.

Да, то, что могло ввергнуть ее в уныние, стыд, растерянность, вселило радость. Она слишком близко, кожей, помнила пустыню, бурнус беглянки, чтобы вообразить себя в наряде великосветской француженки. Частью своего существа она оставалась там, в объятьях нормандца, во глубине вытканых золотым сиянием ночей, где сила любви, толкавшей их друг к другу, отдавала привкусом смерти и вечности.

Жесткие от китового уса модные платья, расшитые золотом накидки и кружева ее нынешних нарядов скрывали еще шершавую от ветра кожу, глубокий шрам на обожженной ноге и только начинавшие сходить отметины кнута. А подошвы, скрытые элегантными туфельками, были жестки и помнили об обрывистых тропах Рифа.

Ликуя, она подумала, что это дитя отныне и впредь останется нестираемой памятью ее одиссеи, в которую иначе даже ей будет трудно поверить. Мальчик вырастет светлоголовым, крепким и кряжистым. И что с того, если он будет незаконнорожденным! Благородство того, кто слыл «королем» у пленников, под стать крови крестоносцев, бившейся в венах Анжелики де Сансе де Монтелу.

Сын унаследует голубизну его глаз и его силу. Это будет маленький Геркулес, душитель змей, ловко орудующий своей палицей, с волосами, горящими, как солнце Средиземноморья. Он будет красив, как первый младенец, рожденный на земле. Она уже видела его воочию и восторгалась его будущим. Ради него и с его помощью она обретет силы для новой борьбы за освобождение.

Долго еще она предавалась полубезумным мечтам, забыв о заточении, и шептала: «Напрасно ты бежал от меня, Колен, напрасно ты отринул меня. Ты все же останешься со мной и во мне, Колен, мой спутник, друг мой...»

Несколько дней спустя карета с зарешеченными окнами и задернутыми черными занавесками выехала из Марсея в Авиньон. Ее сопровождал внушительный эскорт из десяти мушкетеров. Господин де Брелей следовал не верхом, а в карете, не спускал глаз с Анжелики и без конца торопил всех.

Ему столько наговорили о невообразимой ловкости и коварстве мадам дю Плесси-Белльер, что бедняге все время чудилось, будто она вот-вот ускользнет из его рук. Ему не терпелось покончить со своей миссией.

Молодая женщина, казалось, преодолела свою подавленность — это беспокоило его. То, что она временами выказывала строптивость, побуждало опасаться худшего. Не ждет ли она помощи от неких сообщников? Посему не лишним будет сказать, что он укладывался спать, загородив собою дверь, и почти не смыкал глаз. Перед тем, как пересечь какой-либо лес, где могли таиться сообщники его пленницы, он обращался к правителю ближайшего городка с просьбой о подкреплении. Это придавало поездке вид военной экспедиции. На городских площадях праздные гуляки пытались разглядеть, кого же везут с такими предосторожностями. Де Бретей выходил из себя и платил жандармам, требуя, чтобы те разгоняли толпу, что прибавляло любопытства и привлекало еще больше народу.

Был лишь один способ избавиться от недосыпания и тревожных мыслей: поспешить. На постоянных дворах останавливались лишь на несколько ночных часов, предварительно выгнав всех постояльцев и всю ночь не спуская глаз с хозяина. Днем лошади скакали без остановок, на почтовых станциях их часто меняли на новых, которых загодя требовал посланный вперед гонец. Это делалось, чтобы при смене упряжки не возникало задержек.

Анжелика, измучившись от бешеной скачки и тряски, негодовала:

— Вы, сударь, желаете моей смерти! Остановитесь хоть на несколько часов. Я больше так не могу.

Де Бретей только посмеивался:

— Какая вы неженка, мадам. Разве вы не испытывали больших тягот в королевстве Марокко?

Она не отважилась сказать ему, что беременна. Вцепившись руками в сиденье или в дверцу, изнемогая от пыли, она молилась о том, чтобы адская скачка, наконец, прекратилась.

Однажды вечером, в конце изнурительного дня, экипаж, на всем скаку поворачивая на каком-то крутом холме, встал на два колеса и опрокинулся. Возница, предчувствуя недоброе, успел придержать лошадей, от этого удар оказался не столь сильным, как можно было бы опасаться, но все же Анжелику перевернуло, она сильно ударилась об отломавшееся сиденье и тотчас почувствовала, что случилось непоправимое.

Ее немедленно извлекли из кареты и уложили на траву у дороги. Де Бретей, бледный от страха, наклонился над ней. Если госпожа дю Плесси умрет, король ему этого никогда не простит. В некоем прозрении он почувствовал, что дело идет о его голове, и уже ощутил холодок секиры палача у себя на шее.

— Сударыня, — умоляюще проговорил он, — вам было больно? Но все уже прошло, не так ли? Ведь удар был пустяковый.

— Это ваша вина, глупец! — крикнула она ему в лицо, и в ее голосе были испуг и отчаяние. — Вы... с вашей проклятой скачкой... вы отняли у меня все... Я из-за вас все потеряла, вы, ничтожество!..

И вцепилась ногтями ему в лицо, оставив на щеках глубокие царапины.

На импровизированных носилках солдаты отнесли ее в ближайшее селение. Увидев, как ее платье окрасилось кровью, они сочли свою пленницу серьезно раненной. Но хирург, за которым побежали, осмотрев ее, заключил, что здесь требуется не он, а повивальная бабка.

Анжелику поместили в доме мэра; она чувствовала, как с той, другой жизнью из нее уходит ее собственная...

Толстые стены зажиточного деревенского дома пропитались запахом капустного супа, и от этого ее мутило еще больше. Красное, лоснящееся от пота лицо незнакомой матроны временами надвигалось на нее и слепило до боли, как закатное солнце. Всю ночь почтенная лекарка не без отваги сражалась за жизнь этого диковинного, словно бы бестелесного существа с рассыпанными по подушке волосами цвета меда, со странно смуглым лицом. На восковых щеках темными пятнами проступал загар, веки наливались свинцом, у уголков рта пролегли сиреневые тени... Все это говорило опытному взгляду о близкой смерти.

— Не надо, моя хорошая, не надо, — шептала добрая женщина, склоняясь над полубесчувственной Анжеликой.

Анжелика отстранено следила за пляской теней вокруг ее ложа. Вот ее приподняли, застелили постель свежими простынями, медная грелка, согревая ложе, мягко и щекотно протанцевала вокруг нее. Она почувствовала себя лучше, холод, сковавший ее члены, сменился теплом: ее растерли, потом дали стакан горячего пряного вина.

— Выпейте, моя милая, надо обновить вам кровь, а то вы много ее потеряли.

До нее стал доходить терпкий вкус вина с корицей и имбирем...

Ах, запах пряностей... запах счастливых странствий!.. Именно с такими словами на губах умер старый Савари.

Анжелика открыла глаза и увидела перед собой большое окно с тяжелыми занавесями, а за окном — густой, как дым, туман.

— Долго до утра? — спросила она.

Женщина с красными щеками, сидевшая у ее изголовья, посмотрела на нее с удовлетворением.

— Да уж давно день. А в окне — не ночь, а туман от реки. Она течет там, внизу. Свежо сегодня. В такое время лежат в постели, а не скачут на почтовых. Вы славно подгадали. Теперь, когда вы уже выбрались, можно сказать, что вам повезло.

Поймав яростный взгляд Анжелики, матрона удивилась и решила настоять на своем:

— Ну что вы, что вы! Ведь для дамы в вашем положении дети никогда не желанны. Я-то уж знаю! Немало тех, кто посылал за мной, чтобы избавиться от воробышка, пойманного некстати. Ну, с вами-то все обошлось. И без особых хлопот, хотя страху, понятно, вы на меня нагнали!

Огорченная молчанием своей подопечной, она продолжала:

— Поверьте мне, хорошая вы моя, ни о чем жалеть не надо. От детей только жить тяжелее. Если их не любишь, они очень мешают. Если любишь — становишься слабой. И потом, — заключила она, пожав плечами, — потеря невелика. Если уж вас это так печалит, то с вашей красотой ничего не стоит произвести на свет еще одного!

Анжелика до боли стиснула зубы: ребенку от Колена Патюреля уж больше не бывать. Теперь она действительно чувствовала себя свободной от всего и всех. Мощная волна ненависти поднялась в ней, спасая от отчаяния. Ярость была похожа на горный поток, еще не пробившийся к своему устью, но давала силы сопротивляться, внушала неистовое желание выжить, чтобы отомстить. Отомстить за все!

Между тем ей грозили новые беды. Она ясно представила, как в окружении стражников ее, словно самую вероломную из заговорщиц, вновь повезут к повелителю королевства. На какую кару он ее обречет? Какая новая темница уготована ей?

Глава 2

В ночи разнесся странный тревожный звук и замолк, словно угаснув. «Сова, — подумала Анжелика, — ищет добычи...» Птица вновь издала далекий бархатистый крик, заглохший в подсвеченном луной тумане.

Анжелика приподнялась на локте. При лунном свете матово блестели черно-белые мраморные плиты. В молочном сиянии, лившемся в открытое окно, все казалось исполненным магии весенней ночи. Привлеченная светом, молодая женщина поднялась. Ей удалось устоять на непослушных, ослабевших ногах. Словно очарованная душа, она шагнула навстречу лунному лучу. Увидев только что взошедшую полную серебристую луну, она пошатнулась и вцепилась в подоконник.

Под ночным небом темнел обрывистый берег, ровно курчавился лес. Тесно стоящие деревья поднимали к луне ветви, как канделябры, в королевском серебре листвы.

— Ты! — выдохнула она.

С недалекого дуба снова сорвался крик совы, на этот раз четкий, резкий, и ей показалось, что он донес до нее весть из родного Ниеля.

— Ты, — повторила она, — ты! Мой лес, моя роща!

Почти неосязаемый порыв ветра донес легчайший аромат цветущего боярышника, наполняя душу ни с чем не сравнимой нежностью. Она жадно задышала. Сухость в груди исчезала, по телу заструились новые соки. К ней возвращались силы, она могла уже стоять не опираясь. Оглядевшись, она увидела над альковым картину в золоченой раме: молодой бог-олимпиец пиршествовал среди сонма богинь. Она была в Плесси. В этой самой комнате давным-давно, когда ей было шестнадцать лет, Анжелика, маленькая дикарка, подглядывала за любовными утехами принца Конде и герцогини де Бофор.

Да, и на этих же самых черно-белых плитах она некогда очнулась, полная боли, слабости, унижения, и смотрела, как удаляется по коридорам замка красавец Филипп, ее второй супруг, столь жестоко отпраздновавший брачную ночь. И здесь же настигли ее тяготы второго вдовства, прежде, нежели она поддалась, очарованная, соблазнам Версаля.

Анжелика снова опустилась на матрас, брошенный на пол, находя в жесткости импровизированного ложа успокоительную негу. Одним позвериному ловким движением она завернулась в покрывало, словно в бурнус на песке пустыни. Тревожное полубессознательное ожидание,

изводившее ее во время болезни, сменилось глубокой безмятежностью. «Вот я и дома, — с облегчением подумала она. — Я вернулась домой... Теперь нет ничего невозможного».

Ее разбудили солнце и привычно плаксивый голос служанки Барбы, тянувшей одно бесконечное причитание:

— Вы только посмотрите на нее, на бедную мою даму... Всегда одно и то же! На земле, как собака! Стелю, стелю ей постель, но каждую ночь у нее достает силенок стянуть, едва я отвернусь, все на пол, и лежит она там, скрючившись, ни дать ни взять, больная псина. «Знала бы ты, Барба, как славно спать на земле! — говорит она мне. — Знала бы, как славно!» Вот же напасть! И подумать, до чего она раньше любила всяческие удобства, сколько перин ей было надобно, и то, бывало, никак не согреется. Ах! Что могут эти варвары за год сделать с человеком, уму непостижимо. Вот, господа, расскажите об этом королю!.. Хозяйка моя такая красивая, такая нежная. Вы же сами еще недавно видели ее в Версале, а теперь взгляните — ну, как тут не заплакать! Никогда бы не подумала, что она сама так с постелью управляется, но, поверите, каждую ночь все повторяется снова. Нет, дикарей этих надо всех поубивать... Король, господа, должен бы их наказать!..

Скользнув взглядом по полу, Анжелика увидела три пары туфель и пару сапог. Туфли с красными каблуками и золочеными пряжками принадлежали господину де Бретею. Прочие были ей неизвестны.

Она подняла глаза. Над сапогами возвышался изрядный живот, обтянутый синей военной курткой, а над ним виднелась пунцовая усатая физиономия, увенчанная рыжей шевелюрой. В меру строгие туфли с бобровой опушкой и серебряными пряжками и торчащие из них тощие черные икры тотчас навели бы на мысль о каком-нибудь придворном святоше, если бы Анжелика не признала в их обладателе маркиза де Солиньяка. Четвертая пара, тоже с красными каблуками, но с бриллиантовыми пряжками, принадлежала офицеру. Анжелика успела рассмотреть его широкий кружевной, несколько обветшалый воротник и жесткое, сухое лицо с серой волосатой бородавкой на подбородке, придававшей ему еще больше свирепости. Именно этот последний, склонившись к молодой женщине, лежащей у его ног, взял слово:

— Сударыня, разрешите представиться. Я — маркиз де Марильяк, королевский наместник Пуату. Я послан Его Величеством с распоряжениями, касающимися вас.

— Не могли бы вы, сударь, говорить громче? — преувеличенно слабым голосом пролепетала Анжелика. — Ваша речь не достигает моих

ушей.

Де Марильяку пришлось, чтобы быть услышанным, преклонить колени, а его спутникам — последовать его примеру. Из-под полуопущенных век Анжелика злорадно посматривала на четырех незадачливых эмиссаров. Особенно позабавил ее вид распухших щек Бретея, еще хранивших следы ее ногтей.

Тем временем наместник Пуату, сломав восковые печати, развернул пергамент и, прочистив горло, стал читать:

«Госпоже дю Плесси-Белльер, нашей подданной, повинной в злонамеренном сопротивлении нашей королевской воле и тем весьма нас удручившей. Мы, Король Франции, направляем сие послание, дабы уведомить ее о наших чувствах, кои, как она утверждала, ей неизвестны, и наставить ее на путь приличествующего повиновения.

Сударыня!

Велика была наша скорбь, когда несколько месяцев тому назад вы отплатили неблагодарностью за все милости, каковыми нам было угодно удостоить вас и ваших близких. Получив приказ, запрещающий вам покидать Париж, вы ослушались. Меж тем не был ли сей запрет продиктован желанием уберечь вас, зная вашу порывистость, от вас же самих и тех неподобающих поступков, кои вы могли, по нашему разумению, совершить? Вы совершили их: вы устремились навстречу опасностям и разочарованиям, от коих мы бы желали вас оградить, и были жестоко наказаны. Ваша отчаянная мольба о помощи, дошедшая до нас через настоятеля Конгрегации Святого Искупления, преподобного отца Валомбреза, по его возвращении из Марокко, дала нам знать о том прискорбном положении, в какое ваши заблуждения ввергли вас. Попав в плен к варварам, вы осознали свои прегрешения и с непоследовательностью, присущей представительницам вашего пола, обратились за покровительством к монарху, над которым ранее изволили глумиться.

Из уважения к прославленному имени, каковое вы носите, в память о дружбе нашей с покойным маршалом дю Плесси и, наконец, из жалости к вам, не переставшей быть одной из возлюбленных наших подданных, мы не пожелали оставить вас пожинать все плоды вашей неблагодарности и покинуть на милость жестоких варваров и посему отозвались на вашу мольбу.

Ныне вы доставлены целой и невредимой на французскую землю, и мы довольны этим. Однако же справедливость требует, чтобы вы принесли нам публичное покаяние.

Мы могли бы предписать вам на время уединиться в монастырской тиши, дабы предаться там благочестивым размышлениям. Но памятуя о перенесенных вами страданиях, мы отказались от этого замысла. Мы предпочли послать вас в ваши земли, полагая, что родная почва может стать наилучшим советчиком. Мы не считаем это изгнанием. Вы должны пребывать там лишь до дня, когда по собственному вашему желанию отправитесь в Версаль засвидетельствовать свою покорность. В ожидании сего дня — как мы надеемся, не столь отдаленного — указанный господином де Марильяком, наместником Пуату, офицер будет назначен для надзора за вами...»

Де Марильяк прервал чтение и указал на тучного военного:

— Представляю вам, сударыня, капитана Монтадура, коему я счел возможным доверить эту почетную обязанность.

Как раз в эту минуту капитан безуспешно пытался перенести тяжесть своего тела на другое колено, но затекшие от непривычного положения члены и обширное пузо очень мешали. Чудом удержавшись, чтобы не уткнуться в Анжелику носом, он откашлялся и зычно возгласил, что готов служить маркизе дю Плесси. Не удостоив капитана ответом, Анжелика, все еще укутанная с ног до головы, прикрыла глаза, делая вид, что дремлет. Де Марильяк стойко продолжал чтение:

«...В нескольких словах мы изложим здесь, каким образом госпожа дю Плесси-Бельер должна выказать свою покорность. Невоздержанность членов ее семьи, один из коих недавно дошел до оскорбления Его Величества, слишком известна, а потому и покорность должна быть выражена с очевидностью, способной привести к размышлению слабые умы, нестойкие перед дурным примером, который может склонить их на путь дерзостного непослушания.

Госпожа дю Плесси оскорбила нас публично, посему и покаяние должно быть публичным. Карета в скорбном убранстве доставит ее в Версаль, но остановится за дворцовой решеткой без права проследовать на главный двор. Госпожа дю Плесси будет одета скромно, и притом в темных тонах. В присутствии всего двора она должна, представ перед королем, преклонить колена, поцеловать руку и повторно принести клятву ленницы и вассальную присягу.

Кроме того, ей надлежит принести в дар Короне одно из своих ленных владений в Турени. Грамоты и контракты об уступке права владения будут вручены Нашему главному камергеру во время этой церемонии в закрепление клятвы верности и в знак публичного покаяния.

Впредь госпоже дю Плесси надобно приложить все силы для

служения своему государю с усердием, каковое мы желаем видеть безупречным. Она останется в Версале, приняв то положение и удовлетворившись теми титулами, каковые нам будет угодно ей даровать. Сие последнее, как мы знаем, ранит ее тщеславие больше, нежели любая повинность. Однако ей придется покориться и тем ревностнее выполнять свои обязанности, служа королю с преданностью, принятой в его Королевстве и при его Дворе...»

— ...и в его постели, — закончила Анжелика.

Де Марильяк вздрогнул. За минуту до того он был убежден в тщетности подобных речей, обращенных к несчастной, лежащей в полузабытии неизлечимого недуга. Насмешливый взгляд Анжелики доказал ему, что она все прекрасно расслышала и к тому же не столь сломлена, как желает показать. Пергаментные щеки наместника порозовели, и он сухо заметил:

— В грамоте Его Величества нет ничего подобного.

— Да, но это подразумевается, — мягко откликнулась Анжелика.

Де Марильяк вновь прокашлялся и забормотал, отыскивая место, где прервал чтение:

— «...его Дворе и в любом месте, куда Его Величество сочтет за благо направить ее в интересах этой службы ему».

— Сударь, не могли бы вы закончить? Я совсем без сил.

— Мы также! — не выдержал возмущенный дворянин. — Соблаговолите заметить, сударыня, в каком положении вы заставили нас огласить документ.

— Но, сударь, я так страдаю!

Лицо высокопоставленного чиновника стало злобно-елейным:

— Я бы вам не советовал страдать слишком долго, сударыня. И не уповайте на то, что снисходительность Его Величества продлится вечно. Об этом и говорится в конце его послания. Знайте же, что Государь, в милости своей, предоставил вам лишь несколько месяцев на размышление. Если вы вздумаете упорствовать, он будет беспощаден к нераскаявшейся бунтарке. Сейчас май, сударыня. Король знает, что вы больны и измучены, и решил проявить терпение. Но если до первых чисел октября вы не потрудитесь испросить у него прощения так, как было указано, он сочтет ваше промедление преступным.

— Что же тогда произойдет?

Де Марильяк снова развернул монаршее послание:

«Госпожа дю Плесси будет тогда арестована и препровождена в крепость или монастырь по нашему выбору. Ее имущество будет

опечатано, особняки и земли пойдут в продажу. В качестве феода и наследственной собственности мы сохраним лишь замок Плесси и ближайшие к нему земли для последующего дарования их Шарлю-Анри дю Плесси, сыну маршала и нашему крестнику, который с этих пор перейдет под нашу опеку».

— А моему сыну Флоримону? — спросила Анжелика, бледнея.

— Он здесь не упомянут.

Все замолчали, и Анжелика ощутила болезненную тяжесть в груди от злорадных взглядов этих едва знакомых людей, которым не сделала ничего плохого. Их явственно веселило ее поражение: всем, в ком осталось мало человеческого, лестно видеть попорченную красоту и унижение того, кто не желает раболепствовать.

Итак, госпоже дю Плесси больше не дано гордо вскидывать свою маленькую головку, а ее изумрудным глазам — воздвигать преграду между ней и королем, оберегая независимость. Она появится в Версале лишь затем, чтобы подвергнуться оскорбительной церемонии, уничтожающей ее превосходство. И тогда она потеряет свою неукротимость, станет похожей на прочих, сделается послушным орудием в руках, созданных, чтобы управлять душами и судьбами. Как ловко действовали те, кто советовал королю быть неумолимым!

Де Солиньяк первым нарушил молчание. Он-то не страдал от долгого стояния на коленях, привычный к многочасовым молитвам о придании ему сил для многотрудного тайного подвига исправления порочного мира. Низким елейным голосом он стал увещевать госпожу дю Плесси-Белльер воспользоваться данной ей отсрочкой и снисходительностью Его Величества, чтобы скопить больше доказательств благочестивого раскаяния. Разве король не простит ее окончательно, если в залог своей верности она постарается содействовать обращению на путь истинный жителей ее провинции Пуату?

— Вы не можете не знать, сударыня, что так называемое реформистское вероучение доживает последние дни. Его адепты толпами возвращаются в лоно нашей католической апостолической матери-церкви. Лишь малая часть упрямец еще противится, особенно в том отдаленном и диком краю, где лежат ваши владения. Капитан Монтадур, один из наших ревностных духовных ратников, посланных туда, чтобы направить этих несчастных на стезю спасения, вот уже несколько месяцев тщится побудить гугенотов из ваших деревень отступить от своих богомерзких верований. Мы надеемся на вашу, сударыня, помощь в этом святом деле. Вы знаете крестьян этих мест, их язык и обычаи, вы их госпожа, у вас

больше возможностей заставить их отречься от злокозненной ереси. Вот, сударыня, какое благородное деяние вас ожидает. Помыслите, сколь будет признателен оскорбленный вами Государь за такую помощь в объединении нашего королевства, предпринятом им ради вящей славы Господней...

Красноречие де Солиньяка, казалось, имело большой успех, нежели чтение де Марильяка. Анжелика оставила притворство. Она приподнялась и вперила в них горящий взгляд зеленых глаз, ставших огромными на исхудалом лице:

— Включено ли условие об обращении моей провинции в перечень того, что требует Его Величество?

Саркастическая улыбка приоткрыла желтые зубы де Марильяка.

— Нет, сударыня, — быстро ответил он, — но это подразумевается.

Тут все, кроме Монтадура, наклонились к ней. Последний сделал бы то же, не помешай ему брюхо, но и он, насколько мог, придвинулся, снедаемый, впрочем, отнюдь не желанием обратить Анжелику на верный путь. Сейчас она казалась ему чертовски красивой. Надо же, как преобразился тот полутруп, что привезли в замок несколько дней назад!

Эти нависшие над ней лица напомнили Анжелике ее марокканские кошмары, когда в мозгу всплывали еще свежие воспоминания о Дворе Его Величества, об удушливом воздухе Версаля с его заговорами и угрозами, боязнью отравителей, справляющих черные мессы в потайных комнатах дворца, и интригами фанатиков веры, отдающими затхлостью ладана и святой воды. Все то, от чего она отеклась и от чего бежала, казалось, навсегда, вдруг сгустилось снова, обрело силу и цепкость.

— Сударыня, — шептал Марильяк, — дайте нам доказательства вашего усердия, и мы избавим вас от худшего. Мы сможем пробудить милосердие Государя. Мы убедим его, например, смягчить строгие условия вашего покаяния. Быть может, удастся избежать черного платья... оставленной за оградой кареты... вассальной клятвы...

Нет, он не был простаком. Он понимал, что для такой женщины, как Анжелика, худшее — в этих унижительных церемониях, а не в потере какого-нибудь из поместий. Они ждали обещаний и обязательств и уже готовились дать первые наставления.

Но она высокомерно оборвала:

— Вы закончили, господа?

Наместник прикусил губу:

— Нет, мы не закончили, сударыня. Я еще должен вручить вам личное послание Его Величества. Вот оно.

Анжелика узнала королевский почерк, как только сломала печать:

«Сокровище мое, несносное дитя, незабываемая...» Слова заплясали у нее перед глазами, она уронила руки, не желая читать дальше.

Посланцы Его Величества поднялись, чтобы ретироваться.

Де Марильяк бросил последний взгляд на распростертое тело и пожал плечами. Он намекнет королю, что у несчастной помутилось в голове. Бывшая королева Версаля, лежащая на полу! Достоинно жалости. Напрасно он послушался Солиньяка и ввязался в это дело. Ничего полезного здесь не извлечь ни для короля, ни для него самого, ни для Конгрегации Святых Даров. Без сомнения, ее дни сочтены.

— Господа!

Окликнутые Анжеликой, она замерли у дверей. Когда она приподнялась, спутанные волосы вспыхнули, словно сияние вокруг головы, еще сильнее оттенив диковатый блеск зрачков:

— Господа, передайте Его Величеству, что у него нет права быть добрым ко мне.

— Что это значит, сударыня? — спросил удивленный Марильяк. — Вы почитаете себя недостойной королевской милости?

— Нет... Доброта не приличествует тому, что существует меж королем и мной. Его любовь для меня оскорбительна. Ведь мы враги, не так ли? Меж нами может быть только война!..

Лицо наместника стало землистым. У него даже голова закружилась, стоило только представить, как он будет передавать королю такие речи.

Остальные трое вышли с весьма озабоченным видом.

— Вы сошли с ума! — закричала Барба, бросившись к своей хозяйке. — Несчастная, что за безумие — все разрушать вокруг себя! Чего это вы им наговорили? Сам король послал их, чтобы все устроить, а вы? Хорошенькое средство заслужить прощение!

— Барба, ты что, подслушивала за дверью?

Но Барба, охваченная праведным негодованием, уже не могла остановиться:

— Мало вам жить, словно после кораблекрушения, как жалкая изгнанница... Чудом вы спаслись от смерти, а теперь снова играете жизнью, будто безделушкой какой-то!

— Барба, у тебя в мое отсутствие появились господские замашки. Мне это совсем не нравится.

— Надо же мне было защищаться! Вы оставили нас здесь, сударыня, нос к носу со стражниками. Они тут без конца шныряют, всех допрашивают, роются в бумагах, взламывают шкафы... А как вы думаете, легко ли молиться за ваше спасение столько месяцев, а потом увидеть вас

тощей, ободранной и дикой, как самая последняя бродячая кошка? А в парке толкуются солдаты, толстый офицер делает здесь все, что вздумается, пожирает ваши запасы, пристаёт к прислуге! И вы еще хотите, чтобы я не научилась кричать и ругаться?!

Горячность верной служанки смутила Анжелику.

— Что же я, по-твоему, должна делать? — пробормотала она слабым голосом.

— Пойдите к королю, — затараторила обнадеженная Барба, — и все станет как прежде! Вы опять будете самой могущественной персоной королевства, все снова начнут почитать ваш дом и сыновей. Пойдите к королю, сударыня, вернитесь в Версаль!

Склонившись, она заглянула в лицо Анжелики, стараясь угадать, какое впечатление производят ее доводы. Но под усталыми веками ее госпожи вновь загорелся неукротимый пламень:

— Ты, Барба, не понимаешь, о чем говоришь. Идти к королю! Ах, какая ты у меня простодушная. Ты воображаешь, будто нет ничего лучше придворной жизни. Но я, я-то знаю... Разве я не жила там? Жить при дворе?! Смешно! Погибнуть там — это да. От скуки, от отвращения или, в конце концов, от яда соперницы. Жить при дворе — это, право, не легче, чем танцевать на зыбучем песке. Я никогда не смогу привыкнуть ко всему этому.

— Король вас любит! У вас над ним полная власть.

— Да не любит он меня. Он вожделеет. Но я никогда не буду ему принадлежать! Послушай, Барба. Есть нечто, чего ты не принимаешь в расчет. Король всемогущ, но и я кое-чего стою. Вспомни, ведь смогла же я убежать из султанского гарема. Ты представить себе не можешь, что это значит. Ни одной женщине, кроме меня, это не удавалось. Это невозможно было представить!.. И ты думаешь, я не смогу противодействовать королю Франции?

— Так вы этого хотите?

— Да... мне кажется... По-моему, ничего другого не остается.

— Ах! Совсем обезумела, совсем, совсем! Храни всех нас Господь! — запричитала Барба и, закрыв лицо руками, бросилась вон из комнаты.

Глава 3

Капитан Монтадур обедал в замковой трапезной. Остановившись в дверях, Анжелика разглядывала его. Он не ел, он пожирал пищу. Его багровая физиономия пламенела рыжими усами. Глаза неподвижно вперились в жаркое из дичи. Уничтожить жаркое целиком, чтобы тут же обратиться к прочим блюдам, громоздившимся на столе, — вот, казалось, главная забота его жизни. Ухватив мощной дланью маленькую овсянку, он долго полоскал ее в соуснице, затем целиком засовывал в пасть, перемалывал кости зубами, чмокая, обсасывал их и с важностью вытирал руки о распяленную на брюхе салфетку, уголок которой он пропустил через расстегнутую петлю мундира.

— Его называют Гаргантюа, — прошептала миниатюрная служаночка, из-за спины Анжелики наблюдавшая этот спектакль.

Вояка командовал лакеями, словно слугами собственного дома. Одного, не слишком поторопившегося услужить, обозвал негодяем и выбил из рук блюдо так, что всего обдал соусом.

Анжелика бесшумно удалилась. То, что король навязал ей такого борова, было уму непостижимо. Разумеется, государь не знал, какой выбор сделал по зрелом размышлении де Марильяк. Но это не освобождало его от вины за наносимые ей оскорбления... Ведь именно этим людям, своим фаворитам, он доверил принудить маркизу дю Плесси к любовному соглашению.

Приближаясь к выздоровлению, Анжелика уразумела, что попала в двойную ловушку. Теперь она отдана на милость и королю, и тем, кто втайне пытался править королевством. Пока она укрывалась в своей комнате, истинное положение вещей представлялось ей не столь ясно. Там она ковыляла к окну, чтобы набраться новых сил, созерцая роскошь лиственного убора в близком лесу, любуясь игрой света и тени, вдыхая прохладный воздух и преисполняясь блаженством.

Она напоминала себе, что еще жива, кости ее не белеют на одной из марокканских тропок, и невероятное чудо позволило ей снова увидеть родные места. Так часто она мечтала о тенистых полянах ниельского леса — там, в пустыне, что теперь, коль скоро она обрела их вновь, все остальное казалось ей простым и нетрудным.

Понемногу она уступила увещаниям Барбы и стала спать на кровати. Днем она одевалась для прогулки. Новые платья стали ей

слишком велики, и Барба, порывшись в сундуках, отыскала прежние. И вот, бродя по замку, Анжелика вполне оценила свое положение. У всех дверей стояли часовые. Они расположились и в замковых службах, и у ограды. По залам разносился зычный рык Монтадура. Осторожно передвигая непослушные ноги, выздоравливающая спешила прочь, опасаясь наткнуться на капитана или какое-нибудь столь же неприятное видение. Знакомые фигуры слуг казались ей посланцами прежнего, уничтоженного мира, напоминанием о милой, но уже плохо представимой реальности.

Слуги между тем потянулись чередой в маленькую гостиную, чтобы показать, как они рады ее выздоровлению. Пришли повар Лен Пуару с женой и сияющая чета Туранжо (за пятнадцать лет службы в замке они все еще не смогли примириться с тем, что обитают среди дикарей из Пуату). Вслед за ними явились бывший лакей Филиппа Лавьолет (надо же, а ей казалось, что его давно выгнали); и старший псарь Жозеф, и старший конюший Жанику, и кучер Адриен. Навестил ее и Мальбран Верный Клинок, седовласый конюх, казалось, вполне освоившийся с сельской жизнью. Он покуривал трубочку, похлопывал по крупам лошадей, и, чтобы как-то оправдать свое присутствие здесь, обучал начаткам верховой езды юного Шарля-Анри. «Этот малыш не такой способный, как его старший брат, — говаривал он. — Эх! Зачем Флоримону жить затворником в коллеже, когда здесь впустую ржавеют такие хорошие шпаги!» Мальбран, головорез и бывший мушкетер, был единственным из ее людей, кто выглядел довольным. В поведении остальных она угадывала какое-то беспокойство и неясный укор. Во время ее отсутствия они чувствовали себя заброшенными. Они жаловались на солдат, которые их задевали, потешались над ними и вообще вели себя, как в покоренной стране. Весь замковый люд был оскорблен тем, что господский дом унижен постоем войска, словно жилище какого-нибудь буржуа. Анжелика выслушала эти жалобы, не проронив ни слова, ее зеленые глаза оглядывали их, и улыбка трогала еще бледные губы.

— Почему же вы терпите? Или вы не родились в Пуату? У вас что, нет ножей, топоров, кнута или просто доброй дубинки, а у тебя, Лен Пуару, пропали вертела?

Слуги ошарашенно уставились на нее. Мальбран Верный Клинок жизнерадостно оскалится, конюший Жанику неуклюже забормотал:

— Разумеется, сударыня маркиза, только мы не осмеливаемся... Все-таки солдаты короля...

— Ночью все кошки серы, говорит пословица. И солдата короля

можно вздуть так же, как последнего бродягу.

Они дружно закивали, плутовато щуря глаза. Эти слуги, еще не забывшие своих крестьянских корней, вполне понимали такие речи.

— Ну да, сударыня маркиза, — пробурчал Жанику, — уж коли вы так думаете, то мы и подавно.

Они понимающе перемигивались. Госпожа не подвела, недаром они ей доверились. Ее так легко не сломишь. Уж они позаботятся, чтобы пузатый вояка унес отсюда ноги. И чтобы за пределами замка солдатам короля тоже пришлось несладко...

Подобно детям и простым натурам, привыкшим разделять превратности судьбы своего вожака, они с возвращением маркизы дю Плесси поверили, что кончилось тревожное время, когда их участь была поставлена на кон. А для Анжелики далеко не все обстояло так просто. Внешне храня безмятежность, она лихорадочно размышляла. Ведь прежде чем начать действовать, необходимо разобраться в своем положении. Но чем больше она думала, тем туманнее представляла, что делать дальше.

Затворившись в одной из гостиных нижнего этажа, которую предпочитала другим, она пыталась перекинуть шаткий мост из прошлого в настоящее. Именно здесь она дала отпор разбушевавшемуся принцу Конде, когда тот явился в Пуату, чтобы набрать войско для войны с Мазарини и королевой-матерью и составить заговор с целью отравить юного короля и его брата.

Она вспомнила, как он разглядывал на свет зеленую склянку, данную ему монахом, и оценивал свои шансы в случае исчезновения молодого Людовика XIV. Ах, эти игры принцев! Ныне под лепными потолками Версаля подагрик Конде, побряхтывая, плетется каждый вечер играть в пикет с королевой. Маленький король одержал верх. Но терпкий запах заговоров и бунта, должно быть, все еще чувствуется в белом дворце, отраженном в зеркале пруда, на опушке леса, там, в отдалении от Пуату.

Анжелика смотрела в окно и видела уголок запущенного парка. Пламенели величественные каштаны; но они не заслоняли вытоптаных лужаек, на которых люди Монтадура пасли лошадей. Справа блестел пруд, и два лебедя быстро плыли к берегу, вероятно, заметив Шарля-Анри, принесшего им хлеб. Анжелика подумала, что здесь, где все похоже на дурной сон, красота маленького Шарля-Анри кажется не совсем настоящей.

Барба привела его к ней. Ему уже было без малого пять лет. Преданная служанка одевала его в бархат и шелк, как если бы через час ему предстояло отправиться ко двору. Этот мальчик был аккуратен, никогда не

пачкал своих одежд. Он молча стоял перед Анжеликой. Напрасно она расточала ему нежности, тщетно ждала хоть слова в ответ.

— ...однако он бывает куда как боек, когда того хочет, — бормотала Барба, опечаленная молчанием своего воспитанника. — Послушать бы вам, когда я его укладываю по вечерам и вешаю на шею медальон с вашим портретом. Он говорит с ним! И так долго... Может, он вас не признал? Вы стали совсем не похожи на портрет.

— По-твоему, я так изменилась? — спросила Анжелика, невольно обеспокоившись.

— Вы еще краше, чем прежде, — с упреком в голосе промолвила Барбара. — Если подумать, это даже неестественно, ведь так не бывает. Волосы у вас не в порядке, кожа — жалость берет! И все же иногда вам можно дать двадцать лет — не поймешь, почему. Вот ведь и глаза у вас чудные. Как будто вы явились с того света.

— Ты почти права...

— Не то чтобы вы похорошели... — бормотала служанка, качая головой. — Это я не совсем так сказала. Нет, я думаю... чувствую, что для мужчин вы теперь опаснее, чем прежде.

— Да оставь ты мужчин в покое, — усмехнулась Анжелика, пожав плечами, и посмотрела на свои руки. — У меня все еще ломаются ногти. Не знаю, как за ними ухаживать, чтобы вернуть им твердость.

Она вздохнула, погладила кудри ребенка. Его ярко-голубые глаза, густые ресницы, бело-розовая кожа, круглые, крепкие щеки, верно, привели бы в восхищение какого-нибудь художника-фламандца. От его красоты сжималось сердце. Глядя на него, она не могла не вспоминать своего второго мужа. Как она тогда металась, словно одержимая бесом, чтобы женить на себе каменносердого Филиппа! И собственными руками вырыла ров, отделивший ее от ее первой любви... «Ах, почему ты всегда подгоняешь судьбу?» — говорил Осман Ферраджи.

Она вздохнула, отвела глаза и погрузилась в глубокую задумчивость. Ребенок тихонько удалился. За него, по крайней мере, ей нечего опасаться. Шарль-Анри дю Плесси, крестник короля, никогда не потеряет наследства за грехи своей матери. Но вот ее старший — Флоримон, законный наследник роскошных владений графов Тулузских, превосходящий родовитостью и богатством всех Плесси, вместе взятых, может остаться ни с чем. Увы, его будущее так же неопределенно, как судьба какого-нибудь бастарда ^[1].

Со времени приезда в замок она мечтала встретиться с ним. Еще

совсем больная, голосом, прерывающимся от изнеможения, она продиктовала мэтру Молину письмо к своему брату, преподобному отцу де Сансе. Она не знала, что это послание возбудило подозрительность Монтадура. Поскольку особой грамотностью капитан не отличался, он заставил интенданта прочитать его вслух, а затем, убоявшись ответственности, отослал к де Марильяку. Тем не менее письмо дошло до адресата, поскольку Анжелика получила наконец ответ от иезуита.

Она узнала из него, что де Сансе получил приказ короля оставить молодого Флоримона де Морана в коллеже до тех пор, пока Его Величество не соблаговолит вернуть его матери. Преподобный отец де Сансе одобряет намерения августейшего монарха, заботящегося о наималейшем из своих подданных. Действительно, Флоримон ничего не выиграл бы от близости к женщине, чье поведение изобличает столь вздорный нрав. Ей надлежит доказать свое раскаяние и вернуть расположение государя. Она сможет увидеть сына лишь тогда, когда перестанет служить удручающим примером возмутительного и легкомысленного образа жизни. К тому же коллеж — лучшее место для ребенка, вошедшего в отроческие лета. Его дядя признавал за ним большие способности к учению, но находил, что мальчик ленив, скрытен вопреки видимой искренности манер и, говоря откровенно, вызывает разочарование. Однако, если действовать с должной настойчивостью, из него можно воспитать хорошего офицера.

Реймон де Сансе заканчивал письмо туманно-пророческими словами, отдававшими изрядной горечью. Он устал, говорилось там, нести на своих плечах груз ошибок его братьев и сестер и спасти тем самым честь рода Сансе де Монтелу, уберегая семью от монаршей немилости. Близок час, когда терпение двора истощится, и беды посыплются на его собственную голову. И это — несмотря на всю его безграничную верность престолу! Но как не навлечь на себя недовольство Его Величества, если многие годы приходится вступаться за недостойных, чье упорство в заблуждении поистине ошеломляет. Неужели суровых уроков, полученных Анжеликой, все еще недостаточно, чтобы умерить ее спесь? А ведь он многократно предостерегал ее, равно как и Гонтрана, Дени, Альбера!.. Увы, неблагодарные пренебрегли его предупреждениями и укорами... Голос их дикарской, неукротимой крови заглушал его тихие речи. Но придет день, когда он перестанет словом и делом оберегать их от гибели...

Этот ответ возмутил Анжелику более всего остального. Итак, у нее отбирали Флоримона. Какая низость! Флоримон, сирота, принадлежал ей, и никому другому. Ей он был спутником и другом, единственным живым

свидетельством погибшей любви. Флоримон и Кантор, два ее первых сына, стали ей особенно близки за время ее скитаний по Средиземноморью.

Ей казалось, что она вновь завоевала любовь Кантора в своих безумных поисках, разделив тайные мечты маленького пажа. Он, мертвый, и она, попавшая в ту же ловушку, — они стали немного сообщниками. Теперь она не столь мучительно ощущала его отсутствие, его «исчезновение». Но сейчас она нуждалась во Флоримоне, старшем, в облике которого для нее оживали начавшие стираться в памяти черты того, исчезнувшего лица.

В бессильной ярости она перечитала письмо. И тут ее внимание привлекли жалобы брата. Любопытно: почему он негодует на все семейство вместо того, чтобы, как обычно, обвинить в общих бедах ее, Анжелику? С детства во всех катастрофах была виновата она, а теперь он употреблял множественное число. Она задумалась. В памяти всплыла королевская фраза, услышанная из уст де Марильяка: «Строптивость семейства, многие члены которого меня глубоко оскорбили...» Или что-то в этом роде. Она не смогла припомнить фразу в точности, право же, в ту минуту ей было не до подробностей. Только теперь, сопоставляя те слова с пассажем из письма Реймона, она спросила себя, нет ли в нем намека на некое неизвестное ей обстоятельство. Ее размышления прервал лакей, объявив, что барон де Сансе де Монтелу желает ее видеть.

Глава 4

Отец Анжелики барон де Сансе умер в прошлом году, зимой, перед ее отъездом в Марсель. Поэтому, услышав слова лакея, она встрепенулась, не поверив своим ушам.

У человека в коричневом платье и заляпанных грязью башмаках, поднимавшегося по ступеням крыльца, были поступь и повадка ее отца. Глядя, как он идет по галерее, она признала в чертах его замкнутого и хмурого лица сходство с кем-то из детей де Сансе. Один из ее братьев? Гонтран?.. Нет, Дени.

— Это ты, Дени?

— Здравствуй, — кивнул он.

Когда она уезжала, он был военным и служил на окраине Парижа. Теперь же она видела перед собой захудалого мелкопоместного дворянчика с уже отяжелевшим лицом и озабоченной миной, как у барона Армана. Чем-то смущенный, он мял в руках сложенное письмо.

— Вот. Я получил приказ от наместника, господина де Марильяка. Он просил навестить тебя. Ну, я и пришел.

— Похоже, в нашем семействе все действуют только по приказу. Как это мило!

— Черт подери, положение-то довольно затруднительное.

— А что происходит?

— И ты еще спрашиваешь. Это ведь за тобой по пятам гоняется вся полиция королевства. Это тебя возят под конвоем, как преступницу! Да все здесь только о тебе и говорят!

— Это понятно. Но что еще произошло?

Дени с удрученным видом уселся.

— Ну да, ты же еще ничего не знаешь. Я сейчас все тебе расскажу, как раз для того господин де Марильяк и послал меня сюда, чтобы навести тебя «на здравые размышления». Он так и сказал.

— Ты о чем?

— Не торопись. Сейчас все узнаешь. Прескверная история. Вся семья не может оправиться от позора... Ах, Анжелика, зачем ты уехала?

— Неужели кто-то осмелился нападать на наше семейство только потому, что мне взбрело в голову уехать без высочайшего соизволения?

— Да нет, это, собственно, не из-за тебя... Но если бы ты была там!.. Все произошло через несколько месяцев после твоего отъезда. Никто не

знал, почему ты уехала, но король пребывал в ужасном настроении. Я-то сперва не слишком беспокоился. Я говорил себе: «Анжелика и не из таких передраг выпутывалась. Если она и сделала какую-то глупость, она достаточно красива, чтобы все исправить». Признаться, меня тогда больше всего тревожило, что я не знал, где тебя найти, чтобы подзанять денег. Мне как раз втемяшилось купить свободное место в полку версальской стражи. Я на тебя понадеялся, думал, ты pomoжешь мне, употребишь свое влияние... и кошелек тоже. Когда дело сильно продвинулось, я отыскал Альбера, поскольку знал, что он уже пристроился при дворе брата короля. Мне повезло: он тогда купался в деньгах. Сказал мне, что брат короля от него без ума и осыпает своими милостями: дарственными, должностями. Альберу даже удалось добиться, чтобы ему пожаловали бенефиции с нашего аббатства в Ниеле. Эта мысль у него давно сидела в голове. Со всем этим он уже считал, что обеспечил себя до конца дней. Ему ничего не стоило ссудить несколько сотен ливров мне, бедному вояке, у которого нет ни смазливой рожи, ни этой обходительности... Он не заставил себя упрашивать, и я заплатил за патент. Потом перебрался в Версаль. Ты ведь понимаешь, там гораздо лучше, чем в Мелене, но, само собой, и строже. Надо быть всегда в лучшем виде, чтобы нравиться королю. Имелись, правда, и другие обязанности, не такие приятные: усмирять разных там каменщиков, ремесленников, когда те особенно заартачатся. По моему разумению, нас слишком часто напускали на них. Ведь тогда в Версале много строили, помнишь?

— Помню.

Бесцветный голос брата оживил в памяти Анжелики забытые картины: гигантские пилы, с визгом крошащие светлый песчаник, каменную крошку, хрустящую под ногами, оба крыла дворца, одетые в леса (их задумали расширить), глухой, никогда не смолкавший рокот стройки. Он доносился в глубь парка, где прогуливались галантные кавалеры и дамы. Крики, стук молотков, скрип тачек и скрежет заступов... Там сновала целая армия рабочих.

— Набрали уйму народу, как для войны. Их разместили поблизости, оторвав от семей. Опасались, что, если отпускать домой, они после первой же отлучки не вернуться. Ну вот, многие были недовольны. К лету все стало еще хуже. Зной стоял страшный, а король повелел вырыть водоем прямо перед главной лестницей, у Оранжереи. Мошкара, комары, лихорадка... Люди мерли, как мухи. Нас послали их хоронить. И вот однажды...

Дени описал внезапное возмущение, охватившее подневольный люд. Как сбрасывали с лесов артельных подмастерьев. Как толпы людей в

холщовых блузах с молотками и зубилами в руках хлынули на дворцовые лужайки. Как зверски забили насмерть нескольких швейцарцев.

По счастью, на плацу маршировал один из полков. Быстро выстроили в боевом порядке солдат и повели ко двору. Бунт был подавлен за два часа. Два часа на адской жаре трещали мушкеты, кричали от ярости или стонали в агонии люди. Отступив, эти несчастные попытались забаррикадироваться у строительных лесов. Они расшатывали каменные блоки и сбрасывали на солдат с высоты пяти этажей. Солдаты умирали, как раздавленные клопы. Но оставшиеся целились метко, и вскоре множество тел усеяло белый песок. А на балконах, выходящих на юг, мадам де Монтеспан и придворные дамы с побелевшими лицами глядели на это зрелище.

Наконец строители сдались. На рассвете следующего дня зачинщиков отвели на опушку леса — прямо перед дворцом, около будущего пруда, — чтобы там повесить. И вот в ту минуту, когда одному из бунтарей накидывали петлю, Дени признал его: это был Гонтран. Гонтран, брат! С окровавленным лбом, налитыми бешенством глазами, в разорванной, заляпанной краской одежде, с мозолями на обожженных кислотой ладонях там стоял Гонтран де Сансе де Монтелу, их брат-ремесленник!

Молодой офицер взревел: «Только не его!» — и бросился туда, прикрыв телом старшего брата. Нет, нельзя было допустить такого святотатства: повесить одного из Сансе де Монтелу!

Поначалу его сочли сумасшедшим. На губах Гонтрана блуждала странная улыбка, издевательская и одновременно беспомощная. Явился полковник. Задыхаясь и запинаясь, Дени объяснил ему, что бунтовщик со связанными назад руками по имени и по крови его брат, а также единокровный брат маркизы дю Плесси-Белльер. Звук славного имени, явное сходство молодых людей, а также, возможно, дерзкая и высокомерная повадка приговоренного — все это наконец убедило полковника приостановить казнь. Но он не мог послушаться приказа, гласившего, что еще до заката все преступники должны смертью искупить свою безумную выходку. Дени оставалось одно: до наступления вечера получить королевское помилование.

Но как ему, никому не известному офицеру, дойти до самого короля?

— Вот если бы там была ты... Подумать только, всего за два месяца до того ты ведь была при дворе! Король на все смотрел твоими глазами. Тебе достаточно было бы сказать лишь слово. Почему, ну почему ты исчезла, когда тебя занесло так высоко, к такой славе! Ах, Анжелика, если бы ты была там!

В отчаянии Дени кинулся к Альберу, чье положение в те дни было

весьма основательным. Он мог обратиться и к иезуиту Реймону, но это бы потребовало еще больше времени, к тому же иезуиты, достигнув высокого положения, не любят подвергаться риску. А полковник сказал: до захода солнца. Во весь дух Дени помчался в Сен-Клу. Брат короля охотился, и его фаворит, естественно, был рядом... Дени поскакал догонять охотников. Альбера он нашел в полдень. Надо было убедить брата короля позволить своему приближенному отлучиться, что заняло еще какое-то время.

— Он, Альбер, знает, как братья за такие вещи. Умеет польстить, подластиться не хуже женщины. Я смотрел, как он строит глазки и потряхивает кружевными манжетами, и думал о Гонтроне, сидящем в лесу у дерева. Ты знаешь, от него, от Альбера этого, меня немножко тошнит. Но он не трус, это так. Все, что можно сделать, он сделал. В Версале, куда мы примчались под вечер, он стучал во все двери. Обращался ко всем. Не боялся надоедать, умолял, хитрил, терпел грубые отповеди. Но приходилось пресмыкаться в приемных, ждать здесь, ждать там. А солнце уже опускалось... Наконец господин де Бриенн соблаговолил нас выслушать. Он на минутку вышел, потом вернулся, сказав, что, может быть, у нас есть шанс обратиться к королю, когда он будет выходить из кабинета, где принимает советников парижского парламента. Мы стали ждать вместе с другими придворными в Оружейной гостиной, куда выходит Большая галерея... Знаешь?

— Знаю.

Когда открылась дверь, и появился серьезный, величественный монарх, при виде его ропот смолк, головы склонились, платья присевших в реверансе дам зашуршали. И тут молодой Альбер бросился на колени и, смертельно побледнев, трагическим голосом воскликнул:

— Милосердия, сир, сжальтесь над братом моим Гонтраном де Сансе!

Взгляд короля тяжел. Он уже знает, кто эти юноши, и почему они оказались здесь на коленях. И все же звучит вопрос:

— Что он сделал?

Они опустили головы.

— Сир, он оказался среди тех, кто вчера взбунтовался и посеял тревогу в вашем дворце.

На лице короля появилась ироническая усмешка:

— Как, Сансе де Монтелу, один из отпрысков древнего дворянского рода, среди моих каменщиков? Что это, сказка или правда?

— Увы, сир, это правда. У нашего брата в голове бродили безумные мысли. Он хотел писать картины и, презрев гнев нашего отца, лишившего его наследства, сделался ремесленником.

— Странная причуда, нечего сказать.

— Наше семейство потеряло его из виду. Лишь в тот миг, когда его собрались повесить, мой брат Дени узнал его.

— И вы оказали противодействие королевскому приказу? — спросил король, повернувшись к офицеру.

— Сир... это был мой брат!

На лице короля — ледяная суровость. Каждому понятно, что за призрак блуждает меж актеров этой драмы, чье имя никто не осмеливается произнести. У всех перед глазами невидимый, легкий силуэт гордой женщины, украшения Версаля, триумфаторши, бегство которой ввергло короля в столбняк и ранило его сердце. Он не может простить ни ей, ни им. Голос его звучит глухо:

— Господа, вы принадлежите к строптивому и высокомерному роду, и нам не доставляет удовольствия видеть ваше семейство в числе наших подданных. В жилах у вас течет кровь самовластных и преисполненных тщеславия сеньоров, многократно колебавших устои королевства. Вы из тех, кто слишком часто задается вопросом: стоит ли служить своему королю, и нередко решает, что не стоит. И нам известен тот, о чьем помиловании вы просите. Это опасное, нечестивое и жестокое существо. Он опустился до положения изгоя, чтобы успешнее побуждать простые души ко злу и беспорядкам. Мы осведомлялись о нем, но, узнав о его имени и происхождении, были поражены. Вы утверждаете, что это один из Сансе де Монтелу? Но чем он это доказал? Он служил в нашей армии? Заплатил ли он королевству налог кровью, что каждый дворянин считает своей почетной обязанностью? Нет, он предпочел шпаге кисть художника и долото ремесленника. Он попрали имя свое, замарал кровь своего рода, сойдясь с простолюдинами и предпочтя их людям своего круга. Ведь он объявил, что предпочитает дружбу каменщика расположению принца крови. Если бы мы убедились, что человек такой необъяснимой судьбы — больной, слабоумный, страдающий каким-то недугом, толкнувшим его к бродяжничеству и бесчинствам... Такое случается и в лучших семьях. Но нет... Мы слышали его речи... Мы пожелали его выслушать... Он показался нам умным, решительным, воодушевленным странной ненавистью... Нам памятен подобный тон, исполненный высокомерия, раздражения, непочтения к нашей персоне...

Людовик XIV осекся. В его голосе, несмотря на все самообладание, почудилось нечто неопределенное, но внушающее страх. Может быть, потаенная боль... Серые глаза Альбера де Сансе, широко раскрытые и отливавшие зеленью, напомнили ему взгляд иных Глаз. Он глухо

продолжил:

— ..Он действовал, как безумный, и должен за это заплатить. Пусть его настигнет позорная кара. Его повесят, как последнего негодяя. Не мечтал ли он поднять на нас Парламент и городской люд, как некогда Этьен Марсель натравил цехи парижских ремесленников на предка нашего Карла V?..

Эти слова предназначались парламентским чинам, прощению которых монарх не собирался дать ход. Возложив руку на золотой набалдашник эбеновой трости, он уже собрался проследовать далее, но тут в голову юного Альбера де Сансе пришла спасительная мысль:

— Сир! — вскричал он. — Соблаговолите поднять глаза, и вы увидите на потолках Версальского дворца шедевры кисти моего брата-ремесленника. Он работал для вашей славы...

Луч солнца проник в окно и осветил вверху бога Марса в колеснице, влекомой волками. Остановившись, король задумался. Прекрасное творение грубого бунтовщика на мгновение приоткрыло ему мир, в котором человеческое благородство принимает иные обличья. К тому же его практический ум вдруг возмутился, представив смерть работника, способного совершать такие чудеса. Истинные художники, умеющие творить не по заученным образцам, были редки. Почему Перро, отвечавший за работы во дворце, не предупредил его о талантах того, кого сейчас приговорили без суда? В ужасе перед бунтом и яростью монарха никто не осмелился вступить за него. Король отрывисто произнес:

— Надо отсрочить казнь. Мы желаем рассмотреть дело этого человека.

Он обернулся к де Бриенну и продиктовал приказ о помиловании. Братья, все еще стоявшие на коленях, уловили его реплику:

— ..Он будет работать в мастерских господина Лебрена.

Альбер и Дени бросились через темный парк к зловонному болоту, которому предстояло стать дворцовым прудом. Но они опоздали: Гонтран де Сансе де Монтелу раскачивался на ветвях дуба напротив белеющего в сумерках замка.

Под кваканье лягушек братья обрезали веревку. Альбер отправился за каретой, лакеем и кучером. Наутро экипаж выехал в Пуату. Без остановок, под раскаленным летним солнцем и в светлых ночных сумерках, они мчались, снедаемые желанием поскорей предать земле предков это большое тело с неподвижными и уже бесполезными руками, как если бы одна лишь эта земля была способна залечить все раны и стереть выражение едкой скорби, запечатленное в чертах распухшего лица.

Гонтран-ремесленник! Художник Гонтран! Тот, кому чудилась мелкая веселая нечисть в тусклой полировке медных котлов на кухне родного Монтелу, кто перетирал красную кошениль и желтую глину, чтобы рисовать на стенах, и пьянел от сочной лесной зелени, как от терпкого ликера. Юноша с дикой и потаенно щедрой душой!

Рыдая как дети, Дени и Альбер погребли тело у сельской церкви Монтелу, около могил их семьи.

— Потом, — продолжал свой рассказ Дени, — я вернулся в замок. Там все было мертво, ни детских голосов, ни людского говора. Только на кухне я нашел кормилицу Фантину с глазами, как уголья, и тетушку Марту. Она ничуть не изменилась, такая же горбатая, тучная, со своим всегдашним вышиванием на коленях. Эти две старые вещуньи лутили горох и что-то бормотали.

Там я и остался. Ты же знаешь, наш отец написал в завещании: «Наследство перейдет тому сыну, который останется на земле»... Почему бы не мне? Я вернулся к своим мулам, стал встречаться с тамошними фермерами, женился... на Терезе де Ламайер. Она без приданого, но с хорошей репутацией и очень милая. На Преображение у нас будет ребенок.

— Стало быть, — завершил свое повествование новоиспеченный барон де Монтелу, — вот что господин де Марильяк велел тебе сообщить. То есть, понятно, не о моей женитьбе, а о деле Гонтрана. Чтобы ты рассудила хорошенько, чем ты обязана королю после стольких оскорблений с твоей стороны и со стороны нашего семейства. Но я думаю...

Дени взгляделся в лицо сестры, на которую он, младший брат, всегда взирал не без некоторого страха — страха перед ее красотой, дерзостью и таинственностью ее частых побегов. Вот и сейчас она вернулась какой-то непохожей, чужой... Щеки чуть ввалились, явственнее проступила тонкая лепка скул. Она стояла бледная, застывшая, в самое сердце пораженная услышанным. С тайной радостью и испугом Дени почувствовал: она не уступит, будет, как всегда, верна себе. Но ей предстоят отнюдь не мирные дни. И он прошептал:

— Господин де Марильяк очень плохо тебя знает. Спроси он меня, как тебя окоротить, я бы никогда не посоветовал ему сообщать тебе, что один из Сансе де Монтелу повешен именем короля.

Глава 5

С тех пор как Анжелика возвратилась домой, к ней ежедневно являлся с докладом управитель поместья Молин. Со счетными книгами под мышкой старик медленно поднимался по широкой аллее, ведущей от его каменного дома с черепичной крышей к замку.

Человек независимый, зажиточный буржуа, ловко ведущий свои дела, мэтр Молин истово служил интересам семьи Плесси-Белльер. Под защитой своей должности он весьма ловко распорядился и собственным достоянием. Ни Анжелика, ни покойный Филипп не имели представления, чем, собственно, занимается мэтр Молин. Они знали одно: он неизменно появлялся, когда в нем возникала нужда, будь то в Париже, когда обитателей замка призывали ко двору, или в Плесси, когда их постигала опала.

Вот и среди тех, кто встречал беглянку в родном замке, выделялась суровая физиономия Молина, которая в старости стала напоминать внушительные лица древнеримских патрициев. Он одним из первых склонился над полубесчувственным телом Анжелики, которое два мушкетера извлекали из кареты, в то время как де Бретей игривым тоном скликал прислугу:

— Я привез вам госпожу дю Плесси! Она при смерти. Ей осталось жить всего несколько дней...

Лицо интенданта осталось бесстрастным. Он приветствовал Анжелику совершенно так, как если бы она явилась на день-два из Версаля для того, чтобы обсудить продажу какой-нибудь фермы в уплату карточных долгов. Но вслушавшись в его монотонную речь о бедствиях и неурожае, постигнувших Плесси, она почувствовала облегчение. К ней, бог весть почему, вернулось ощущение безопасности.

Он ни в чем не упрекнул ее. Ни о чем не спросил, хотя роль Молина в делах семейства и прочные связи с его судьбой давали ему такое право. Он молчал. Ни словом не обмолвился о том, в какое смятение привел его неожиданный отъезд Анжелики, какие быстрые и смелые маневры он предпринял, спасая доходы семьи от всепожирающей напасти. Ведь известно, что немилость властей предвещает скорое разорение. Уже собирались те крысы, вороны и кишасящие черви, что обычно набрасываются на пошатнувшиеся состояния. Молин везде навел порядок, поручился по векселям, успокоил кредиторов. «Госпожа дю Плесси

путешествует, — говорил он, — она должна вернуться. Никаких распродаж не предвидится». — «А как же король? — спрашивали у него. — Все же знают, что госпожа дю Плесси навлекла на себя гнев короля, она арестована, посажена под замок!»

Молин равнодушно пожимал плечами. Кому, как не ему, знать истинное положение вещей? А поскольку слыл он человеком хитрым, изворотливым и понимающим свою выгоду, волнения улеглись. Все соглашались подождать. Весь этот год, когда неопределенность жребия, выпавшего Анжелике, смущала умы, интендант не выпускал из железных рук бразды правления замком и достоянием беглой маркизы, а также ее малолетнего наследника Шарля-Анри. Благодаря ему вся прислуга осталась на месте — как в замке, так и в парижских особняках на улице Ботрейн и в предместье Сент-Антуан.

Теперь Молин слал во все концы письма, где возвещал о приезде маркизы. Конечно, он не упоминал о королевской страже в Плесси, но говорил о дружеском расположении государя и о том, что владелица поместья вот-вот займется своими делами и проявит здравомыслие и настойчивость, столь ценимые в ней господином Кольбером. Все это предназначалось глазам и ушам парижских торговцев и судовладельцев из Гавра, с которыми Анжелика вела дела.

В ее владениях интендант с прежней аккуратностью объезжал арендаторов, следил за счетами, посевами и ходом работ. Протестанты пользовались таким же его вниманием, как и католики. Они показывали ему на солдат, отправленных к ним на постой, пожиривших их припасы и травивших лошадей посевами овса. Это были так называемые «миссионеры господина де Марильяка», призванные обратить протестантов в истинную веру. Мэтр Молин воздерживался от комментариев и напоминал фермерам об их долгах, помеченных в его счетных книгах. «Что нам делать, мэтр Молин? Вы что, тоже из тех, кто борется с Кальвином? — спрашивали крестьяне-гугеноты, стоя перед ним с огромными своими черными шляпами у колен и сверля его сумрачными глазами фанатиков. — Должны ли мы отречься, чтобы сохранить наше добро, или примириться с разорением?» — «Потерпите», — отвечал он.

Драгуны нагрянули и к нему, разграбили его зажиточный дом у парка, спалили сто фунтов свечей и два дня и две ночи не давали ему спать. Они колотили в сковородки и орали: «Отрекись от ереси, старый лис, отречься!»

Это произошло до возвращения Анжелики. Монтадур таким образом примеривался к обязанностям стража одной из красивейших женщин

королевства. Но поскольку госпожа дю Плесси не принадлежала к реформатской церкви, Марильяк велел оставить ее челядь в покое.

Переведя дух, Молин принялся ежедневно посещать замок, а Монтадур, почитавший его самым зловредным из тамошних гугенотов из-за его влияния на крестьян, неизменно кричал ему вслед: «Когда же ты покаешься, старый еретик?»

Когда Молин впервые увидел Анжелику с порозовевшими щеками, отдыхающей в гостиной принца Конде, он глубоко вздохнул и прикрыл веки — она готова была поспорить, что в этот миг интендант вознес Господу благодарственную молитву. Это так не сочеталось с его обычными манерами, что она слегка забеспокоилась. Именно тогда он впервые упомянул о разорении и голоде, угрожающих всем с тех пор, как де Марильяк решил обратиться к Папе в католичество.

— Наша провинция, сударыня, должна послужить этим миссионерам местом первых опытов. Если здесь им удастся быстро известить протестантов, они применят такую методику по всей Франции. Несмотря на Нантский эдикт, протестантизм в нашем королевстве будет уничтожен.

— А мне что за нужда? — обронила Анжелика, глядя в окно.

— Нужда у вас большая... — сухо поправил ее Молин и, раскрыв счетные книги, быстро объяснил, что владениям ее, находившимся в умелых и верных руках протестантов, уже нанесен значительный урон. Крестьянам не позволяли выходить в поле, портили посевы и скот. Приведенные им цифры убытков встревожили Анжелику.

— Нужно жаловаться. Не пробовали ваши консистории напомнить властям о положениях эдикта?

— К кому обратиться? Сам наместник Пуату — зачинщик этих беспорядков. Что до короля, он слушается советников, а те умеют убедить. Я дожидался вашего возвращения, сударыня, так как вы одна сможете прекратить эти бесчинства. Вы отправитесь к королю, сударыня, вот единственный путь к вашему спасению, спасению провинции и, быть может, всей страны.

Вот чего он добивался! Анжелика посмотрела на него с таким страданием во взоре, из ее груди рвались столь жаркие слова, что у нее перехватило горло. Он поторопился объясниться, не дав ей заговорить. Недаром все то время, что он провел у ее постели, пока она болела, он вел с ней этот мучительный молчаливый диалог.

Он хорошо ее изучил. Еще со времен ее несговорчивой юности, когда легкая, грациозная девушка, бродившая по разбитым дорогам Пуату, с вызовом поглядывала на него при встрече, он начал задумчиво

присматриваться к ней. Но никогда она не казалась ему такой чужой и странной. Он не был уверен, что она пожелает вникнуть в его резоны. И потому заговорил властно и резко, как в тот день, когда она впервые появилась в его жилище, чтобы спросить, стоит ли ей выходить замуж за графа де Пейрака.

Теперь он внушал ей: «Идите к королю!» Но на все его доводы она лишь отрицательно качала головой.

— Поверьте, мне понятна ваша гордость. Но я уповаю на ваше здравомыслие. Забудьте обиды! Разве не обратились вы за помощью к монарху, когда вас пленили варвары, и разве он не откликнулся? Вы еще можете все исправить, если будете действовать с былой ловкостью. Вы снова возьмете в свои руки власть над человеком, которому бросили вызов, ваше влияние при дворе станет могущественнее, чем когда-либо!

— Нет, — твердила Анжелика. — Нет, нет!

Она вспомнила елеиную усмешку алжирского адмирала, облаченного в расшитую золотом мантию. Перед ее глазами закачалось тело брата, повешенного в сумраке версальского парка. И она увидела вновь, как, полный скорбного величия, обернулся к ней ее второй супруг, Филипп дю Плесси-Белльер, как он посмотрел на нее последним долгим взглядом, перед тем как добровольно броситься под вражеские пушки.

Король отнял у нее все!

Она потрянула головой, и рассыпавшиеся волосы придали ее царственному точеному лицу сходство с тем упрямым ребенком, что некогда поражал интенданта Молина своей буйной независимостью. Но вот она заговорила. Стала рассказывать о своем последнем путешествии. Она умолчала о подробностях, не назвала имени, но упоминания о «нем», мелькающие в ее речи, объяснили собеседнику многое.

— Поймите, я его не нашла. А может быть, теперь он действительно мертв... от чумы или чего-нибудь подобного... Там так легко умереть...

Она задумалась, поникнув головой, потом прибавила, таинственно приглушая голос:

— ...Там еще бывают перевороты и бунты! Впрочем, это уже не важно. Я проиграла. Теперь я — только пленница.

Ее прозрачная рука без колец, которые были теперь слишком широки для исхудавших пальцев, скользнула по глазам, словно отгоняя навязчивое видение.

— Не могу забыть Восток. То, что я там пережила, все еще витает надо мной. Знаете, это похоже на огромный многоцветный ковер, по которому так хорошо ходить босиком. Могу ли я согласиться на то, чего

желает король? Возвратиться в Версаль? Никогда! Меня тошнит от одной мысли об этом. Вновь окунуться в этот омут сплетен, интриг, заговоров? Вы, Молин, даже не представляете, чего требуете от меня. Нет ничего общего между мной теперешней, моими чувствами и тем существованием, на какое вы хотите меня обречь.

— Но вам следует выбрать: покорность либо бунт.

— Только не покорность.

— Тогда бунт? — иронически усмехнулся он. — А где ваши войска? Где оружие?

Его сарказм не смутил Анжелику.

— Вы забываете о том, чего король опасается, несмотря на все свое могущество. О ненависти к нему владетельных сеньоров. О сопротивлении провинций.

— Подобные вещи способны смутить королей только после того, как уже прольются реки крови. Не знаю, каковы ваши замыслы, но неужто пребывание у варваров приучило вас презирать жизнь человеческую?

— Напротив, мне кажется, что я поняла ее действительное значение. — Она вдруг рассмеялась, будто вспомнила нечто забавное. — ..Султан охотно рубил одну-две головы поутру, для возбуждения аппетита. Там жизнь и смерть переплетались так тесно, что каждый день приходилось решать вопрос, что же действительно важно: жить или умереть. Вот так и учишься познавать себя.

Старик медленно качал головой. Да, теперь она себя знала — это-то и лишало его надежды. Пока женщина сомневается в себе, ей еще можно внушить что-либо путное. Когда она достигла зрелости и вполне владеет собой, следует готовиться к худшему. Ведь она теперь повинуется лишь собственным законам.

Он всегда предчувствовал, что многогранная натура Анжелики сулит немало сюрпризов. Новые свойства ее характера будут достигать ее, как морские валы, после каждого серьезного столкновения с жизнью. Ему бы хотелось замедлить поступь этой судьбы, неостановимый порыв, уносящий ее вперед. Но Анжелика самозабвенно отдавалась бегу событий, на каждом новом повороте с чисто женской гибкостью подстраиваясь к новым обстоятельствам и обнаруживая у себя самые неожиданные свойства.

«Может быть, — думал он, — ей было так хорошо в Версале потому, что она все одолела? Тогда, чувствуя себя победительницей, вкушая от плодов власти, богатства и наслаждения, она поддавалась доводам разума, была решительной и непоколебимой. Теперь же волна таинственных злоключений вынесла ее из тенет великосветской жизни. Она рассталась с

иллюзиями и поняла, что ее сила — в свободном проявлении чувств, а слабость — в неспособности подчиниться строгим порядкам двора...»

— Вы же меня знаете, Молин, — произнесла она, словно угадав его мысли.

«Одному Богу известно, как далеко зашла ее проницательность», — подумал он, невольно содрогнувшись.

— ..Да, конечно, мне не следовало уезжать. Все было бы проще, останься я при дворе, как и раньше, с повязкой на глазах. Жить при дворе?.. Там можно делать что угодно, только не жить. Может, я старею, но меня уже не радуют блестящие погремушки и золотые нити, на которых подвешены тамошние марионетки. Ах, иметь право на табурет в покоях Его Величества — верх мечтаний! Быть допущенной к карточному столу королевы и тасовать ее колоду — верх наслаждения! Эти бесплодные страсти в конце концов захватывают все существо и душат, словно удавы. Игра, вино, украшения, почести... Есть еще, правда, танцы и красота садов, но удовольствие от них оплачено слишком дорого: трусливой услужливостью и погоней за бессмысленными пустяками, в конце концов порабощающими и плоть, и дух. Вечно расточать лицемерные любезности, получать в ответ улыбки, более отвратительные, чем язвы прокаженных Востока! По-вашему, сударь, я каким-то чудом осталась в живых только для того, чтобы утонуть во всей этой низости? Нет, уверяю вас! Уроки марокканской пустыни не прошли даром...

Он слушал эти пылкие речи, невольно любуясь ее красотой, чей блеск, приглушенный пережитыми страданиями, стал, кажется, еще более притягательным. При всем своем разочаровании суровый Молин не мог не признать основательность доводов Анжелики. Он уважал ее... Но какая жалость, что она так ополчилась на мерзости этого века! Молин не сдержал вздоха. Ведь ему-то хотелось не переубедить ее, а спасти.

Бедствия, что грозили им обоим, вот-вот развеют в прах все, что составляло цель и радость его жизни. Добро бы еще они угрожали только его состоянию! Дела его так сложны и запутаны, что никому не под силу разорить его вконец. Но при мысли, что они способны затмить блеск и величие рода Плесси-Белльер, подорвать благосостояние Пуату, у него сжималось сердце. Если так пойдет дальше, борьба с Реформацией погубит самых трудолюбивых и толковых работников, начнется развал... Влияние Анжелики при дворе представлялось Молину хрупкой порукой равновесия сил, поддерживаемого им с таким трудом. Ее опала склоняла чашу на весах провидения и приближала гибель края.

— А ваши сыновья? — спросил он.

Молодая женщина съежилась. Ее взгляд обратился к окну, словно она надеялась в который раз почерпнуть силы и найти избавление от страхов в зрелище лесного великолепия. Он видел, как дрожат ее веки. И все же она не уступала:

— Знаю... Сыновья. Ради них я должна покориться. Ради их юных жизней... — Она резко обернулась к нему, глаза насмешливо сверкнули. — ..Но, Молин, каков парадокс? Добродетель использует моих сыновей, дабы склонить меня к греху и уложить в королевскую постель. В хорошее время мы живем!

Гугенот-интендант не смог возразить. Ей нельзя было отказать в несколько цинической пронизательности.

— Один бог знает, как я сражалась за них, когда они были малы и беспомощны. Но теперь все не так. Восток отнял у меня Кантора, король и иезуиты отняли Флоримона. К тому же ему сравнялось двенадцать, это возраст, когда мальчик из благородной семьи волен сам решать свою судьбу. Наследство рода Плесси-Белльер останется достоянием Шарля-Анри, так решил король, и не ему теперь перерешать. Так разве я не вправе распорядиться собственной персоной?

Краска гнева проступила на пергаментном лице интенданта. В порыве досады он даже стукнул кулаками по худым коленям. Если она и дальше будет рассуждать столь же логично, он никогда не добьется своего!

— Вы отрицаете свою ответственность за будущее сыновей, чтобы тем свободнее погубить себя.

— Нет, чтобы не подчинить свою жизнь отвратительным химерам.

Он изменил тактику:

— Но подумайте, сударыня: чего, собственно, хочет король? Чтобы вы уступили ему принародно, иначе прощение будет выглядеть королевской слабостью. И если согласиться на эту формальную уступку, то в остальном такая женщина, как вы, сударыня, всегда исхитрится сделать так, чтобы добродетель...

— Перехитрить короля? — невольно затрепетав, воскликнула Анжелика. — Но это невозможно! После всего, что произошло, он не остановится на этом, да и я сама...

Она нервно сплетала и расплетала дрожащие пальцы, и он подумал, что она стала крайне впечатлительной. Но с другой стороны — и более спокойной. Ранимость в ней сочеталась с несокрушимостью воли.

Анжелика тем временем пыталась вообразить, как она под презрительными взглядами придворных идет по длинной галерее, в конце которой ее ожидает король. Как она преклоняет перед ним колена, словно

бы сраженная всепокоряющим величием. Затем — слова вассальной клятвы, целование руки... А когда она останется с ним наедине и он приблизится к ней, как к врагу в поединке, выиграть который он готов любыми средствами, что же тогда выручит ее из беды? Ничто — ведь у нее не будет того юношеского глупого тщеславия, того спасительного, как стальной доспех, неведения, которые могут подчас оградить от власти чувств.

Слишком бурные годы остались за плечами, чтобы не знать обо всех тонкостях таинственного искусства страсти. Она неминуемо покорится той незримой силе, что всегда влечет женщину к ее победителю, рабыню — к ярму. Столько ласк и желаний познало прекрасное тело, столько любовных поединков! Она стала женщиной до мозга костей, знакомой даже с соблазнами сладострастного унижения.

Людовик XIV, тонкий знаток человеческой природы, не может этого не предвидеть. Он привяжет к себе блистательную бунтарку, наложив раскаленную печать... Так на плече преступника выжигают королевскую лилию.

Но все же Анжелика была достаточно целомудренна, чтобы утаить свои видения от Молина.

— Король не так глуп, — трезво вымолвила она. — Я не в состоянии все вам объяснить, но если я окажусь в его власти, произойдет... то, чего не должно случиться. Ах, Молин, вы же знаете, почему! На свете есть человек, избравший меня дамой своего сердца, тот, кого я любила, с кем была готова провести свой век. Будь он рядом, моя жизнь не превратилась бы в череду дней, отравленных горем, бесплодным ожиданием, пустыми опасными надеждами. Но существуют вещи, которых не исправить. Жив он или мертв, он шел по другой, не моей дороге. Он любил других женщин, как я — других мужчин. Мы предали себя. То, что было как бы наброском нашей будущей совместной жизни, загублено навсегда. И сделал это король своими собственными руками. Я не могу ни забыть, ни простить... Я не должна, это было бы изменой, уничтожающей все мои шансы.

— Шансы на что? — спросил он отрывисто.

Она растерянно провела рукой по лбу.

— Не знаю... Есть какая-то надежда, она не умирает, несмотря ни на что. И к тому же... — Анжелика повысила голос. — ..К тому же вы заговорили о моих интересах. А что вы скажете о возможности опять обнаружить в своем бокале яд, подсыпанный госпожой де Монтеспан? Вам ведь известно, что она уже пыталась убить меня и Флоримона.

— Скажу, сударыня, что вы достаточно сильны и ловки, чтобы противостоять ей. Да и поговаривают, что ее влияние сейчас поколеблено. Король устал от ее злобы. Он ведет долгие беседы с другой опасной интриганкой, госпожой Скаррон, а она, к сожалению, бывшая гугенотка. Со всем рвением новообращенной она подталкивает его к глупой и жестокой войне со своими бывшими единоверцами.

— Госпожа Скаррон? — удивилась Анжелика. — Гувернантка детей короля?

— Она самая. Король увлечен и ее беседой, и ее чарами.

Анжелика пожала плечами. Она вспомнила, что Франсуаза принадлежала к большому семейству Обинье и все сеньоры, тщетно пытавшиеся воспользоваться ее бедностью, дабы завоевать ее расположение, величали строптивицу «прекрасная индианка». В этом прозвище звучали и восхищение, и досада... Подумала Анжелика и о том, что интенданта никто еще не уличал в пустопорожней болтовне. Молин меж тем настаивал:

— Поймите, госпожа де Монтеспан не так опасна, как вам кажется. Вы обошли ее даже тогда, когда она была в зените могущества, а теперь вывести ее из игры ничего не стоит...

— Позволить себя купить, — подхватила Анжелика, — подкупать самой, вести свирепую, невидимую глазу войну... Бррр! Я предпочитаю бороться иначе, — ее глаза азартно блеснули. — И если предстоит сражение, то пусть оно будет при свете дня на моей собственной земле... Только она одна, сдается мне, только она во всем этом безумии не потеряла цену... Я останусь здесь. Это для меня и плохо, и хорошо. Хорошо, поскольку мне страшно хотелось вновь повидать Пуату. Да, я не могла не вернуться. Так было суждено свыше. Я это поняла, еще когда в первый раз покинула Монтелу (помните, как меня, семнадцатилетнюю, увозила на юг повозка графа де Пейрака?). Так вот, после всех странствий я должна была вернуться на землю моего детства, чтобы сделать здесь свою последнюю ставку.

...То, что она сгоряча высказала, поразило самое Анжелику. В волнении она покинула Молина и медленно поднялась на вершину башенки. Оттуда открывался вид на ее владения. Тучный Монтадур, чей силуэт так часто мелькал на парковых дорожках, неужто он вообразил, что затворница все лето и осень будет безропотно дожидаться, когда явятся люди короля, чтобы заточить ее в другую тюрьму?

Если сегодня она так робка, что не отваживается даже спуститься в сад, то лишь затем, чтобы в избранный день ловко ускользнуть под защиту

родного леса. А рыжеусый страж ничего и не заметит, он еще долго будет охранять пустую клетку, не догадываясь, что ее обитательница уже далеко.

Ведь этот дуралей ничего не смыслит в жизни природы! Откуда ему знать, что любой зверь роет себе нору с двумя выходами? Он думает, ей некуда деться! Да если будет нужно, она найдет убежище в лесистом Бокаже.

Но прежде чем решиться избрать участь изгнанницы, ищущей спасения от погони под зеленым пологом древесных крон, нужно все взвесить.

— Моя последняя ставка...

Еще раз отвоевать свободу будет потруднее, нежели вырваться из гарема султана. Там ей помогла ее женственная гибкость. Таиться в темноте, довериться ночи, молчанию пустыни, подобно слабому зверьку, сливающемуся с землей, призвать саму природу в союзники — подобные уловки в теперешних обстоятельствах не приведут к цели. Чтобы вырваться из упругих и крепких тенет короля Франции, надобны сила и блеск, шум и вызов, мужская жестокая сила.

Возвратившись к людям своего круга, госпожа дю Плесси-Белльер не надеялась найти среди них союзника. Никого, кто бы решился помочь из дружбы, страсти или, на худой конец, ради выгоды. С какой ловкостью молодой король сумел привлечь на свою сторону всех и вся! Нет такого вельможного гордеца, кто бы не склонялся перед его властью. Она перебрала их имена: Бриенн, Кавуа, Лувуа, Сент-Эньян... Но все это — призраки... А Лозен — в тюрьме, он просидит там годы и годы, выйдет в старости. От прежней его жизнерадостности не останется и следа...

Стоя на тесной площадке, окруженной белым парапетом, она вглядывалась вдаль.

— Пуату, ты меня защитишь?

Черепица острых башенок отливала свинцовым блеском. Их флюгера поскрипывали от поднявшегося с болот влажного ветра. Широко раскрыв крылья, в чистом небе над замком плыл сокол.

Лес начинался за Плесси. Перед ним курчавилась зелень парка, желтела полоска поля, а вдалеке, левее, меж небом и землей то ли облаком, то ли тенью лежали знаменитые болота Пуату.

Со своей башенки Анжелика не могла приметить там никаких признаков жизни. Раскидистые деревья Бокажа скрывали от глаз ровную зелень полей. Дома арендаторов таились под сенью огромных каштанов. Деревни были так затеряны в глуши, что звук их колоколов тонул в лесном шуме.

Земля религиозных войн. Совсем недалеко было то проклятое поле, где в 1562 году войска католиков вырезали сотню мужчин, женщин и детей, собравшихся на проповедь. А почти рядом, около Партене, еще помнят рейтара-протестанта, что готовил себе фрикассе из ушей монахов. Земля бунтовщиков и бандитов, Брюскамбиля и «босоногих», которые при Ришелье охотились за сборщиками налогов. Край болотных людей, за которыми при Мазарини вотще гонялись солдаты, а те утекали у них из рук, «словно угри в водосточных канавах».

Ребенком Анжелика была уверена, что все чужаки — иностранцы, если не враги. Она смотрела на них косо, полная подозрительности и недоверия, безотчетно боясь того, что они несли с собой и что могло внести смуту в таинственный порядок земли ее детства, понятный только ей и ее близким. Теперь она опять ощущала то же. Милая, надежная линия здешнего горизонта не должна пропустить посланцев французского короля, когда они явятся, чтобы арестовать ее.

Солдаты, стоявшие на часах и набивавшие трубки, рассеянно теребя кисеты, были немногочисленны. В Пуату их перебьют по первому сигналу. То же случится и с отрядами, преследующими протестантов. Уже нескольких непутевых вояк обнаружили с перерезанной глоткой в канавах, а женщины из Морве и Меля, которых пытались силком притащить к мессе, швыряли в лицо солдатам пепел и пыль, и те, ослепленные, убегали в Плесси ни с чем.

Герцог де Ламориньер и два его сына, принадлежащие к могущественному гугенотскому роду, укрылись в гроте у брода в Санти, предварительно прикончив драгунского лейтенанта, пожелавшего занять их поместье.

Теперь почти все рассказы кормилицы Фантины заканчивались так: «Военные люди все разрушили, и жители ушли в леса», или же: «Бедный рыцарь хотел избежать королевской мести и укрылся на болотах, где прожил два года, питаясь только угрями и дикими утками...»

Стемнело. В лесу протрубил рог. То не был охотничий зов: наверное, какой-то скрывавшийся гугенот подавал тайный знак единоверцам. Один из них, барон Исаак де Рамбур, жил недалеко на холме, в старом полуразрушенном замке, башни которого чернели в закатном небе. На трубный зов издали тонко отозвался охотничий рожок, потом снизу послышалась ругань встревоженного Монтадура. С тех пор как проклятый предводитель еретиков Ламориньер захватил лес, гугеноты редко переходили в истинную веру. Хотя храмы неверных были закрыты и опечатаны, толстый вояка мог бы поклясться, что эти ночные бабочки не в

добрый час ускользали в чащу, чтобы распевать псалмы в каком-нибудь тайном месте. Он хотел было их там накрыть, но солдаты боялись темных лесных закоулков, а попытка за большие деньги подкупить браконьеров-католиков, чтобы те служили проводниками, не удалась.

Анжелику преследовало видение. Ей чудилось: к воротам замка примчится всадник, и это будет король. Он заключит ее в объятия, шепча: «Незабываемая моя!» — слова, которые никакая другая женщина не слышала из его уст.

Но, слава создателю, прошли времена, когда король мог вскочить на коня и помчаться в погоню за любимой, как некогда в пору его страсти к Марии Манчини. Он тоже стал пленником, невольником собственного величия. Ему оставалось одно: ждать обнадеживающей весточки от де Бретея:

— Сударь, она явится?

А придворная лиса склоняется перед ним, пряча лукавую усмешку:

— Сир, госпожа дю Плесси еще не оправилась от чудовищных тягот своего путешествия.

— А почему она не отправила с вами послания? Питает ли она все еще слепое озлобление к нашей персоне?..

— Увы, сир, боюсь, что это так.

Король сдерживает вздох, и взгляд его теряется в зеркальной глубине Большой галереи. Увидит ли он, как она, сломленная и терзаемая раскаяньем, приблизится к нему? Он сомневался в этом, и предчувствие рисовало ему образ заколдованной красавицы на башне, которую сторожат очарованный лес и темные воды.

Глава 6

Анжелика бежала под деревьями. Она сняла сапожки и чулки, и мох ласкал ее босые ноги. По временам она останавливалась и, задышавшись, прислушивалась. В счастливом озарении она узнавала тропу и вновь бросалась вперед. Свобода пьянила! Она тихо смеялась: как легко оказалось спуститься в подвал, отыскать среди бочонков вина маленькую дверцу в подземелье, коим располагает каждое почтенное дворянское обиталище.

Подземный ход в Плесси не напоминал удивительные сводчатые катакомбы с отводными коридорами в городские клоаки, начинавшиеся в колодце парижского особняка Ботрейн и тянувшиеся под всем городом вплоть до Венсенского леса. Нет, в Плесси был лишь зловонный сырой лаз, по которому ей пришлось ползти на четвереньках. Вынырнув в каких-то кустах, она разглядела замок и солдат, делавших обход. Она была надежно укрыта от их взглядов, так что часовые не могли и помыслить, что в эту минуту их поднадзорная удаляется, скользнув под переплетенные ветви кустарника.

За опушкой, заросшей маленькими деревцами, шиповником и малиной, лес становился просторным, как собор с колоннами дубов и каштанов.

Сердце Анжелики перестало колотиться, и она припустила прочь от замка, радуясь своей удаче. Силы не покинули ее. Горные дороги Марокко были хорошей школой, и теперь ей казалось ребяческой забавой карабкаться на поросшие мхом скалы или спускаться по отвесным тропкам к заваленным черной листвой ручьям. Лес то нырял в ущелье, чтобы затем выйти в просторную долину, то поднимался к заросшим вереском покатым холмам. Среди пестрых пятен света и тени, болотистого мха и сухой земли Анжелика продвигалась уверенно, пока не дошла до Камня Фей — большого дольмена, высившегося в окружении священных дубов капища друидов. То была большая плоская плита, уложенная на четыре опоры, за века глубоко ушедшие в землю.

Анжелика обошла его, чтобы выбрать верное направление. Она была уверена, что не заблудится. Эта часть леса с Волчьим Ущельем, Камнем Фей, Чертовым Ключом и Развилкой Трех Филинов с Фонарем мертвецов — все это в детстве служило площадкой для ее подвигов. Напрягая слух, она различала, как ветер доносит глухие удары топоров. Это дровосеки из

деревушки Жербье на лето поселились прямо среди деревьев. На востоке можно было бы разыскать прокопченные хижины угольщиков. К ним она иногда забредала отведать сыру и поискать удлиненные куски древесного угля («Гонтран! Он любил ими рисовать...»).

Но туда она добиралась по тропкам, идущим из Монтелу. Лесные закоулки Плесси были ей не так уж знакомы, хотя она прокрадывалась сюда, чтобы полюбоваться на сказочное чудо: белый замок и рукотворный пруд, которые ныне принадлежали ей.

Она отряхнула свою юбку из бумазеи тем же жестом, каким в детстве на этом же самом месте однажды смахнула с нее былинки. Потом пригладила растрепанные ветром волосы и распустила их по плечам, с улыбкой поймав себя на том, что продолжает следовать ритуалу, который в юности ее ничто не заставило бы нарушить; и чуть помедлив, осторожно ступила на вырубленную в скале лестницу, теперь заплывшую глиной и перегноем. Место, которое она должна была посетить, требовало известной торжественности. Анжелика никогда не могла вступить сюда без робости, обычно ей столь несвойственной. Тетушка не поверила бы глазам, увидев ее такой, какой она становилась здесь. Лишь перед таинственными лесными духами появлялась она в прекрасном облиции благоразумного ребенка.

Тропа была отвесной, внизу клубилась темнота. По склону, окаймленные высокими побегими наперстянки с багровыми листьями, струились мелкие ручейки. Затем и они иссякли. Толстый слой палой листвы, смешанной с грязью, не пропускал к свету ничего, кроме ядовитых грибов, чьи осклизлые купола, то оранжевые, то густо-фиолетовые, освещали темный подлесок, словно тревожно мигающие ночники. Глухие и неприступные места эти внушали страх, священный трепет, смешанный с отвращением, любопытством и уверенностью, что вступаешь в иной мир, в заповедное царство колдовства, дающего силу и власть. Теперь Анжелика была вынуждена цепляться за стволы, чтобы не сорваться вниз. Волосы падали ей на глаза, она их нетерпеливо отбрасывала со лба. Но вот из ее груди вырвался вздох облегчения: вдали посветлело, за известняковым утесом сквозь листву пробивалось солнце. Ее рука скользнула по мху, не найдя твердой опоры, и она, слегка оцарапав кожу, сползла на узкий выступ, нависавший над рекой, что чуть слышно ворочалась внизу.

Вцепившись в камень, она откинула полог из плюща, прикрывающего вход в пещеру. Она уже не могла вспомнить заветное слово, которое некогда произносила, прежде чем войти. Тем временем в глубине скалы раздался шорох, зашаркали шаги, из-за полога высунулась иссохшая рука,

и в сумеречном свете замаячило лицо глубокой старухи. Она походила на заскорузлый ствол мушмулы с потрескавшейся бурой корой, но вокруг головы клубилась пышная белоснежная копна волос с торчащими во все стороны пучками мертвых прядей.

Часто моргающие глаза уставились на Анжелику, и та спросила на местном наречии:

— Ты колдунья Мелюзина?

— Я. Что тебе, птаха, нужно?

— Вот, я тебе принесла кое-что. — Пришелица протянула старухе узелок с нюхательным табаком, куском колбасы, мешочками с солью и сахаром, куском топленого сала и тугим кошельком с, золотыми монетами.

Старуха внимательно изучила все содержимое и, показав горбатую, как у чахлой кошки, спину, удалилась в глубь пещеры. Анжелика последовала за ней. Пещера расширялась, и они вступили в круглый зал с полом, посыпанным песком. Сверху из отверстия, снаружи скрытого от глаз колючими кустами, струился слабый свет. Туда же уходила струйка дыма от очага, над которым висел чугунный котел.

Анжелика присела на плоский камень и стала ждать. Так она поступала и раньше, когда ей нужен был совет колдуньи Мелюзины. Тогда этим именем называла себя другая женщина. Она была еще древнее этой и выглядела еще более обугленной. Ее повесили на дубовом суку крестьяне, обвинив в том, что в колдовских целях она убивала детей. Когда в опустелом жилище поселилась другая ворожея, ее по привычке тоже стали величать Мелюзиной.

Откуда появлялись лесные колдуньи? Какой горестный или проклятый путь приводил их в одни и те же места, почему они заключали союз с луной, летучими мышами и тайными зельями? Поговаривали, что теперешняя была самой сведущей и опасной из когда-либо живших в этих местах. По слухам, она лечила лихорадку гадючьим отваром, подагру золой мокриц, глухоту муравьиным маслом, и ей ничего не стоило изгнать самого упрямого беса и заточить его в ореховой скорлупке. А если дать заговоренное ею яблоко врагу, то увидишь, на свою радость, как его трясет и подбрасывает до потолка, исцелить же от этой напасти может только паломничество к церкви Милосердной Божьей Матери на Болотах, где в ковчеге хранятся волос и кусочек ногтя Пресвятой Девы.

К Мелюзине шли согрешившие девицы, наведывались к ней и те, кто устал ждать смерти старого дядюшки с большим наследством. Анжелика, которой были известны все эти сплетни, с интересом рассматривала загадочную старуху.

— Чего же ты хочешь, дочь моя? — наконец произнесла та строгим надтреснутым голосом. — Узнать свою судьбу? Приворожить любимого? Или отвара, чтобы укрепить силы после трудной дороги?

— Что ты знаешь о моей дороге? — прошептала Анжелика.

— Я вижу пустоту вокруг тебя и раскаленное солнце. Дай руку, погадаю на будущее.

— Не нужно. Я пришла спросить о более простых вещах. Ты знаешь всех, кто живет в лесу. Можешь сказать мне, где прячутся люди, которые молятся и поют псалмы с крестьянами, пришедшими из деревень? Над ними нависла опасность, я хочу их предупредить, но не знаю, как их найти.

Колдунья забеспокоилась, привстала и, сильно размахивая руками, запричитала:

— Почему ты, дочь света, хочешь отвратить беду от этих людей ночи? Пусть вороны парят над хорьками.

— Ты знаешь, где они находятся?

— Как мне не знать! Это они ломают ветки моих кустов, рвут силки и топчут целебные травы. Еще немного, и мне не из чего будет готовить снадобья. Их становится все больше и больше, они крадутся, как волки, а как соберутся в стаю, начинают выть. Звери разбегаются, птицы замолкают, горы крошатся, а мне приходится убегать. Мне плохо от их песен, понимаешь, дочь моя? Почему они пришли в лес?

— Их преследуют. За ними охотятся люди короля.

— У них три предводителя. Три охотника. Самый старый темен и тверд, как бронза. Он над всеми голова. Он мало говорит, но, когда открывает рот, то кажется, будто он вонзает нож в горло моих ланей. Он всегда толкует о крови Предвечного. Послушай...

Она приблизилась так, что ее дыхание коснулось щеки Анжелики:

— Послушай, малышка. Однажды я подглядывала из-за деревьев, что они делают сообща. Предводитель говорил, стоя на дубовом суку. Он поглядел в мою сторону. Не знаю, видел ли он меня. Но я узнала, что в глазах у него огонь, так как мои собственные ожгло. И я убежала, хотя могу смотреть в глаза кабану и волку... Вот что он может. Вот почему другие приходят на его голос и повинуются. У него большая борода. Он походит на медведя-страшилу, что приходил омыть в ручье шерсть после того, как пожирал девочек.

— Это герцог де Ламориньер, — усмехнувшись, заметила Анжелика, — влиятельный дворянин-протестант.

На Мелюзину это не произвело впечатления. Она принимала его за своего Страшилу. Но понемногу старуха успокоилась и даже улыбнулась

щербатым ртом, приоткрыв серые губы. Несколько уцелевших зубов были широкими, крепкими и совершенно белыми, словно она за ними тщательно ухаживала. Это придавало лицу необычный вид.

— А почему бы мне не привести тебя к нему? Тебя-то он не заставит опустить глаза. Ты такая красивая, а он...

Она долго хихикала, а затем глубокомысленно изрекла:

— Кобелем был, кобелем и остался.

Анжелика не собиралась увлекать сурового герцога де Ламориньера (про себя она величала его Патриархом) на погибельный путь. У нее были иные заботы, и она торопилась.

— Сейчас, сейчас пойдем, — бормотала развеселившаяся Мелюзина. — Я поведу тебя, пташка! Судьба у тебя такая ужасная, красивая и кровавая... Дай-ка ладонь!

Что она там углядела? Она, как зачарованная, оттолкнула руку Анжелики, и в ее глазах блеснуло лукавство:

— Да, ты пришла. Принесла мне соль и табак. Ты мне дочь, сестра! Ах! Какая у тебя власть!

Гадалка-предшественница Мелюзины то же самое говорила Анжелике, когда та была ребенком, и тоже казалась чуть-чуть напуганной. Анжелика, вспоминая об этом опасливом интересе колдуньи, тешила себя наивной гордостью. В детстве ей казалось, что здесь таится предвестье счастья, красоты, богатства... А теперь? Теперь она понимала, что можно обладать всем и не быть счастливой. Она посмотрела на свою руку с недоумением: что значат обещания власти и силы?

— Скажи еще, скажи, Мелюзина! Я одержу победу над королем? Я уйду от преследователей? Скажи, ко мне вернется любовь?

Но теперь уже колдунья не желала отвечать:

— Все, что я могу сказать, ты знаешь сама, хотя не слышишь еще своего сердца.

— Ты ничего мне не говоришь, чтобы не лишить меня отваги?

— Иди же, иди. Человек с черной бородой уже ждет, — хихикнула старуха и протянула Анжелике мешочек. — Здесь травки. Каждый вечер заваривай их кипятком. Да пусть после настоятся под лунным лучом. А поутру, на восходе, пей. И плоть твоя расцветет, в руках и ногах заиграет сила, груди станут крепкими, словно к ним прилило молоко. Но не молоко их наполнит, а юная кровь...

Колдунья не выбирала дороги. Она шла напрямик, по одной ей понятным приметам. Смеркалось. Анжелика вспомнила о Монтадуре. Обнаружил ли он ее отсутствие? Маловероятно. Он требовал права видеть

ее каждое утро. Это ему предписали. Не надоедать пленнице, но быть бдительным и не пропускать ежедневной церемонии. Толстый капитан явно не был бы против более частых визитов. Но высокомерие Анжелики смущало его. Ее ледяной взгляд сводил на нет всякую попытку завязать разговор или пошутить. Она молча выслушивала тяжеловесные комплименты, и он покидал ее, жуя рыжий ус и оповещая, что собирается на охоту за еретиками. Каждый день после полудня он седлал здоровенного битюга в яблоках и пускался в путь с отрядом всадников, чье присутствие служило главным залогом обращения неверных. Возвращаясь, он приволакивал с собой какого-нибудь особо несговорчивого гугенота, чтобы побеседовать с ним наедине, и тогда по замку разносились звуки ударов и крики: «Отрекись! Отрекись!»

Если таким образом капитан надеялся снискать расположение маркизы, он глубоко заблуждался. Она взирала на него с омерзением. А он-то все пытался заинтересовать ее своими прожектами. В то утро он завел речь о протестантском пасторе-женевце. Войнство Монтадура собиралось подстеречь его в замке Грандье, где он остановится на ночлег. Анжелика насторожилась.

— Пастор из Женевы? Зачем он здесь?

— Чтобы склонить безбожников к бунту. К счастью, меня предупредили. Сегодня под вечер он должен выйти из леса, где встречается с проклятым Ламориньером. Он, стало быть, выйдет, а мы тут как тут, у замка Грандье! Может, и герцогу вздумается проводить дорогого гостя? Тогда заодно и его сцапаем. Да, господин де Марильяк как в воду смотрел, когда выбрал меня для этого дела. Будьте покойны, сударыня, к будущему году в Пуату не останется ни одного протестанта.

Она послала за Лавьолетом, бывшим лакеем Филиппа:

— Ты ведь гугенот. Ты, верно, знаешь, где сейчас герцог де Ламориньер с братьями? Надо их предупредить: им готовят засаду.

Лакей ничего не знал. Он, правда, поколебавшись, признался, что герцогу случается давать ему поручения, посылая для этого сокола, наученного носить письма. А он в свою очередь иногда сообщает непокорным протестантам, что узнает от солдат. Но многого здесь не добьешься. Монтадур не так глуп, как кажется, и несмотря на свою болтливость, о важных вещах умеет помалкивать.

— Ей-ей, сударыня, даже солдаты еще не знают о пасторе, даю руку на отсечение. Он себе на уме, этот капитан. Им он сообщит не иначе как в самую последнюю минуту.

Анжелика послала Лавьолета к Грандье предупредить обитателей

замка. Однако те не имели понятия, где назначено свидание. Изгнанники часто меняли место встречи. Грандье отправился было на поиски, но был задержан солдатами, как бы случайно обходившими дозором его владения.

Тут-то Анжелика и вспомнила о Мелюзине:

— Я сама их найду!

Сколько дней она мечтала ускользнуть из-под носа у Монтадура! Пора удлинить веревку, на которой ее держат. Она верила в успех своего замысла.

Колдунья остановилась, подняв костлявый палец:

— Слушай!

Из-за темного утеса сквозь листву доносился шум, который издали можно было бы принять за гул ветра, но по мере приближения в нем угадывалась мелодия, тягучий призыв: там пели псалом.

Протестанты сгрудились у реки Вандеи в месте, что зовется Горловиной Великана. Там, как повествует легенда, Гаргантюа плечом столкнул с утеса огромные валуны, загроздившие дно реки.

Красные отблески огня прорезали сгустившуюся тьму. Глаз едва различал белые чепцы женщин и черные широкополые фетровые шляпы мужчин.

К костру подошел человек. По недавнему описанию колдуньи Анжелика признала в нем старого герцога. Он походил на бородатого охотника, и его мощная фигура поражала воображение. Самый вид его был противен Людовику XIV, и недаром. Ведь герцог появился в Версале для того, чтобы сыграть в придворных интригах роль, которую в предыдущем веке прочили маршалу Колиньи. Впав в немилость, он вернулся в свои земли.

Своими высокими, чуть не до паха, сапогами, черным полотняным камзолом, перехваченным крест-накрест широкой португеей с кинжалом и перевязью шпаги, вышедшей из моды плоской шляпой с пером, ценимой гугенотами-провинциалами за то, что она делала их похожими на Кальвина или Лютера (смотря по тому, худ человек или толст), — короче, всей своей наружностью герцог Самуил де Ламориньер внушал страх, приводя на память времена грубых нравов, насилия и презрения к утонченности. Его место было именно здесь, среди диких ночных скал, а когда он возвысил голос, эхо возвратило его еще более низким, грозным, как звук медной трубы. Он заставил Анжелику содрогнуться.

— Братья и дети мои! Истощилось терпенье Господне. Близится день гнева. Молчанию нашему приходит конец. Пора нам поднять голову и убедиться, что служение Господу требует от нас деяний. Да повергнутся в

прах идола неверных!

Его призыв гремел, и по спине Анжелики волною прошла дрожь. Она обернулась к колдунье, но та уже бесшумно исчезла. Меж верхушек деревьев виднелось мирное бледно-перламутровое небо, но во мраке ущелья клубилась ярость. Из толпы раздался голос:

— Что мы можем сделать против солдат короля?

— Все! — мгновенно парировал герцог. — Нас больше, чем королевских солдат, и Господь хранит нас.

— Король всемогущ!

— Король далеко. Что он сделает с целой провинцией, решившей защищаться?

— Католики нас предадут.

— Католики, как и мы, ненавидят драгун. Их задавили налогами. И повторяю вам: их меньше, чем нас. И самые богатые земли в наших руках...

Совсем рядом дважды прокричала сова. Анжелика встрепенулась. Ей показалось, что все умолкли. Подняв глаза, она увидела, что герцог-гугенот глядит в ее сторону. Языки пламени отражались в его глубоко посаженных глазах, горящих, как угли. «У него огненный взгляд! — так говорила колдунья. — Но ты сможешь его выдержать».

Крик совы, на сей раз трагический, приглушенный, раздался снова. Сигнал тревоги? Предупреждение, что рядом — опасность? Анжелика закусил губу. «Так надо! — сказала она себе. — Это твоя последняя ставка».

Цепляясь за колючие ветви, она спускалась к собравшимся гугенотам. Идя сюда, она понимала, что становится на дорогу, с которой трудно свернуть. Но Самуил де Ламориньер. Патриарх, был именно тем, кого она искала. Только он сможет разрушить веру в монарха, вытравить ее из сердец королевских подданных-протестантов!

Ламориньеру перевалило за пятьдесят. Отец трех дочерей — обстоятельство, наполнявшее его сердце ядовитой горечью, — вдовец, он делил кров с братьями Гуго и Ланселотом, женатыми и обремененными многочисленным потомством. Все это племя хило бурно, но под строгой ферулой Патриарха, деля свое время между молитвой и охотой. Они презирали роскошь, не желали знать галантных обычаев, не устраивали празднеств. В замке Ламориньера женщины говорили тихо и не смели улыбаться. К детям было приставлено множество наставников, призванных с младенчества натаскивать их в греческом и Писании. Мальчиков учили также владеть рогатиной и кинжалом.

Когда Анжелика предстала перед ним, возникнув из сумрака ночи, в пастушеском плаще, босая, и заговорила изысканным языком светской дамы, Ламориньер вопреки собственной воле почувствовал в этой золотоволосой отважной красавице ровню себе — такую же страстную натуру, способную поступать по наитию, умеющую постоять за себя в схватке с любым врагом.

Глава 7

Исаак де Рамбур, человек, что трубил в рог, на этот раз избежал расправы. Монтадур, вероятно, полагал, что, коль скоро дворянское гнездо Рамбуров недалеко от Плесси, он сможет, когда вздумается, наложить тяжелую лапу на бледного и дрожащего гугенота, всегда готового исполнить роль мученика.

В молодости Анжелика и ее сестры вдоволь насмеялись над нескладным длинношеим юношей соседом. Войдя в лета, барон Рамбур приобрел вислые грустные усы, вечно беременную жену и сонм маленьких золотушных гугенотиков, постоянно бегавших за ним по пятам. В отличие от большинства своих единоверцев, он был очень беден. Местные жители поговаривали, что бедность постигла Рамбуров в восьмом поколении в наказание за то, что некий рыцарь из этого семейства дерзнул поцеловать спящую фею в одном из замков на берегу Севра. Проклятье феи не потеряло силы и после того, как семья перешла в кальвинизм. Исаак, последний представитель злосчастного рода, влачил свои дни в стенах заросшей плющом башни, а его единственным талантом — да и обязанностью — была игра на рожке. Люди не уставали дивиться тому, какое мощное дыхание живет в столь хилом теле. Вся округа приглашала его на охоту, ибо никто не умел придавать нехитрым мелодиям столько богатых оттенков. Рог Рамбура приводил в неистовство и охотников, и собачьи своры, и саму дичь.

Но в последний год охота случалась нечасто. Все семьи, католические и протестантские, жались по своим углам, ожидая конца военного нашествия. Барон де Рамбур не мог не примкнуть к сторонникам герцога де Ламориньера. Ему ли было противиться Патриарху?

Мысль о невозможности подобного сопротивления мелькнула в мозгу Анжелики, когда она смотрела, как предводитель гугенотов в развевающемся по ветру плаще шествовал ей навстречу. На фоне яркой голубизны неба его фигура впечатляла сильнее, нежели в сумерках Горловины Великана. Младшие братья следовали за ним.

Место встречи на лесистом утесе было выбрано так, чтобы хорошо видеть всю округу. На этой полоске заросшей дроком земли некогда располагался римский военный лагерь. От него остался маленький полуразрушенный храм, построенный в честь Венеры. На его камнях цвели асфодели.

Наверное, на опушке между проклятым заливом и зловецим лесом римляне умоляли богиню охранить их мужественность, защитить от свирепых пиктов, что приносили своим богам ужасные жертвы. Ныне храм лежал в руинах, сохранились лишь портик и покрывающие его плиты с латинскими надписями. В его тени и уселась Анжелика.

Герцог присел на квадратную плиту лицом к ней. Его братья держались в стороне. Римский лагерь служил одним из мест сборов. Крестьяне-гугеноты прятали в храме провизию и оружие, предназначенные для их единоверцев, объявленных вне закона. Здесь можно было не бояться неожиданного нападения.

Герцог начал с благодарности за своевременное предупреждение о ловушке, грозившей протестантскому пастору. Этот поступок, заметил он, доказывает, что разность верований не должна помешать тем, кого оскорбляет несправедливость, объединиться против тиранической власти. Ему ведомо, что и она гонима королем. И разве ее не держат здесь в заточении? Однако он хотел бы знать, как госпожа дю Плесси, пребывающая под столь неусыпным надзором, смогла добраться до них. Она объяснила, что воспользовалась подземным ходом и что Монтадур ни о чем не догадывается.

Не ответить герцогу де Ламориньеру, когда он задавал вопрос, казалось невыносимым. Его требовательный тон побуждал к четким незамедлительным объяснениям. Глаза его, глубоко сидящие под кустистыми черными бровями, так и впивались в лицо собеседницы. В них горели золотые искорки, от их мерцания Анжелика скоро устала и стала глядеть в сторону. Она вспомнила страх колдуньи пред этим сумрачным служителем Господа.

Для их встречи она выбрала туалет, соответствующий ее рангу: платье из темного, но дорогого атласа. Совсем не легко было протискиваться сквозь узкий лаз в перехватившем талию корсаже и тяжелых складках трех нижних юбок. Лакей Лавьолет сопровождал ее и нес плащ. Теперь он почтительно застыл поодаль, не сводя глаз со своей госпожи. Анжелика желала, чтобы беседа была обставлена с некоторой торжественностью, дабы говорить с герцогом на равных.

Она восседала под римским портиком, поседевшим от старости. Ее сапожки из красной кожи оттенялись темно-лиловым платьем; тщательно уложенную прическу немного растрепали порывы ветра. Она слушала низкий голос, и сердце сжималось от тревоги и невольной симпатии к старому воину. Под ее ногами разверзалась бездна, нужно было напрячься и прыгнуть.

— Что вам нужно от меня, сударь?

— Заключим союз! Вы католичка, я протестант, но мы можем объединиться. Союз гонимых, но свободных душ. Монтадур под вашей крышей. Следите за ним и сообщайте нам. Что до ваших крестьян-католиков...

Он наклонился к ней и понизил голос, полный решимости подчинить ее своей воле:

— Втолкуйте им, что они — естественные союзники наших крестьян. И те, и другие — дети Пуату. Их общий враг — королевский солдат, уничтожающий их посевы... Напомните им о сборщиках налогов и о самих налогах. Не лучше ли подчиниться собственным сеньорам, чем платить дань далекому королю, который в награду только посылает к ним на постой армии чужаков?

Его руки в кожаных перчатках для соколиной охоты упирались в мощные ляжки. Говоря, он все ближе склонялся к ней, и уже нельзя было избежать его глаз, глядящих в упор. Неистовый, он по капле вливал в нее собственную веру в совершенно безнадежную авантюру — последний рывок плененного великана, пытающегося разорвать путы. Перед ее глазами предстал образ великого народа-крестьянина, давшего рождение и ей. Он вставал с колен, в сверхчеловеческом напряжении тщась порвать удушающие его цепи рабской зависимости от того, кто еще недавно был всего лишь сеньором Иль-де-Франса. Деньги, собираемые с пашен Бокажа, проматывались в Версале, тратились на нескончаемые войны где-то на границах Лотарингии или Пикардии. Носители великих имен Пуату сделали слугами трона, и, пока они подавали рубаху или подсвечник королю, их земли терзали алчные правители. Другие нищали, обложенные поборами, наблюдая в бессильной ярости, как интенданты короны по лоскутам растаскивают их родовые надель. В Версале презирали дворян, не сподобившихся монаршего благоволения, и насылали на Пуату голод и разор. Армии, отправляемые туда в нарушение здравого смысла и справедливости, наводили отчаяние на пахарей, притесняли сыроделов и огородников с мозолистыми руками и громадными темными шляпами, тиранили без разбора и католиков, и протестантов...

Все это было ей известно, но она напряженно слушала. Ветер усилился, и Анжелика, вздрогнув, поправила прядь, упавшую на лицо. Лавьолет приблизился и подал ей плащ, в который она зябко закуталась. И вдруг она, стиснув руки, взволнованно заговорила:

— Да, я помогу вам! Но тогда... тогда нужно, чтобы война была открытой и страшной. Что ждете вы от молитв, распеваемых по глухим

углам?.. Надо брать города, перекрывать дороги, превратить всю провинцию в несокрушимый бастион, пока они не прислали подкрепление. Надо перекрыть все выходы на севере и на юге... поднять и другие провинции: Нормандию, Бретань, Сантонж, Берри... чтобы пришел день, когда король обратится к вам как к иностранному монарху и примет ваши условия...

Ее красноречие задело герцога. Он вскочил, лицо его стало багровым, глаза засверкали. Он не привык, чтобы женщина говорила с ним в подобном тоне, но сдержался. Немного помолчал, теребя кончик бороды. Он вдруг понял, что может рассчитывать на дикарскую силу этого создания, на которое он, презиравший женщин, смотрел все же с некоторым пренебрежением. Но сейчас на ум ему пришли рассказы одного из его дядьев, служившего еще при Ришелье. Кардинал весьма успешно пользовался услугами дам для множества дел, связанных с политикой или соглядатайством. «Женщина может куда больше мужчины. Ей под силу подорвать оборону целого города... Они никогда не признают своего поражения, даже если громогласно объявят о нем. Чтобы пользоваться таким острым оружием, как женская хитрость, нужны толстые перчатки, но я не знаю другого оружия, которое бы разило столь метко...» — так говорил Ришелье.

Герцог глубоко вздохнул:

— Сударыня, ваши слова верны. Действительно, единственно стоящая цель — то, о чем вы говорили. И если мы замахиваемся на меньшее, впору уже сейчас сложить оружие... Но потерпите. Помогите нам. И однажды это случится, я в том ручаюсь.

Глава 8

Число стычек и преступлений весьма возросло, и ненависть к драгунам проникла во все поры провинции, подобно тому как корни трав пронизывают почву. Все началось, когда на Развилке Трех Филинов нашли четырех повешенных солдат. К груди каждого была приколата табличка: «Поджигатель», «Грабитель», «Голод», «Разруха». Их товарищи не осмелились вынуть тела из петли: слишком уж близко подступал лес, про который доподлинно было известно, что там скрываются банды протестантов. Отвратительные призраки в пунцовых мундирах еще долго висели там, медленно вращаясь и напоминая прохожим о том, чем они угрожают всему Пуату: о пожарах, грабежах, голоде и разрухе... Густая летняя листва сияла над ними, как свод роскошного изумрудного храма, и от этого трупы казались еще мертвее и омерзительнее.

Монтадур бесился, мечтая нанести ответный удар. Он подверг пытке одного из протестантов в надежде дознаться, где скрывается де Ламориньер. Потом с самыми отчаянными солдатами углубился в лес. После нескольких часов блужданий молчание, сумрак, невероятно густая листва, невообразимо толстые стволы деревьев с низко нависающими перепутанными ветвями и предательски подворачивающимися под сапог корнями — все это поумерило храбрость солдат. Внезапный крик разбуженной совы заставил их остановиться.

— Это сигнал, капитан! Они засели на деревьях! Сейчас как посыплются нам на головы...

Смешавшись, драгуны повернули назад. Они жаждали чистого неба, ровной, озаренной солнцем дороги, но впереди снова и снова вырастали непролазные кусты, ноги вязли в заболоченных ямах, по лицу хлестали ветки. Когда солдаты к вечеру наконец выбрались на опушку, они так возликовали, что некоторые даже повалились на колени, давая клятву поставить свечку Богородице. Впрочем, если бы они и дошли до цели своей экспедиции, им бы и тогда пришлось возвращаться ни с чем. Гугеноты были предупреждены...

Монтадур и в мыслях не имел, что возможна какая-либо связь между его неудачами и нежданной приветливостью очаровательной пленницы. Она, столь надменная, избегавшая встреч, теперь приглашала его к «своему» столу. Ему-то казалось, что она заскучала, и его авантюристичность, известная всем, наконец оценена. Он усердствовал в предупредительности.

К этим важным дамам по-драгунски не подступишься. Надо посуетиться. Монтадур открыл для себя прелести долгой осады и впал в поэтическую чувствительность. Если бы не эти бесстыдники гугеноты, ничто не могло бы омрачить столь приятного досуга. Капитан написал де Марильяку и попросил подкрепления. Ему послали еще один отряд, который должен был разместиться в Сен-Мексане. Однако командовавший ими лейтенант де Ронс известил капитана депешей, что не смог стать на квартиры в указанном ему месте, поскольку вооруженные гугеноты заняли старый замок, господствовавший над дорогой и Севрой. Надо ли брать его приступом?

Монтадур выругался. Что происходит? Эти протестанты вздумали сопротивляться?! Похоже, растяпа лейтенант ничего не смыслит. Придется поехать самому и...

— Вы уже покидаете меня, капитан? — ласково промурлыкала Анжелика. Она сидела напротив него. Ей только что принесли корзинку ранних вишен, и она лакомилась ими. Рядом с красными ягодами ее молодые зубы казались еще белей. Посмотрев на нее, Монтадур решил, что, пожалуй, Роне и сам справится. Ему стоит только подняться повыше и стать у Партене. Черт возьми, у капитана и здесь забот по горло! Жители непокорны. Рассыпают гвозди под копыта лошадей... Негодяи они все, что протестанты, что католики! В погребках-то, небось, припрятаны укладки, набитые экю, но им этого мало. Всюду им чудятся горящие глаза трех их наследственных врагов: волка, солдата и сборщика налогов.

Что правда, то правда: когда жгли урожай протестантов, огонь перекидывался и на посеvy католиков. А те уж сразу и в панику! Ни один из этих заскорузлых мужланов не согласится потерять и трех экю ради победы правой веры. Все они одним миром мазаны, эти крестьяне из Пуату с арабскими глазами и ножом за пазухой.

— Посылайте ко мне самые горячие головы, — предложила Анжелика. — Я тоже буду их увещевать.

После этого в замок зачастили люди со всей округи. Анжелика приняла также и нескольких землевладельцев католиков. Господина дю Круасека, который за это время стал еще толще, но с прежней готовностью внимал всему, что говорили прелестные уста, так как тайно обожал их обладательницу. Господина и госпожу Фейморон, семейства Мермено, Сент-Обенов, Мазьеров. Всеми заброшенные обитатели Бокажа и гонимая Версалема дама составили светский кружок. Монтадур растроганно смотрел на эти визиты. Он написал де Марильяку, что госпожа дю Плесси оказывает ему самую усердную помощь в просвещении округи.

Капитан все с большим трудом отрывал себя от общества той, в ком день ото дня открывал новые чары. Обворожительная, вновь возымевшая склонность к красивым нарядам, Анжелика беспечно царила в своем замке. Вправду ли ее волосы и лицо приобрели особый блеск и свежесть после таинственных отваров колдуньи? Кто знает. В тело ее вселились сила и гибкость, в душу — страсть. Ее пьянило ощущение непобедимости, особенно после того, как удавалось преодолеть какую-нибудь преграду. Конечно, она могла обманываться. Почва под ее ногами колебалась, замок лихорадило, тучи, как в жарком грозовом июле, сгущались...

Между тем лето входило в свои права. Наступила пора сенокоса. Однако работы часто прерывались. «Драгуны, — писал современник, — хватили женщин за волосы и волоком тащили к мессе. Если они не желали идти в церковь, им прижигали подошвы, и войско проходило по их телам...» Но часто крестьяне, вооружившись цепями и косами, давали отпор миссионерам в мундирах.

Общее напряжение нарастало.

Глава 9

Герцог де Ламориньер и Анжелика обменивались посланиями с помощью ученого сокола. Прилетая в замок, он садился Лавьолету на перчатку. Свидания назначались в римском лагере, у Камня Фей, на Развилке Трех Филинов, около Чертова Ключа, в пещере... Анжелика отправлялась туда одна. Эти ночные прогулки не пугали ее, а, напротив, забавляли. Любопытно: признал бы Монтадур свою элегантную пленницу в скользившей среди кустов женщине в бумазейной крестьянской юбке?

Никогда она не боялась ночной встречи с диким зверем, хотя знала, что в лесу обитают волки, кабаны, и, если верить молве, даже медведи. Лес ее меньше пугал, нежели общество людей, несчастных и часто озлобленных, как раненое животное. Здесь в ней просыпалось ощущение невинности природы, которое она впервые испытала в пустыне.

Когда же она приходила на место свидания, счастливое чувство покидало ее. Она с нетерпением ожидала прихода гугенотов. Их шаги по шуршащей листве были слышны издалека, и сквозь ветви она видела, как мелькают их факелы.

Сначала герцог де Ламориньер являлся в сопровождении братьев, потом все чаще стал приходить один, и это ее беспокоило. Если герцог был один, он обходился без факела, как и она, хорошо различая в темноте самые неприметные тропки. Когда, внезапно возникнув из мрака чащи, он пересекал белесую в лунном свете поляну — огромный черный призрак в тяжелых сапогах, давивших сухие сучки, — она не могла удержать дрожи, о природе которой часто спрашивала себя. Голос Патриарха был резким и таким низким, словно исходил из пещеры, а его горящий взгляд, казалось, проникал в глубь ее души. Она читала в нем вызывающее презрение. Было в этом человеке что-то приводившее ее в содрогание. Даже марокканский султан не казался ей таким опасным: он, конечно, был свирепым правителем, но как женщине ей не приходилось бояться его.

Любя женщин, султан делал все, чтобы их приручить. Он поддавался чарам и мелким хитростям красавиц. Маленькая ловкая ручка могла легко осадить этого льва пустыни...

Напротив, герцог делил женщин на две категории: праведных и грешных. Он славился анафемами в адрес версальских блудниц и, вероятно, никогда не замечал уродства и грубости собственной добродетельной супруги. Овдовев, он не женился вторично. Может

статься, суровая жизнь, бесконечные охоты и посты помогали ему потушить жар в крови? Он презирал женщину, как нечистую тварь, и ему было неприятно, что ей отведена какая-то роль в делах Создателя.

Анжелика угадывала его чувства, и они ее бесили. Тем не менее ей необходима была его сила, чтобы противостоять королю. Он пойдет до конца. И все же она считала себя виновной перед Богом и Девой Марией за то, что имеет дело с гугенотом.

В одну из ночей их взаимное раздражение выплеснулось наружу. Они пробирались по гребню утеса, чтобы выйти на болота. Там пастор из Ниора ждал герцога, и Анжелика вызвалась его провести. В лесу светлело. Полная луна изливала бледное сияние, и в провале между деревьями неожиданно блеснули аметистовые крыши и прозрачные колоколенки. Под ногами у них высилось резное серебряное здание Ниельского аббатства.

У Анжелики перехватило дыхание: какое чудо! Святая обитель раскинулась перед ней, безмятежная, укрывая в своих стенах молитвенный шепот монахов. В памяти Анжелики всплыла ночь, которую она ребенком провела в аббатстве. Вспомнился брат Жан, отвративший ее от сомнительных предприятий монаха Фомы... Он привел ее в свою келью, где она была в безопасности. Он глядел на нее со светлой нежностью: «Вас зовут Анжеликой... Анжелика, Дочь Ангелов!» И показывал большие синие пятна на своем теле: «Смотрите! Смотрите, что сделал со мной Сатана!» И очарование той таинственной ночи вновь согрело ее душу.

Вдруг раздался исполненный ненависти голос герцога де Ламориньера:

— Да будут прокляты трусливые монахи-идолопоклонники! Однажды огонь пожрет эти стены, камня не останется на камне... И земля очистится!

Анжелика обернулась к нему вне себя:

— Молчите, еретик! Еретик! Ах, как я ненавижу вашу нечестивую секту!

Еще не отзвучало эхо, подхватившее ее крик, но сама она замолкла, охваченная тревожным ожиданием расплаты. Герцог подошел к ней. Она слышала его тяжелое дыхание. Мощная рука упала ей на плечо, и перчатка впилась в тело. К горлу подкатил комок, она хотела скинуть эту тяжесть, но не могла. Он стоял страшно близко, его массивная фигура загородила от нее лунный свет, и она замерла, вдыхая до головокружения резкий звериный дух, запах воина и охотника.

— Что вы сказали? — прошипел он. — Вы ненавидите нас? Пусть так! Но помогать нам вы все-таки будете. — И добавил с угрозой:

— Вы нас не предадите!

— Я никогда никого не предавала, — гордо ответила она, глотая слезы. Ноги у нее дрожали. Она боялась, что силы изменят ей, и она упадет прямо на него. Она напряглась, пытаясь высвободить плечо от больно сжимавшей его руки.

— Оставьте меня, — выговорила она слабым голосом. — Вы меня напугали.

Тиски пальцев разжались, и он медленно убрал руку.

Анжелика пошла вперед. Сердце стучало. Да, она испугалась. И его, и себя. Испугалась, что скользнет в эту тень без имени, как в объятия лесных ветвей. Под утро они вышли к жилищам угольщиков. Анжелике было холодно, она зябко куталась в плащ.

— Эй, бродяги! — крикнул герцог. — У вас есть кипяток, хлеб и сыр?

В закопченной хижине им дали место на шаткой скамье за столом. Женщина поставила на него кринку молока, принесла блюдо очень горячей фасоли с салом и чесноком... Пока они молчаливо ели, полуголые дети обалдело разглядывали этих двоих, что пришли к ним сквозь утренний туман по засыпанному пеплом полю, словно призраки ночи. Угрюмый гигант-бородач и женщина с золотыми, влажными от росы волосами, рассыпанными по плечам, явно поразили малышей.

Анжелика украдкой поглядывала на де Ламориньера. Ее тянуло к нему, наверное, оттого, что он чем-то походил на Колена Патюреля. Но Колен ее воспоминаний был Адамом, великолепным пришельцем из потерянного рая... А сейчас перед ней — человек темный, греховный, исчадие ночного мрака.

— Он приходил ночью и скребся в дверь вашей комнаты! — шепнула ей Бертиль, ее маленькая служанка, когда Анжелика вернулась в Плесси.

— О ком ты?

— Гаргантюа! Он кричал, стучал, скребся... Но вы не отвечали.

«И не без причины», — подумала она.

На следующую ночь капитан Монтадур явился снова.

— Маркиза! Маркиза!

Его рука елозила по закрытым створкам, и было слышно, как трутся о дерево пуговицы на его толстом животе. Она слушала, приподнявшись на локте. Страсть Монтадура, громко сопевшего за дверью, ее не столько испугала, сколько озадачила.

Зато на него порой нападала какая-то жуть. Иногда по ночам тишина за дверью маркизы становилась такой странно-глубокой, что капитан был почти готов поверить рассказам прислуги, будто хозяйка по ночам превращается в лань и мчится в лес...

Близилась осень, на яблонях зрели плоды. Внезапно трое братьев де Ламориньер принялись объезжать провинцию. От Тифожа на севере до Монконтюра на востоке сопротивление протестантов приняло невиданный размах.

«Оставайтесь там же, — писал капитану Монтадуру де Марильяк. — Место, где вы находитесь, — в очаге восстания. Попытайтесь наложить руку на его зачинщиков».

И отряды наместника углубились в Пуату с целью истребить банды протестантов. Предупрежденные о том, что братьям де Ламориньер удалось собрать значительные силы, они попросили в подмогу городскую стражу Брессюира. Но этот городок, наполовину протестантский, выставил очень мало людей. Де Марильяк вскоре узнал, что маленькая армия де Ламориньеров ворвалась в лишившийся защитников Брессюир, с криком «Город взят! Город взят!» рассыпалась по улицам и разграбила оружейные магазины.

Де Марильяк решил пренебречь этой вылазкой и не отбивать городок. Он еще не отдавал себе отчета, что эти перепалки перерастают в религиозную войну, если не сказать — в войну гражданскую. Он заехал в Плесси, чтобы побеседовать с Монтадуром.

Со скалистых отрогов Ниельского леса восставшие гугеноты могли наблюдать, как по римской дороге тянулось серой змеей оцетинившееся пиками войско.

Основные силы короля ушли на следующий день, оставив людям Монтадура лишь небольшое подкрепление. Враждебность населения, даже католиков, не пожелавших продать хлеб солдатам и встречавших их камнями, насторожила наместника. Он побоялся оставить все это воинство на месте, чтобы не вызвать более крупного возмущения, вывел солдат из Пуату и поспешил в Париж, дабы обсудить с министром Лувуа дальнейшие действия.

Глава 10

Анжелика бежала как сумасшедшая, с яростью выдирая из колючих кустов свою длинную накидку, не обращая внимания на ветви, хлеставшие ее по лицу.

— Вы разбили статуи! — закричала она Самуилу де Ламориньеру, едва завидев его.

Герцог стоял у Камня Фей, черный, как допотопная статуя из обсидиана. Он показался ей отвратительным, поистине воплощением зла. И чем больший ужас он внушал ей, тем яростнее она его ненавидела.

— Вы предали меня! Вы меня обманули! Вы попросили меня о союзе с католиками, чтобы вам легче было их уничтожить. Вы — человек без чести.

Она умолкла, задохнувшись. В висках у нее стучало, и ей вдруг показалось, что луна танцует над поляной и мечется во все стороны. Она была вынуждена опереться на дольмен, чтобы не упасть. Холод камня привел ее в себя.

— Вы меня ударили, — простонала она ошарашенно, потому что он вдруг снял перчатку и дал ей пощечину. Черную бороду Патриарха раздвинула хищная улыбка.

— Вот так обращаются со слабыми и дерзкими женщинами. Никогда ни одна из них не говорила со мной в таком тоне.

Унижение Анжелики веселило его дух. Но она, движимая возмущением, все же нашла, чем уязвить надменного фанатика:

— Женщины!.. Поверьте, они предпочли бы милости Сатаны вашим любезностям.

Она тотчас пожалела об этих словах. Он схватил ее обеими руками и начал трясти, бормоча:

— Мои любезности! Любезности!.. Кто здесь говорит о любезностях, ты, низкое воплощение греха! Пагубное создание!

Он прижал ее к себе с силой безумца, и всей кожей лица она ощутила обжигающее дыхание. Вот и объяснились ее страхи! Она должна была предчувствовать, что он убьет ее... Она умрет от его руки, он задушит ее или перережет ей горло... Вот и жертвенный камень рядом, и никто в этой лесной глуши не поможет ей.

Она отбивалась с бешенством отчаяния, обдирая руки о бляхи его перевязи. Но сила этого дикаря мало-помалу подчиняла ее. Страх уступал

место иному чувству. То был примитивный, слепой и жадный зов плоти. Любовная горячка, казалось обуявшая ее противника, передаваясь ей, ослабляла ее отпор, хотя она еще боролась, еще хотела вырваться.

Опрокинутая наземь, хрипя под его едким дыханием, она слепла от света луны, глядевшей на нее в упор. Движения ее рук стали слабыми и беспорядочными, словно во сне. Она уже не помнила, кто это с ней, где она. Голова ее запрокинулась, и она почувствовала, как мох холодит ее обнаженные ноги.

Внезапно безумные видения закружились в ее мозгу. Ей слышались зловещие заклинания друидов, некогда звучавшие на этой поляне, и темные слова колдуньиных предсказаний, и собственный истошный вопль. Одним диким прыжком вырвавшись из его объятий, она, извиваясь, поползла по земле, затем вскочила и бросилась в чащу.

Она бежала долго. Ужас придавал ей силы, а инстинкт вел по темным дорогам, уже исхоженным за последние месяцы. Наверное, только поэтому она не заблудилась. Иногда она останавливалась и давала волю слезам, прижимаясь лбом к дереву. Ей хотелось возненавидеть лес за ту великолепную бесстрастность, с какой он дает приют молящимся монахам, распеваящим псалмы гугенотам, браконьерам, волчьим свадьбам и языческим обрядам колдунов. Она чувствовала глубокую душевную боль и страшную бесприютность, словно потерявшийся ребенок. Сама необходимость жить причиняла ей страдания. Еще не рассвело, когда она добралась до замка.

Анжелика дважды прокричала совой. Дожидавшиеся ее возвращения слуги откликнулись с башенки. Мальбран Верный Клинок встретил ее в подземелье с огарком в руках:

— Так больше нельзя, сударыня, — укорил он ее. — Чистое безумие бродить по лесу одной. В следующий раз возьмите с собой меня.

Конечно, старый фореитор заметил ее измятое платье, и растрепанные волосы, и дорожки от слез на щеках... Достав платок из кармашка накидки, она вытерла лицо, поправила, как могла, прическу.

— Хорошо, в следующий раз вы будете сопровождать меня. Хотя, пожалуй, не вы, а Лавьовет. Надо побережь ваши старые раны: в лесу слишком сыро...

Из подвала они поднялись в комнаты уснувшего дома. Она попыталась беспечно рассмеяться:

— А другой людоед спит? — и указала на опочивальню капитана Монтадура.

В спальне она сорвала с себя одежду и долго мылась в маленьком

бассейне, устроенном в соседней комнате. Ей казалось, что на коже еще горят следы рук гугенота. Напоследок она взяла кружку с холодной водой и окатила себя с головы до ног. Потом накинула халат, вычесала из волос травинки.

Она все еще чувствовала боль во всех членах. Ее не покидало воспоминание о том, что случилось в лесу этой ночью. Пришло на память отвратительное испытание, которому ее подверг когда-то сумасшедший истерик д'Эскренвиль. «А ведь я тогда думала, что хуже быть уже не может», — сказала она себе. Вернувшись в комнату, Анжелика остановилась перед зеркалом. Вгляделась в свое отражение. За последние недели исчезла болезненная впалость щек, губы стали пунцовыми, как мякоть земляники. Лишь под скулами осталась легкая тень — след пережитых невзгод. От этого в чертах, так долго хранивших невинную прелесть девичества, проступило выражение тронутой горечью, высокомерной проницательности.

Нет больше фаворитки. Есть королева.

«Ах! Если б горе было впереди!..»

Ей хотелось смягчить диковатость своего нового облика. Интересно, каким будет это лицо под версальскими румянами?

Она открыла ларец, где в горшочках из оникса хранились кремы и пудра. И еще — маленький ларчик сандалового дерева, инкрустированный перламутром. Она безотчетно придвинула его к себе, открыла. Машинально...

Перед ней лежали реликвии разных периодов ее беспокойной жизни: перо бедного Поэта, кинжал Родона-египтянина, деревянное яичко маленького Кантора, кольцо, принадлежащее дамам из рода Плесси-Белльер, — то самое, что она не могла надеть, «не возмечтав тотчас о фронде или войне»... Два перстня с бирюзой: от принца Бахтиярбея и от Османа Ферраджи. «Ничего не бойся, Фирюза, ведь звезды повествуют... о самой красивой истории в мире...» Не хватало лишь золотого кольца. Где она его потеряла? Она вспомнила Двор чудес, то, как заподозрила в воровстве этого проходимца Никола.

Позади путь со взлетами и пропастями, в самом начале которого король лишил ее мужа, имени, прав и защиты. А ей не было и двадцати! Правда, после второго замужества и до бегства на Крит ей выпала сравнительно мирная пора — годы, проведенные в Версале. Это так, если принять в расчет ее триумф при дворе, полную удовольствий жизнь гранд-дамы, имеющей особняк в Париже и апартаменты в Версале. Это не так, если оживить в памяти интриги, в которых она была замешана, ловушки,

которые ей расставляли... Но там, по крайней мере, она следовала установленному порядку и обитала среди сильных мира сего.

Разрыв с королем вверг ее во власть хаоса. Что же ей говорил великий маг Осман Ферраджи?

— Сила, которую вложил в тебя Аллах, не позволит тебе остановиться, пока не достигнешь места, куда тебе предназначено прибыть.

— Где же оно, Осман-бей?

— Не знаю. Но пока ты не достигнешь его, тебе суждено сокрушать все на своем пути. Все вплоть до собственной жизни...

Ей снова вспомнился Самуил де Ламориньер. Надо же! Она грубо выругалась про себя, раздраженная тем, что ее волнение все еще не улеглось. А ведь он на двадцать с лишним лет старше ее. Это бездушный еретик, мрачный и жестокий, и все же она не могла не думать о нем. Неужели этот человек действительно наделен сверхъестественной силой? От него веет жутью... Она припомнила некоторые мгновения их схватки, и у нее стеснило в груди.

Кончиками пальцев она зачерпнула немного розового крема и начала легонько втирать его в виски. Зеркало, чисто, словно лесная вода, отражало сияние ее волос. Она увидела, как в нем появилась странная фигура; неясная, как кошмар, она надвигалась, покачиваясь. Мелькнуло рыжее пятно. То были усы капитана Монтадура.

Подойдя на цыпочках к дверям ее спальни, он повернул ручку и, к своему удивлению, почувствовал, что она беззвучно поддалась. Первоначальный восторг тут же сменился ужасом, и прерывисто дыша, он протиснулся внутрь, таращась во мрак, освещенный одной свечой. И увидел Анжелику, стоящую перед зеркалом.

Неужто она превратится в лань?

Длинный прозрачный халат подчеркивал совершенство ее форм. Распущенные волосы стекали по плечам, словно блестящий теплым золотом покров. Она чуть наклонила голову, и от движения пальцев на щеках ее рождались сладчайшие розовые цветы.

Он подошел. Анжелика резко повернулась к нему, полная гневного изумления:

— Вы?

— Не вы ли, прелестная, были так добры, что оставили дверь открытой?

Его лицо покрывали крупные капли пота. Глаза почти исчезли, скрытые красными яблоками щек — это он пытался придать своей улыбке

игривость. Но при этом от него несло вином, и протянутые к ней руки дрожали.

— Ну же, моя красавица! Ох, как вы меня истомили! Да и сами вы, небось, застоялись, ведь вы молоды и хороши, не так ли? Не провести ли нам вместе часок-другой, а?

Он знал, что не слишком ловок. Заплетающийся язык никак не мог выпутаться из мадригала, который он хотел было изящно закруглить, но получались одни «жалкие слова». Поэтому капитан предпочел перейти к более решительным и эффектным действиям: облапил молодую женщину, притиснув ее к своему студенистому брюху. Тошнота подкатила к горлу Анжелики. Она отскочила назад, опрокинув один из драгоценных горшочков, который упал на каменный пол и разбился.

Мужские руки! Вечно они тянутся к ней: руки короля, бродяги, солдафона, гугенота и прочих и прочих...

Из ларчика она выхватила тонкий, как игла, египетский кинжал и выставила перед собой:

— Прочь! Или я вас подколю, как борова!

Капитан отшатнулся, недоуменно выпучив глаза:

— За... за что? — бормотал он, заикаясь.

Его испуганный взгляд беспокойно метался от блестящего лезвия к не менее блестящим зрачкам той, у кого оно было в руке:

— Ну же! Ну... Мы друг друга не поняли...

Оглянувшись, он увидел слуг, столпившихся у двери и загородивших проход: Мальбрана с обнаженной шпагой, лакеев, кого с палкой, кого с ножом, — всех вплоть до Лена Пуару в белом переднике и поварят, поголовно вооруженных вертелами и отборными шпиговальными иглами.

— Чем могу служить, господин капитан? — осведомился конюх голосом, полным угрозы.

Монтадур кинул взгляд на открытое окно, потом на дверь. Что тут делает вся эта челядь с дикими глазами? Он зарычал:

— Убирайтесь!

— Приказывает здесь только наша госпожа, — иронически заметил Мальбран, а Лавьовет тихо скользнул к окну и захлопнул его. Теперь Монтадур не смог бы позвать на помощь. Он понял, что никто не помешает прикончить его несколькими ударами рапир или вертелов. Его люди были снаружи, да и всего-то их четверо во дворе: прочих отправили по деревьям, где объявились банды протестантов.

Холодный пот выступил у него на висках и струйками потек по багровой шее. По военной привычке он взялся за шпагу, решив дорого

продать свою жизнь. Анжелика обратилась к слугам:

— Пропустите его! — И прибавила с ледяной улыбкой:

— Капитан Монтадур мой гость... Если он будет вести себя достойно, с ним ничего не случится под моей крышей.

Он вышел, потрясенный, охваченный тревогой. Позвал в замок солдат. Это затерянное поместье больше не казалось ему уютным и безопасным. Разбойничий вертеп, осиное гнездо вондалом осатаневшей самки — вот куда он ненароком сунул нос!

Молчаливый парк и летающие по нему совы леденили ему кровь. Он поставил у своих дверей часового.

Глава 11

В проем двери лился солнечный свет. На его фоне четко прорисовались два тонких юношеских силуэта.

— Флоримон! — простонала Анжелика, едва не теряя сознание. — Флоримон! Господин аббат де Ледигьер!

Улыбаясь, они приблизились. Флоримон встал на колени и поцеловал матери руку. Аббат последовал его примеру.

— Но почему? Кто? Как это случилось? Твой дядя сказал мне...

Вопросы, вопросы... А первый порыв радостного удивления уже сменила неясная подавленность. Аббат объяснил, что слишком поздно узнал о возвращении госпожи дю Плесси во Францию. Ему еще надобно было исполнить некоторые обязанности перед маршалом де ла Форс, у которого он после отъезда Анжелики служил помощником капеллана. Как только смог, он отправился в дорогу и по пути остановился в Клермонском коллеже, чтобы посмотреть, как там живет Флоримону. И тогда отец Реймон де Сансе поспешил возвратить ему бывшего ученика, будучи счастлив, как он сказал, найти ему спутника для путешествия в Пуату.

— Но почему? Почему? — повторяла Анжелика. — Мой брат писал, что...

Аббат де Ледигьер смущенно опустил длинные ресницы.

— Мне показалось, что Флоримон проявил упорство, — прошептал он, — и его отослали.

Она перевела взгляд с приятного лица молодого аббата на своего сына. Его едва можно было узнать, и однако это был он. Вытянувшийся, тощий, как гвоздь, в своей черной ученической блузе. Его талия, перетянутая поясом, казалась тонкой, словно у девочки. Двенадцать лет! Скоро он достанет ей до плеча. Он откинул локон, упавший на глаза, — жест был раскован и красив — и она вдруг поняла, откуда ее смятение: он так походил на отца! Из детских черт, как из футляра, проступили чистый профиль, чуть впалые щеки, полные насмешливые губы — лицо Жоффрея де Пейрака. Таким оно угадывалось сквозь покрывавшие его шрамы. Казалось, воронье волосы Флоримона стали вдвое гуще, в зрачках мелькали искорки легкой иронии, заставляющие не слишком доверять его манерам добросовестного ученика.

Что произошло? Она не поцеловала его, не прижала к сердцу, но все было так, словно он уже бросился ей на шею, как это случалось раньше.

— Вы в пыли, — сказала она, — и, должно быть, устали?

— Действительно, мы без сил, — подтвердил аббат. — Мы заблудились и сделали крюк в двадцать лье, пытаюсь объехать вооруженные банды неверных. Провинция кишит ими. Около Шанденье нас остановили гугеноты. Им не понравилась моя сутана. Но Флоримон назвал ваше имя, и это их успокоило. Потом на нас напали какие-то проходимцы. Им, наоборот, понравились наши кошельки. К счастью, со мной была моя шпага... У меня такое впечатление, что здесь все очень возбуждены...

— Ступайте, поешьте, — настаивала она, понемногу приходя в себя.

Слуги засуетились. Они были рады видеть мальчика, бывшего раньше в Плесси с братом Кантором. На столе тотчас появились творог и фрукты.

— Должно быть, вас удивило, что я при шпаге, — продолжал аббат нарочито изысканным и сладковатым тоном. — Но дело в том, что господин де ла Форс не может терпеть дворянина, будь он даже священник, без шпаги. Он добился у архиепископа позволения носить ее всем исповедникам благородного происхождения.

Аббат объяснил, осторожно действуя позолоченной ложечкой, что господин маршал, отправляясь в военный поход, желал на театре войны слушать мессы, обставленные так же торжественно, как в его дворцовой капелле. Иногда это создавало довольно пикантные обстоятельства. Капеллану случалось проповедовать прямо на стене осажденного города, и дым ладана смешивался с гарью первых пушечных залпов. «Святой Ковчег под стенами Иерихона!» — кричал тогда восхищенный маршал. Вот кому служил аббат в отсутствие той, кого он уже не чаял увидеть, а встретив, не мог не выразить своей радости.

Пока прибывшие восстанавливали свои силы, Анжелика отошла к окну, чтобы прочитать послание отца де Сансе, привезенное наставником сына. Там говорилось о Флоримоне. Ребенок не отвечает их ожиданиям, писал иезуит. Он не любит умственной работы, а может быть, просто туп. Он имеет пагубную склонность прятаться и тайно изучать глобус и астрономические инструменты во время уроков фехтования, а также садится на коня, когда математик входит в класс. Короче, ему не хватает обычного школьного прилежания, и, что весьма прискорбно, он нимало этим не смущен. Послание заканчивалось этим пессимистическим замечанием. Подняв глаза, она увидела желтую листву парка и дикие вишни с кронами темно-красного оттенка.

Наступала осень.

Все эти слова — только предлог! Флоримон не мог покинуть

коллежа без приказа короля. Она повернулась к аббату и с дрожью в голосе произнесла:

— Вам следует тотчас уехать. Вы не должны были ни являться сюда, ни привозить моего сына.

Внезапное появление Мальбрана прервало растерянные возражения маленького аббата:

— Ну, сынок, поглядим, что случилось с вашей доброй шпагой. Поди, вы и сами заржавели, как она, занимаясь пустяками! Вот три отменных клинка. Я их наточил для вас... Я как знал, что вы не замедлите появиться.

— Сударыня, что вы говорите? — лепетал аббат. — Неужели у вас не найдется занятия для меня? Я могу продолжать уроки латыни с Флоримоном и учить азбуке вашего младшего сына. Я рукоположен в сан и могу служить мессы в вашей часовне, исповедовать прислугу...

Ужасно, что он ничего не понимает! Нежные взгляды говорят, что он обожает ее. Должно быть, втайне он пролил много слез, считая ее погибшей. Сейчас он счастлив уже тем, что она жива. Но неужели он не замечает, как она изменилась, не чувствует, что вокруг нее темным ореолом сгустилась опала? Что в Пуату зреет бунт? Что здесь в замке самый воздух пропитан чувственностью, злобой и кровью?

— Служить мессы! Вы с ума сошли... Солдаты осквернили мое жилище. Меня держат под замком, оскорбляют, и я сама... сама... я проклята...

Последние слова вырвались безотчетно. Анжелика произнесла их чуть слышно, впившись взглядом в детские ясные глаза молодого человека, словно надеялась защитить себя его простодушием. Нежное лицо аббата де Ледигьера стало серьезным, и он мягко заметил:

— Вот и еще причина отслужить мессу.

Взяв руку Анжелики, он истово сжал ее. Бесконечное доверие сияло в его прекрасном взоре. Внезапно ослабев, она отвернулась и покачала головой, будто прогоняя тягостное видение:

— Ну, что же! Оставайтесь... И отслужите вашу мессу, милый аббат. Бог даст, она поможет, и все пойдет хорошо.

Наступило время возвращений. Еще через день объявился Флипо, прибывший из Италии. Преподав начатки французского аргю сыну итальянского синьора, выкупившего его в Ливорно, и тем отплатив ему за добро, он поспешил в Пуату. Шесть месяцев от трясся на муле по холмам и долинам. Служба в ажурных дворцах Адриатического побережья научила его ухваткам и красноречию комедийного слуги, а странствия по заснеженным альпийским перевалам и пыльным французским дорогам

превратили в крепкого, бывалого молодца с бронзовым загаром и мускулистыми плечами. Такому бойкому говоруну и красавчику с насмешливой, лукавой физиономией самое бы место среди бродяг Нового моста.

— У тебя не было желания сначала заехать в Париж? — спросила у него Анжелика.

— Я там был, справлялся о вас. Узнал, что вы в поместье, ну и приехал сюда.

— Почему же ты не остался в Париже? — настойчиво допытывалась она. — Ты стал разбитным малым и мог бы неплохо там устроиться.

— Я бы предпочел, сударыня маркиза, остаться у вас.

— У меня сейчас не лучшее место. Король меня держит в опале, ты парижанин, там бы и жил.

— Да куда мне податься, сударыня маркиза? — отвечал бывший обитатель Двора чудес, состроив грустную мину. — Вы — вся моя семья. Вы стали мне почитай что матерью после того, как не дали прибить меня у Нельской башни. Я себя знаю. Если вернусь на Новый мост, снова примусь красть кошельки...

— Надеюсь, ты оставил эту скверную привычку. — Здесь другое дело, — заметил Флипо. — Мне надо было не сбить руку. Сохранить мастерство. Да и как бы я прожил во время такого долгого пути? Но коли это станет основным занятием, тут от тюрьмы не убережешься. Помню, когда я был совсем щенком и болтался при Дворе чудес, был там один старик, кажется, его звали папаша Урлюро. Так он повторял нам каждое утро: «Дети мои, знайте: вы рождены для виселицы». Тогда я не очень-то понимал... Да и теперь в толк не возьму, что за радость в этом ремесле. Подрабатывать так при случае — еще куда ни шло, но служить я хотел бы вам...

— Если все так обстоит, я тебя не гоню. У нас с тобой есть что вспомнить...

В тот же вечер в замок зашел бродячий торговец. Служанка доложила Анжелике, что он просит его принять «по поручению ее брата Гонтрана». Маркиза побледнела, и служанке пришлось несколько раз повторить эту просьбу, прежде чем хозяйка опомнилась и пожелала видеть пришельца. Он сидел на кухне перед раскрытым сундучком и расхваливал свой галантерейный товар: ленты, иголки, раскрашенные картинки, снадобья. И сверх того — все, что требуется для работы живописцу.

— Вы сказали, что вас послал мой брат Гонтран? — спросила Анжелика.

— Да, госпожа маркиза. Монсеньор, ваш брат и наш товарищ, поручил

мне кое-что вам передать, когда я отправился по стране. Он сказал: «Будешь в Пуату, навести замок Плесси-Белльер, что в Фонтене. Зайди к хозяйке замка и вручи ей это от Гонтрана».

— Сколько времени вы не видели брата?

— Да больше года.

Все объяснилось. Повествуя о своем долгом странствии, он рылся в кожаной сумке. Наконец вытянул сверток, старательно обернутый промасленной тряпичей.

Взяв его, Анжелика поручила торговца заботам прислуги и разрешила оставаться в доме столько, сколько ему заблагорассудится.

Вернувшись к себе, она торопливо развернула сверток. Перед ней лежало полотно, на котором с дивным искусством были запечатлены ее сыновья, такие разные, но с общим для всех троих мечтательным и насмешливым выражением лица. На первом плане стоял Кантор с гитарой, в зеленом, под цвет глаз, камзоле. Да, это он, ее исчезнувший мальчик! Изображение было так полно трепетом жизни, что смерть Кантора казалась невозможной. Он словно успокаивал ее: «Не бойся, я буду жить всегда».

Флоримон был в красном, причем Гонтран — о, чудное провиденье! — угадал его теперешние черты: тонкость, ум и страстность. Его черная шевелюра резким пятном выделялась среди ярких красок картины, подчеркивая свежесть детских лиц и шелковистую золотистость волос Шарля-Анри. Рядом со старшими он, еще младенчески розовый, в длинном белом платье, походил на ангелочка. Он тянулся пухлыми ручонками к Кантору и Флоримону, но те, казалось, не замечали этого. Строгая, почти ритуальная неподвижность поз намекала на какую-то тайную мысль. Сердце Анжелики сжалось: ах, кто может истолковать предчувствие большого художника? Старшие братья, рожденные от графа де Пейрака, выступали вперед, как бы освещенные лучом мужественного жизнелюбия. Младший, сын Филиппа дю Плесси, был чуть отстранен, полон очарования, но одинок.

Анжелика тревожно взглядела в лицо малыша. «Ох, кого же он мне напоминает? — вдруг подумалось ей. — Сестрицу Мадлон!» И вместе с тем портрет Шарля-Анри поражал сходством с оригиналом. Трепетная тонкость мазков оживила неподвижное изображение. Рука, державшая эту кисть, уже мертва. Жизнь. Смерть. Вечность и неуловимый миг. Забвение... Воскрешение...

Стоя перед картиной, Анжелика забылась, словно околдованная мерцанием граней таинственного кристалла. Так тени облаков, бегущих над землей, придают пейзажу радостный или мрачный вид. Казалось,

художник предугадал то, что еще было от нее скрыто.

Флоримон не задал ни одного вопроса. Без объяснений принял как должное и солдат в парке, и капитана в доме.

С тех пор как Монтадура испугала замковая челядь, в его поведении чувствовались бессильное озлобление и тупая наглость. Толстяка донимали тяжелые предчувствия. Он исчезал на целые дни, оставляя замок на попечение своего заместителя, и гонялся по полям и лесам за гугенотами. Но те растворялись в чаще, а в придорожных канавах снова находили мертвых драгун. Тогда взбешенный Монтадур вешал первого попавшегося под руку селянина, случалось, и католика. Оскорбительные выходки против властей множились на глазах.

Часто он бывал пьян. Тогда темные страхи и подавленные желания доводили его до исступления, и он, шатаясь, бродил по коридорам, размахивая шпагой, портя позолоту лепнин и портреты предков. Он подозревал, что слуги исподтишка наблюдают за ним. Подчиненные в эти часы избегали его. Иногда где-то слышался смех Шарля-Анри, которого развлекала Барба. Капитан раздражался ругательствами. Он чувствовал себя во власти демонов, проклятая ведьма сглазила его! Он то оплакивал свою участь, то снова впадал в ярость:

— Шлюха! — рычал он, неверным шагом блуждая по лестницам и галереям замка. — Шастай, шастай ночью по лесам! Ищи своего кобеля...

Анжелика встревожилась. Откуда он знает про ее ночные прогулки? И почему он все толкует о каких-то ланях да колдунах? Однажды, когда Монтадур выкрикивал обычные свои оскорбления, он ощутил сильный укол пониже спины. Обернувшись, он увидел Флоримона со шпагой в руке:

— Не о моей ли матери вы говорите, капитан? — осведомился тот. — Если да, вам придется ответить за это!

Изрыгая проклятия, Монтадур попытался отбиться от резвой шпаги подростка. Его затуманенный взгляд не различал ничего, кроме облака черных волос, клубившегося вокруг мальчишеской головы. Волчонок, достойный этой волчицы! Стремительный выпад — и лезвие вошло в руку Монтадура. Выронив оружие, капитан стал зычно призывать своих людей. Но Флоримон уже упорхнул, оставив их с носом.

Перевязав рану и протрезвев, Монтадур поклялся истребить все это чертово гнездо. Но надо было ждать подкрепления. Между тем ситуация для его войска стала критической. Они оказались отрезаны от де Горма, и письма, посланные капитаном де Марильяку, видимо, перехватывали бунтовщики.

Что до Флоримона, он, хоть и ввязался в эту схватку, казалось, не вполне осознавал, что происходит в доме. Он то увлеченно фехтовал с Мальбраном, то предавался соколиной охоте, а случалось, по целым часам пропадал неизвестно где. Он сажал Шарля-Анри к себе на плечи и бегал с ним по коридорам. Как странно звучал в замке их чистый смех! А то он седлал лошадь, усаживал перед собой брата и носился по полям, не обращая внимания на часовых, пытавшихся его остановить. Впрочем, они и сами не знали, что потом делать с юным католическим сеньором.

Однажды Анжелика застала Флоримона и Шарля-Анри в укромном уголке гостиной. Младший стоял в позе ученика, отвечающего урок. Старший высыпал перед ним по щепотке какие-то порошки из аккуратно надписанных мешочков.

— Как называется это желтое вещество?

— Сера.

— А это серое?

— Чилийская селитра в кристаллах.

— Прекрасно, сударь. Вижу, что вы внимательны. А этот черный порошок?

— Древесный уголь. Ты его просеял сквозь шелк.

— Прекрасно, но вы не должны говорить «ты» вашему преподавателю!

...Однажды, уже глубокой ночью, у крыльца раздался взрыв, и что-то сверкающее, взлетев, упало на траву лужайки. Солдаты бросились к оружию с криком «Тревога!» Монтадура как раз не было. Они обнаружили Флоримона, перемазанного сажей, перед странным орудием его собственного изготовления и Шарля-Анри в длинной ночной сорочке, приветствующего восторженными воплями успешный пуск ракеты, сделанной его «преподавателем».

Все принялись смеяться, даже солдаты. Анжелика хохотала так, как уже давно не смеялась. От этого на сердце стало легче, и на глаза навернулись слезы.

— Ах, мартышки! — вздыхала Барба. — С вами никогда не посидишь спокойно.

Казалось, проклятие уже не тяготело над замком. Может быть, в самом деле помогли мессы аббата де Ледигьера?

На следующий день вокруг башни стал кружить сокол, и Флоримон поймал его, как заправский соколятник. В сопровождении аббата он принес матери послание, обнаруженное им на лапе птицы. Анжелика густо покраснела и выхватила из рук сына чехольчик. Быстро распоров его своим

перочинным ножичком, она выудила листок, исписанный готическим почерком Самуила де Ламориньера. Ей назначали свидание ночью, у Камня Фей... Она сжала зубы. У Камня Фей! Наглец! Как же он ее презирает, если осмеливается снова назначать то же место встречи... Он что, считает ее своей служанкой? Она не пойдет! Она более не станет им помогать... Она могла бы продолжать поддерживать их, но только не встречаясь с Патриархом. Вновь очутиться с ним наедине при молчаливом соучастии каждого дерева, осенних запахов, речного тумана? Нет, это невозможно. Если он еще раз посмеет дотронуться до нее, что ей делать? Сумеет ли она подавить темное влечение, яд которого остался в ее крови после той ночной сцены? Напрасно она пыталась отвлечься. Чья-то тень наклонялась над ней во сне, и она со стоном просыпалась.

Лес возбуждал ее своей дикой мощью, звал криком влюбленного лося, рождая странное оцепенение. Между тем пришла осень, а она так и не подчинилась королевской воле. Однако посланные им эмиссары не могли пробиться сквозь кольцо огня и стали, которым Патриарх окружил провинцию. За оградой парка, где играли ее дети, избивали женщин, жгли посевы, бродили озверелые, готовые на все крестьяне.

За ней присматривали Флоримон и аббат де Ледигьер. Куда бы она ни пошла, она ловила на себе вопросительный взгляд их чистых глаз. Король знал, что делал, отослав к ней сына. «Дети всегда некстати, — говорила повитуха. — Когда их не любишь, они мешают, когда любишь, лишают сил».

Адриатика преобразила ее душу. Анжелика почитала себя очерстневшей, но оказалось, что ее способность страдать, напротив, умножается по мере того, как глубже, изощреннее становится мысль. Теперь все причиняло ей боль. Но подчас неподвластные разуму силы невольно увлекали ее. Рог Исаака де Рамбура звал ее в медно-красный сумрак вечернего леса. Они условились о последовательности сигналов в зависимости от важности вести, которую надо было сообщить. «Улюлю!» — это был призыв о помощи.

— Мадам, нужно прийти! — умолял Лавьошет, едва отдышавшись, после того как вернулся из замка соседа. — Женщины... женщины из протестантских селений, что под Гатином... те, кого выгнали из дома... Они бродят без всякой помощи вот уже несколько дней... Они укрылись в замке Рамбур. Если Монтадур узнает, им конец. У вас просят совета...

Анжелика скользнула в подземелье. Лесом она добралась до заросших травой садов, окружавших замок Рамбур. Во дворе у башни измученные женщины сидели прямо на земле, худые дети молчаливо жались к матерям.

Они глядели хмуро, их чепцы были грязны. Они рассказывали хозяйке замка о своих мытарствах. В католических деревнях кюре призывали прихожан блюсти королевский эдикт, предписывающий не совершать по отношению к неверным никаких гуманных деяний, не давать даже сухой хлебной корки. Питались они репой, украденной ночью с полей. Ютились у лесных опушек. Их травили собаками, на них нападали солдатские патрули. Солдатские посты в деревнях получили приказ надзирать за соблюдением эдикта. Женщины брели с детьми под безжалостным летним солнцем, под грозовым дождем. Наконец было решено отправиться в Ла-Рошель, бывшую протестантскую метрополию, где еще осталось достаточно реформатов, способных, презрев указ, принять изгнанников. Там, где отряды де Ламориньера были хозяевами положения, им порой удавалось передохнуть на фермах своих единоверцев. Но крестьяне были доведены до нищеты, и еды не хватало. Нужно было идти дальше. Подойдя к реке Вандее, они натолкнулись на красных драгун Монтадура и в ужасе бежали в глубь леса, подальше от дорог и опасных встреч. И вот теперь они загнаны в тупик, оказавшись перед непроходимым лесом, прямо под боком у главного их гонителя. В последнем усилии они поднялись на холм к жилищу Рамбуров, о великодушии которых были наслышаны.

Сопливые дети хозяев замка, разинув рты, рассматривали прибывших. Рядом со старшим Анжелика обнаружила Флоримона. Тревога заставила ее быть резкой:

— Что ты здесь делаешь? Почему ты вмешиваешься в дела протестантов?

Флоримон улыбнулся. Еще в коллеже он приучился не отвечать на выговоры. Это выводило всех из себя. Баронесса де Рамбур, бывшая на седьмом месяце девятой беременности, раздавала женщинам куски хлеба. Хлеб был черный и черствый. Ей помогала одна из дочерей, нося за матерью корзину.

— Что нам делать, сударыня? — обратилась она к Анжелике. — Мы не можем принять этих женщин здесь и еще менее — их прокормить.

Явился барон де Рамбур с охотничьим рогом на плече:

— Отправить их назад значило бы погубить. Прежде чем они, обогнув лес, доберутся до Сгондиньи, Монтадур неминуемо достигнет их.

— Нет, — сказала Анжелика, успевшая все обдумать. — Нужно их провести на Уклейкину мельницу, что на болотах. Оттуда на плоскодонках они доберутся до владений господина д'Обинье, где будут в безопасности. Постепенно перебираясь через озера и болота, — их проведут тамошние огородники — они достигнут окрестностей Ла-Рошели. До города им

останется два-три лье. Так они проделают весь путь, не выходя на большие дороги.

— Но как добраться до мельницы?

— Прямоком через лес. Здесь не больше трех часов ходьбы.

Лицо Рамбура погрузнело:

— А кто их проведет?

Анжелика оглядела усталые лица женщин, их блестящие черные глаза.

— Я.

Едва они вышли из леса, их ноги погрузились в губчатый мох. Начались болота. По цвету они походили на луга. Так и хотелось пробежаться между деревьев, но большие плоскодонки, привязанные к берегу, показывали, что там — вода. Анжелика привела с собой троих слуг, чтобы помочь управиться с лодками. Будучи местными, они были настроены пессимистически:

— Мы тут так запросто не переберемся, госпожа маркиза. Мельник требует плату с каждого, кто хочет пересечь болота, а реформатам он всегда готов сделать гадость, потому как он их презирает. У него ключи от лодок. Среди местных есть даже такие, что пускаются далеко в обход, чтобы только ему не платить.

— Времени у нас нет, и это — единственный выход. А мельником я займусь сама, — сказала Анжелика.

Они отправились задолго до захода солнца, взяв с собой фонари, чтобы зажечь их, когда стемнеет. Дети шли вяло. Дорога казалась бесконечной. Когда добрались до Уклейкиной мельницы, солнце уже село. Темень наполнилась кваканьем лягушек и криками речных птиц. От влажного тумана пощипывало в горле. Этот туман от воды поднимался все выше, уже доходя путникам до подбородка, и в нем, будто в молоке, тонули очертания деревьев с утопленными корнями.

Слева показалась мельница, приземистая, с ощеренным колесом над спящей, усеянной кувшинками водой.

— Оставайтесь здесь, — велела Анжелика зябко жмущимся друг к дружке женщинам.

Дети кашляли и боязливо таращились в темноту.

Шлепая по мелкой воде, Анжелика дошла до мельницы. Она нашла поросший мхом мостик и сразу за ним — знакомую дорогу, пересекающую мельничный желоб. Рука нащупала шершавую, увитую вьюнком стену. Дверь была открыта. Мельник при свече пересчитывал монеты. У него был низкий лоб, бахрома волос, падавшая на брови, придавала лицу выражение тупой цепкости. В сером, как все представители его профессии, с намертво

приставшей к голове круглой бобровой шапкой, он имел вид человека зажиточного. У него были красные чулки и туфли со стальными пряжками. Поговаривали, что мельник очень богат, скуп и нетерпим.

Анжелика обвела взглядом простое убранство комнаты, где все было покрыто тончайшим слоем муки. В углу громоздились мешки, пахло зерном. Она улыбнулась, заметив, что здесь ничего не изменилось. Затем вошла и сказала:

— Валентен, это я. Здравствуй.

Глава 12

Плоскодонки продвигались под сумрачными лиственными сводами. Впереди желтые круги фонарей с трудом рассеивали мрак.

Из-за высокого роста Валентен иногда вынужден был нагибаться. Коротким выкриком на местном диалекте он предупреждал сидевших в остальных лодках. Женщины уже не так боялись, они немного расслабились, изредка слышался негромкий детский смех. В сердцах беглецов понемногу воцарялся мир, навеянный покоем болот. Не о болотах ли Пуату Генрих IV писал любимой: «Там неплохо в мирное время и покойно в дни войны». Какой недруг решится преследовать здесь своего противника? Захоти Монтадур погнаться за ними и посади своих солдат на плоскодонки, они бы воротились ни с чем, грязные и продрогшие. А перед тем они бы долго блуждали среди переплетения ветвей по лабиринту зеленых или желтых стен, смотря по времени года, и берег, к которому они думали пристать, уходил бы у них из-под ног. Это еще счастье, если бы они вернулись живыми, ведь огромным пространствам трясины ничего бы не стоило их поглотить. Много мертвых тел покоится под зеленым пологом болот...

Когда Анжелика его окликнула, мэтр Валентен, мельник, поднялся со своего места. Он не удивился. В его грубом лице проступали черты того упрямого мальчишки, что когда-то толкал ялик, спеша отвезти «молодую госпожу де Сансе» в ее болотное убежище и уберечь от ревнивых посягательств пастуха Никола, оравшего: «Анжелика! Анжелика!...» Пастух бежал по лугам со своим посохом, а собаки и овцы трусили за ним.

Анжелика и Валентен, спрятавшись в тростнике, тихо фыркали, затем отплывали подальше, куда эти крики уже не доносились, приглушенные ветвями ольхи, вязов, ясеней, ив и высоких тополей...

Валентен срывал трубки дягеля, прозванного ангельской травой. Он их то нюхал, то слизывал млечный сок. «Чтобы душа была такая, как у тебя», — говорил он.

Он не был болтлив, не то что Никола. Он часто краснел и легко впадал в ярость. Особенную его ненависть, бог весть почему, возбуждали протестанты. Вместе с Анжеликой они подстерегали детей гугенотов, возвращавшихся из школы, и орали им в лицо католические молитвы — им нравилось слышать в ответ: «К черту!» Все это вспомнилось Анжелике, пока она прислушивалась к тихому, как легкий дождик, шелесту ряски,

которую рвал выступ плотины.

Валентен все так же не любил протестантов, но был падок до золотых эрю маркизы дю Плесси-Белльер. Он взял ключи и пошел отмыкать плоскодонки.

...Порыв посвежевшего ветра дал понять, что водный коридор расширяется. Первое суденышко врезалось в твердый берег.

Лучистая луна выходила из-за леса. Она высветила жилище сеньоров д'Обинье, спавшее среди ив и лугов с высокой травой. Замок был построен на одном из многочисленных болотных островов. Зимой вода здесь доходила почти до каменной парадной лестницы. Выстроенный в эпоху Возрождения, замок был плодом любви его хозяина к белому камню, отражающемуся в водной глади, а может, и к недосыгаемости этих мест. Он вполне мог служить убежищем заговорщиков.

Пришельцев встретила мадемуазель де Косм, кузина старого маркиза, с высоким подсвечником в руках. Сурово выслушала она повесть Анжелики о бедах женщин, по большей части вдов, приведенных ею сюда в надежде, что им помогут добраться до Ла-Рошели. Она не одобряла участия в их делах такой подозрительной особы, как католичка дю Плесси. Разве не были известны ее бурные приключения в Версале? Однако же она ее впустила и, пока женщинам отводили место в замковых службах, оценивающе оглядела бумазейную юбку, простую накидку, тяжелые, заляпанные грязью башмаки и черный квадратный атласный платок, скрывающий волосы гостыи.

Наконец, поджав губы и напустив на себя вид мученицы, покорной судьбе, старая дева предупредила:

— Здесь герцог де Ламориньер. Вы хотите его видеть?

Сообщение смутило Анжелику. Она покраснела и сказала, что ей не хотелось бы беспокоить герцога.

— Он пришел весь в крови! — прошептала мадемуазель де Косм, несмотря на свой постный вид очень взбудораженная столькими происшествиями разом. — Попал в засаду Монтадура, не смог пробиться и укрылся в болотах. Его брат Уго, кажется, взял Пузож. Господин де Ламориньер жалеет, что не смог вас увидеть.

— Ну, если он ранен...

— Позвольте, я предупрежу его.

Она с дрожью ожидала встречи, но, когда послышались тяжелые шаги Патриарха, выпрямилась и, пока он спускался к ней, глядела на него смело и жестко.

Он подошел. Лоб его пересекал глубокий шрам. Вспухшие края раны

еще не вполне затянулись. Эта отверстая рана отнюдь не смягчила его черт. Она нашла, что он стал еще выше, тяжелее и чернее обычного.

— Сударыня, — сказал он, — я приветствую вас.

Он неуверенно протянул ей руку.

— Храните ли вы наш союз?

Не он — она первой отвела глаза. Указав на приведенных ею людей, ответила:

— Вы же видите!

Она бы никогда не поверила, что происшествие у Камня Фей может настолько сказаться на ее поведении. Так сковать ее и смутить. Наверное, она испытывала его влияние, неприятное, но могущественное, которое многие из современников признавали колдовским. Его братья, жена, невестки, дочери, племянники, слуги и солдаты не понимали, как можно его послушаться. «В нем, при всей его близости к Богу, было нечто дьявольское», — писали об этом могущественном протестантском сеньоре, который на краткий миг, но яростно противостоял Людовику XIV.

Он не принес извинений. Возможно, он в непомерном тщеславии своем был оскорблен тем, что она не откликнулась на его призывы?

— Взяты Пузож и Брессюир. Горожане с нами. Мы захватили оружие гарнизона и раздали его отрядам, набранным по деревням. Войска господина де Марильяка оттеснены с севера на восток. Мы тотчас заняли их позиции. Солдаты Горма и Монтадура отрезаны от всякой помощи, хотя о том и не подозревают.

Она с живостью взглянула на него, и лицо ее просветлело:

— Возможно ли? Для меня это новость.

— А что вы могли узнать? Ведь вы хранили молчание.

— Значит, — прошептала Анжелика, — король... король не может до меня дотянуться...

— Через несколько дней я выйду из болот и изгоню Монтадура из ваших владений.

Она выдержала его взгляд:

— Благодарю вас, господин де Ламориньер.

— Я прощен?

Должно быть, это слово стоило ему нечеловеческих усилий: на его лбу надулись жилы, и у краев раны проступила кровь.

— Не знаю, — вздохнула она и, отвернувшись, направилась к выходу, прибавив вполголоса:

— А теперь мне следует вернуться в Плесси.

Он догнал ее на крыльце и пошел рядом. Увидев, что она свернула к

пристани, он, не совладав с собой, судорожным движением обхватил ее:

— Прошу вас, взгляните на меня, сударыня!

— Осторожно! — прошептала она и показала в темноту, где ее ждал мельник с лодкой.

Он толкнул ее под плакучую крону ивы и сжал в своих мощных руках. Она застыла, испытывая одновременно отвращение и влечение к нему. Да, их взаимная любовь представлялась чем-то ужасным и непостижимым. Тело не подчинялось ей. Она стиснула плечи гугенота, не понимая, отталкивает она его или льнет к нему, словно к неколебимому утесу, способному укрыть от всех напастей.

— Зачем, — задыхаясь, шептала она, — ну, зачем портить наш союз?

— Потому что вы должны стать моей!

— Но кто же вы? Я больше ничего не понимаю. Вас же все считают человеком с каменной душой и суровым нравом! Вы же презираете женщин!

— Женщин? Да. Но вас... Там, в римских развалинах, вы были Венерой. Я понял... Ах! Какая пелена спала с глаз... Надо же было ждать так долго, всю жизнь, чтобы понять, что есть женская красота!

— Но почему вдруг? Что я сделала для этого? Ведь мы тогда заговорили о нашей борьбе за веру...

— В тот день... Вы стояли в лучах солнца. Ваша кожа, волосы... Не знаю... Я вдруг понял, что такое женская красота.

Он чуть отстранился:

— ..Я внушаю вам ужас? И вам тоже? Меня всегда боялись женщины. Признаюсь вам первой. Это было для меня кромешным стыдом. Моя жена, когда я входил к ней, часто умоляла меня не трогать ее. Она истово служила мне, принесла трех дочерей, но я чувствовал, что внушаю ей отвращение. Почему?

Анжелика знала. Ирония случая или наследственности привела к тому, что отпрыск знаменитого рода, этот протестант, в жилах которого, несомненно, была примесь мавританской крови, оказался любовником, слишком щедро одаренным природой.

То, что Анжелика объяснила ему, поразило герцога. Значит, все-таки существует иная сторона жизни, и эта благодать ему доступна? Обольстительность этой женщины пробуждала в его душе демонов любострастия. И хотя власть ее красоты была огромна, он все еще жаждал увидеть ее вновь слабой и беззащитной. Он играл с ней, желая подчинить себе. Боялся ее взгляда, но не хотел оставить свои повадки властелина. Так они вели изнурительную борьбу, доводя до иступления овладевшую ими

страсть. Сообщничество в бунте не сближало, а скорее разделяло их. Они устремлялись к осуществлению тайных желаний так, словно то был не любовный, а боевой пыл, словно они истребляли солдат короля или бросали вызов самому всеильному монарху.

— Вы станете моей, — глухо повторял он. — Вы будете мне принадлежать...

То же заклинание, что и у короля. Такой же неотступный торг.

— Может быть, однажды... — пробормотала она. — Не будьте так жестоки!

— Я не жесток, — его голос дрогнул. — Не говорите, как другие женщины, когда они боятся. Я знаю: вы-то не испугаетесь. Я буду ждать. Я сделаю все, что вы пожелаете. Но не отвергайте моей мольбы.

Она сидела в плоскодонке на соломе и чувствовала полное опустошение... Она устала так, будто их страсть действительно привела к любовному взрыву. Кто знает, когда она даст согласие... Анжелика тряхнула головой, отгоняя нестерпимые мысли.

Вот придет ночь, когда черный охотник поймает свою добычу, пригвоздит ко мху, придавит своим огромным неловким телом. Она будет отбиваться от его рук, прятать лицо от жадных уст и жесткой бороды до того волшебного мгновения, когда пробуждение плоти оттеснит все, когда страх и тревога разрешатся блаженством. Затем полное забвение и временами вскрики...

Она решительно откинула голову. Волосы были влажны, хотя дождь и не шел. За кормой лодки оставалась плотная, как черный мрамор, борозда, медленно пропадающая вдаль, снова затягиваясь ряской.

Луна, как огромная лучистая жемчужина, неясно освещала мельника с шестом на корме лодки, и его силуэт был так же призрачен, как ветви вязов, склоненные над водной дорожкой.

Терпкий запах мяты возвестил о приближении берега. Иногда лодку царапали ветви, но мельнику не нужен был фонарь. Он уверенно продвигался к цели. Анжелика заговорила с ним, чтобы избавиться от навязчивых видений.

— Помните, мэтр Валентен, вы уже были хозяином на болотах, когда возили меня ловить рыбу.

— Ну да.

— А сохранилась ли та хижина, где мы варили уху?

— Она на месте.

Анжелика продолжала говорить — тишина пугала ее:

— Однажды я упала в воду. Вы меня выловили, всю в водорослях, а

дома, в Монтелу, меня жестоко наказали. Настрого запретили показываться на болотах, а вскоре отослали в монастырь. Больше мы с вам не виделись.

— Нет, был еще один раз: на свадьбе дочери папаши Солье.

— Ах, да! — Она вспомнила и рассмеялась. — Ты тогда вырядился и стоял столбом, не осмеливаясь танцевать.

Потом ей припомнился сеновал, где она заснула, устав от фарандолы, и куда вслед за ней проскользнул Валентен. Он положил руку на ее еще полудетскую грудь. Этот простоватый мальчик был первым посланцем страстей, всю жизнь потом круживших над Маркизой Ангелов... Не ко времени возникшее воспоминание смутило ее, и она умолкла.

— А потом, — произнес медлительный голос мельника, словно он следил за бегом ее мысли, — потом я заболел. Отец сказал: «Будешь знать, как трогать фею!» Он повез меня в церковь Милосердной Божьей Матери, чтобы изгнать бесов.

— Из-за меня? — встрепенулась Анжелика.

— А что, разве не правда? Ведь вы — фея.

Анжелика не сказала ни да, ни нет. Она развеселилась, но мельник угрюмо продолжал:

— Я выздоровел. Но это тянулось долго. Я потому и не женился. Были служанки. И все. От такой болезни быстро не оправишься. Она не в тело целит, а в душу. Начинаешь сохнуть. Вот, может, душа-то и остается больной...

Он замолк. Шелковистый шелест водорослей заполнил тишину, вдруг прерванную тонким жабым криком.

— Уже подъезжаем. Тут недалеко, — сказал мельник.

Лодка врезалась в берег. За ней причалили другие, их пригнали назад слуги.

— Не зайдете ли на мельницу, госпожа маркиза, выпить стаканчик?

— Нет, спасибо, Валентен. Мне еще долго идти.

Держа шапку в руках, он проводил ее до опушки.

— А вон там, у старого дуба, вас поджидал Никола с земляникой на листе лопуха.

Невероятно, как отголосок прошлого может пробудить в груди женщины сердце ребенка. Она столько пережила с тех пор, но воспоминание о мальчике с черными кудрями, с посохом в одной руке и ароматными ягодами в другой взволновало ее. Он приглашал ее в свое царство: на луг и в лес.

Она отмахнулась от этого видения, поблекшего за долгие годы.

— А ты знаешь, что случилось с ним? Он сделался бандитом и был

сослан на галеры. Знаешь, как он умер? Он возглавил бунт, и офицер сбросил его за борт...

Мельник молчал.

— Послушайте, мэтр Валентен, — поддразнила она его. — Никола Мерло исчез из этих мест столько лет назад — разве вас не удивляет, что я так много знаю о нем?

Он покачал головой:

— Нет, право слово. Кому, как не вам, знать прошлое и будущее? Всем давно известно, кто вы и откуда!

Глава 13

Стены замка в Плесси ходили ходуном от криков Монтадура. Она услышала их еще из погреба.

— Неужто он узнал о моем отсутствии? — похолодев, подумала она и, стараясь остаться незамеченной, поднялась в прихожую.

— Отрекись! Отрекись!

Согнувшись в три погибели, закрыв руками лицо, выскочил из гостиной и рухнул к ее ногам оглушенный крестьянин с отекившим, окровавленным лицом.

— Госпожа, — простонал он, — вы были всегда добры к нам! Сжальтесь... Сжальтесь!

Она положила руку на его большую лохматую голову, и он заплакал, зарывшись в складки ее платья, как ребенок.

— Всех убью! — орал Монтадур, появившись на пороге. — Передавлю, как гнид! И католиков, которые вздумают им помогать, перебью к чертям!

— Как небеса еще терпят ваше кощунство! — воскликнула Анжелика вне себя от возмущения. — «Отрекись, отрекись!» Можно подумать, что мы в Микенах. Вы стоите не больше фанатиков-мавров, которые пытаются пленных христиан.

Капитан пожал плечами. Судьба пленных христиан была ему безразлична. Он вряд ли знал, что таковые существуют.

Анжелика обратилась к крестьянину на местном наречии. Она прошептала:

— Бери косу и присоединяйся к отряду де Ламориньера. И пусть все, кто еще что-то может, идут с тобой. Ступайте к Развилке Трех Филинов. Туда герцог пришлет для вас оружие и распорядится, что делать дальше. Через два дня, а то и ранее, Монтадура выгонят отсюда. Верь мне, я знаю, что говорю.

— Пусть будет, как вы сказали, госпожа маркиза, — просиял он. И тут же в нем проснулась хитрость простолюдина:

— Этак я им все подпишу, то есть отречение, лишь бы поскорей убраться отсюда... Всего на два дня, авось Господь не зачтет мне их! А уж после они мне заплатят за свое «Верую!»...

Два дня спустя, когда Монтадур со своими драгунами уехал, по обыкновению оставив на страже лишь нескольких солдат, к замку

прискакал раненый драгун. Он едва держался, словно бы переломившись в седле, потом соскользнул наземь и, прежде чем испустить дух, успел крикнуть подбежавшим товарищам: «Засада! Сюда скачут бандиты!»

Со стороны опушки послышался неясный шум. Затем из леса вывалилась толпа вооруженных крестьян. Впереди мчались с обнаженными шпагами герцог де Ламориньер и его брат Ланселот. Солдаты кинулись к службам, чтобы взять мушкеты. Один из них даже чуть не попал в герцога, на бегу выстрелив в него из пистолета. Но тут им и пришел конец: протестанты вырезали всех. Их протащили по камням до эспланады гордого замка, который они осквернили, и герцог де Ламориньер велел бросить их тела к ногам Анжелики.

— Вы отправитесь к королю!

Молин обеими руками сжимал ее запястья.

— Вы поедете к королю и покоритесь его воле! Вы одна можете остановить эту резню.

— Отпустите меня, мэтр Молин, — мягко попросила Анжелика.

Она потерла ноющие запястья. Новорожденная тишина, воцарившаяся в замке и окрестностях, где уже не ржали кони и не кричали во всю глотку драгуны, ощущалась всеми как что-то необычное. От нее не становилось легче на сердце.

— Мне сообщили, — продолжал интендант, — что на Пуату движутся войска, посланные военным министром Лувуа. Бунт будет жестоко подавлен. Когда герцога де Ламориньера посадят в тюрьму или казнят, эту попытку народного возмущения сочтут удобным предлогом, чтобы истребить всех протестантов... Что касается вас...

Анжелика молчала. Она сидела за инкрустированным столиком и всей кожей чувствовала, как уходит время.

Часы, дни смутной чередой куда-то тяжело падали, оставляя запах жухлых листьев. И вот наступил решающий день выбора — из двух судеб, двух пропастей, двух непоправимых катастроф.

— Банды господина де Ламориньера будут истреблены. Тщетно ожидать, что подыматся все в Пуату. Католики пропустят армию, потому что боятся и потому, что не любят протестантов и не прочь поживиться за их счет. И вновь мы увидим — да мы их видим уже сейчас — ужасы гражданской войны, сожженные посева, детей на солдатских пиках... На много лет Пуату останется измученной, опустошенной провинцией, вытолкнутой на задворки королевства... Тщеславная и безумная женщина, вы этого добиваетесь?

Она бросила на него хмурый, загадочный взгляд, но не сказала ни

слова.

— Да, вы хотели этого, — безжалостно настаивал старик. — Вы могли бы сделать разумный выбор, но вы повиновались капризам своей натуры, своим незамысловатым желанием. Вы всегда служили воплощением лучшего, что родила наша земля. Теперь же потворствуете самым низменным ее стихиям. А именно вам было по силам сдерживать аппетиты семейства Ламориньер, этих фанатичных скотов или суеверных бродяг. Одно ваше появление приводит их в транс.

— Разве это моя вина, что мужчины не могут пропустить юбки, чтобы не загореться? Вы несправедливы, Молин. Вспомните: я долго управляла здешними владениями, даже жила здесь, после того как овдовела. И не вносила никакой смуты...

— Тогда вы были придворной дамой, такой, как все другие... Вы не отдаете себе отчета, что вы сейчас делаете. Что сегодня зависит от одного вашего взгляда... На Востоке вы приобрели какой-то дар очаровывать, казаться таинственной и еще не знаю что... Послушали бы вы, что за байки распространяют о вас повсюду! Говорят, раньше вы были нечистой силой, вас видели то там, то здесь, во многих местах одновременно. И будто бы там, где вы проходили, урожай становился богаче (все потому, что вы повсюду слонялись с бандой мелких ленивых воришек, которые клялись и божились вашим именем). А теперь, когда вы шастаете ночью по лесам, эти болваны толкуют, что вы явились освободить Пуату своей магической властью и привести провинцию к процветанию.

— Вы рассуждаете, как Валентен, мельник.

— Кстати, о мельнике, — проскрежетал Молин. — Еще один простофиля из тех, кому вы кружили голову у Камня Фей, когда вам было десять лет! Недалекий умом скупердяй... Теперь я подозреваю, что и здесь ваши чары не потеряли власти. Кого же вы, госпожа дю Плесси, определите себе в любовники после мельника? Чей черед?

— Господин Молин, вы переходите все границы! — с достоинством произнесла Анжелика. Но вместо вспышки ярости, к которой он приготовился, выражение ее лица смягчилось, и она продолжала с чуть тронувшей губы улыбкой:

— Нет, не пытайтесь пробудить у меня угрызения совести, ссылаясь на мою репутацию скверной девчонки. Я была чистым ребенком. И вы это знаете, Молин. Вы продали меня девственницей графу де Пейраку и... вы в этом тогда не сомневались, иначе никогда не пошли бы на подобный торг. О, Молин! Как хотела бы я вообще не дожить до зрелости! Вернуть те простые радости, покой и легкость в душе. Но путь в детство закрыт, эта

страна, куда нет возврата... Там Валентен приносил мне букетики незабудок, Никола — землянику. Мы танцевали вокруг Камня Фей, а луна вставала над деревьями. Это было невинно и так красиво! Там не было греха! Но позднее я не смогла пройти по старым следам, не замарав их кровью, злобой и страстью. Может, я сошла с ума? Мне казалось что родная земля меня защитит...

— Земля — самка. Она служит тем, кто ее защищает и оплодотворяет, а не тем, кто ее разоряет. Послушайте, дитя мое...

— Я не ваше дитя.

— Напротив... в каком-то смысле... Вы отправитесь к королю, и сюда вернется мир.

— Вы, реформат, требуете, чтобы я предала людей вашей секты, которым обещала поддержку?

— Вы не предадите их, а спасете. Вы сейчас здесь, в вашем поместье, но на дубах по всей округе уже не сосчитать повешенных. Женщины плачут от стыда, обесчещенные жестокими скотами. Дети отданы на немилость этих варваров, их бросают в огонь! Во многих местах урожай загублен. Этот кошмар разрастается, поскольку солдаты одержимы страхом. Когда к ним прибудет подкрепление, они приумножат злодейства, мстя за свой страх. Это будет избиение, тем более ужасное, что остальная Франция и сам король не узнают о нем. Оно будет проводиться без шума под началом ловких господ из конгрегации Святых Даров, приближенных к трону. Король не увидит кровавых следов зверства, ему покажут лишь длинные списки обращенных. Только вы можете их спасти. В вашей власти обратиться к королю, предупредить его о том, что замышляется против его подданных. Вас он выслушает. Вам поверит. Одной вам. Ведь, несмотря на ваши проступки и непослушание, вы внушили ему безграничное доверие. Еще и поэтому он вас так добивается. Вы будете всемогущей...

Он наклонился к ней:

— ..Вы добьетесь, чтобы Монтадура повесили. Чтобы де Марильяка подвергли опале. Вы освободите короля от влияния кровожадных святош... И на наших полях воцарятся мир, справедливость и трудолюбие...

— Молиң, — простонала она, — вы подвергаете меня ужасному искушению. Самому худшему...

Она смотрела на него, как некогда, когда он убеждал ее ради спасения семьи выйти замуж за страшного незнакомца, за калеку, по слухам, одержимого дьяволом.

— Вы будете всемогущи! — повторил он... — Сейчас вы думаете о том часе, когда придется принести вассальную клятву. Подумайте же о

другом, который придет вслед за этим! О словах короля... Вы же знаете, что они не будут жестокими.

«Мое сокровище, мое несносное дитя, незабвенная...»

В полусумраке версальского утра, когда проклятая церемония останется позади, когда ее губы смолкнут после возмущенных криков — а может быть, видения ночи исторгнут из ее груди пронзительные стоны, как у преступника, которого навсегда метят раскаленным клеймом, — король склонится над ней.

Она еще будет полусонной, расслабленной — ах, как знакомы ей эти мгновения чудесной томности всего существа, бесконечного отдохновения! Вероятно, в полудреме она будет наслаждаться вновь обретенной роскошью и негой. Под лаской она почти проснется, с бессознательным сладострастием шевелясь в облаке кружев, и вдруг широко раскроет глаза навстречу лучам зари, льющимся в окно спальни. Она увидит его — и не станет сопротивляться. И она выслушает его наконец, после стольких лет бегства, пойманная... плененная... А он будет твердить ей вполголоса, как приказ, как заклинание: «Анжелика... вы и я вместе... мы непобедимы...»

В растерянности она поникла головой:

— Это чудовищно, — прошептала она. — Как если бы вы предлагали мне умереть, отказаться от всех надежд...

Внезапно ей показалось, что она уже пережила однажды подобную сцену. Конечно же, да! То был спор с Османом Ферраджи, который убеждал ее уступить марокканскому султану. Она не подчинилась... А он уничтожил всех евреев в меллахе и посадил на кол всех рабов...

Так везде, на всех широтах есть тираны и угнетаемые, зависящие от их капризов. Таков неизменный закон...

Снаружи падал легкий дождь, шумел лес, доносились звонкие крики Флоримона и Шарля-Анри, убегающих от потоков воды.

Интендант подошел к секретеру, взял листок бумаги, перо, чернильницу и, вернувшись, положил их перед Анжеликой.

— Пишите... Пишите королю. Я вечером уеду. Я доставлю письмо.

— Что же мне сказать ему?

— Правду. Что вы отправитесь к нему, покоровшись его приказу. Что вы сделаете это не из сожаления о том, что было, не под тяжестью угрызений совести, а потому, что вокруг вас ни за что мучают его вернейших подданных. Что вы возвратитесь в Версаль только после того, как выведут из провинции драгун господина де Марильяка и солдат министра Лувуа. Тогда вы засвидетельствуете ему свою покорность,

притом нижайшую и в выражениях, желаемых Его Величеством, поскольку признаете его справедливость, доброту и терпение...

Она принялась лихорадочно писать, воспламеняясь духом страстного обличения бесчинств, творимых в ее родном Пуату. Она перечислила все унижительные и жестокие меры, примененные к ней самой. Рассказала, как пьяный солдафон издевался над ее близкими. Красочно описала манеры Монтадура, а также действия господ Марильяка, Солиньяка и Лувуа. Перечислила, где и что делают королевские войска, упомянула о ширящемся неотвратимом восстании крестьян, попросила о милости к ним, и пока она писала, лицо молодого короля стояло перед ее глазами. Король виделся ей внимательным и серьезным в ночной тиши его рабочего кабинета.

— Он не мог желать этого, — сказала она Молину.

— Не обольщайтесь — мог, но только не отдавая себе в том отчета. Обращение протестантов — его заветная цель, она кажется ему искуплением его собственных грехов. Чтобы не знать, какими средствами достигается эта цель, он закрывает глаза и уши. Вы постараетесь побудить его к прозрению...

Закончив писать, Анжелика почувствовала себя разбитой. Молин запечатал письмо.

Она вышла проводить старика. Ей было не по себе, что-то подозрительное чудилось в молчании полей. Временами ветер доносил запах дыма.

— Вот опять где-то горят хлеба, — вздохнул Молин, усаживаясь на лошадь. — Монтадур со своими людьми отступает к Сгондиньи, сжигая все на своем пути. Пока ему мешают Ланселот де Ламориньер, но его отряды могут не выдержать... А Патриарху пришлось отойти к Гатину, чтобы встретить там войска Лувуа.

— Вы надеетесь благополучно проехать?

— Я захватил оружие, — он показал на рукоять пистолета, скрытую плащом.

И Молин пустился в дорогу. Старый слуга верхом на муле сопровождал его.

Перед замком Флоримон прыгал на одной ноге, толкая перед собой круглый камешек. Он подбежал к Анжелике сияющий от радостного возбуждения:

— Матушка, теперь надо уезжать!

— Почему? Куда?

— Далеко, очень далеко, — он показал куда-то за горизонт, — в

другую страну. Здесь нельзя оставаться. Солдаты могут вернуться, а обороняться нам нечем. Я осмотрел старые кулевины на укреплениях. Это игрушки, к тому же ржавые. Они ни на что не годны. Я хотел привести их в порядок, но чуть не взлетел на воздух вместе с ними... Ну вот, видите, надо уезжать...

— Ты сошел с ума. Откуда у тебя подобные мысли?

— Но... я смотрю вокруг, — объяснил подросток, пожав плечами. — Идет война, и она только начинается, как мне кажется.

— Ты что, боишься войны?

Он покраснел, и в его черных глазах она прочла презрительное удивление.

— Я не боюсь сражаться, если вы это хотите спросить. Но вот что: я не понимаю — с кем. С протестантами, которые не желают подчиниться королю и обратиться в католичество? Или против солдат короля, которые оскорбляют вас в вашем же доме? Не знаю... Это скверная война. Вот почему я хочу уехать.

Впервые он заговорил серьезно. До сих пор он казался ей таким беспечным!

— Не забивай этим голову, Флоримон, — сказала она. — Думаю, все уладится. Послушай, а ты бы не хотел... вернуться в Париж?

— Честное слово, нет! — выпалил он неожиданно. — Слишком многие мне там льстили и ненавидели меня, потому что король любил вас. С меня хватит! Но отсюда я бы предпочел уехать. Мне скучно здесь. И все не нравится. Я люблю только Шарля-Анри...

«А меня?» — чуть не вскрикнула она. Сердце ее сжалось.

Теперь он ей мстил за то, что она его только что оскорбила. И еще, безотчетно, — за то, что увлекала его на путь без выхода.

«Один Бог знает, сколько я жертвовала и боролась рада сыновей! И вот снова приношу себя в жертву».

Не сказав ни слова, она пошла к крыльцу. Послание королю сделало ее раздражительной. Она не нашла в себе мужества, чтобы говорить мягче и вселить больше уверенности в душу сына. «Удивительно, как дети ускользают у нас сквозь пальцы, — думала она. — Кажется, что знаешь их насквозь, заслужила их дружбу, и вот... достаточно отлучиться...»

До отплытия Анжелики на Крит он бы так не ответил, не усомнился бы в ней. Но теперь он достиг возраста, когда начинают интересоваться собственным будущим. Если то, что она узнала про ислам, так изменило ее, почему же не мог подействовать на мальчика год, проведенный в иезуитском коллеже? У души свои дороги и перепутья, ее не воротишь

назад.

Она услышала за спиной быстрые шаги Флоримона. Он положил ей руку на локоть и настойчиво повторил:

— Матушка, нужно уезжать!

— Но куда ты, мой милый, хочешь уехать?

— Есть много мест, куда можно отправиться. Мы все обсудили с Нафанаилом. Я возьму с собой Шарля-Анри.

— Нафанаил де Рамбур?

— Да, это мой друг. Когда я раньше бывал в Плесси, мы все время проводили вместе.

— Ты мне об этом никогда не рассказывал.

Он поднял брови, и лицо его приняло двусмысленное выражение. Очевидно, было много такого, чего он ей никогда не говорил.

— Если вы не желаете трогаться, тем хуже! Но я увезу Шарля-Анри.

— Ты говоришь глупости, Флоримон. Шарль-Анри не может покинуть это поместье, поскольку является его наследником. Замок, парк, леса и земли принадлежат ему и должны перейти к нему после достижения совершеннолетия.

— А что есть у меня?

Она посмотрела на него, и сердце ее снова сжалось: «У тебя нет ничего. Сын мой, мой прекрасный, гордый сын!..»

— У меня нет ничего?

Его тон выдавал неуверенность. Он надеялся, несмотря ни на что. Молчание матери открыло ему истину, о которой он и так уже стал догадываться.

— У тебя будут деньги, которые я вложила в торговые предприятия...

— Да нет, мои владенья, мое собственное наследство, где они?

— Ты же хорошо знаешь... — начала она.

Он резко отвернулся и стал смотреть вдаль.

— Вот из-за этого я и хочу уехать.

Она положила руку на его плечо, и они медленно возвратились в замок. «Я пойду к королю, — мечтала она. — Я поднимусь по Большой галерее, одетая в черное, под торжествующими издевательскими взглядами придворных, я встану на колени... Я отдамся королю... Но потом я заставлю вернуть твой титул и наследство... Я грешна перед тобой, мой мальчик, в том, что пожелала уберечь мою женскую свободу. Не было выхода...» Она крепко прижала его к себе. Он поглядел на нее, пораженный. И тут впервые после его возвращения они нежно улыбнулись друг другу.

— Пойдем, сыграем партию в шахматы.

Это было одно из страстных увлечений ее ребенка. Они устроились около окна за большой доской с клетками из черного и белого мрамора, подаренной одному из сеньоров дю Плесси королем Генрихом II. Фигуры были из слоновой и оленьей кости. Флоримон расставил их и склонился над доской, сосредоточенно сжав губы.

Анжелика глядела в окно на вытопанную лужайку, на поваленные драгунами деревья редких пород. (Их срубили на топливо из чистого вандализма: дровяной склад был в двух шагах.) Ее жизнь была похожа на этот разоренный парк. Она так и не смогла упорядочить свое существование. Необычайные переживания затопляли ее целиком, и не в ее силах освободиться от их власти. Здесь, около еще не окрепшего сына, которого ничто не могло защитить, она осознала, как слаба одинокая женщина, лишенная покровительства. Некогда она чувствовала себя готовой на все, чтобы победить. Ныне это «все» вызывало только горечь. Она знает цену тщеты человеческой. Из ислама она усвоила, что лишь осуществление всего, что есть человек, дает ему согласие с самим собой.

Ей же предстояло отдаться королю. Совершить худшее из предательств — отречься от собственной души.

— Ваш ход, матушка, — сказал Флоримон. — Если вы доверяете мне, я бы вам посоветовал пойти ферзем.

Анжелика ответила бледной улыбкой и пошла ферзем. Флоримон обдумал сложный маневр, потом подвинул фигуру и поднял глаза.

— Я знаю, тут не совсем ваша вина, — сказал он мягким, рассудительным голосом, каким, должно быть, говорил в коллеже. — Не так легко разобраться, когда столько людей желают вам зла, потому что вы красивы. Но думаю, что надо уехать, пока не станет слишком поздно.

— Все не так просто, дружок. Ты сам это видишь. Куда нам отправиться? Я только что проделала очень длинное путешествие, Флоримон. Меня преследовали невероятные опасности. И пришлось в конце концов возвратиться, так и не найдя того, кого я искала...

— Я сам найду его! — воскликнул сын.

— Не будь самонадеян. Это дорого обходится.

— Я вас не узнаю, — сурово заметил он. — Разве не вас я провел в подземелье, когда вы решили разыскать отца?

Анжелика разразилась смехом:

— Ох, Флоримон! Мне нравится твоя настойчивость. Ты имеешь право ворчать на меня, но видишь ли...

— Если бы я это знал, я бы сопровождал вас вместо того, чтобы

торчать в проклятом коллеже. Вдвоем мы бы добились успеха.

— Какой ты самонадеянный, — повторила она с нежностью. — Ты не отдаешь себе отчета в опасностях и трудностях такого путешествия. Ты слишком молод. Надо каждый день добывать еду, искать кров, свежих лошадей, да мало ли что еще! Нужны деньги, чтобы платить за все это.

— У меня довольно увесистый кошелек. Я копил.

— В самом деле? А когда он опустеет? Люди жестоки, Флоримон. Они ничего не дают даром. Придет время, и ты вспомнишь мои слова.

— Хорошо, — подросток с явным раздражением пожал плечами. — Я понял. Я не возьму с собой Шарля-Анри, потому что действительно он — слишком мал, чтобы достойно встретить все трудности, и к тому же у него наследство. Но я хочу найти отца и Кантора. Я знаю, где они.

Анжелика застыла с шахматной фигурой в руке.

— Что ты сказал?

— Да, я знаю, потому что видел их во сне этой ночью. Они в стране, где много радуг. Это странная страна. Всюду клубятся облака, меняя цвета. И среди цветного тумана я увидел отца. Я его плохо различал. Он был похож на призрак, но я-то знал, что это он. Я хотел к нему подойти, но туман сомкнулся перед ним. И вдруг я вижу, что стою в воде. Это было море. Я никогда не видел моря, но такие волны могут быть только там. Они двигались туда и обратно, и пена захлестывала мои ноги. Волны становились все выше. Наконец я увидел громадную волну и на ее вершине — Кантора. Он мне кричал: «Иди сюда, Флоримон, ты не представляешь, как тут забавно!»

Анжелика вскочила, оттолкнув стул. По спине струился ледяной пот. Слова Флоримона напомнили ей ее ночные видения, смысла которых она не хотела понимать. СМЕРТЬ! Это смерть двух любимых ею существ, блуждавших теперь в царстве теней.

— Замолчи, — простонала она, — То, что ты говоришь, ужасно!

Она убежала в свою комнату. Села, сжав голову руками, перед секретером. Чуть позже дверь тихонько приоткрылась и впустила сына.

— Я все обдумал, матушка. Наверное, мне следует отправиться к этому ДРУГОМУ морю. В коллеже я узнал, что, кроме Средиземного, есть еще море — это Западный океан. Его называют Атлантическим, потому что он простирается над затонувшим континентом Атлантидой. Арабы зовут его Морем сумерек, может быть там...

— Флоримон, — взмолилась она. — Мы поговорим об этом позже. Но теперь оставь меня, а то... а то я вынуждена буду дать тебе пару пощечин.

Подросток посмотрел на нее хмуро и вышел, хлопнув дверью.

Двигаясь, словно в забытьи, Анжелика открыла ящик секретера. На глаза ей попало письмо короля — то самое, которого она не захотела прочесть.

«...Моя незабвенная, откажитесь от ваших сумасбродных причуд. Вернитесь ко мне, моя Анжелика, вспомните, как в минуту отчаяния вы призывали меня и просили о прощении через посредничество благочестивого отца Валомбреза. Я хотел бы, в доказательство вашей искренности, услышать эти слова из ваших собственных уст. Вы так опасны, прекрасная Анжелика, в вас дремлет, столько сил, мне враждебных! Придите, протяните мне руку! Я всего лишь одинокий король, который вас ждет. Вам будут возвращены все права, и я не оставлю рядом с собой никого, кто вам не по душе. Вам нечего бояться. Ведь я знаю, что вы умеете быть верным другом, как и честным врагом...» Письмо было длинным, и все в том же духе. Анжелика чувствовала, что в нем не было вероломства, тайного намерения заманить ее в ловушку. Король писал: «Вы будете моей владычицей, и я вполне сознаю, что это слово означает. Я доверяю вашей преданности, доверьтесь моей лояльности... Говорите со мной, и я буду вас слушать. Подчиняйтесь мне, и я вам подчинюсь...» Она устало закрыла глаза. Он победил. Она была права, решившись уступить ему... Завтра несправедливость будет повержена. Она сделает для этого все, что в ее силах...

Флоримон бродил по главной аллее с пращей в руках, стараясь подбить коршуна. Анжелике стало его жалко, она спустилась в парк, чтобы его подбодрить. Она хотела поговорить с ним о короле, поманить его звуками титулов, которые ему вернут, и должностей, которых она для него добьется.

Но пока она подходила к месту, где его видела, Флоримон исчез. Остался только Шарль-Анри. Он стоял на берегу пруда, глядя на лебедей. Его белая атласная одежда была так же хороша, как оперение птиц, а развевающиеся волосы походили на листву осины, что склонилась к воде над его головой.

Что-то обеспокоило Анжелику в поведении трех лебедей, плавающих у берега. Известно, что это злобные птицы, они могут утащить ребенка в воду. Она быстро подошла и взяла его за руку.

— Не стой так близко к воде, малыш. Лебеди очень злые.

— Неужели? — спросил он, подняв на нее свои небесно-голубые глаза. — Но ведь они такие красивые, белые...

Его пухлая рука тепло и доверчиво лежала в ее ладони. Он семенил рядом, не сводя с нее глаз. Всегда ей казалось, что он похож только на

Филиппа, но Гонтран оказался прав. В этой розовой мордашке было нечто роднившее его с Кантором — тот же вырез губ, линия подбородка, общая у всех отпрысков рода де Сансе.

«Ты тоже мой сын, малыш», — подумала Анжелика с нежностью.

Она села на мраморную скамью, посадила его к себе на колени. Глядя волосы мальчика, она спрашивала, был ли он сегодня послушным, играл ли с Флоримоном, умеет ли он уже сидеть на ослике.

И на все это он отвечал тонким певучим голоском: «Да, матушка. Да, матушка».

Был ли он глупым? Нет, конечно. В его затененном длинными ресницами взгляде чувствовалось что-то таинственное, напоминавшее о меланхоличной скрытности его отца. Разве он не похож на Филиппа, этот маленький одинокий сеньор в завещанном ему замке? Она прижала его к себе. И подумала о Канторе. Как мало она ласкала его! И вот он умер. У нее вечно не хватало времени побыть хорошей матерью. Раньше, когда они были еще бедны, она нередко играла с Флоримоном и Кантором. А вот Шарля-Анри постоянно отстраняла от себя. Это было несправедливо, не могла же она отрицать, что любила его отца! Иначе, чем своего первого супруга, но все же любила. Она приложила ладонь к полной щеке ребенка и нежно расцеловала его:

— Знаешь, малыш, я люблю тебя. Очень.

Он замер, будто пойманная птица. Улыбка блаженства расцвела на его губах.

Флоримон появился в аллее и приблизился к ним, прыгая на одной ножке.

— Знаете, что мы сделаем завтра? — сказала Анжелика. — Мы наденем старые лохмотья и пойдем на речку ловить раков.

— Браво, брависсимо! — закричал Флоримон, которого Флипо обучал итальянскому.

Глава 14

Это был чудесный день. Казалось, позабыты все заботы будущего и огорчения минувшего. Лес смыкал над ними свои золотые кроны. Солнечный свет пробивался сквозь рыжую листву дубов, пурпур буков и медь словно горевших факелами каштанов. Плоды каштанов осыпались на мох. Они лопались, и под скорлупой блестела темная кожица ядра. Обилие впечатлений приводило Шарля-Анри в восторг. Он набивал каштанами карманы розовых полотняных штанов. Что скажет Барба? Несмотря на предупреждения Анжелики, она придела его, словно на прогулку в Тюильри. Сначала он тревожно поглядывал на зеленые пятна, испещрившие одежду. Потом, видя, что мать не обращает на это внимания, расхрабрился, стал кататься по траве, карабкаться на пни. Перед ним открылись ворота рая, и все благодаря Анжелике! Он всегда знал, что полное счастье — в ней, в ней одной. Вот почему по вечерам он так долго смотрел на ее портрет в медальоне.

Их сопровождали Флипо и аббат де Ледигьер. Анжелика немножко гордилась тем, как глядели на нее юноши, особенно Флоримон. Она угадывала их молчаливое восхищение, когда водила их по заповедным тропкам, показывала таинственные ручейки. Для них, знавших ее при дворе, она казалась сейчас совсем другой, новой и загадочной. Они быстро вошли во вкус игры, возились в воде, ища норы, поджидали, лежа на мшистом берегу, когда раки приползут к утопленным корзинам с тухлым мясом. Флоримон был несколько уязвлен своей неспособностью ловить их, как Анжелика, руками. Она смеялась, видя его сконфуженную мину, и сердце ее бурно билось от мысли, что она вновь завоевывает уважение сына.

На одной из полян они встретили колдунью Мелюзину. Горбатая, черная, в ореоле белых, как снег, волос, старуха искала грибы, разгребая скрюченными пальцами мох. Медленно кружились и падали вокруг нее красные листья бука, словно бы в каком-то ритуальном танце, выражающем почтение к этому исчадию всего пагубного, что есть в природе. Анжелика окликнула ее:

— Мелюзина, э-ге-ге!

Старуха выпрямилась, пытаясь разглядеть, кто приближается к ней. Но вместо того чтобы приветствовать ту, чью силу она признавала и считала почти равной своей, старуха воздела худую руку, останавливая их,

и ужас искажил ее черты:

— Прочь! Прочь! Ты — проклятая мать!

И она бросилась от них в кусты. Тут вдруг стал накрапывать дождь, и маленькая группка поспешила к Камню Фей в поисках укрытия. Под сенью древнего могильника земля, усыпанная потемневшей хвоей, оставалась сухой. На одной из каменных плит были высечены хлебные колосья: знак плодородия.

Укрывшись в смолистом сумраке под каменной крышей, Флоримон, смеясь, сказал, что здесь все напоминает его былые путешествия по подземельям, но там, пожалуй, пахло хуже.

— Люблю подземелья, — глубокомысленно заметил подросток. — Там познаешь тайну земли. Все эти скалы образуются так медленно, что мы ничего не замечаем. Однажды в коллеже я попал в погреб. Я там покопал немного киркой. Выступила скала. Я подобрал несколько прекрасных осколков... — И он пустился в длинное повествование, где латинские слова мешались с химическими формулами — и все по поводу тех образцов породы, с помощью которых он пытался составить смесь для взрывов. — У меня разлетелось не знаю сколько колб в лаборатории, и меня наказали. Но все-таки, матушка, уверяю вас, я был на грани открытия, которое бы перевернуло науку. Я сейчас объясню. Думаю, только вы можете это понять...

— Подумать только, иезуиты считали его неумным, — произнесла Анжелика, как бы беря в свидетели аббата де Ледигьера. — Любопытно, по каким свойствам души они определяют хорошего преподавателя?

— У Флоримона не вполне обыденный ум, это и сбивает их с толку.

— Если они не способны ни понять его, ни развить, разве это достаточный повод, чтобы душировать его любознательность? Я тебя пошлю учиться в Италию, — обратилась она к Флоримону. — На берегах Средиземного моря можно набраться всей имеющейся на свете премудрости. Но тому, что тебя занимает, лучше всего учиться у арабов. Слово «алхимия» — арабское. И в китайских книгах можно многое почерпнуть.

Так в первый раз она заговорила о путешествии на острова Леванта. Шарль-Анри прильнул к ней. Он был на вершине блаженства. Дождь между тем барабанил по листве, ветер налетал порывами с шумом, похожим на гул морского прибоя.

Затем Анжелика завела речь о том, как она ослушалась короля.

— Его Величество запретил мне покидать столицу. Как ты знаешь, я все-таки улизнула. Но теперь все уладится. Король меня прощает. Он

просит меня возвратиться ко двору. Я послала Молина к нему с письмом. Пройдет совсем немного времени, и солдаты, которые нас так измучили, будут наказаны, а в крае воцарится спокойствие.

Флоримон слушал ее со вниманием.

— Так вам ничто не угрожает? Ни вам, ни Шарлю-Анри?

— Уверяю тебя, нет, — улыбнулась она, пытаясь отогнать тягостные предчувствия.

— Я очень рад, — с облегчением промолвил сын.

— Значит, ты уже не хочешь уехать?

— Нет. Вы же говорите, что все устроится.

Они вернулись очень поздно. Барба уже волновалась. Ведь в эту пору опасно ходить в лес: можно встретить волка... Она уже чуть не померла. А в каком состоянии одежда малыша! Бедняжка, да он не стоит на ногах! Он не привык так поздно ложиться.

— Ну же, успокойся, — урезонила ее Анжелика. — Твой любимчик объелся ежевикой и развлекался, как сказочный принц. Успеет выспаться: ночь еще не кончилась.

Действительно, ночь еще не кончилась, роковая ночь для замка Плесси.

Глава 15

Анжелика уже начала раздеваться, когда ей послышался стук копыт одинокой лошади у ворот замка. Она замерла и прислушалась. Затем, вновь затянув шнурки корсажа, вышла из спальни, открыла створку большого окна и выглянула. Она успела увидеть всадника, канувшего во мрак главной аллеи.

Кто это мог быть? Затворив окно, она задумалась. Потом решила спуститься вниз, выспросить у слуг, что же произошло. Но сначала поднялась на несколько ступенек и тихонько приоткрыла дверь спальни Флоримона:

— Ты спишь?

Только что, прощаясь с матерью, он пожелал ей доброй ночи, глаза его блестели, и он прижался к ней:

— Матушка! Ах, матушка! Какой славный день! Как я вас люблю!

Из его густой шевелюры торчали травинки, от него пахло лесом, и она, смеясь, поцеловала его в оцарапанную щеку.

— Спи, сын мой. Вот увидишь, все будет хорошо.

Сейчас она подошла к кровати. Постель была не разобрана и не смята. Не было ни одежды сына, ни его шпаги, ни плаща. Не помня себя, Анжелика ринулась в соседнюю комнату, где спал аббат де Ледигьер.

— Где Флоримон?

Молодой человек, протирая спростонья глаза, удивленно пробормотал:

— Как же... В спальне!

— Его там нет! Вставайте, живо! Надо его найти!

Они разбудили Лена Пуару и его жену, храпевших в закутке у кухни. Те ничего не видели. Да и что может произойти после полуночи?

Анжелика набросила на плечи плащ и в сопровождении поспешно одевшихся слуг побежала в конюшню. У фонаря лохматый мальчик-слуга, напевая, грыз засахаренный миндаль. Около него на скамейке лежал целый мешок этого лакомства.

— Кто тебе это дал? — закричала Анжелика, уже зная ответ.

— Мессир Флоримон.

— Ты помог ему оседлать лошадь? Он ускакал?

— Да, сударыня!

— Дурень! — закричала она, отвесив ему пощечину. — Господин аббат, скорее на коня! Верните его!

Аббат был без плаща. Он поспешил к замку, а в это время Анжелика, бранясь, торопила мальчишку, медлившего седлать другую лошадь.

Пока он там пыхтел, она выбежала на большую аллею, еще надеясь услышать стук копыт. Но было тихо. Только ветер шевелил палую листву. Она закричала:

— Флоримон! Флоримон!

Ее зов утонул во влажном воздухе ночи. Лес остался глух.

Появился аббат.

— Поспешите! — с мольбой бросилась к нему Анжелика. — Как только выберетесь из парка, прижмитесь ухом к земле. Так вы узнаете, в какую сторону он поскакал.

Оставшись одна, она постояла в нерешительности, не зная, следует ли ей тоже оседлать лошадь и мчаться на поиски Флоримона. Но тут тишину ночи пререзал печальный звук рога. Она прислушалась к мелодии: это было «Улюлю»!

Клич повторился, он звучал снова и снова, все более отчаянно. Эхо не успевало замереть, и лес наполнился трагическим гулом.

Анжелика похолодела. Она подумала о Флоримоне, который, возможно, отправился туда за своим другом Нафанаилом. Внезапно в круге света от тяжелого чугунного фонаря над воротами возник всадник: она даже не услышала его приближения.

Это был запыхавшийся аббат:

— Драгуны идут!

— Вы встретили Флоримона?

— Нет. Солдаты преградили мне дорогу. Я был вынужден вернуться. Их очень много, и они идут тесными шеренгами. Командует ими Монтадур. Они направляются к замку Рамбур.

Рог все не умолкал, трубил безнадежно, оглушительно, словно моля о помощи.

Анжелика поняла, что произошло. Драгуны короля, должно быть, отступали под натиском протестантских отрядов. Доведенные до отчаянья, зная, что зажаты лесами и болотами, они стремились в знакомые места.

— Надо идти туда! — сказала она. — Рамбуры нуждаются в нашей помощи.

Она подумала о Флоримоне: «Не в добрый час он попал в это осиное гнездо!»

Вместе с молодым священником она вскарабкалась на холм, где стоял протестантский замок. Уже чуть светало. На полдороги они столкнулись со стенающей кучкой людей. Это была госпожа де Рамбур с детьми и

служанками.

— Госпожа дю Плесси, мы бежим укрыться у вас. Драгуны идут с зажженными факелами. Они пьяны, разнузданны. Они подожгли наши службы и, наверное, будут нас грабить.

— А Флоримон не с Нафанаилом?

— Флоримон? Откуда мне знать? Я не знаю даже, где Нафанаил.

Обернувшись к детям, она простонала:

— Где Нафанаил? Где Ревекка? Я думала, что ты, Иосиф, дал ей руку...

— Я держу за руку Сару.

— Боже мой, значит она отстала! А ваш отец?

Бедняжка шаталась, придерживая руками живот. Ей осталось несколько дней до родов.

— Идите ко мне, — решила Анжелика. — Господин аббат вас проводит. Я поднимусь наверх и посмотрю, что там делается.

Она вскарабкалась на высокий отрог у старого донжона и замерла, укрытая стеной. К реву солдат, захвативших поместье, примешивались истошные крики пытаемых мужчин и пронзительные вопли женщин, которых терзали эти скоты. Рожок смолк.

Держась в тени, Анжелика осторожно прокралась вдоль левого крыла замка. Вдруг она наткнулась на чье-то безжизненное тело. Казалось, будто мертвеца обвил огромный золотой удав. Наклонясь над несчастным, она увидела, что это де Рамбур с охотничьим рогом через плечо. В него всадили рогатину, которая прошла насквозь, пригвоздив барона к земле, как зверя, убитого пиками охотников.

Какие-то люди пробежали невдалеке. Анжелика успела отскочить под сень деревьев. Оттуда она смотрела на драгун, танцующих, словно красные черти: балет грабежа — излюбленная утеха армий, существующая с той поры, когда мужчина сделался воином.

Из их глоток рвался сиплый крик — предвкушая развлечение, они теснились к стене, поднимая вверх длинные алебарды:

— На пики, на пики!

Сверху из окна бросили нечто, похожее на маленькую куклу, и оно завертелось в пустоте. Ревекка!

Не помня себя от ужаса, Анжелика бросилась вниз сквозь кусты. Когда она добралась до Плесси, слуги, собравшись перед воротами, глядели на соседний замок, объятый пламенем.

— Вы видели Ревекку? — спрашивала госпожа де Рамбур. — А барона?

Анжелика сделала нечеловеческое усилие, чтобы придать лицу бесстрастный вид.

— Они... укрылись в зарослях. Мы сейчас поступим так же. Быстро, мои храбрецы, берите плащи, припасы. Где Барба? Растолкайте ее! Пусть оденет Шарля-Анри.

— Сударыня, — сказал Лавьолет, — взгляните!

Он показывал туда, где между деревьями текло с холма множество светящихся точек: факелы драгун.

— Они идут сюда... От замка Рамбур.

— Они уже здесь! — закричал один из мальчиков-слуг.

В конце большой аллеи появился рой светящихся точек. Это другой отряд драгун поднимался к замку. Солдаты не торопились. Было слышно, как они вдалеке окликали друг друга.

— Нужно вернуться в дом и запереть все входы и выходы, — решила Анжелика, — все, вы слышите?

Она сама проверила, хорошо ли заложили парадную дверь толстыми брусьями, осмотрела засовы на тяжелых деревянных ставнях окон первого этажа.

— Несите сюда оружие! Встаньте между окнами!

Аббат де Ледигьер невозмутимо обнажил шпагу. Мальбран явился с целой охапкой пистолетов и мушкетов.

— Откуда это у вас?

— Да вот немного поднакопил про запас, в ожидании беспорядков.

— Спасибо, Мальбран, спасибо!

Кучер принялся раздавать мушкеты юношам. Несколько пистолетов он даже вручил служанкам, и теперь они судорожно сжимали дрожащими пальцами тяжелые рукояти.

— Если не сумеете управиться с порохом, милочки, то ведь всегда можно перехватить эту штуку за дуло и бить по черепу.

Госпожа де Рамбур с детьми укрылась в гостиной. Оттуда она тревожно следила за Анжеликой. Некуда было деваться от упорного взгляда ее опухших глаз.

— Что случилось с маленькой Ревеккой? А с моим мужем? Вы что-то знаете об этом, сударыня?

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие. Хотите, я помогу вам уложить детей, чтобы они немного отдохнули? Не надо их волновать.

Госпожа де Рамбур сползла со стула на колени и молитвенно сложила руки.

— Дети мои, помолимся! Пришел день скорби...

— Сударыня! Драгуны!

Приоткрыв окно, слуги осторожно выглядывали наружу. Перед замком в свете факелов красовался Монтадур на тяжелой лошади в яблоках. Сейчас капитан показался Анжелике еще толще и массивней. Многодневная рыжая щетина делала его физиономию до того грубой, что было похоже, будто ее вылепили из сырой глины, какая идет на кирпичи.

С ним были несколько всадников и пехота с алебардами и мушкетами. Они стояли в нерешительности.

— Эй, кто-нибудь! Откройте! — прорычал Монтадур. — Иначе я высажу дверь!

В ответ ни звука. Между тем прибыли и драгуны, спустившиеся из замка Рамбур. Эти были особенно возбуждены, помня, как их выгнали отсюда неделю назад. Ламориньер тогда приказал выкинуть к ограде тела четырех их товарищей.

По приказу капитана к двери приблизились два солдата с огромными топорами. Дом содрогнулся от их могучих ударов. Один из детей баронессы всхлипнул, потом замолк, и снова все семейство зашептало молитву.

— Мальбран, — одними губами позвала Анжелика.

Конюший медленно поднял мушкет и высунул ствол в приоткрытое окно. Выстрел — и один из солдат выронил топор. Другой выстрел — и вот уже оба лежат у крыльца бездыханные.

У драгун вырвался крик ярости. Трое с мушкетами, подбежав к двери, бешено заколотили в нее прикладами.

Пока Мальбран перезаряжал свое оружие, Лавьолет хладнокровно выстрелил из другого окна — один раз, потом еще. Двое упали, Мальбран взял на себя третьего.

— Назад, болваны, — взревел Монтадур. — Хотите, чтобы вас перестреляли по одному?

Нападающие отбежали, как голодные волки. На порядочном расстоянии Монтадур выстроил солдат с мушкетами. Грянул залп. Решетчатые окна брызнули во все стороны бесчисленными разноцветными каплями. Лавьолет, не нагнувшийся вовремя, упал. Аббат де Ледигьер поднял оружие, выроненное храбрым слугой, и занял его место у разбитого окна. Атака возобновилась. Сквозь покореженный оконный переплет уже можно было разглядеть искаженные злобой лица приближающихся солдат. Тем временем офицеры стали совещаться, желая избрать более безопасную тактику.

Анжелика на коленях подползла к Лавьолету и за плечи оттащила его

в угол прихожей. Он был ранен в грудь: на желто-голубой ливрее цветов дома Плесси расплзлось красное пятно.

Молодая женщина бросилась на кухню за спиртом и корпией. Картина, которую она застала, поразила ее. Тетушка Аурелия, кухарка, стоя перед пылающим очагом, внимательно изучала содержимое большого котла, подвешенного над огнем.

— Что ты делаешь? Готовишь суп?

— Но, госпожа маркиза, надо же вскипятить масло, чтобы лить им на головы. Так всегда делали в старину!

Увы, замок Плесси не был приспособлен для того, чтобы держать осаду, как в старое доброе время.

Тетушка Аурелия прислушалась:

— Они за ставнями! Я слышу, как эти проклятые скребутся.

Действительно, солдаты обошли дом и принялись за тяжелые кухонные ставни. Вскоре раздались первые удары топора.

— Поднимитесь на второй этаж, — велела Анжелика трем мальчикам с пистолетами, — и стреляйте из тех окон, что над кухней.

— А у меня только мой арбалет, — сказал старый Антуан, — но ей-богу, госпожа маркиза, он хорош в деле. Я сейчас этих наглецов превращу в подушки для булавки.

С куском полотна для повязки Анжелика вернулась к Лавьолету. По гостиной плавали густые клубы дыма, и щипало глаза. Она сразу поняла, что усилия ее тщетны. Слуга умирал.

— Га-а-жа маркиза, — запинаясь и захлебываясь кровью, шептал он, — я хотел вам сказать... Самое лучшее воспоминание в моей жизни, это когда я нес вас на руках.

— Что ты говоришь, бедный мальчик? («Он бредит», — подумала она.) — Да нет, я же выкрал вас... по приказанию... господина... маршала... Я вас тогда... ну, это... обнял... Бес попутал меня... Пришлось даже придушить вас малость, чтобы это... получилось... Потом я вас нес, я на вас глядел... Это было самое прекрасное в жизни, потому что женщина... такая красивая... как вы...

Его голос затухал. Он вздохнул и сказал ясно, важно, будто поделился большим секретом:

— ..Таких не бывает!

Близился последний миг. Она взяла его руку.

— Я прощаю тебе все, что случилось той ночью. Хочешь, позову аббата Ледигьера, чтобы он тебя причастил?

Слуга вздрогнул, приподнялся, как бы готовясь к последнему отпору:

— Нет-нет! Мне надо умереть в своей вере.

— Ну да, ты же протестант. Я забыла.

Она погладила его покрасневший лоб:

— Бедняжка! Несчастное заблудшее создание. Ну, теперь иди, иди, пора... Пусть Господь примет тебя.

Лавьолет умер. В углу стонала раненая девочка-служанка. Мальбран Верный Клинок весь почернел от пороха. Подростки носили боевые припасы с одного этажа на другой.

«Надо что-то делать. Надо остановить это», — подумала Анжелика. Она поднялась на второй этаж, распахнула одно из окон:

— Капитан Монтадур!

Ее голос ясно прозвенел в ночи. Монтадур немного отъехал, чтобы лучше ее разглядеть. При виде ее он задрожал от страха и торжества. Она — там! В ловушке! Месть близка.

— Капитан, по какому праву вы осмелились осадить жилище добрых католиков? Я обращаюсь к королю.

— Ваше католическое жилище — гнездо еретиков. Выдайте нам волчицу-гугенотку и ее выводок, и мы оставим в покое вас и вашего сына.

— Какое дело вам до женщин и детей? Вам более подобает преследовать банды Ламориньера.

— Вашего сообщника! — взревел Монтадур. — Думаете, я вас не раскусил? Вы предали нас, вы продали душу дьяволу, проклятая колдунья! Пока я сражался за нашу веру, вы рыскали по лесам, хотели выдать меня бандитам. Мне удалось разговорить одного из ваших любезников...

— Я обращаюсь к королю, — закричала Анжелика так же громко, как и он. — И господин де Марильяк будет осведомлен о вашем поведении. В таких интригах, когда борются знатные персоны, их слишком ретивые исполнители расплачиваются первыми... Попомните мои слова!

Несколько мгновений Монтадур колебался. Тут была своя правда. Уже и сейчас, отбиваясь от засад, отрезанный от начальников, чуть не растеряв обозленных и испуганных солдат, он опасался, что его не особо похвалят за то, каким манером он искореняет ересь в Пуату. Но его солдатам нужны были убийства и грабежи, чтобы снова поверить в себя. И потом, никогда более у него не будет случая заполучить ее, ту, что изводила его вот уже несколько месяцев, обвела вокруг пальца, как мальчишку. Его, Монтадура! А там разберутся. Но сначала надо заставить ее вить, нужно опоганить гордячку.

— А ну-ка подпалите мне это логово! — прорычал он, широким жестом указав на замок.

И, обернувшись к Анжелике, захохотал грубо и оглушительно. В голосе его звучали ненависть и страсть.

Она отшатнулась. Нет, переговорами ничего не добиться. Уже стал явственным запах дыма, непохожий на то, как пахнет подожженный порох. Пронзительный голос тетушки Аурелии вопил снизу: «Они подожгли ставни!..» Полусонная физиономия Барбы появилась в полуоткрытой двери:

— Отчего весь этот шум, сударыня? Они разбудят маленького!

— Драгуны хотят напасть на нас. Живо, возьми Шарля-Анри, заверни в покрывало и спускайся в подвал. А я посмотрю, можно ли пройти...

Подземный ход! Это последний шанс. Надо пустить первыми детей, женщин, и потом молить Бога, чтобы все драгуны убрались из того леса, где лаз выходит наверх!

Она бегом кинулась к погребам, но, пробираясь среди бочек, с леденящим кровью ужасом услышала за дверью подземелья глухой шум и голоса. Они нашли ход! Вероятно, тот человек под пыткой выдал им все.

Анжелика, словно оглушенная, застыла с ночником в руке, глядя, как поддается полусгнившая дверь.

Опомнившись, она побежала наверх и заперла винный погреб на все засовы.

— Останься здесь! — приказала она Лену Пуару, который попался ей навстречу с огромным вертелом в руках. — Режь на куски всех вонючих гадов, что полезут из этой дыры!

— Огонь, огонь! — вопила тетушка Аурелия, пятась.

Дым пожара уже пробивался во все щели. Подростки спустились со второго этажа. Они больше не различали в дыму нападавших. К тому же у них кончились боевые припасы.

Они смотрели на Анжелику, и в их глазах разрасталась паника:

— С-дарыня, с-дарыня! Что надо делать?..

— Надо идти за подмогой, — сказал чей-то голос.

— Куда? — закричала она.

Как безумная, она снова взбежала по лестнице — на самый верх, до башенки. Она металась по узкой площадке и, не видя ничего, кроме ночной темноты, задыхаясь в едком дыму, выкрикивала:

— Какая помощь? Откуда?

Она даже не знала, где теперь отряды Самуила де Ламориньера.

На первом этаже послышалось что-то вроде взрыва. Ей показалось, что рухнет стена, но это раздался дикий вопль осажденных при виде

первых проникших в замок солдат.

Анжелика спустилась с башенки и перегнулась через перила. Первый этаж стал ареной ужасного побоища. Крики отчаянно отбивавшихся слуг, визг преследуемых женщин, рыдания детей, цепляющихся друг за друга, рев солдат, которых тетушка Аурелия кропила в упор из своего кипящего котла. И среди всего этого — мольбы баронессы де Рамбур, стоящей на коленях посередине гостиной, простирая к ослепшим небесам сложенные в молитве руки.

Мальбран Верный Клинок, схватив стул с тяжелой спинкой, крушил им всех, кто приближался. Крики насилуемых, стоны умирающих... И вой охотничьей своры: «На пики!» Анжелика увидела драгуна, бегущего к окну с одним из детей баронессы в руках. Она бросилась вперед, но споткнулась о валявшийся на полу мушкет. Свинец и порох лежали рядом. Она схватила ружье и зарядила, двигаясь словно под влиянием каких-то чар: она не знала, как обращаться с мушкетом. Однако когда она подняла тяжелый ствол и нажала курок, солдат, в которого она целилась, завертелся и упал с дырой вместо лица...

Она оперла мушкет о балюстраду и продолжала стрелять по красным мундирам, пытавшимся подняться по лестнице. Но вдруг на плечи ей упали тяжелые руки и швырнули ее наземь.

Ее глаза успели уловить еще три картины. Барбу, бегущую куда-то, прижимая к груди Шарля-Анри. Залитое слезами лицо служанки Бертиль, бившейся в руках трех солдат, в безобразно расстегнутой одежде. Окна, распахнутые в ночь, и как в них выбрасывали тела. Потом сознание того, что происходит вокруг, покинуло ее, вытесненное примитивным животным страхом. Никогда еще она не испытывала столь низменного смятения. Даже привязанная к пыточному столбу, она не до конца утратила разум и способность думать о том, что есть существование, жизнь, смерть.

В эту ночь она вся превратилась в один темный слепой порыв вырваться, избежать того, что должно случиться с ней. Она бешено отбивалась, задыхаясь в кошмаре полной беспомощности. Вспомнилась ночь, когда вельможи из Таверны Красной Маски бросили ее на стол, чтобы поиздеваться вволю. Тогда на помощь ей пришла собака Сорбонна.

Этой ночью никто не придет. Демоны отмстят непобедимой женщине, дотоле избегавшей ловушек. Они лезли из всех углов в рогатых масках, красных адских ливреях и с волосатыми лапами. Этой ночью они уничтожат ее, выплеснут и втопчут в грязь тот волшебный эликсир, что хранил ее от позора. Она слишком часто проходила неопаленной сквозь огонь греха. Они сделают ее такой, как все. Никогда ее уже не осенит

благодать любовных чар.

Их зловонное дыхание... Уродливые мерзкие губы... Пальцы, как ползающие по коже слизняки... И треск разрываемого платья.

Ее распяли. Лодыжки прижаты к полу жесткими, словно кандалы, руками солдат. В ушах — скабрзные выкрики. И невыносимое удушье — словно ее тело, отданное на расправу, тонет в тяжелой, черной воде.

Это было хуже, чем убийство. Ее плоть уже ей не принадлежала, стала чужой и отвратительной. Невероятная боль пронизала все ее существо, мучения сделались нестерпимы. Тогда милосердная природа утопила все во мраке забвения.

Глава 16

Анжелика приподнялась. Она лежала на плитах пола. Щека еще хранила холод камня. Утренний туман мешался с клочьями дыма, и в них утопало все. Еще не придя в себя, она посмотрела на ободранные и обожженные руки. Их она поранила, когда заряжала мушкет. И даже не заметила... Память медленно возвращалась к ней. Она приподнялась, хотела встать, но замерла на коленях, опершись на обе руки и постанывая от боли. Волосы тяжелой волной упали на разбитое лицо, кожа горела и ныла, совсем как тогда, когда однажды в горах Рифа она упала на каменистой тропе в полном истощении сил.

Ага, ты думала, что ускользнула от демонов, ты, неукротимая и слишком отважная красавица! Но демоны настигли тебя там, где ты чувствовала себя в полной безопасности, на земле твоего детства, среди твоих близких. Худшее ждало тебя именно здесь. Ты напрасно надеялась, что навсегда сохранишь этот взгляд на жизнь, издевающийся над преградами и надменный к убогим душам. Теперь ты пережила худшее. Тебе уж больше не подняться! Анжелика, горделивая Анжелика, ты еще не знаешь всего! Ты и сейчас не ведаешь, какую незаживающую рану нанесла эта ночь. Что ж! Заурядные люди могут возрадоваться!

Женщина, пробующая встать, опираясь на стену, и в бледном свете утра безумными глазами оглядывающая все вокруг, — эта женщина никогда не будет похожа на ту, прежнюю, что боролась и надеялась, бесконечно возрождаясь к новой жизни и любви с дерзкой силой красивого цветка, раскрывающегося при первых лучах солнца.

Руки ее полубессознательно задвигались, пытались нащупать разбросанные, изорванные одежды. Вспомнив, что произошло, она глухо застонала. Чужие прикосновения и запахи преследовали ее. Собственное тело внушало ужас.

Вокруг там и сям лежали люди. Среди них выделялись красные мундиры драгун. Анжелика не понимала, что они мертвы. Боязнь, что кто-нибудь из них проснется, заставила ее поторопиться к лестнице. Несмотря на боль во всех членах, она начала спускаться по ступеням. Вдруг у своих ног она увидела Барбу, лежащую навзничь с ребенком на руках.

Шарль-Анри спал в объятьях мертвой кормилицы. Дикая радость заставила Анжелику содрогнуться. Не веря своим глазам, она наклонилась над ним. Чудо свершилось. Он спал так, как только может спать ребенок

посреди разрушенного мира. Длинные ресницы отбрасывали тени на щеки. Губы чуть приметно улыбались.

— Проснись, мой маленький Шарль-Анри! — шепнула она. — Проснись!

Но он не просыпался. Она тихо потормошила его, чтобы заставить открыть глаза. Тогда его голова скользнула назад, точно головка зарезанной горлицы, и на шее она увидела зияющую рану, из которой ушла вся его жизнь.

Анжелика не без труда отвела руки Барбы и прижала ребенка к себе. Чувствовать у своей груди его послушное тельце было приятно.

Внизу она прошла, не видя, мимо следов побоища, обходя мертвых, как обычные препятствия, и вышла в сад.

Солнце уже поблескивало в воде пруда. Анжелика шла, ничего не чувствуя, — ни телесных мук, ни боли душевной, ни тяжести ноши. Она глядела на свое дитя.

«Прекраснейший из детей человеческих». Она не помнила, где слышала эту фразу.

— Прекраснейший...

С беспокойством она стала подмечать его неподвижность, бесчувственность, восковую бледность пухлых щек, нежно-лилейных, как шелковистая ткань его ночной сорочки.

— Ангел мой... Пойдем, я унесу тебя далеко... Мы уйдем вместе... Я знаю, тебе там понравится! Я буду играть с тобой...

Солнце облило светом шелковистые золотые волосы, совсем живые, колеблемые утренним ветерком.

— Бедный малыш! Милый, бедный мой крошка...

Крестьяне, боязливо приближавшиеся к замку, повстречали ее на главной аллее.

Они взяли ребенка у нее из рук. Анжелика не противилась. Ее привели к дому интенданта Молина. Он был разграблен, но драгуны его не сожгли. На двор вынесли стул и усадили ее. Она не хотела входить в дом. Им удалось заставить ее выпить немного водки, и она осталась сидеть молча, уронив руки на колени.

Вся округа, сколько ни было крестьян на близлежащих фермах и в деревушках, — все пришли к замку и теперь ошарашено глядели на трупы, пепелище, медлительное облако дыма, наплывающее на кроны деревьев. Все правое крыло, где были кухни, сгорело дотла. Пожар потух сам, неведомо почему, и благодаря этому уцелели те немногие, кого не добились солдаты. Был найден и приведен в чувство Мальбран Верный Клинок

(старого волка спасла баррикада из мебели, которую он нагромоздил вокруг себя). Уцелели и три служанки: негодяи, надругавшись над ними, не нанесли им никакого иного урона. Они плакали, загородив локтями лица.

— Ну же, ну! — ворчали на них старухи. — Полно сырость-то разводить. Кому не пришлось хоть раз в жизни через это пройти? Вас не убили, вот главное. Что до прочего, быстро сделано, быстро забыто — вот и весь сказ...

К полудню объявился Флипо, невредимый, с той же плутовской рожей в ястребиным носом. Ему удалось вместе с мальчиком-служгой улизнуть через окно и спрятаться в лесу.

Потом голова, обмотанная окровавленной повязкой, прислонилась к коленям Анжелики. То был аббат де Ледигьер. Его, видимо, не добились из уважения к сутане.

— О, это ужасно! Они меня ранили. Я не смог защитить вас до конца... и бедного малютку...

Анжелика оттолкнула его с содроганием, но ужас внушал ей не аббат, а она сама:

— Не дотрагивайтесь до меня... только не дотрагивайтесь до меня.

Затем резко спросила:

— А где Флоримон?

— Не знаю. В Рамбуре не нашли ни его, ни маленького Нафанаила...

Она, казалось, не слышала, снова впав в отупение. Она видела Флоримона с Шарлем-Анри и Гонтрана, пишущего их портрет.

— Ангелочек с небесной улыбкой. — Вы очень милы. — Светлячок мой, полный лукавства. — Вы очень милы.

— Бедняжка, у нее совсем помутилось в голове, — прошептала одна из женщин, присматривающих за ней.

— Нет, она молится. Она читает литании святым...

— Что за шум слышен около парка? — внезапно выйдя из оцепенения, спросила Анжелика.

— Сударыня, это лопаты могильщиков. Там хоронят.

— Я хочу туда.

Она с трудом поднялась. Аббат де Ледигьер поддержал ее. На опушке леса около замковых решеток было вырыто несколько могил. Тела убитых уже опустили в них. Остались лежать на траве только Лен Пуару, его жена и тетушка Аурелия. Их оставили напоследок из-за их тучности.

— Маленького сеньора мы положили туда, — сказал один из крестьян, указав на покрытый мхом холмик несколько в стороне. Могила уже была убрана полевыми цветами. Он продолжал вполголоса, словно бы

извиняясь:

— Надо было прибрать могилку побыстрее. Позже его перенесут в часовню Плесси, с почестями. Но пока часовня сгорела...

— Послушайте! — сказала Анжелика. — Послушайте меня...

Ее голос вдруг окреп и исполнился страсти.

— Ко мне, крестьяне! — прокричала она. — Послушайте! Сегодня от рук солдат погиб последний Плесси-Белльер! Наследник этого поместья... Род умер... Нет больше этого рода! Они убили его. Они зарезали вашего господина! Все кончено... кончено навсегда... Нет больше сеньоров дю Плесси... Их единственный наследник угас...

Крестьяне ответили ей криком, полным жалости и боли. Женщины зарыдали громче прежнего.

— И сделали это солдаты короля. Наемники, которым платят за издевательство над людьми, за грабеж и разор! Нахлебники, ничтожества, умеющие только вешать и бесчестить! Эти чужаки едят наш хлеб и убивают наших детей... Неужели вы оставите их преступления неотмщенными? Довольно нам бандитов, которые измываются над нами именем короля! Король сам повелит их вешать. А мы этим займемся немедленно. Крестьяне, ведь мы не выпустим их отсюда, не правда ли? Вооружайтесь... Мы догоним их! Отомстим за вашего маленького сеньора!

Весь день они преследовали драгун Монтадура. Следы отряда были хорошо видны. К концу дня их сердца преисполнились терпкой радостью: они поняли, что вояки не смогли переправиться через реку и вновь двинулись в глубь провинции. Опасались ли они погони? Вряд ли. Но им попадались только покинутые деревни, вся округа, вдруг ставшая молчаливой, таинственной, подозрительной, казалась каким-то наваждением.

Настала ночь. Взошла луна. Крестьяне крадучись двигались по дороге, петляющей по дну лесного оврага. Они не делали себе поблажек: охотничий инстинкт подсказывал им, что дичь близка. Ковер палой листвы глушил звук шагов, и эти тяжеловесные люди двигались мягко и осторожно, что выдавало их родство с браконьерами.

Анжелика первая услышала, как позванивают удила пасущихся коней.

Она знаком приказала остановиться. Выглянув из-за края оврага, она сквозь ветви увидела освещенных луной драгун, спящих на немного покато́й поляне. Они лежали, прижавшись друг к другу, измученные ночными бесчинствами и тревожным походом в никуда. У притушенных углей дремал часовой, и тонкая струйка дыма лениво поднималась к звездному небу.

Один из исполициков, Мартен Жене — он взялся руководить крестьянами — быстро оценил положение. Шепотом были даны приказы, и без всякого шума, кроме неясного шороха листвы, половина людей пошла в обход. Чуть позже со стороны холма раздался протяжный крик совы, ему ответил другой.

Часовой встрепенулся было, но, подождав, вновь погрузился в дремоту. Тогда, выступив с четырех сторон, по полю заскользили юркие бесшумные тени. Все было сделано без единого крика, разве лишь кое-где раздалось глухое ворчание, как бывает, когда человек, пробудясь на миг, тут же снова засыпает.

На следующий день лейтенант Горм, пытавшийся соединиться с Монтадуром, пробился в эти места с шестьюдесятью всадниками. Он искал драгун. И он их нашел посреди поля в позах спящих. Они были зарезаны косами и серпами. Монтадура опознали только по брюху. Головы не нашли.

Это место было прозвано Полем Драгун, а после — Драконовым. Никогда больше там не росли ни дикие ирисы, ни фиалки...

Так началось большое восстание в Пуату.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ОНОРИНА

Глава 1

Король отозвал де Марильяка и поставил наместником Бавиля — напрасно.

Письмо с ходатайством, присланное через старого Молина (король принял его сразу, как только тот прибыл в Версаль), пришло слишком поздно.

Пока Его Величество посылал за Лувуа, сообщником Марильяка, человеком лицемерным, которому на Пуату было наплевать, пока шли депеши, — провинция восстала.

Издалека было не разглядеть, что поводом, давшим начало мятежу, было убийство маленького золотоволосого ребенка. Вести оттуда были так туманны, что сначала разорение замка Плесси, а также исчезновение маркизы и ее сыновей приписали зверствам гугенотов.

Надо бы просто крикнуть «цыц!» еретикам. Не тут-то было. Первые отряды, пытавшиеся проникнуть в Гатин, натолкнулись на католиков под командой некоего Гордона де ла Ланда, отпрыска старого, но не уважаемого рода, ибо дворяне, живущие не при дворе, были презираемы. Тем временем на юге Бокажа наступал гугенот Самуил де Ламориньер.

Королевские отряды растянулись в линию между Луденом и Ниором. Тем временем наступила зима с туманами и дождями. Разгорелась война засад и стычек, отвратительных до дикости, не имеющих конца из-за фанатизма и несговорчивости тех, кого надобно было замирить. Пуату напоминал пустынную страну теней, человеческий муравейник, обитатели которого попрятались в свои углы. С кем вести переговоры? Откуда такая внезапная злоба? Против кого они восстали? Против короля, войск, сборщиков податей? Почему они сражаются? За религию, провинцию, собственный хутор? Какую цель преследуют эти заскорузлые мужики и суровые мелкопоместные рыцари, так легко впадающие в ярость?

На королевском совете вошло в обычай воздевать руки к небесам и теряться во всяческих предположениях. Никто не осмеливался высказать вслух то, о чем думали, что чувствовали все. Признать, что этот бунт — не что иное, как глухой рык загнанного зверя, готового биться насмерть, последняя конвульсия гибнущего народа, который не желал рабства.

К зиме в Пуату начался голод. Энергичная попытка обращения еретиков посредством уничтожения их посевов опрокинула хозяйственное равновесие края, и без того подточенное чудовищными налогами и

неурожаем предыдущего года. Пока Монтадур поджигал поля, окружавшие протестантские храмы, сборщики податей рушили дома католиков, чтобы пустить на продажу балки. Надо было платить талью за кровати, одежду, рабочий скот и даже за печеный хлеб. Велика ли важность, если кто-нибудь разорится? Но несколько разоренных — это уже покинутая деревня, несчастные бродяги, блуждающие по осенним дорогам, живые скелеты, осатаневшие от голода, готовые к разбою и кровопролитию.

Обозы с провизией, отправленные из Нанта для армии, были полностью разграблены крестьянами.

А когда очистилось небо, потеплело и уже казалось, что можно ожидать доброго лета, беспорядки лишили людей последней надежды. Голод становился катастрофическим.

Постепенно распространились слухи о том, что зачинательницей этого огромного пожара ненависти была одна женщина. Ей удалось помирить католиков и протестантов, дворян, крестьян и горожан и направить к единой цели. Многих придворных смешили эти рассказы, но немало было и таких, которые верили. Время прекрасных фрондерок еще помнилось, и никто во Франции не забывал, что крестьянская девушка Жанна предводительствовала войсками. А эта не была простолюдинкой, иначе дворянство не подчинилось бы ей. Захудалые помещики-провинциалы, над которыми потешалась столичная знать, поскольку они часто бывали беднее нищих, мало-помалу не только собрали отряды, но и, каким-то чудом раздобыв оружие, вооружили своих людей.

Появились всевозможные смертоносные орудия, извлеченные из разных укромных уголков: мушкеты, пики, алебарды, старые кремневые или фитильные аркебузы, короткие шпаги с обоюдоострыми лезвиями — «ланскенеты», напоминавшие о религиозных войнах в Германии, о свирепых тамошних ландскнехтах. Бородатые, с перьями на шляпах, в изодранных, некогда роскошных одеждах, они наводили страх на мирных жителей. Их воинственные души вселялись в тех, кто подбирал их осиротевшие шпаги на поле битвы. В ход пошли даже луки и стрелы браконьеров — опасное оружие, если его обладатель, схоронясь в развилке дуба над дорожной промоиной, поджидает момента, когда ноги его жертвы увязнут в липкой грязи. И солдаты короля не замедлили пожалеть об отсутствии прежних кирас.

Говорили также, что женщина эта молода и красива, отсюда ее власть над предводителями восставших. Рассказывали, что она скачет по полям сражений на лошади, сидя боком в дамском седле, облаченная в темный

плащ с большим капюшоном, скрывающим белокурые волосы.

Анжелика побывала во всех замках и усадьбах провинции.

Самые горделивые из них высились на гористых холмах, окруженные рвами со стоячей водой, или на обрывистых речных берегах. Издали они казались грозными форпостами в грядущей битве. В их высоких крепостных башнях, уже неспособных никого защитить, она находила процоженные семьи, жмущиеся у скудного очага. Построенные в стиле барокко, предназначенные для празднеств аристократии широких гостиных пустовали. Никто, кроме мышей, не посещал этих выстуженных залов. Местные вельможи бедствовали, разоренные королевскими поборами или мотовством отпрысков, растративших фамильное добро.

Посещала она и усадьбы, выстроенные из крупного камня, не имеющие величественного вида, по-купчески простые и удобные. Их обитатели тоже жили не роскошествуя, в ожидании лучших времен, когда местное дворянство сможет наконец занять достойное положение.

Анжелике было легко находить с ними общий язык. Она заводила речь об их славных предках, говорила о теперешних унижениях, звала к мести. Тогда они собирали своих крестьян во дворе замка или на отдаленной пустоши. Она появлялась перед толпой на лошади или всходила на верхнюю ступень лестницы из серого камня, и все видели ее надменный профиль и темный развевающийся плащ. И когда она начинала говорить четким, спокойным голосом, звенящим в морозном воздухе, эти примитивные существа понимали дрожь, забытая гордость пробуждалась в душах, и они становились податливыми к ее доводам.

Она бередила раны их молчаливых сердец. Напоминала о страшных годах 1662-м и 1663-м, когда они ели крапиву и сено, кору, капустные кочерыжки, коренья, когда мололи ореховую скорлупу вместе с ядрами, чтобы добавить к последней горсти овса или ржи. Она говорила об умерших детях, о бегстве в города. (Именно тогда голодные крестьяне, среди которых был Никола, как волки, проникли в Париж. В тот самый год состоялся большой парижский карнавал, и все видели короля, его брата и принцев крови в одеждах, усыпанных драгоценностями.) Да, им было что вспомнить! А в следующем году, когда они только-только зализывали раны, министр Кольбер восстановил соляной налог: и тот, что «для горшка и солонки», и тот, что «для засолки мяса и рыбы», то есть обязал всех покупать соль в «закромах» королевства почти на вес золота.

Она угадала слабую струнку каждого французского крестьянина. Подавленные ожиданием новых поборов, поселяне видели в ее призывах прежде всего предлог не платить налогов будущим летом. Пока идет

восстание, можно утопить сборщика податей в колодце или выгнать его, угрожая вилами, из деревни. А какое облегчение, если вдруг можно оставить для себя то небольшое, что имеешь!

Она говорила им:

— Присутствующие здесь сеньоры — только они ваши подлинные господа! Когда вы голодаете, голодают и они. Сколько раз им приходилось платить десятину, талью, налог на наследство и еще одну десятую часть доходов за все недворянские земли, принадлежащие их феодеу: Разве есть у них средства на это? И все же они это делали, чтобы спасти вас от хищных лап притеснителей.

— Это верно... оно так... — бормотали крестьяне.

— Идите за ними! Они отвоюют для вас достаток и справедливость. Пора покончить с вашей нищетой.

Она называла цифры, поражающие их воображение. Рассказывала о диком расточительстве двора, свидетельницей которого была сама, о продаже должностей, о крупных мошенничествах и военных кампаниях, каждый год заставляющих государство ради сведения баланса казны черпать все новые деньги из единственного источника — крестьянской кубышки.

Семейства де Лагийоньер, д'Амбураз, де Лафульер, Шеброн, д'Аспремон, Гробуа, Гинефоль и многие другие, менее родовитые, взялись за оружие.

Города Партене, Монтрей, Ла-Рош, поначалу колебавшиеся, подчинились угрозе, прямому захвату или увещанию. Многие буржуа были недовольны королем. Анжелика умела говорить с ними на языке цифр и деловых бумаг. Городские запасы были перераспределены в предвидении голодного времени. Однако ни приказы, ни ограбление военных обозов не смогли бы спасти от голода народ французской окраины, если бы жители Атлантического побережья не пришли на помощь Бокажу.

В этих местностях обитало много протестантов, к тому же там добывали соль, а она служила поводом почти вековой тяжбы короны с собственным народом. Понс-ле-Палю, лже-солевар из Сабля, увлек за собой товарищей по негласной корпорации торговцев контрабандной солью. После этого по тайным тропам и речушкам продукты потекли в Пуату. За них платили золотом. Некий торговец из Фонтене-ле-Конт доказал своим собратьям по цеху, что не время скупиться: когда придет голодная смерть, золото не заменит хлеба.

Королевская власть приговорила Пуату к вымиранию. Зима

преградила туда пути так же надежно, как и восстание. Во французском королевстве спокойно ждали, когда прекратятся холод и туманы, растают снег и лед и можно будет проникнуть в этот мятежный бастион, чтобы пересчитать трупы. Но жители не умирали.

Анжелика кружила по провинции, не останавливаясь нигде подолгу. Она ночевала в крестьянских лачугах, грелась у очагов, украшенных мраморными гербами владельцев замка, встречала утро в доме фермера, а вечер — в задней комнате богатой лавки городского торговца. Ей нравилось беседовать со всеми, и быстрота, с которой она находила общий язык с каждым, казалась ей залогом правоты ее замыслов.

Но настоящим, любимым жильем были для нее заросшие овраги, лесные дебри, глухие тропы, по которым гулко стучали копыта ее коня и лошадей ее спутников.

Среди них был барон дю Круасек. Это он первым дал ей приют после той трагической ночи. С тех пор тучный воин с кем-либо из своих прислужников сопровождал ее повсюду.

Протестанты из челяди Анжелики присоединились к Ламориньеру. Прочие под водительством Мартена Жене сбились в своего рода вольный отряд: жили по домам, но готовы были выступить по первому знаку.

С Анжеликой остались слуги из замка. Ален-конюх, младший повар Камиль, старый Антуан со своей аркебузой, Флипо — хотя бывший малец со Двора чудес не слишком уютно чувствовал себя в лесу, Мальбран Верный Клинок, вопреки постоянному ворчанию радостно принимавший все тяготы походной жизни. Особенно неотступно держался рядом с ней аббат де Ледигьер. Он боялся оставлять ее одну. Его страшило то, что он угадывал за мраморной неподвижностью ее лица и холодным, замкнутым взглядом. Лютая тревога снедала ее, изнуряющая, непобедимая душевная смута. Порой она впадала в такую глубокую задумчивость, что, казалось, окружающее более не существовало для нее.

Анжелика сидела у огня в большом зале со старинным оружием и шпалерами на стенах. Это была обстановка ее детства. Снаружи выл ветер, мотая разболтанные ставни и скрипучие флюгера на острых башнях. К тоскливым жалобам ветра примешивался скрип сапог де Ламориньера. Герцог бродил взад и вперед по каменным плитам пола, и его огромная тень вздрагивала от колебания пламени, пылавшего в очаге. Время от времени он подбрасывал в огонь охапку хвороста. Этой женщине холодно. Ее нужно обогреть. Он продолжал шагать, словно зверь в клетке. Перед его мрачным взглядом мелькали то профиль Анжелики, застывшей в полной безучастности, то легкий силуэт аббата де Ледигьера, присевшего на

табурете немного в стороне, с устало склоненной головой. Бессильная ярость душила старого воина, но гневался он отнюдь не на аббата.

Неодолимое препятствие, что воздвигалось между ним и Анжеликой, было другого рода. При чем здесь этот миловидный паж с девичьим взглядом? Он шутя отшвырнул бы его, если б не существовало нечто иное, с чем не могли совладать ни его безжалостная воля, ни страсть. Он чувствовал, Анжелика ускользает от него навсегда.

Узнав о штурме Плесси, он поспешил туда с отрядом. Несколько дней он метался по всей округе в поисках исчезнувшей владелицы замка. Он нашел ее. Теперь его ненависть к Монтадуру и его солдатам порой отступала перед совсем иным чувством — страданием. Мысль о том, как оскорбили эту женщину, доводила его до безумия. Порой им овладевало искушение покончить с собой, лишь бы избежать муки, испепеляющей душу и тело. Отчаяние было таким всепожирающим, что он даже не мог произнести имя Создателя, воззвать к нему.

Однажды вечером, сидя у подножия благодарственного креста, стоявшего на продуваемом ветрами перекрестке дорог, этот жестокий человек почувствовал, как светлая незнакомая боль переполняет его сердце и щеки обжигают слезы. Он — любил. В его памяти образ Анжелики был озарен любовью, словно сиянием.

Найдя ее, он был готов броситься перед ней на колени и целовать подол ее платья. У нее был спокойный взгляд, и темные круги под глазами лишь подчеркивали таинственность недоступной, как бы измученной красоты. Потом мечты о ней лишь усиливали его любовную лихорадку.

Оставшись с нею наедине, он попытался обнять ее. Она побледнела и отшатнулась. Ужас искажил ее черты:

— Не подходите... о, не приближайтесь ко мне...

Это сводило его с ума. Ему хотелось целовать оскорбленные другими губы, стереть все следы надругательства, сделать ее своей, чтобы очистить от скверны. Его поразило какое-то безумие, смесь отчаянья, страстной любви, желания обладать ею. Он пренебрег ее мольбой, потеряв голову, прижал ее к себе. Но тут она замерла, словно околела, сведенное страданием лицо стало белым как мел — и она лишилась чувств. Это его отрезвило. Дрожащий, потерянный, он опустил ее на каменный пол. Прибежавший аббат при виде этого зрелища преобразился из серафима в ангела-мстителя:

— Несчастный, вы осмелились дотронуться до нее!

Борясь с голиафом, он пытался отвести от нее его толстую, поросшую шерстью руку.

— Как вы смели? Вы что, не понимаете? Она не может этого вынести... Она не терпит ничьих прикосновений... несчастный!

Потом, во время военных стычек, герцог и Анжелика иногда случайно сталкивались в жилищах своих сторонников. И тогда на долгие вечера хозяева дома, подавленные смутным страхом, оставляли гугенота и католичку наедине. Молчание. Звуки шагов. Потрескивание очага... Так протекали часы этой немой разрушительной драмы.

В феврале Анжелика очутилась около Плесси. Она не желала видеть пепелище и остановилась в родовом поместье Геменей дю Круасека.

Толстый барон, казалось, находил в неиссякающей преданности Анжелике цель и оправдание всей своей жизни бесцветного мелкопоместного холостяка. В эти четыре месяца он суетился больше, чем за всю предыдущую жизнь. Он считал себя другом прекрасной воительницы, вернейшим соратником, на которого она может всецело полагаться. И действительно, он вовсе ее не стеснял.

Братья де Ламориньер и другие предводители заговора тоже прибыли туда, чтобы обсудить положение. Можно было ожидать, что к весне королевские войска предпримут общее наступление по всей границе. На севере сил было довольно мало. Можно ли рассчитывать на бретонцев, которые к тому же и бретонцы-то лишь наполовину, поскольку живут по эту сторону Луары?

Вскоре произошло несколько довольно жарких стычек неподалеку от Плесси. Эти места снова и снова подвергались нашествиям королевских войск. Считая, что зараза пошла именно оттуда, власти, должно быть, подозревали, что и Бунтарка из Пуату находится там. За ее голову была назначена награда, хотя никто не знал, как она выглядит. Поле, где перерезали драгун, было поблизости, и память об этом распяляла охотничий пыл военных. Анжелика чуть не попала в засаду. Спас ее Валентен, у которого она укрылась вместе с раненым аббатом. Чтобы уберечь ее от возможной погони, мельник увез их в глубь болот, где было совсем безопасно.

Глава 2

Несколько недель Анжелика пробыла в хижине Валентена. Низкое строение, стоящее у самой воды, с почерневшей соломой на крыше, похожей на меховую шапку, оказалось довольно удобным. Изнутри стены были покрыты особым составом, секрет которого свято хранили местные строители — «шалашники». Туда входили голубоватая глина, солома и навоз. Утепленные таким образом стены не пропускали холод и влагу, и поэтому, когда в очаге мелкими фиолетовыми язычками горели куски торфа, становилось тепло, и можно было почти забыть об окружающей промозглой стуже.

В хижине была единственная низкая комната и огороженный закут. Там позванивал колокольчик козы — ее на плоскодонке привез Валентен, чтобы каждый день были молоко и творог. Был также каменный бассейн, где копошились черные угри для «варева», имелись запасы бобов, лука, хлеба, а также бочонок вина. Обстановка домика была довольно причудлива. Вместо кровати — подстилка из папоротника, положенная на деревянный щит. Но хозяин не преминул привезти туда «Ларец Девы Марии» — предмет роскоши, милый сердцу каждого, кто жил на берегах Вандеи. То был стеклянный колокол, под которым стояло изображение Богородицы в обрамлении цветов из ракушек, кружев, лент, брелочков из разноцветных камней и настоящих золотых экю, выложенных в форме солнца. Анжелика, видевшая его и раньше, испытала странное чувство возврата в прошлое. На миг к ней вернулось ощущение детского блаженного восторга. Тем тягостнее было внезапное возвращение к реальности.словно кишащие угри, адским черным клубком зашевелились в душе привычный страх и отвращение к себе. К горлу подступила дурнота. Анжелика прислонилась к стене. Ей почудилось, что под ногами разверзлась бездна. Подсознательно она испугалась какой-то ужасной напасти, коренящейся, может быть, не во внешних обстоятельствах, а в ней самой. Потом все прошло, возвратилась обычная безрадостная уравновешенность.

Здесь у нее исчезло желание бежать, не разбирая дороги, мучившее ее на твердой земле. Тут не нужно было возводить баррикады между нею и королем. Боязнь Версаля стала для нее своего рода навязчивой идеей, а в болотах солдаты короля не могли ее найти. Она решила немного переждать, чтобы выйти из болот весной, когда начнется наступление.

Тогда ей надо будет вернуться назад, подбодрить сомневающихся, напомнить каждому об общих целях бунта.

Валентен приносил последние новости. В Пуату все было спокойно. Продолжались набор добровольцев и борьба с голодом. Но защищенные восстанием жители не платили налогов и поэтому еще могли как-то существовать. Это радовало всех: «Дела идут хорошо, пока нас предоставляют самим себе». Смогут ли они оборонить столь необходимую им свободу? Каждый готовился к этому.

Мэтр Валентен приходил почти каждый день. Что он делал в остальное время, она не знала. Возился на мельнице? Рыбачил, охотился в тростниках? Он часто приносил полные корзины рыбы или птиц в ярком оперении, привязанных за головы к палке.

Обитатели хибарки говорили мало. Больной аббат спал на чердаке, где лежало сено. Рана в боку зажила благодаря припаркам из трав, но лихорадка еще не прошла. Он ходил тихо, как тень среди других теней, тоже погруженных в раздумья. Три призрачных существа: прекрасная, трагическая женщина, молчаливый мельник с неповоротливым, странным умом и бледный, дрожащий от озноба аббат. А вокруг — тишина мертвой воды.

Анжелика спала на ложе из листьев папоротника, укрываясь тяжелой овчиной. Спала крепко, без сновидений, что было для нее необычно. Прошедшее, казалось, не оставило следа в ее облике. Просыпаясь, она слышала бесконечный перестук дождя, делавший еще полнее тишину вокруг, кваканье лягушек, крики птиц — все шепоты болотных джунглей. Тогда она испытывала некоторое успокоение. Спросонок она видела и Валентена, сидевшего в кресле из соломы и полированного дерева. Глаза его были широко открыты, голубоватые блики пламени скользили по его топорному, невыразительному лицу. Иногда в глубине зрачков разгорались какие-то огоньки, и ей казалось, что он смотрит на нее... Тогда она закрывала глаза и вновь погружалась в забытие.

Мэтр Валентен был для нее воплощением прошлого, память о котором утешала и поддерживала ее. Ничего иного он собой не представлял. Он резал кусками торф, доил козу, спускал закисающее молоко в железный ящик под камнями очага, готовил суп и рыбу, кипятил вино, чтобы соус к «вареву» не горчил. Из него получился бы прекрасный повар. Иногда он приносил Анжелике корзинки со сдобными булочками и пироги с творогом, приготовленные из лучшей муки. Эти пироги в Пуату ели на Пасху. Корочка у них должна быть черной, а мякиш — золотистым.

Анжелика с жадностью накидывалась на это лакомство. Ей постоянно

хотелось есть. Отблеск слабой улыбки появлялся в тусклых глазах Валентена, когда он смотрел, как ее белые зубы терзают желтое тесто. Тогда она съеживалась от неприятного чувства и выходила из хижины, чтобы избежать его взгляда.

Когда они обосновались на болотном островке, еще стояли холода. На мелководье кишели личинки, моллюски в рачки. В тростниках гнездились морские птицы. Высокие тополя, завезенные Генрихом IV из Голландии, преображали окрестность, как и вязы, ясени, осины и буки, то тщательно выписанные черной тушью по глади мелководий, то колеблющиеся в легчайшей фарфорово-розовой дымке. Громко кричали вороны, кружа над безрадостным пейзажем. Стоя в тростниках, Анжелика блуждала взглядом по прутьям и ветвям устремленных ввысь стволов, утопленных в собственном отражении, по этой зыбкой архитектуре болот. Этот черно-белый офорт зачаровывал отчаявшееся сердце, и вдруг, как ей казалось, в тумане проплывали хрупкие силуэты взявшихся за руки Флоримона, Шарля-Анри и Кантора. И тогда она кричала, ломая руки:

— Дети мои! Дети мои!

Она кричала, и голос тонул в тростниках, пока, шлепая по грязи, не приходил аббат Ледигьер, чтобы взять ее за руку и увести в дом.

«Ты принесла в жертву своих сыновей, — говорил ей глухой голос. — Злая, безумная... Ты никогда не должна была покидать Версаль. Не должна была ехать на Восток, развративший тебя. Ты должна была покориться королю. Ты должна была спать с королем...» И она начинала рыдать, тихо клича сыновей и прося у них прощения.

Весна началась рано, бурно, огромные пространства зазеленели, безрадостный, угрюмый пейзаж преобразился в роскошном лиственном убранстве. Из глубины тусклых омутов поднималось таинственное свечение. Расцвели водяные лилии, пахнущие воском и медом. Стрекозы принялись плести в воздухе свои тонкие кружева, садились на кустики мяты и незабудок. Слышалось хлопанье утиных крыльев, у самых стен хижины проплывали яркие селезни, толстые серые гуси, осторожно вышагивали цапли. Порой сквозь завесу ветвей можно было увидеть молчаливо проплывающую лодку. Болота, как и лес, только кажутся пустынными, в действительности это мир, кишаций многообразной жизнью. Владельцы лачуг образовали особую многолюдную и независимую республику. «А живут на болотах плохие люди: они не платят подати ни королю, ни епископу», — рассказывала когда-то кормилица.

Наступил март, но было уже очень тепло.

— Зима выдалась не слишком свирепой, — однажды вечером сказала Анжелика мэтру Валентену. — Надо думать, лесные и полевые духи — с нами. Скоро мне придется возвратиться на сушу.

В это время мельник ставил на стол кувшинчик горячего красного вина и чашки. Обед кончился. Аббат де Ледигьер отправился спать на чердак. Начиналось время, когда обычно Анжелика и Валентен сидели вдвоем перед очагом и потягивали горячее вино с пряностями и корицей. Валентен налил ей и устроился на скамье, посасывая, отнюдь не бесшумно, свое питье. Она поглядела на него, словно видела впервые, и удивилась сгорбленной, но могучей спине под серым полотняным камзолом и толстым башмакам с металлическими пряжками. Ни буржуа, ни селянин. Мэтр Валентен, мельник с Уклейкиной мельницы. Незнакомец, который всегда был здесь.

Он посмотрел на нее поверх стакана. Глаза у него были серые.

— Ты уезжаешь?

Он говорил на местном наречии, и она отвечала так же.

— Да. Мне надо знать, как там наши люди. Летом будет война.

Он отпил второй глоток, потом, громко причмокнув, третий. Затем отодвинул чашку и встал перед Анжеликой. Его глаза внимательно наблюдали за ней. Недовольная этим разглядыванием, она протянула ему свою пустую чашку.

— Убери ее.

Он повиновался, но продолжал смотреть. Лицо у него было красное, в рытвинах оспы, под приоткрывшимися губами виднелись подгнившие зубы. Безлюдность этих мест, ранее не раздражавшая Анжелику, теперь вдруг навеяла тревогу... Она нервно сжала ручки кресла.

— Пора спать, — прошептала она.

Валентен шагнул вперед:

— Я постелил новый папоротник, совсем свежий, из подлеска, чтобы постель была помягче.

Он наклонился, взял ее руку в свою и пробормотал с мольбой:

— Пойдем, приляжем на папоротник!

Анжелика вырвала руку, словно обжегшись:

— Что тебе взбрело? Ты что, спятил?

Она вскочила, испуганно глядя на него. Ужас, который он ей внушал, — а ей был теперь невыносим любой мужчина — мешал ей дать достойный отпор. Сердце бешено забилося. Если он притронется к ней, она упадет в обморок, как было с герцогом де Ламориньером. Тогда с ней случилась судорога, она задыхалась от ужасных видений той ночи убийств.

А теперь глаза мельника горели, как уголья, в их взгляде не было уверенности, но он обжигал.

— Не трогай меня! Не прикасайся ко мне. Валентен!

Он нависал над ней, с оттопыренной губой и тем тупым выражением лица, какое у него бывало в детстве и тогда очень веселило ее.

— Почему не я, — с силой выдохнул он... — Я ведь люблю тебя... Вся моя жизнь пошла прахом, ты околдовала меня... Долго я ждал этого часа... Думал, это невозможно, а теперь знаю, ты будешь моя... Я все смотрю на тебя, пока ты здесь. Вижу, как ты толстеешь, словно овца, что вот-вот объгнется. Тогда-то счастье мне в сердце и вошло. Я понял: ты не фея... И я могу тебя ласкать, и ты меня не сглазишь.

Не очень вникая, она слушала эти бессвязные слова, которые он бормотал на корявом местном наречии. Тем ив менее он был нежен:

— Ну же, моя птичка, моя красавица... Иди в кроватку.

Он подошел к ней и прижал к себе. Рука его медленно гладила ее плечо. Ей удалось совладать с собой, и она изо всех сил замолотила кулаками по его лицу:

— Оставь меня, деревенщина!

Валентен отшатнулся, задрожав от оскорбления. Теперь он вновь превратился в хозяина Уклейкиной мельницы, вспыльчивого, жестокого бирюка, которого недаром побаивалась вся округа.

— Так ты опять, — задохнулся он. — Все как в первый раз?! Ты все такая же, но мне плевать. Сейчас-то я не боюсь. Ты не фея. Ты мне заплатишь. Этой ночью ты будешь со мной.

Он произнес эти слова с устрашающей решимостью. Затем отвернулся, тяжело топая, подошел к столу и налил себе вина.

— ..У меня есть время, но запомни: никто безнаказанно не оскорблял мэтра Валентена. Ты мне все сердце изгрызла и теперь заплатишь!

Она попыталась смягчить его ярость.

— Поверь мне, Валентен, — сказала она прерывающимся голосом, — я не презираю тебя. Но даже если бы ты был королем, я бы не позволила прикасаться ко мне. Это так. Это как болезнь, пойми...

Недобро щурясь, Валентен старательно слушал. Потом вытер мокрые от вина губы тыльной стороной ладони:

— Не правда. Ты врешь. С другим ты валяешься почему зря. Он ведь должен был к тебе прикасаться, раз уж ты поймала воробышка...

(«Воробышка? О чем это он? Ведь так говорят, когда...»).

— Какого воробышка? — спросила она, глядя на него с таким недоумением, что он слегка опешил:

— Да черт возьми! Ну, того самого, что у тебя в брюхе. Тут-то я и смекнул, что ты не фея. Феи не рожают от людей, так говорят. Мне один заклинатель растолковал. С настоящими феями такого не бывает. А уж коли ребенок...

— Какой ребенок?! — сорвалась она на высокий пронзительный крик.

Перед ней разверзлась пропасть. А ведь неосознанно она давно уже что-то предчувствовала. У нее бывали головокружения, которые она считала следствием обычного переутомления. Теперь она поняла, что все это время в ней таилась чужая, нежеланная жизнь.

— Ты же не можешь сказать, что не знала, — бубнил голос мельника, ставший далеким и неясным. — Вот уж лун пять или шесть, как ты его носишь.

Пять-шесть лун! Но это невозможно... После Колена Патюреля она никого не любила. Она не отдавалась никому...

Пять или шесть лун!.. Осень... Огненная ночь в Плесси! У нее вырвался вопль раненого зверя:

— Нет! НЕТ! Только не это!

Пять месяцев она скакала по Пуату, поглощенная одной целью, не желая знать ничего, кроме мести. Она хотела забыть о своем оскверненном теле и пренебрегала его недомоганиями, объясняя их пережитым потрясением и тяготами походной жизни.

Теперь, припомнив все это, она убедилась вполне. Чудовищный плод развился. Вот почему так жмет платье под лифом... Увидев ее неузнаваемое, обезумевшее лицо, мельник почувствовал себя неловко. Наступило молчание. Было слышно, как снаружи плеснула, выпрыгнув из воды, рыба.

— Ну и что с того? — приободрился мельник. — Ты теперь еще красивее!

Он пошел к ней. Она увертывалась от вытянутых рук, мечась по тесным углам. От ужаса спирало дыхание — она не могла вскрикнуть. Ему удалось схватить ее и обнять.

Внезапно дверь сотряслась от сильного стука, деревянная задвижка выпала и высокая фигура Самуила де Ламориньера появилась в проеме. Войдя, герцог окинул взглядом комнату. То, что он увидел, заставило его взвыть от бешенства.

Со времени исчезновения Анжелики его снедало беспокойство. Ходили слухи, будто она — пленница проклятого мельника, который удерживает ее колдовством. Конечно, он понимал, что это суеверия, но тем не менее считал паписта-мельника человеком двусмысленным и опасным.

Что заставило сиятельную даму последовать за ним? Почему она не возвращается? Не утерпев, он нашел дорогу к хижине.

И вот теперь он застал ее в объятиях этого скота.

— Я перережу тебе горло, мужлан, — прорычал он, выхватив свой широкий кинжал.

Мэтр Валентен еле увернулся от удара. Пригнувшись, он отбежал в другой угол хижины. Ярость и досада придали его грубой физиономии почти такое же устрашающее выражение, как у гугенота.

— Вы ее не получите! — рявкнул он, тяжело сопя от возбуждения. — Она моя.

— Ну, пададь, кабан, я сейчас тебе кишки выпущу!

Мельник был таким же большим и крепко сколоченным, как протестантский вельможа. Но он был безоружен. Он пробирался вдоль стола, не спуская глаз с наступающего врага, а тот, ополоумев от ревности, подстерегал мгновение для смертоносного прыжка. Меж тем огонь в очаге догорал, и углы комнаты погрузились в сумрак.

Валентен надеялся добраться до топора. Топор с высокой рукояткой (такими пользуются лесорубы) стоял за ларем для муки, скрытый от глаз нападающего. Меж тем Анжелика взбежала по лестнице на чердак и бросилась расталкивать спящего аббата:

— Помогите, они дерутся... Они дерутся из-за меня!

Спросонья молодой человек изумленно уставился на женщину с расширенными зрачками и стучащими зубами, озаренную тусклым светом фонаря, висящего на балке под потолком.

Очнувшись, он торопливо вскочил на ноги:

— Не бойтесь, сударыня, я здесь!

Внизу раздался протяжный рев и стук падающего тела.

— Слышите...

— Не бойтесь ничего, — повторил аббат.

Он взял шпагу, лежавшую рядом, и стал спускаться по лестнице вслед за Анжеликой. Герцог-гугенот лицом вниз лежал на полу с раскрытым черепом. Густые жесткие волосы Патриарха не скрывали огромной зияющей раны. У стола Валентен пил вино прямо из кувшина. Окровавленный топор валялся тут же. Серый камзол мельника был весь в кровавых брызгах. Он уставился на вошедших помутневшими глазами сумасшедшего.

Глава 3

Увидев Анжелику, он удовлетворенно крикнул и поставил кувшин на стол.

— Чтоб заполучить принцессу, всегда положено сражаться с драконом! — заявил он. Язык у него заплетался. — Ну вот, дракон пришел, и я прикончил его. Дело сделано! Теперь-то я заслужил тебя, а? Никуда не денешься, все!

Он двинулся к ней, пошатываясь, хмельной от вина и грубой похоти. Аббат, доселе не замеченный им, стремительным движением метнулся к Анжелике и заслонил ее собой, обнажив шпагу.

— Отойди-ка, мельник, — вымолвил он спокойно.

Внезапное появление этого хрупкого юного священнослужителя на мгновение озадачило Валентена. Но он быстро пришел в себя. Обуреваемый страстями, он был глух к доводам разума.

— Нет уж, это вы сматывайтесь отсюда! — рявкнул он. — Эти дела вас не касаются. Вы ж невинный, ну и идите себе.

— Оставь в покое эту женщину!

— Как бы не так! Она принадлежит мне.

— Она принадлежит одному только Богу. Покинь этот дом, удались. Подумай, ведь ты рискуешь обречь свою душу на вечные муки!

— Оставьте ваши проповеди, аббат. Прочь с дороги!

— Именем Христа и Пречистой Девы приказываю тебе удалиться!

— Да я ж раздавлю вас, как клопа!

Отсвет гаснущего огня блеснул искоркой на кончике шпаги.

— Ни шагу дальше, мельник, — прошептал аббат. — Ни шагу, заклинаю тебя!

Валентен бросился вперед. Анжелика закрыла лицо руками.

Мельник отступил, зажимая ладонями бок, и рухнул на камни очага. Внезапно он взвыл:

— Аббат, отпустите мне мои грехи, причастите меня, я умираю! Я не хочу умирать в смертном грехе... Спасите меня... Спасите меня от ада... Помираю...

Лачуга наполнилась его нечеловеческими воплями. Потом они стали утихать, прерываемые стенаниями и предсмертным хрипом, к которым присоединился тихий голос священника, читающего молитвы, стоя на коленях подле умирающего.

Затем все стихло.

Анжелика не могла пошевелиться. Аббату пришлось одному вытащить оба тела наружу. Он взгромоздил их на плоскодонку, отплыл подальше и столкнул в темную воду.

Вернувшись, он застал молодую женщину оцепеневшей, в той же позе. Он тихонько прикрыл дверь, подошел к очагу, разжег огонь. Потом приблизился к недвижимой Анжелике, ласково взял ее за руку:

— Присядьте же, сударыня, обогрейтесь.

И видя, что она начинает опоминаться, добавил:

— Человек, который привез сюда герцога, сбежал. Я слышал, как уплывала его лодчонка. Это контрабандист. Он не проговорится.

Анжелику передернуло:

— Это ужасно! Ужасно!

— Да, ужасно... Два убийства...

— Ужасно не это, а то, что он мне сказал! — она пристально посмотрела на аббата. — Он сказал, что я жду ребенка.

Молодой человек покраснел и опустил голову.

Анжелика в ярости потрясла его за плечо:

— Вы знали об этом? И ничего мне не сказали!

— Но, сударыня, — пролепетал он, — я полагал...

— Боже, какой я была душой! — простонала она. — Так долго тянуть, ни о чем не догадываться... Как я могла?!

Казалось, она сходит с ума. Аббат де Ледигьер хотел взять ее за руку, но она отшатнулась. Ей почудилось, будто что-то, чему нет названия, шевельнулось в ней. Ощущать это было нестерпимо — боль и омерзение переполняли ее душу, как если бы какой-то поганый зверь пожирал ее заживо.

Она забилась в припадке, рвала на себе волосы, жаждала кинуться в болотный омут. Глухая к его мольбам и уговорам, она отталкивала его, мечась в забытьи лихорадки. Его голос, строгий и нежный, говорил ей о Боге, о жизни, звал к молитве, сквозь слезы шептал слова любви, не доходившие до ее помраченного сознания.

Наконец она стала успокаиваться, ее лицо прояснилось. Однако аббат смотрел на нее с тревогой: он чувствовал, что она приняла какое-то тайное неумолимое решение. Но она нашла в себе силы улыбнуться ему:

— Идите спать, друг мой, вы совсем без сил.

С грустной нежностью она провела рукой по его темным волосам, заглянула в прекрасные глаза, где так ясно отражались благородная пылкость, скорбь и беспредельное обожание.

— Ваше горе разрывает мне сердце.

— Я знаю, мой бедный мальчик.

Она обняла его, находя утешение в близости этой чистой души, чья бескорыстная преданность была последней усладой, еще оставшейся ей в этом мире.

— Бедный мой ангел-хранитель... Ну, ступайте спать!

Он поцеловал ей руку и удалился не без сожаления. Он был настолько измучен, что едва держался на ногах. Она слышала, как он, не раздеваясь, тяжело повалился на свое ложе.

Она осталась одна, недвижимая, словно окаменевшая. Прошло несколько часов. Когда забрезжил рассвет, она поднялась, набросила накидку и, бесшумно ступая, вышла из хижины. Лодка мельника была здесь, у порога, привязанная цепью к крюку, торчавшему из стены лачуги. Анжелика отцепила ее и, вооружившись деревянным шестом, с которым она умела управляться достаточно ловко, направила суденышко вперед по зеленеющей воде канала. Заря медленно разгоралась. Лодка плыла все дальше среди многоголосого гомона пробуждающихся лесных птиц.

Анжелика думала о юном аббате. Он проснется, будет в отчаянии звать ее... Но иначе нельзя. Он помешал бы ей поступить так, как она решила. За домом есть ялик. С его помощью он сможет найти болотных людей. Солнце, поднявшись над горизонтом, превратило болотный туман в прозрачную золотистую дымку. Стало жарко. Анжелика едва не заблудилась в этом лабиринте каналов, отливающих зеленью и жемчугом. К полудню она наконец добралась до твердой земли.

Глава 4

— Ты сделаешь это, Мелюзина! Сделаешь, или я тебя прокляну!

Пальцы Анжелики впились в костлявые плечи старухи. Ее яростный взгляд скрестился со взглядом ведьмы. Они походили на двух дерущихся гарпий. Если бы кто-нибудь увидел их сейчас в сумраке пещеры, с растрепанными волосами и горящими глазами, то бежал бы без оглядки, объятый ужасом.

— Мое проклятье пострашнее твоего! — прошипела Мелюзина.

— Нет, потому что мертвая я стану сильнее тебя! Я буду тебя преследовать, разрушу все твои чары! Уж я постараюсь отомстить тебе, ведь это по твоей вине я умру! Если ты мне не поможешь, я вспорю себе живот кинжалом, только бы покончить с этим...

— Ну, ладно, — неожиданно сдалась старуха. — Да отпусти же меня!

Она размяла больную спину, оправила лохмотья из мешковины. Еще одна зима, проведенная во влажной пещере, не прошла даром, приблизив старую колдунью к царству растений и животных. Она все больше напоминала древний рассохшийся пень, ее волосы походили на тонкую спутанную траву или паутину, а глаза заставляли вспомнить хмурый, ускользающий взгляд лисы.

Старуха проковыляла к котлу, осмотрела его содержимое, затем, словно бы решившись, принялась бросать туда травы, листья и порошки.

— Я хотела тебе помочь. Но уже поздно. Ты на шестом месяце. Если выпьешь снадобье, можешь умереть.

— Что угодно, только бы освободиться от этого.

— Ослица ты... Что ж, ты умрешь, но не по моей вине. И ты не сможешь прийти оттуда и мучить меня.

— Обещаю.

— Плохо, если я буду причиной твоей смерти, — бормотала старуха. — Тебе предначертано жить долго. Негоже мешать судьбе, если на роду написано жить, а не умереть... Ты крепкая, сильная... Может, выдержишь. А я уж пошепчу, постараюсь заклясть беду. Как выпьешь, пойдди и ляг под Камнем Фей. Место это под покровительством духов. Они тебе помогут.

Отвар был готов только в сумерки. Мелюзина наполнила деревянную чашку черноватой жижей и дала Анжелике. Та решительно выпила все до капли. Это не было противно. Она глубоко вздохнула от облегчения, хоть у нее и щемило сердце при мысли, что же с ней будет. Зато потом она станет

свободной. Зло будет изгнано из нее. Надо набраться смелости и выдержать испытание. Она поднялась и отправилась к Камню Фей. Колдунья, бормоча заклинания, сунула ей в руку горсть каких-то шариков, похожих на орехи.

— Если будет невтерпеж, съешь один или два. Боль пройдет. А когда ребенок выйдет, положи его тело на камень друидов. Потом нарви омелы и покрой его...

Анжелика шла по тропинке среди молодой травы, только-только пробившейся сквозь толстый слой прошлогодних листьев. Сколько силы в этих хрупких ростках! Все вокруг зеленело и шевелилось под ветром. Она дошла до холма, где находился дольмен, выплывший ей навстречу, словно акула, из вечернего сумрака. Под ногами хрустела палая листва. Она узнала запах дубов, выстроившихся, как рыцари, вокруг поляны. Она растянулась на камне, еще теплом от солнца, которое в этот день горело по-летнему. Тело ее пока ничего не чувствовало. Она раскинула руки в пила глазами красоту закатного неба...

Когда ночь погасила вечернюю зарю, Анжелика уже корчилась на сером камне. Боль, завладевшая ее нутром, не давала передышки. Она задыхалась, в страхе гадая, выдержит ли новый приступ.

— Это должно кончиться! — убеждала она себя.

Но это не кончилось. Пот тек по вискам, и лунный свет вызывал резь в глазах, наполненных слезами. Она впиалась взглядом в маленькую звезду, ожидая, пока та уйдет на запад. Но звезда почти не двигалась. Анжелика стала кричать, скрученная нестерпимой мукой. В трепете ветвей ей чудились призраки, они подступали, склонялись над ней. Вот тот черный ствол — Никола-грабитель, другой — Валентен с топором, а этот — черный бородатый гугенот с глазами, как зажженные свечи, и раскроенным черепом, похожим на треснувший гранат.

Теперь, наконец, она их увидела — всю лесную нечисть. Они бегали по деревьям с головокружительной скоростью, а с ними черные коты, чьи когти оставляли светящиеся следы, и летучие мыши, и совы — все старые гости шабашей роились над ее головой. Она дрожала в лихорадке. После самой нестерпимой судороги ей вспомнились орехи колдуньи, лежавшие в кармане. Она съела один, и боль уменьшилась, отступила вглубь. Из страха перед жестокими муками она продолжала жадно есть орехи, и тихо-тихо отдалась на произвол сна, глубокого, как смерть.

Когда она проснулась, лес больше не выглядел угрожающим. Пела птица. На жемчужно-сером небе розовела заря. «Вот и все, — подумала Анжелика, — я спасена». От слабости кружилась голова, не было сил

пошевелинуться. Наконец она совладала со свинцовой усталостью и приподнялась. Долго сидела, опираясь на вытянутые руки, и с благодарностью обводила взглядом утихший лес. В мозгу бродили неясные, но счастливые мысли: «Ты свободна, ты освободилась...»

Она не обнаружила никаких следов происшедшей драмы. Наверное, их уничтожили лесные духи... Голова понемногу прояснялась. Кажется, было что-то, чего она не понимала. Но что же?

Вместо ответа она почувствовала легкий толчок под сердцем и с тупым отчаяньем убедилась, что все осталось как было. Проклятье! Проклятье! Клеймо поругания все еще не смыто. В исступлении она била себя кулаками, колотилась лбом о камни. Потом, спрыгнув с дольмена, помчалась в пещеру колдуньи. Она чуть не задушила ее в ярости:

— Дай еще лекарства!

Чтобы спасти свою жизнь и душу, которая и так еле держалась в теле, Мелюзина прибегла к высокой дипломатии:

— Почему ты хочешь избавиться от плода, когда все уже видели твой грех? Потерпи две или три луны... Дождись своего часа! Хочешь ты или нет, дитя выйдет из тебя. И ты не будешь умирать, как сегодня. Ты придешь сюда. Я тебе помогу... А там делай что хочешь. Хочешь — бросай его в Вандею, с высоты Горловины Великана. Или под дверь в городе...

В конце концов Анжелика заколебалась:

— У меня не достанет терпения так долго ждать... Но в глубине души она уже знала, что колдунья права.

Выйдя из леса, она отправилась к братьям де Ламориньер. Она нашла их в замке Ронсе у Брессюира. Трудно было выудить у нее что-либо путное касательно обстоятельств смерти знатного протестантского вельможи. Поведение Анжелики расхолаживало самых больших храбрецов. Ее материнство было заметно, и она не старалась его скрыть. Было в ней нечто, что клало предел любопытству. Братья де Ламориньер не переставали свидетельствовать ей свое полнейшее почтение. Они думали, что она носит под сердцем дитя Самуила де Ламориньера.

Она нашла и аббата де Ледигьера. Они не говорили о прошлом. Молодой священник занял свое место в эскорте Бунтарки из Пуату.

Когда пришла весна, воспряли природа и люди. Близилось время битв. Вспыхивали пока лишь небольшие стычки, но главное было впереди.

А неутомимая женщина опять носилась по провинции из конца в конец. Говорили, будто там, где она появляется, победа ее сторонников обеспечена. К июлю она пожелала вновь побывать в окрестностях Ниеля, и там на несколько дней исчезла.

Спутники и слуги сначала разыскивали ее, спрашивали всех, кого могли. Потом притихли: сообразили... В тревоге они сидели у огня и ждали ее возвращения. Она вернется, конечно, осунувшейся, побледневшей, но зеленые глаза будут глядеть так же загадочно. И никто не осмелится заметить, что ее стан снова обрел былую стройность.

Они не покидали поляну, где она оставила их. Нужно, чтобы ей было легко их найти. Увы, они ничего не могли для нее сделать. Не в их власти избавить ее от страданий. Ведь они были мужчинами, она — женщиной. Она была горда и прекрасна, принадлежала к высокому роду. Но ее не миновал горький удел всех женщин. Они не осмеливались думать о том, что происходит с ней там, в лесной глуши, и почти стыдились того, что они — мужчины.

Глава 5

Анжелика проскакала до опушки Ниельского леса. Она оставила коня на ферме, хозяйка которой ее очень почитала, и поспешила в лес. Она задыхалась на крутом склоне, цеплялась за кусты, чтобы идти быстрее. Под деревьями она чувствовала себя лучше, и все же ее терзал страх. Казалось, ей никогда не одолеть длинную горную тропу, ведущую в жилище Мелюзины. Но вот наконец, как раненый зверь, она рухнула на песок заветной пещеры.

По-матерински суетясь, колдунья подняла Анжелику, уложила на ложе из папоротника, расчесала скрюченными пальцами ее повлажневшие от пота волосы.

Она дала ей успокаивающего питья, наложила пластырь, чтобы облегчить страдания, и ребенок явился на свет почти тотчас. Анжелика приподнялась, при всем отвращении, ей захотелось взглянуть на это дитя позора. Она ожидала увидеть уродливое, болезненное создание — ребенок, зачатый и выношенный при подобных обстоятельствах, не мог быть здоровым. И все же при виде младенца у нее вырвался крик ужаса:

— Мелюзина, смотри... О, какое чудовище! Он бесполой!

Колдунья озадаченно покосилась на нее сквозь седые космы, падающие на лицо:

— Э, черт возьми, да ты вовсе спятила. Девка как девка! Девчонка.

Анжелика откинулась назад, сраженная приступом дикого, неудержимого смеха:

— О, как я глупа! — хохотала она. — Я об этом не подумала! Девчонка? Не может быть... Дочь! Кто бы ожидал... Понимаешь, я ведь не привыкла... у меня рождались только мальчишки... Трое мальчишек... сыновей... Теперь их больше нет. Ни одного! Дочь... Боже, как странно...

Смех перешел в рыдания — бурные, опустошительные, как грозовой ливень. Она так и заснула в слезах, но этот сон был глубок и покоен, и лицо спящей в ореоле светлых разметавшихся волос казалось ликом самой невинности.

Когда она пробудилась, покой, обретенный во сне, не покинул ее и наяву. То было чисто физическое умиротворение, и все же оно передалось ее истерзанной душе. Опершись на локоть, она обратила взгляд к выходу из пещеры. Дивная картина представилась ей: среди свежей зелени паслась лань с детенышем. Видно, окрестности ведьмина грота были для нее

самым привычным местом — она не вздрагивала, не озиралась пугливо, как поступают обычно звери, чувствующие близость человека.

Анжелика долго любовалась ими, затаив дыхание, и только когда грациозные создания исчезли, она со вздохом опустилась на ложе. Ей было хорошо у Мелюзины. Она понимала теперь, каким целительным бальзамом для израненного сердца женщины может стать подобное одиночество, каким благословенным убежищем — лесная чаща. Так вот откуда берутся колдуньи...

Ближе к вечеру ее дремоту потревожил неясный шум, заставивший вздрогнуть и насторожиться. Этот слабый, придушенный вскрик не походил на голоса лесных тварей.

— Проголодалась! — сказала ведьма, направляясь в глубь пещеры. Из ее дальнего угла она извлекла бесформенный сверток какого-то красного тряпья. Сверток пицал.

Растерянная Анжелика уставилась на колдунью:

— Как, она жива?.. Я думала... Ведь она не закричала, родившись.

— Ну да, не закричала. Зато теперь орет. Есть хочет. — И Мелюзина попыталась вручить ребенка матери. Анжелика отшатнулась, передернувшись от омерзения. Ее глаза загорелись жестоким огнем:

— Нет! — выкрикнула она. — Никогда, слышишь? Она украла мою кровь, но уж моего молока она не получит! Ублюдок, отродье солдафонов... Нет, мое молоко — для маленьких сеньоров, не для такой... Убери ее, Мелюзина! Прочь с глаз моих! Дай ей воды, чего хочешь дай, пусть только уймется. Завтра отнесу ее в город...

Анжелика проплакала всю ночь. В слезах, в полусонном бреду она впервые высказала все, о чем так долго молчала. Рассказала о том, что случилось в Плесси. Как драгуны повалили ее, как перерезали горло ее малышу, как она шла по разоренному замку, перешагивая через трупы, с мертвым ребенком на руках...

— Да, помню, помню, — бормотала колдунья, скрючившись у огня. — Тогда, осенью, я вас встретила на поляне. Я видела знак смерти над головой того малютки со светлыми волосами...

Назавтра Анжелика была уже на ногах. Она спешила, ей не терпелось покончить с этим. Крики младенца, которые теперь не прекращались, приводили ее в неистовство.

Она обулась, замотала голову шарфом из черного атласа, тщательно спрятав волосы, накинула на плечи плащ.

— Дай ее сюда, — приказала твердым голосом.

Мелюзина протянула ей новорожденную. Она все время шевелилась,

будто хотела выпутаться из красного тряпья. Анжелика взяла ее и твердым шагом двинулась к выходу из пещеры. Мелюзина удержала ее, вцепившись в руку своими смуглыми костлявыми пальцами:

— погоди, дочка! послушай меня. Я тебе не советую... Знаешь... не убивай ее.

— Ладно, — с усилием произнесла Анжелика. — Не бойся. Этого я не сделаю.

— Понимаешь, ребенок-то не простой. Она отмечена знаком. Вот, гляди!

Неохотно, лишь бы отделаться от назойливой старухи, Анжелика посмотрела на коричневое пятно, темнеющее на крохотном плечике младенца. По форме пятно напоминало звезду.

— На ней почиет божественная благодать, — бормотала ведьма. — Созвездия покровительствуют ей...

Стиснув зубы, Анжелика сделала шаг к выходу. И снова Мелюзина удержала ее:

— Это очень редкий знак, очень. Печать Нептуна, если хочешь знать!

— Нептуна?

— Моря! — в глазах старухи промелькнул странный фосфорический блеск. — Знак моря...

Молодая женщина раздраженно пожала плечами.

Несмотря на слабость, она без труда достигла вершины холма. Желание поскорее сбросить со своих плеч эту постылую ношу придавало ей сил. Миновав поляну у Камня Фей, она вышла на перекресток со светильником мертвецов, прозванным Фонарем Голубки. Его и впрямь венчало каменное изображение белой птички. Здесь она повернула направо и вскоре вышла на дорогу, ведущую к Фонтене-ле-Конт.

Она шла уже не меньше двух часов и устала смертельно. Ноги подкашивались, на висках от слабости выступили капли пота. Пришлось завернуть в домик местного саботьера — ремесленника, что изготавливает деревянные башмаки. Возможно, что саботьер и узнал ее, но это не имело большого значения: бедняга был глухонемым. С ним жил сын, также глухонемой, и эта ветхая лачуга была их единственным постоянным обиталищем.

Анжелика попросила чашку молока и краюху хлеба. Она размочила в молоке кусочек хлебного мякиша и засунула в рот ребенку, плач которого тут же утих. Сама же она с трудом проглотила несколько глотков молока — есть не хотелось. После недолгого отдыха она возобновила свой путь. На дороге ее нагнала двуколка, и она попросила кучера подвезти ее. Он

объяснил, что не собирается в Фонтене-ле-Конт, но может высадить ее на расстоянии одного лье от города.

Цель уже была близка, когда младенец снова расплакался.

— Да накорми же его! — сердито буркнул возница.

— У меня нет молока, — сухо отвечала она.

Он высадил ее на условленном месте, указав кнутовищем туда, где уже виднелись далекие колокольни и крепостная стена городка.

Фонтене-ле-Конт находился в руках повстанцев. Но Анжелика не боялась, что ее узнают. У этой крестьянки, притащившейся в город, чтобы отделаться от незаконного дитяти, не было ничего общего с Бунтаркой из Пуату, чьи решения звучали как приказ для самых влиятельных богачей Фонтене-ле-Конт, когда она была здесь на Рождество. Она ждала прихода ночи, чтобы пробраться туда.

Головка новорожденной покоилась на сгибе ее локтя. Она казалась Анжелике тяжелой, как свинец. Ноги не держали ее, нервы были на пределе. Жажда прекратить этот назойливый детский плач, оборвать эту хрупкую, ненавистную жизнь становилась нестерпимой. И главное, одним ударом покончить с породившим ее кошмаром прошлого... Анжелика остановилась, ужаснувшись, борясь с чудовищным искушением.

— Надо помолиться, — сказала она себе. Но слова молитвы замерли на ее устах. Бог... да полно, существует ли Он? Иногда ей казалось, что она ненавидит Его... да, Его тоже.

Она двинулась к городу, уже подсиненному сумерками. И все же у его стен она опять заколебалась и долго бродила в нерешительности, словно дикий зверь, боящийся оживленных городских улиц.

Только увидев, что ночной караул собирается запереть ворота, она решила проскользнуть в город через потайную дверцу Хлебной башни. Узкие улочки города еще не опустели. Жители сновали туда-сюда, занятые повседневными заботами, с удовольствием вдыхая ароматный воздух ранней весны, радуясь передышке после стольких тягот. Люди, видимо, не спешили расходиться по домам и весело переговаривались на пороге своих лавчонок.

Анжелика знала, что сиротский приют находится на Площади Позорного Столба, что близ Ратуши. Бесприютных детей было так много, что монастыри не могли принять всех, поэтому с некоторых пор стали создавать светские дома призрения. В Фонтене приют занимал средневековое строение, где некогда помещался зерновой склад. Его фасад с выступающими наружу балками перекрытий был щедро украшен деревянными статуями. Анжелика не решилась приблизиться к нему,

опасаясь, как бы плач ребенка не привлек внимания торговцев. Она в смущении бродила по соседним улочкам, ожидая, когда в городе воцарится глубокая, безлюдная ночь. Эти блуждания помогли ей обнаружить то, что она искала: «башню».

Место для нее выбрали на самой темной, безлюдной улочке, верно, затем, чтобы пощадить стыдливость тех несчастных, кого приведет сюда их злой рок. Здесь не было иного света, кроме небольшого масляного ночника, пристроенного близ статуэтки Младенца Иисуса на верху «башни». Внутри не было ничего, только охапка соломы. Положив ребенка на солому, Анжелика дернула за цепочку от колокола, подвешенного справа от входа. Колокол откликнулся протяжным звоном.

Она торопливо отбежала и остановилась на другой стороне улицы, скрытая потемками. Она дрожала как лист. Ей казалось, что крик ребенка сейчас переполошит всю округу. Наконец раздался скрип дверной створки. В «башне» произошло некоторое движение, мало-помалу плач новорожденной стал отдаляться и наконец умолк. Анжелика прислонилась к стене. Она едва не лишилась чувств. Она испытывала ни с чем не сравнимое облегчение, но к этому чувству примешивалась страшная тоска. С душераздирающей мукой вспомнила она гнусную атмосферу Двора чудес и свою клятву никогда более не опускаться до переживаний столь низменных. Она думала о том изощренном коварстве, с каким жизнь загоняет человека в адский круг, снова и снова вынуждая влачиться все тем же безотрадным путем.

Медленно, едва передвигая ноги, она побрела прочь. С трудом заставила себя выпрямиться. Подняла голову. Надо забыть! Ей нет дела до одиночества безымянной женщины, раздавленной своим грехом, затерянной среди пустынных городских улочек. Она подстегивала свою гордыню: «Ты — Анжелика дю Плесси-Белльер! Ты — та, что подняла провинцию на мятеж против короля!»

Глава 6

Часовня святого Гонория, построенная ради ободрения путников, своим обликом как нельзя лучше гармонировала с местностью, которую она была призвана хранить. Угрюмая, как пещера, коренастая, словно дуб, она была с варварским, поистине дремучим излишеством украшена статуями, буквально кишачими по всему фасаду. Под сенью колоколенок, взъерошенных, словно кусты терновника, толпились фигуры с длиннющими бородами и глазами полузадушенных раков, приводящие на память апокалипсических чудищ.

Это причудливое строение располагалось на холме, у пустынной и небезопасной дороги, среди вересковых пустошей на границе Гатина и Бокажа. Именно здесь Анжелика собрала предводителей повстанческих отрядов, чтобы обсудить план летней кампании. Ей и на этот раз удалось убедить католиков и протестантов оставить в стороне свои распри по поводу догматов веры во имя цели более насущной. Они могли победить только договорившись.

Три дня провели они на холмах у Гатина, вечером зажигая костры около часовни св. Гонория и укладываясь на ночлег под дубами под стрекот сверчков. Св. Гонорий, несущий собственную голову в руках, казалось, благословлял их, и католики видели в этом доброе предзнаменование.

Святой Гонорий был храбрым торговцем скотом. Он жил в XIII веке и умер от рук грабителей. Берри, где он родился, и Пуату, где он умер, долго оспаривали друг у друга честь хранить его останки. В результате Пуату досталась голова святого торговца.

Воины приходили окунуть клинки в святой воде, текущей из скалы в каменную чашу.

Анжелика потихоньку прокрадывалась туда обмакнуть вуаль, чтобы остудить горящий лоб. Несмотря на снадобья Мелюзины, она с трудом оправлялась от тайных родов.

Вернувшись из Фонтене-ле-Конт, она тотчас пожелала отправиться в Гатин. Анжелике хотелось пренебречь своей слабостью, но природа напомнила ей о проклятии Евы, коим Бог поразил ее плоть. Особенно она страдала по ночам. Война и жажда мести держали ее в чрезмерном возбуждении, но сон снова уводил в пещеру колдуньи. Тогда из глубины души поднималось безнадежно-тягостное чувство, с каким она слушала

крик новорожденной.

Однажды ночью ей во сне явился святой Гонорий с головой в руках: «Что ты сделала с ребенком? Ступай к дочери, пока она не умерла...»

Анжелика проснулась на подстилке из вереска. Святой Гонорий был на своем месте, на портале часовни. Вставало солнце. Утренний холод пробирал до костей, но она с ног до головы была мокрой от пота. Все тело болело. Она встала, чтобы пройти к источнику попить и освежиться.

— Когда у меня пропадет молоко, я перестану думать о ребенке, — сказала она себе.

Незадолго до полудня дозорные заметили экипаж, поднимающийся по извилистой дороге. До тех пор они не встречали никого, кроме одинокого всадника, без сомнения негоцианта, с опаской пробиравшегося по этим пустынным местам. Но тот пустился в галоп, едва заметив среди деревьев подозрительные силуэты.

Повстанцы попрятались, но все признаки военного лагеря были так очевидны, что любой догадался бы об их присутствии. Анжелика послала Мартена Жене и нескольких крестьян, приказав остановить экипаж, когда тот въедет на холм. Приходилось опасаться путников: поддавшись искушению, они могли сообщить неприятелю о передвижениях повстанцев. За такие доносы платили золотом.

Вокруг остановившейся повозки слышались взрывы хохота. Заинтересовавшись, Анжелика приблизилась. То была жалкая двуколка, влекомая столь же убогой клячей. Кучер, беззубый старик, дрожал так, что не мог говорить. Изодранный полотняный верх повозки был откинут. Под ним, словно крольчата, копошились на вонючей соломе младенцы. Этот выводок сопровождали три красные потные толстухи.

— Господа грабители, не погубите! — на коленях умоляли они.

— Куда вы едете?

— В Пуатье... Хотели проехать через Партене, потому как нам сказали, что в Сен-Мексане солдаты. Вот мы, бедные женщины, испугались этих пакостников и решили сделать крюк по спокойной дороге... Если б знать...

— Откуда вы?

— Из Фонтене-ле-Конт.

Тут самая толстая, заметно приободрившись при виде Анжелики, словоохотливо затараторила:

— Мы — кормилицы приюта Фонтене, что при канцелярии Дома Призрения. Нам ведено перевезти этих младенцев в Пуатье, а то опять их набралось слишком много. Мы честные женщины, сударыня, мы

принимали присягу... присягу, сударыня!

— Надо их пропустить, — ухмыльнулся Мальбран Верный Клинок. — Что с таких возьмешь? У них ничего нет, кроме молока в грудях, да и того, поди, не хватает на этакий крольчатник!

— И не говорите, добрый господин! — с громким смехом воскликнула кормилица. — У тех, кто посылает нас троих с двумя дюжинами сосунков, нет ни на грош понятия. Добрую половину из них приходится кормить «баюкой»... — Она указала на кружку с размоченным в вине хлебом. — Тут уж не диво, ежели многим до места не доехать. Вон один уже помирает. Как доберемся до ближайшей деревни, отдам его кюре, пускай похоронит.

Толстуха ткнула им под нос крохотного тощего младенца, обкрученного дырявой красной тряпкой:

— Вы только взгляните на это несчастье!

На лицах мужчин появилась гримаса отвращения.

— Ладно, так и быть, езжайте своей дорогой. Но уж будьте умницами: когда спуститесь на равнину, помалкивайте о том, что видели в горах.

Кормилицы дружно запричитали, клянясь, что будут немые как рыбы.

— Кучер, погоняй! — крикнул Мальбран, шлепнув ладонью по костистому лошадиному крупу.

— Нет, подождите...

Все обернулись к Анжелике. Ее лицо побелело как мел. С того мгновения, когда кормилица сказала, откуда они, ей все уже было ясно. Она поняла, почему св. Гонорий явился ей этой ночью. Но продолжала стоять, остолбенев. И теперь ее движения были замедленными, словно в дурном сне. Вот она приблизилась к повозке. Нагнулась. Подобрала ребенка, которого кормилица швырнула на солому.

— Теперь ступайте.

— Что вы с ним будете делать, красавица? Говорю же вам: бедняжка вот-вот помрет.

— Ступайте! — Взгляд Анжелики был так суров, что кумушки съежились и примолкли.

Одеревенело выпрямившись, Анжелика двинулась прочь. У источника ноги ее подкосились, и она вынуждена была опуститься на край каменной чаши. На плечо ей легла рука. Подняв глаза, она встретила взгляд, полный торжественной серьезности. Аббат де Ледигьер, все это время следовавший за ней, наклонился над младенцем. Все его существо лучилось жарким сочувствием.

— Это ваш ребенок, не так ли?

Она еле заметно кивнула, хотя лицо ее исказилось страданием.

— Вы уверены?

— Я узнала по отметине на плече... И по красной материи, в которую она запелената.

— До того как... покинуть ребенка, вы его окрестили?

— Нет.

— Кто знает, сделали ли они это в приюте? В людских сердцах столько небрежения... Сударыня, ее нужно окрестить.

— Мне кажется, она уже умерла.

— Нет еще. Как вы хотите ее назвать?

— Это неважно.

Он задумчиво посмотрел вокруг:

— Святой Гонорий вернул ее нам. Мы назовем ее Онориной.

Аббат погрузил руки в источник, зачерпнул воды и окропил ею лоб ребенка, шепча ритуальные формулы. То, что эти слова, исполненные божественной благодати, были обращены к несчастному созданию, рожденному ею в бесчестии, потрясло Анжелику.

— Будь светочем, Онорина, в этом мире тьмы, куда послал тебя Господь! Пусть сердце твое откроется всему доброму и прекрасному...

— Нет, нет! — вскричала она. — Я не могу быть ей матерью, нельзя требовать этого от меня...

Она с отчаянием глядела на аббата де Ледигьера. В его чистом взоре она прочла свой приговор.

— Не презирайте жизнь, дарованную Создателем.

— Вы требуете невозможного!

— Только вы можете ее спасти. Вы, ее мать!

— О, вы жестоки!

Мука, терзающая ее, передавалась аббату. Она читала это в его карих глазах.

— Боже! — вырвалось у него. — Боже, для чего ты создал этот мир?

Он бросился к порогу часовни и стал громко молиться, припав лбом к двери.

Ребенок на руках Анжелики едва приметно шевельнулся. Она расстегнула корсаж и дала ему грудь.

Глава 7

Конный отряд выехал из ущелья, потревожив лесную тишь топотом и лошадиным фырканием. Сухая листва потрескивала под копытами. Всадники плыли в легком золотистом тумане, затопившем лощину, словно в морской пене. Сквозь оголенные ветви деревьев тихо сияло бледно-голубое небо. Медленно падали последние листья.

Анжелика сняла со своей накидки оранжевую звездочку и мечтательно созерцала этот хрупкий, с изящными прожилками шедевр природы. Вот уже снова осень. И зима не за горами. Теплота солнечного дня не обманывала ее: скоро задуют холодные ветры, поблекнут золото и шафран лесного убранства, им на смену придут сиреневые и серые цвета...

Она покосилась на аббата де Ледигьера, скакавшего рядом, и пожалала плечами:

— В сущности, это курам на смех, дорогой аббат! Ну где такое видано — военачальник в роли кормилицы, полковой капеллан, будто нянька, пеленает младенца...

Молодой человек рассмеялся, ласково глядя на нее:

— Что с того! Ведь это не помешало вам, сударыня, привести войска к победе. Вы так умело действовали! Похоже, что ребенок — наш талисман.

С гордостью он посмотрел на малышку, которую держал на согнутой руке, прикрывая черной сутаной. Такова была колыбель Онорины: конские седла и мужские руки, передававшие ребенка друг другу, пока не наступал срок кормления. Лишь тогда Анжелика брала девочку и удалялась, чтобы дать ей грудь. С тех пор как младенец был спасен, оживленный молоком матери, совесть ее успокоилась. Однако сознание приносимой жертвы не слабело, и едкое чувство оскорбленной гордости не притуплялось.

Она оставляла людям свиты заботу о маленьком зверьке, раз уж судьба не пожелала избавить ее от этой обузы. Вот девочка и переходила с лошади аббата к Мальбрану Верному Клинку, от него — к Флипо или старику Антуану, Онорина испытала на себе все виды рыси и галопа. Даже барон де Круасек, этот храбрый толстяк, иногда предоставлял ей удобное убежище на своих обширных коленях. Но как только смеркалось, Онорина принималась плакать и смолкала лишь на руках у Анжелики. Тогда ей волей-неволей приходилось держать ребенка при себе.

— Нет, право же, смешно, — повторила она. — Я спрашиваю себя, как после всего этого наши молодцы еще соглашаются мне повиноваться.

— Будьте покойны, сударыня: ваше влияние достаточно велико. Благодаря достигнутым успехам оно постоянно растет...

Анжелика помрачнела:

— Успехи? Победа? Нет, торжествовать рано. Ничто еще не решено. Королевским войскам пока не удастся прорвать оборону Пуату, но ведь осада продолжается. На носу зима. Большинство земель в запустении, урожаи ничтожны, а голод кого хотите лишит мужества. На это и рассчитывает король.

— Внушите им, что наше дело победит, если мы продержимся до следующего лета. Король дольше не сможет терпеть у себя под боком охваченную восстанием провинцию. Финансы королевства будут расстроены, торговля придет в упадок. Придется либо утопить мятеж в крови, либо пойти на переговоры. А мы под защитой лесов и болот, солдаты не посмеют сунуться сюда...

— Мой милый аббат, вы рассуждаете, как стратег, такие речи не могут не убедить. Что сказало бы ваше церковное начальство, если б услышало вас?

— Они бы вспомнили, что в моих жилах течет кровь старого Ледигьера, того самого знаменитого гугенота из Дофине, что долго бунтовал против королевской власти. Хоть моя семья и обратилась в католичество, я еще в семинарии внушал моим наставникам некоторые подозрения. Так, может быть, они не ошибались?

Он говорил это, весело смеясь. Ветер трепал его кудри, нежная кожа потемнела от загара, плащ, шляпа с серебряной пряжкой и сюртук — все было потерто, испорчено пылью и непогодой. Его лошадь, зацепив копытом корень дерева, вдруг сделала большой прыжок, вынеся своего седока далеко вперед. Анжелика некоторое время смотрела ему вслед, потом догнала.

— Господин аббат, — начала она серьезно, — мне пора поговорить с вами. Вам не следует оставаться здесь. Я напрасно вовлекла вас в эту авантюру, не подобающую ни вашему сану, ни положению в свете. Вернитесь к людям вашего круга. Епископ де Кондон покровительствует вам, он всегда ценил ваши способности. С его помощью вы займете при дворе место, достойное вас. А может быть, вас снова призовет к себе господин де Лафорс. Надобно спешить, пока там не стало известно, что вы последовали за мной, пока не пострадала ваша репутация... Но вы молчите?

Молодой человек смотрел на нее в смятении, утратив самообладание под напором чувств:

— Вы изгоняете меня, сударыня?

— Нет дитя мое. И вам это хорошо известно... Но поймите, такая жизнь преступна. Вам не место среди отверженных.

— Но почему же? — в его тихом голосе она услышала страшное волнение. — Сударыня, я должен объясниться! Если вы думаете, что только преданность вам держит меня здесь, мне подобает вас в том разуверить. Да, это правда, моя жизнь принадлежит вам, но есть и другое... Я чувствую... нет, я уверен, что вы правы в этой жестокой тяжбе, именно вы, сударыня... Я ведь тоже успел пожить при дворе. Почему же я не должен следовать за вами вместе с другими жаждущими, голодными, взыскующими правосудия? Подобно им, я верую в вашу правоту. Разве я виноват, если не только разум, но и сердце мое предано этой вере?

Анжелике прикусила губу, ее пальцы судорожно сжали поводья.

— Не ищите оправданий моим поступкам, — твердо возразила она. — Им нет извинения. Я только жалкая и мстительная женщина, моя ненависть душит меня...

Он поднял на нее большие испуганные глаза:

— Вы боитесь быть проклятой?

— Для меня эти слова утратили смысл. Я знаю только одно. Ненависть владеет мною, она одна дает мне силы терпеть невзгоды, сражаться, желать победы над врагом, даже радоваться иногда...

Увидев, как он опечалился, она резко продолжала:

— Почему вас так ужасает моя судьба? В сущности, все справедливо, мое место здесь, а не среди версальской роскоши. Я ведь с детства была сумасбродной и непокорной. Мне милей ходить босиком по тернистым лесным тропкам, чем важно ступать по коврам! Когда я была ребенком, мой брат Гонтран — тот, что был повешен по приказу короля, — написал картину, где изображал меня в виде атамана разбойников. У него всегда был дар предчувствовать будущее... А вы когда-нибудь слышали, как Флипо повествует о моих похождениях среди парижского отребья? Я прошла по всем дорогам, познала лишения, тюрьму... я ползла на коленях по тропам Рифа... Такова моя судьба, я сжилась с нею, теперь мне уже и не надо крыши над головой, я предпочитаю вольное небо. Меня ничто не спасет, и я это знаю... Не грустите же, мой милый аббат. Уезжайте поскорей...

И помолчав, прибавила чуть слышно:

— Я приношу несчастье всем, кто меня любит...

Он не отвечал. Она искоса взглянула на его тонкий профиль и увидела, что губы его дрожат, а длинные ресницы трепещут.

Лошади меж тем скакали по крутой каменистой дороге, спускавшейся

с холма, поросшего дремучей, дикой растительностью. Впереди показался замок Гордона де Лагранжа с четырьмя башнями по углам, весь в облаке золотисто-багровой листвы парка.

У путников не было нужды подавать сигнал, возвещая о своем прибытии. В этом отдаленном поместье, затерянном в дебрях Бокажа, их не могла ожидать засада. Здесь можно было забыть опустошенные войной местности, сожженные селения, яростные вооруженные схватки на песчаных равнинах, опасные засады в узких горловинах — все, что делает бои беспощадными. Деревни обезлюдели, крестьяне, кто еще уцелел, проводили лето, одной рукой налегая на плуг, другой сжимая мушкет. К концу сентября войскам короля удалось довольно далеко продвинуться в глубь провинции, опустошая все на своем пути. Жители разбегались при их приближении — казалось, они растворяются без следа, словно дым, лишая наступающих приятной возможности всех перевешать. Зато уж солдаты жгли все: хутора, крепости, посевы. В Версале уже шли разговоры о неизбежной капитуляции этого перепуганного сброда, когда, достигнув окрестностей Пузожа, победоносное войско словно сквозь землю провалилось. Оттуда перестали доходить какие бы то ни было вести. Край сомкнулся за спинами королевских солдат, как гигантские клещи.

Немногие выжившие, кому посчастливилось, по-звериному таясь в лесных чащах, достигнуть Луары и переправиться на другой берег, с ужасом повествовали о том, как на них нападали бесшумные тени ночи, о блуждающих огнях, что заманивали людей в трясину, о врагах, которые в самый неожиданный момент дождем сыпались из древесных крон, так что их жертвы, не успев вскрикнуть, уже валялись с ножом между лопатками. Солдаты короля несли огромные потери, и ни сила оружия, ни опыт офицеров не могли им помочь. Восставшая провинция пожирала их одного за другим...

Отчаяние воцарилось в войсках. Таково было следствие этой бесславной кампании: она погрузила в пучину безысходности и солдат, и высшее командование. Между тем наступала зима — время, когда королевское войско уж никак не могло бы отважиться на новую экспедицию.

Анжелика провела три месяца в замке де Лагранжа. Здесь она принимала предводителей заговорщиков, здесь беседовала с городскими бургомистрами, поверявшими ей свои сомнения. Они жаловались на голод, на то, что жители, посаженные на голодный паек, начинают роптать, что торговля в упадке и помощи ждать неоткуда. К счастью, хоть зима выдалась не слишком суровая.

В начале марта Анжелика возобновила свои поездки по провинции. К этому времени она перестала кормить ребенка грудью и собралась было оставить девочку в замке. Добрая служанка с готовностью согласилась присмотреть за нею. Но аббат де Ледигьер воспротивился:

— Не покидайте ее, сударыня! Вдали от вас она умрет.

— Но ведь я вернусь за ней позже, когда обстоятельства...

— Нет, — произнес он твердо, глядя ей в глаза. — Нет. Вы никогда за ней не вернетесь.

— Да разве пристало маленькому ребенку жить вот так, без отдыха таскаясь по градам и весям?

— Она выдержит это, потому что рядом будете вы, ее мать...

Он собственноручно укутал Онорину теплым одеялом и, ревниво прижимая к сердцу, вскочил в седло.

В эти дни душу Анжелики стало тревожить тайное сомнение. Когда она смотрела на дочь, в ней шевелился неясный страх, подозрение, в котором она сама себе боялась признаться. Между тем это невысказанное сомнение росло, крепло, грозя превратиться в уверенность.

Отряд между тем оказался в довольно опасной местности, где королевские войска того и гляди могли застигнуть их. Чтобы не угодить в засаду, Анжелика и ее спутники каждую ночь прятались в пещерах в долине Севра. То были живописные гроты — множество укромных уголков, куда крестьянки с соседних хуторов любили собираться по вечерам, прихватив с собой шитье или вязанье. Им нравились эти местечки, теплые, уютные, где не надо было зажигать огня, чтобы согреться. После обеда они отправлялись туда с веретенами, паклей, льняными оческами, неся под мышкой жаровню, полную раскаленных углей.

Они охотно показывали Анжелике самые просторные из этих самой природой выстроенных покоев, где маленький отряд мог отдохнуть, укрывшись от острого холодка весенних ночей.

В нишу одной из стен пещеры вставляли грубый деревянный подсвечник. Фитиль, изготовленный из стебля медвежьего уха, пропитанного ореховым маслом, давал достаточно света.

Анжелика смотрела на ребенка. Девочка каталась по земле, уже пытаясь научиться ползать. Для своих десяти месяцев она казалась крепкой. Волосы, появившиеся на ее головке совсем недавно, уже начали завиваться в колечки. Странный у них цвет... Может быть, просто огонь светильника отбрасывал красноватые блики, придающие детским кудрям этот медный оттенок? А глаза у нее были, напротив, черные, узкие, и,

когда она смеялась, они становились раскосыми. Тогда казалось, что щеки полностью скрывают их, и это выражение... это выражение кого-то напоминало Анжелике. В чистых детских чертах чудилось ей совсем другое лицо — карикатурно раздутое, похабное...

Она отшатнулась так резко, что ударилась затылком о каменную стену и замерла, оглушенная.

Монтадур! Это его морда рыжего кабана!

На висках выступил пот. Это было невыносимо...

Нелюбовь матери к ребенку-бастарду почти всегда — лишь отражение ненависти к его отцу. Для Анжелики дать имя отпрыску преступника было тяжелее, чем если бы отец был неизвестен. Она бы любила ребенка Колена Патюреля. Но разделять ответственность за человеческое существо с солдафоном самого низкого разбора казалось ей унижением, которое навязала судьба. Никогда она не сможет с этим смириться. Ее жизнь превращалась в чудовищную, отвратительную комедию, направляемую слепым и свирепым божеством.

На ее крик прибежал аббат де Ледигьер.

— Унесите ее, — задыхаясь, проговорила Анжелика. — Уберите ее с моих глаз. Иначе я могу ее убить...

В полночь по пещере эхом разносились крики Онорины.

Лежа на своей травянистой подстилке, Анжелика вздыхала раздраженно и безнадежно:

— Ну, конечно, «они» забыли дать ей ее папоротник.

Онорина не могла заснуть, если у нее в руках не было веточки папоротника. Это была ее любимая игрушка, кружевные листья восхищали ее.

В конце концов Анжелика не выдержала. Она пошла в самую широкую часть пещеры, где собрались вокруг огня аббат, конюший, слуги и барон. Они исчерпали все, что могли придумать, чтобы успокоить ребенка. Бросив на них презрительный взгляд, она взяла у них младенца, который, как по волшебству, тотчас замолк, и унесла ее в свой закуток. Естественно, малышка была мокрая, замерзшая и сопливая. Анжелика обтерла ее опытной рукой, завернула в свою шерстяную шаль и до глаз зарыла в сено. Затем вышла из пещеры, дошла до лесной опушки, сорвала папоротник, обципав несколько листочков в низу стебля. Онорина решительно зажала его в кулачке и в полном восторге уставилась на эту мохнатую палку, что отбрасывала на стену грота огромную тень какого-то доисторического чудовища. Умиротворенная, она засунула палец в рот и искоса глянула на Анжелику взглядом, полным удовлетворения.

«Вот ты меня понимаешь, — казалось, говорила она. — С тобой мне спокойно».

— Да, я тебя понимаю, — пробормотала Анжелика. — Это так, тут мы ничего не можем изменить, ни ты, ни я, правда?

Опершись на локоть, она разглядывала девочку с жадным вниманием. На лице ребенка сияло такое блаженство, что железные тиски, сжимавшие сердце Анжелики, разжались.

Ни прошлое не занимало ее сейчас, ни будущее. То был час безмолвия, глубокой, целительной тишины. Она рождала не слова, скорее образы, беглые ласковые тени, приносящие мир в измученную душу.

— У тебя нет отца... Ты дочь лесов... Ты никому не принадлежишь — дитя лесных чащ, только и всего. Твои волосы рыжи, как осенняя листва, глаза — черны, как ягоды ежевики... Эта кожа, она такая белая... нет, перламутровая, как песок здешних гротов. Ты — порождение лесов... блуждающий огонек... гномик... Вот и все. У тебя нет отца. Спи... спи, радость моя.

Глава 8

Аббат де Ледигьер вышел из леса с руками, полными грибов.

— Это тебе, Онорина. Вкусно!

Она заковыляла к нему, еще нетвердо держась на ножках. Год ей исполнился летом, когда хутор, на котором нашли убежище Анжелика и ее друзья, был окружен королевскими солдатами. Запертые, как зайцы, попавшие в западню, они уже были готовы сдаться, когда их освободил Хуго де Ламориньер со своими протестантами. Выходя из дома, Анжелике пришлось переступить через трупы. Онорина кашляла, надыхавшись дымом. Запахи пороха и пожаров были частью ее существования так же, как звуки взрывов, кровь и пот на лицах висельников, внезапные бегства, темные ночи в лесной глуши.

Первые шаги она сделала в Партене, под звуки набата в маленьком осажденном городе. Нападавшие были отброшены и отступили, но город лежал словно в беспамятстве, измученный лишениями. Анжелика не нашла Онорину в той комнате, где оставила ее сидящей на стуле. Девочка оказалась на улице. Так узнали, что она научилась ходить и может даже спуститься по ступенькам.

Первое слово она произнесла в тот день, когда был убит Ланселот де Ламориньер в жестокой битве в песках Машекуля. И это первое слово, как острый нож, пронзило сердце Анжелики.

Она сказала «Кровь!», показывая на цветок мака. И смешно морщила носик, передразнивая гримасы страдания, искажающие лица раненых.

Она гордо повторяла: «Кровь... кровь...», теребя алый цветок. Весь вечер она твердила это слово, доведя мать до бешенства.

Анжелику измучила жестокость летних битв, в ее душе поселился страх. Король еще не победил; но был близок к этому. Хуго де Ламориньер, лишившись своих братьев, остался как бы телом без головы. Он никогда не умел думать сам. Ланселот внушал ему веру в Анжелику, но после его гибели взяло верх пуританское презрение к женщине. Не было более рядом и Самуила, прежде умело разжигавшего в груди брата гордость вассала, восставшего против своего короля. Разгром неумолимо надвигался, лишь наступление осени позволило отсрочить его. Встретив такое яростное сопротивление, военное командование растерялось. Король считал, что лучше всего дать мятежным бандам распасться из-за голода, нищеты и отсутствия боеприпасов. Министры же настаивали на

сокрушительной военной кампании с самим королем во главе и требовали такого кровавого подавления бунтовщиков, какое могло бы утратить другие провинции. Они напоминали, что в Аквитании, Провансе, Бретани тоже неспокойно, а от недавно завоеванных земель, таких, как Пикардия или Русильон, можно ожидать любых сюрпризов.

Анжелика не знала об их спорах, она могла лишь подозревать. Но что значили ее предположения для этих изможденных людей? Чтобы убедить их в чем-то, нужны были более веские доводы. Только она одна все еще напоминала им, что у них нет другого выбора: или борьба, или рабство. После жарких баталий этого лета она нашла приют в ущельях Мервана с сеньором де Лагранжем и его людьми. Они разбили лагерь в вековом лесу, тянувшемся к северу до Ниеля. Они восстанавливали силы, залечивали раны.

Аббат де Ледигьер набрал в лесу сухих веток, разжег костер с помощью кремня и огня и занялся приготовлением грибов для Онорины. Его ружье, с которым он очень неохотно расставался, лежало рядом на траве, и он запретил Онорине его трогать. В ответ малышка соорудила гримаску, давая понять, что она давно не доверяет этим предметам, исторгающим дым и грохот.

Анжелика сидела поблизости на покрытом мхом камне и наблюдала за ними.

На аббате была толстая овчинная безрукавка. Он заменил свою круглую шляпу с серебряной пряжкой на гигантский заношенный головной убор местных крестьян. У него больше не было брыжжей, и рваный ворот его рубахи открывал молодую загорелую грудь, на которой посвечивал золотой крест, болтавшийся на выцветшем шнуре. Маленький капеллан, утонченный до кончиков ногтей, превратился в дикого лесовика, и она тому виной. Ей припомнился нежный подросток, обитатель Версаля и Сен-Клу, умевший с величайшим хладнокровием переносить злые выходки насмешниц и их двусмысленные взгляды. А как шикарно он шаркал ножкой, приветствуя всех этих растленных великосветских господ! Теперь его плечи расширились, стало заметнее, что он высок и статен. От его хрупкости не осталось и следа. На загорелом лице от прежнего сохранился только ласкающий взгляд лани. Сколько ему лет? Двадцать? Двадцать два?

Она окликнула его, и он, как всегда, поспешил на ее зов, полный почтительности, заставившей Анжелику вспомнить роскошь ее былой жизни.

— Мадам?

— Господин аббат, вы должны нас покинуть. Я много раз просила вас

об этом, но теперь медлить больше нельзя. Нас преследуют. Одному Богу ведомо, какая нас ожидает беда. Вернитесь к своим... Умоляю вас, сделайте это ради меня! Мне невыносимо чувствовать себя причиной вашей отверженности...

Как всегда, когда она касалась этой темы, он побледнел и прижал руку к сердцу.

— Для меня это невозможно, сударыня. Я не могу жить вдали от вас, в разлуке с вами.

— Но почему?

Он страстно смотрел на нее. Его взгляд был красноречивее любых слов. Ее это не задевало, только трогало до слез. Она печально отвела глаза.

— Нет, мой дорогой мальчик, — тихо, с мольбой проговорила она, — не надо... Я...

— Я знаю, кто вы... Вы — единственная, кого я обожаю. Вы та, любовь к которой заставила меня понять, что можно забыть Бога ради поцелуя женщины.

— Не говорите так!

Она протянула ему руку, он взял ее. Она не могла ее отнять, такой целомудренной и мужественной была его рука.

— Позвольте... один только раз... сделать вам признание, — проговорил он хриплым голосом. — Вы наполнили мою жизнь чувством чистым и живительным, и я не могу об этом жалеть. Вы так очаровали меня, каждое ваше слово...

— Но ведь вам известны мои грехи.

— Они делают вас еще дороже в моих глазах, более слабой, более человеческой. Ах, если бы я мог... обнять вас, уберечь от врагов и от самой себя... Защищать всеми силами...

Силы, о которых он говорил, исходили от него, как свет, пронизывающий наступающие сумерки. То было властительное обаяние чистоты и молодости. Впервые за много месяцев Анжелика вновь ощутила приток жизни, мощной, всепроникающей, притягивающей ее и стремящейся вырвать из бездны отчаяния.

Она знала, что по вечерам он уходит в лес, там подолгу молится, упав на колени. Что любовь к Богу и та любовь, которую он отдал проклятой женщине, разрывают его сердце. До каких пор он сможет выносить это?

Анжелика не могла говорить. Она отняла руку и плотнее закуталась в плащ.

— Не бойтесь меня, — сказал он с нежностью. — Я бы боготворил

вас, если бы вы бросили на меня хоть один благосклонный взгляд. По одному вашему знаку я бы растворился в вас... Всей душой надеюсь, что мои слова не оскорбляют вас, сударыня. Я ваш смиренный слуга. Поверьте, я понимаю, что нас разделяет неодолимая преграда.

— Ваш сан?

— Нет, вы сами. Тот ужас, который вам внушают мужчины и их вождение, с тех пор как... При моей неопытности я не смогу преодолеть этого препятствия.

— Замолчите... Вы сами не ведаете, что говорите...

От душевной боли на его лице появилось жесткое мужское выражение:

— Нет, я знаю... Вас погубили... слишком много зла. И болезнь вашей души передалась вашему телу... Если бы не это, я бы припал к вашим коленям... чтобы молить вас о любви. О, позвольте мне сказать вам это! Уже много лет я следую за вами, все ваши пути стали моими, и ваше присутствие мне нужнее воздуха, которым я дышу. Если бы вы не были такой... неприступной... все было бы по-другому...

Он помолчал, а когда заговорил вновь, его голос был еле слышен:

— Но... все так, как есть. И это к лучшему. Из-за этого препятствия я остаюсь с Богом. Я никогда не буду вашим любовником... Это лишь мечты...

Казалось, он делает невероятное усилие, чтобы овладеть собой.

— Но, по крайней мере, я вас спасу! — Его прекрасные глаза вновь засияли. — Да, я сделаю для вас больше, чем все те, кто держал вас в объятиях. Я верну вам вашу душу, ваше сердце, вашу женственность — все, что у вас отняли... Сейчас я ничего не могу, но я умру ради вас, и только тогда... когда меня озарит свет Господень я обрету силу, способную спасти вас. В день моей смерти... Ах, пусть скорей придет этот день!

Он сложил руки на груди:

— О, смерть! Поторопись!.. Ты поможешь мне освободить ее!

Они не услышали предостерегающего крика совы. Внезапно у входа в ущелье появился всадник. Уже можно было разглядеть его широкий кружевной воротник и плюмаж на шляпе. Следом за ним скакали солдаты в красных шлемах, вооруженные пиками.

Анжелика бросилась к Онорине. Аббат схватил мушкет и стал отстреливаться, прикрывая ее бегство, а она со всех ног мчалась под покров леса. Перед ней был крутой обрыв, за спиной — погоня. Она стала карабкаться по склону с ребенком на спине. Умница Онорина крепко охватила ее за шею. Шум падающих камней показывал, что ее соратники

тоже пытались спастись бегством, взобравшись вверх по скользкому склону.

Офицер первым пришел в себя.

— Они здесь! — закричал он. — Мы накрыли их логово! Вперед, ребята, на волков!

Солдаты спешили и тоже полезли по крутому откосу.

Анжелика и ее запыхавшиеся спутники видели, что преследователи настигают их.

— Лезут...

— Подождите, поднимемся повыше.

Когда солдаты добрались до самого крутого участка склона, она закричала:

— Камни! Куски скал!

Вечерний воздух наполнился глухим рокотом. Крестьяне сталкивали вниз гигантские обломки утесов. Камни косили солдат, били их спереди, в грудь, и те, теряя равновесие, летели вниз. Наваливаясь плечами, беглецы отрывали от скал круглые камни, веками нависавшие над пропастью. Камни медленно отделялись, катились вниз все быстрее и быстрее, со звоном ударялись о деревья, отскакивали и летели вниз, давя солдат, скопившихся на склоне, как клопов.

Офицер приказал трубить сбор, и кавалеристы отступили, бережно поддерживая раненых и бросая убитых.

Их форма в закатных лучах казалась кроваво-красной. Анжелика наблюдала за ними сквозь ветви деревьев. Она узнала офицера. Это был господин де Бриенн, один из тех, кто когда-то в Версале галантно ухаживал за ней. Увидев его здесь, она вдруг особенно остро ощутила пропасть, более глубокую, чем это ущелье, что навсегда преградила ей обратную дорогу в тот призрачный мир.

Склонясь над обрывом, она звучно крикнула:

— Мое почтение, господин де Бриенн! Скажите Его Величеству, пусть вспомнит Багатель!

Ее крик далеко разнесся в вечернем воздухе.

Когда эти слова передали королю, он побледнел. Запершись в своем рабочем кабинете, он долго сидел один, спрятав лицо в ладони.

Потом вызвал военного министра и приказал ему покончить с бунтом в Пуату еще до весны. Любыми средствами.

Глава 9

Среди частей которые король отправил в Пуату в 1673 году, были Первый Овернский полк под командованием господина де Риома и пять наиболее отличившихся полков из Арденн. Король был достаточно наслышан о суеверном страхе солдат перед загадками лесов Пуату. Те, кого он послал туда теперь, уроженцы Оверни и Арденн, были лесными жителями, с детства привычными к зловещим сумеркам чащ, к кабанам и волкам, к угрюмым каменным глыбам, перегораживающим лесные тропы. Сыновья дровосеков и угольщиков, они умели читать невидимые следы, оставляемые в лесных дебрях человеком и зверем. Их форма была не красной, как у драгун, а черной, как у мрачных испанцев, на голове они носили стальные шлемы с высоко торчащим гребнем, на ногах — узкие сапоги до самых бедер. С ними были охотничьи собаки — сильные, свирепые доги.

Дробь их высоких барабанов непрестанно звучала в пустынной, тревожно замершей местности.

С ними в Пуату пришел страх.

Три тысячи пехотинцев, тысяча пятьсот кавалеристов, две тысячи конюхов, интендантство и артиллерия. Пушки для городов...

Король сказал: «До весны!»

Значит, на сей раз зима не остановит войну.

К весне осталась всего одна несдавшаяся крепость — там, где начался мятеж, между Лашатеньере и болотами. Сюда собрались последние заговорщики.

Жестокая весна! Держались морозы, и в конце марта снег даже не начал таять.

Сквозь маленькое окошко хижины Анжелика смотрела на возвращающегося Флипо. Он еле плелся, худой, истощенный, словно волк, отбившийся от стаи. Однако ни голод, ни холод, ни жизнь преследуемого зверя не убили его природной веселости. Он рассказывал, посмеиваясь:

— Ну, мне-таки удалось их найти! Они-то считали, что вас убили или сцапали. Я им доподлинно описал, как вы ночью удирали из замка Фужеру. Подумать только, они и туда добрались, ища вас... Нас предали, попомните мое слово! Предали, да и только! Нынче всюду предатели.

Он покосился на крестьянина и его старика отца, сидевших у очага, вытер рукавом покрасневший нос и продолжал, понизив голос:

— Я видел аббата, и господина барона, и Мартена Жене. Мальбран Верный Клинок тоже там был. Они все в один голос говорят, что надо бежать. Идет, мол, охота на мужчин. А того вернее, что как раз за женщиной. За вами, госпожа маркиза! За вашу голову назначена награда. Они уверены, что за тысячу ливров найдется кто-нибудь, кто пожелает предать вас. Люди уж больно напуганы и голодны. Стало быть, решено: нынче вечером соберемся у Фонаря Голубки, лесом дойдем до болот, а там недалеко и до побережья. Авось Понс-ле-Палю, который еще не успел сдаться, спрячет нас... или поможет сесть на корабль.

— Сесть на корабль, — повторила Анжелика.

Эти слова означали для нее капитуляцию. За эту жуткую зиму она постепенно утратила сознание смысла той битвы, которую вела. Спасти свою голову, уйти от преследования, дожить хоть до вечера — бесконечная погоня за такими целями изнуряла. Кроме бегства, другого выхода не было.

— Я бы не стал назначать свидание здесь, — прошептал Флипо. — Не верю я этим людям. Они знают, кто вы, и, как все здешние, считают, что все их беды из-за вас.

Крестьяне что-то бормотали, бросая в их сторону мрачные взгляды. Анжелика дошла до того, что не смела подойти к огню со своей дочкой. Так остро чувствовала она свою вину перед ними.

Муж крестьянки погиб, сражаясь против короля. Проходившие солдаты отняли у них все — хлеб, скот, семена. И увели с собой старшую дочь. Никто не знал, что случилось с ней потом.

В глубине комнаты, где стояла большая вандейская кровать, из-под рваных лохмотьев выглядывали четыре бледные детские мордашки. Детей держали в постели весь день, чтобы им было теплей и не так хотелось есть.

Крестьянин обменялся со своей снохой многозначительным взглядом, поднялся, надел широкий плащ и взял топор, сказав, что пойдет нарубить дров.

— Держу пари, он побежал предупредить солдат! — шепнул Флипо. — Надо удирать!

Анжелика была согласна с ним. Между тем крестьянка почему-то всячески старалась удержать их. Анжелика ускорила сборы. Она взяла из чулана краюху хлеба и сыр для Онорины. Женщина разразилась бранью:

— Идите, идите! Убирайтесь! Вы и ваш проклятый ублюдок уже поссорили нас с нашим домовым. С тех пор как вы здесь, он перестал царапаться в стену. Если домовый нас покинет, что станет с нами?

По-видимому, исчезновение духа дома пугало ее больше, чем все

обрушившиеся на семью беды.

Анжелика отправилась в путь на худющем муле, который едва передвигал ноги. Флипо вел его за узду. Они ехали через сожженные деревни, где на молодых вязах болтались тела повешенных.

Наступил вечер, когда они добрались до Фонаря Голубки. Он был зажжен. Так называемые светильники мертвецов — это маяки Бокажа. Их зажигают на высоких каменных столбах, стоящих на перекрестках, чтобы ночные путники не заблудились на извилистых лесных дорогах кроме того, вокруг них, согласно поверью, собираются неприкаянные души. Они кружат у этих бледных огней вместо того, чтобы пробираться в дома, тревожа сны живых. Хотя к концу зимы у местных жителей иссякли запасы масла и других жиров, набожные люди старались поддерживать огонь в этих светильниках. Ремесленник, делающий деревянные башмаки и живущий поблизости от Фонаря Голубки, каждый вечер приходил сюда, высекал огонь и зажигал пеньковый фитиль, защищенный от ветра резным колпачком.

Анжелика сошла с мула и села на покрытый мхом камень.

— Никого нет, — проговорила она. — Мы с малюткой можем замерзнуть, если придется ждать здесь часами. Флипо, возьми мула и отправляйся навстречу нашим друзьям. Поторопи их, и пусть они найдут какой-нибудь ночлег.

Флипо уехал, и еще долго в ледяном воздухе слышался стук подков мула, трусившего по мерзлой земле. Деревья позванивали от холода, будто стеклянные. А мороз все усиливался, легкий, но пронизывающий ветерок пробирал до костей. Анжелика вся продрогла. Щечки Онорины, свернувшейся клубочком под накидкой, стали совсем холодными. В неверном свете фонаря был виден внимательный взгляд ребенка, ее черные, как у белочки, глаза, смотревшие в окружающую тьму. Руки матери не могли согреть ее. Маленькие ручонки девочки, сжимавшие кусочек хлеба с сыром, покраснели от холода.

Анжелика вспомнила слова крестьянки:

— «Проклятый ублюдок»? Кажется, так она ее назвала? — губы Анжелики задрожали от гнева. — Эта босячка лезет не в свое дело! Только я знаю, проклята ли ты...

И своими одеревеневшими пальцами, она в который раз попыталась плотнее укутать ребенка.

Она все прислушивалась, надеясь услышать отдаленный топот копыт.

Вдруг ее внимание привлекло шуршание веток.

— Кто там? — громко крикнула она.

Она старалась разглядеть, что это шевелится в кустах. Внезапно раздался протяжный вой, и она вскочила в ужасе. Волки! Как же она не подумала об этой опасности? Дерзость голодных хищников, которых затянувшаяся зима выгнала из леса, часто досаждала ей и ее соратникам. Стаи волков преследовали даже конные отряды.

Фонарь мертвецов светил, но его бледного мерцания не хватало, чтобы отпугнуть хищников. У Анжелики за поясом был пистолет, она могла сдержать нападение волков, но ненадолго. Она подумала о лачуге того ремесленника, что мастерил сабо. Зачем она не пошла туда раньше, когда волки еще не подступили так близко, а голубое, не правдоподобно чистое морозное небо еще отражало последние закатные лучи? Теперь было мало надежды добраться до хижины, но она решила попробовать, хотя слышала в зарослях тихие прыжки преследующих ее зверей.

Обернувшись, она увидела их светящиеся глаза. Не замедляя шага, она нагнулась, подняла несколько камушков и бросила в волков, словно то была собачья стая. Самое главное было не оступиться и не упасть. У нее вырвался вздох облегчения, когда за деревьями мелькнуло светящееся окошко хижины. Пришлось сильно потрясти дверь прежде, чем глухонемой мальчик отважился отодвинуть засов. Анжелика жестами объяснила ему, что за ней гонятся волки и надо понадежнее забаррикадироваться. Чтобы задобрить нищего старика и его сына-калеку, смотревших на нее со страхом, она положила на стол золотую монету, последнюю оставшуюся из тех денег, что одолжил барон де Круасек. В эти голодные времена окорок лучше помог бы сговориться... Все же хозяин взял монету своими почерневшими от свежего сока пальцами, долго вертел ее, потом сунул в пояс.

Анжелика села у очага. По крайней мере здесь было тепло. Мальчик подбросил в огонь охапку хвороста, и Анжелика приблизила к огню крохотные ножки Онорины, осторожно растирая их, чтобы восстановить кровообращение. Девочка отогрелась, порозовела и начала есть сыр, разглядывая новую обстановку своим, как всегда, внимательным взглядом. Особенно заинтересовала ее связка сабо, висевшая на балке. Анжелика все время была начеку, надеясь услышать мушкетные выстрелы своих друзей, которые, придя к месту свидания, должны были понять, что ей пришлось спастись от волков. Она собиралась выйти на порог и ответить выстрелом из пистолета. Но вокруг стояла тишина. Наконец она легла рядом с Онориной в закутке, на который ей указал хозяин. Ей было хорошо на куче стружек, она отказалась от сомнительного одеяла, не взяла грубую овечью шкуру.

Она чувствовала себя удивительно спокойной, даже несколько часов проспала без сновидений. Прошлое не тяготило ее, она перестала гадать о том, что ждет впереди, и без конца размышлять о драматических событиях, в которых ей пришлось участвовать за сравнительно короткую жизнь. Ведь она сама искала рискованных приключений. Она хотела жить за чертой общепринятых законов, отвергая любые посягательства на ее независимость. Разве ее первый муж не заплатил дорогой ценой за ту же вину? Она не усвоила урока и продолжала бунтовать. Эта борьба стала ее второй натурой. Не удивительно, что из привилегированного устойчивого мира она выброшена в мир диких зверей, которым приходится каждый день завоевывать право на жизнь, подвергаясь тысяче опасностей.

Проснувшись около полуночи, она увидела, что хозяин смотрит в маленькое окошко. Она подошла к нему и увидела на поляне рыскающих волков. Самый крупный сидел и время от времени начинал выть. Коза в хлеву рвалась со своей привязи и блеяла.

Анжелика вновь улеглась рядом с Онориной. Осторожно отодвинула рыжие кудри со лба девочки и залюбовалась спокойствием ее спящего лица. Мрачный вой волков усиливал томящие ее предчувствия. «Это начало конца», — сказала она себе.

Утром пошел снег. Все вокруг покрылось легким пушистым покрывалом. Снегопад, подкравшись неслышно, развеял первые надежды на весну. Обреченный край не хотел возрождаться.

Анжелика тщетно искала по всей хижине клочок бумаги и перо. Наконец написала несколько слов углем на обрывке сукна. Понадобилось много времени, чтобы объяснить глухонемому, где находится ферма Фэйе, куда она хотела его отправить.

Мальчик скрылся в снежном вихре, прижимая к груди послание Анжелики, в котором она сообщала аббату де Ледигьеру, где ее искать.

Мальчик вернулся только на следующий день. Он жестами объяснил, что нашел кого-то из ее людей и что ее ждут у Камня Фей.

Но почему никто не пришел сюда? Почему аббат не передал с глухонемым мальчиком какой-нибудь весточки? Не сумев вытянуть из него более вразумительных сведений, она решила сама пойти на Поляну Дольмена. Возможно, там ее ждут.

Она отправилась в путь, очень жалея, что на ней не мужская одежда, так как идти в юбке по снегу было очень неудобно. По счастью, она была в крестьянской юбке, достаточно короткой, до лодыжек.

Достигнув окрестностей Волчьего Лога, она остановилась перед занесенной снегом ложиной. Обходить ее было долго, и она решила

сократить путь. Но сделать это с Онориной на руках было невозможно. Она усадила ребенка у дерева, под густыми ветвями которого сохранилось сухое местечко, привязала ее шарфом к стволу и попросила быть умницей. Скоро за ней придут аббат и Флипо. Онорина уже привыкла к таким уговорам. Ей часто приходилось где-нибудь в тылу пережить перестрелку или ждать конца рекогносцировки.

Переход через лощину оказался очень трудным. Анжелика много раз падала, утопала в снегу по пояс. Когда она выбралась наверх, ей показалось, что слева за деревьями мелькают человеческие фигуры. Уверенная, что это ее друзья, она уже была готова их окликнуть, но крик застрял у нее в горле.

Из леса выходили солдаты.

Не заметив ее, они прошли лесной опушкой по правому краю долины. Черные, худые, в сияющих шлемах, с пиками, которые четко прорисовывались на фоне серого неба, они шли крадучись как волки.

Анжелика замерла в испуге. Подождала, пока они скрылись, и только тогда двинулась дальше. Откуда они взялись? Кого искали? Что им надо в этих зарослях?

Она медленно пробиралась к Камню Фей, задыхаясь от страха. Дойдя до опушки, она увидела, что пришла слишком поздно. Вокруг дольмена на высоких дубах болтались повешенные. Первым она увидела Флипо.

Бедный Флипо! Еще вчера в нем было столько жизни! Она не сумела защитить его от судьбы. Сколько раз он шутил, что ему на роду написано умереть висельником...

Потом она узнала их всех, одного за другим: аббат Ледигьер, Мальбран Верный Клинок, конюх Ален, барон де Круасек... Эти повешенные со знакомыми лицами как бы населяли поляну и на миг представились ей живыми. Еще немного, и она сказала бы им: «Вот и вы, друзья мои!..»

Она прислонилась к дереву.

— Будь проклят король Франции, — прошептала она, — будь ты проклят!

Она стояла, все еще не в силах поверить своим глазам. Как их заманили в ловушку? Кто их предал? Откуда взялись солдаты? Это, конечно, они совершили ужасную казнь.

Сумасшедшая надежда, что они, может быть, еще не умерли и удастся вернуть кого-нибудь из них к жизни, заставила ее взобраться на камень и попытаться вынуть из петли аббата де Ледигьера. Это ей удалось, и тело мягко упало на землю. Несмотря на холод, оно еще не окоченело.

Анжелика опустилась подле него на колени, пытаясь уловить биение сердца, хоть малые признаки жизни. Но смерть уже сделала свое дело. Она прижала мертвого друга к сердцу, поцеловала его чистый лоб:

— О, мой дорогой ангел-хранитель! Милый мой мальчик! Вы умерли... Умерли ради меня. Что со мной станет без вас?

Она с болью смотрела в его неподвижные глаза. Потом тихо закрыла их.

В морозном воздухе раздался слабый крик, заставивший ее подняться. Онорина!

Анжелика вышла из оцепенения. Надо было спасать ребенка.

Онорина все еще сидела под деревом. Она не плакала, но ее носик стал красным, как ягода остролиста. При виде матери она изо всех сил замахала ручками, выражая этим восторг.

Анжелика отвязала девочку, взяла на руки. Вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд и, обернувшись, увидела на другой стороне Волчьего Лога наблюдавшего за ней солдата.

Как только она сделала движение, чтобы убежать, солдат испустил гортанный клич.

Анжелике удалось преодолеть склон, и она бросилась под покров деревьев. Она бежала по каким-то незнакомым тропинкам. Тяжелая намокшая юбка мешала ей, но страх гнал ее вперед.

Издали звонко отдавалось эхо лая, выкриков. Гнались ли за ней солдаты? С собаками? Она задыхалась, руки, державшие ребенка, онемели.

Сомнений больше не было. Погоня приближалась. Собачий лай и крики солдат доносились все явственнее. Вероятно, они еще держали псов на сворках. Следы на мокром снегу были прекрасно видны. Она поворачивала то вправо, то влево, петляла, будто лесной хитрый зверь, но они легко находили след и неумолимо настигали.

Темнело. Казалось, будто мрачное небо все ниже опускается на притихший лес. Анжелика почувствовала на щеках первые, еще редкие, хлопья снега. Потом он пошел гуще, и вскоре она уже двигалась в сплошной завесе, столь густой, что было трудно дышать. Но зато снег заметал следы.

Видимо, погоня стала отставать. Анжелика больше не слышала лая собак, пропали и все другие звуки. Кругом стояла гробовая тишина, наполненная падающим снегом. Анжелика продолжала идти, сама не зная куда, окоченевшая, в полузабытьи. Тропинки больше не было, и в темноте она больно ударялась о деревья.

Она остановилась. Ее мягко засыпало снегом. Охватило желание

сесть, отдохнуть, хотя бы минуту. Но она знала, что не сможет подняться.

Ребенок у нее на руках слабо пошевелился.

— Не бойся ничего, — тихо сказала Анжелика. Губы, онемевшие от стужи, едва шевелились. — Не бойся, я хорошо знаю лес.

Опять собачий лай! Солдаты не потеряли ее следа! Она пошатнулась. Почва уходила из-под ног. Видимо, она стояла на краю оврага или крутого склона. Впереди больше не было деревьев, там разверзлась пустота, снежный туман, неизвестность...

Вдруг до нее донесся колокольный звон. Эти звуки сулили избавление! Надежда воскресла, и Анжелика стала осторожно спускаться по склону. Вскоре перед ней выросли высокие стены Ниельского аббатства. В ответ на ее отчаянный стук кто-то приоткрыл маленькое окошко на воротах, и сонный голос произнес:

— Благословен Господь. Чего вы хотите?

— Я заблудилась в лесу с ребенком. Приютите меня!

— Мы не даем приюта женщинам. Пройдите еще полсотни шагов, там постоянный двор, вас примут.

— Нет... Меня преследуют солдаты. Мне нужна защита!

— Ступайте на постоянный двор, — повторил голос.

Монах хотел закрыть окошко. Вне себя от ужаса, она закричала:

— Я сестра бенефицианта вашего аббатства, Альбера де Сансе де Монтелу! Ради Бога, впустите меня... Впустите!

По-видимому, ее собеседник заколебался. Потом стукнули створки, она услышала, как поворачивается ключ в замке и отодвигается засов. Она бросилась в приоткрытую дверь, преследуемая бурей, вихрями снега, клубившимися у нее за спиной.

На нее с изумлением смотрели два маленьких седых монаха.

— Заприте дверь, — молила она, — хорошо заприте и не открывайте, если солдаты будут стучать!

Они послушались, и Анжелика вздохнула с облегчением, увидев, как надежны здешние запоры.

— Верно ли, что вы сестра господина де Сансе? — спросил один из монахов.

— Да, это правда.

— Подождите здесь, — сказал он, указав ей на что-то вроде приемной, где горела восковая свеча в медном подсвечнике.

У Анжелики зуб не попадал на зуб, ее бил озноб. Она не чувствовала своих рук, обнимавших дрожавшую Онорину.

Наконец явились еще двое. Один из них держал масляный светильник.

На нем было белое одеяние, отличающее монахов высшего ранга. Войдя в приемную, они остановились перед Анжеликой. Более молодой подошел ближе, поднял светильник, взгляделся в ее жалкое, искаженное лицо.

— Это она, моя сестра, Анжелика де Сансе.

— Альбер! — вырвалось у Анжелики.

Глава 10

Ночью Анжелика проснулась. Звонил колокол. Коровы лежали в своих стойлах за перегородкой, порой ворочаясь и вздыхая. Издали слышалось пение григорианских псалмов, протяжное и сладостное, будто ангельский хор.

Она протянула руку, прикоснулась к чему-то горячему. И сразу вскочила, поняв, что это лобик Онорины. Она сорвала с крюка у двери большой фонарь, наклонилась и увидела в его желтоватом свете, что девочка вся пылает и задыхается.

Три дня она провела у изголовья малютки. Часто приходил монастырский лекарь. У него были светлые волосы и глаза, как поблекшие фиалки, — цветы, которые он собирал в лесу и готовил из них целебные настои.

— Если она умрет, — с ненавистью шептала Анжелика, — я своими руками убью тех солдат, что гнались за нами.

Однажды утром, проснувшись, она увидела, что Онорина с увлечением играет ржаными колосками. В восторге она позвала послушника, возившегося с коровами в одном из стойл неподалеку.

— Брат Ансельм! Посмотрите! По-моему, она выздоровела.

Толстый брат Ансельм и два помогавших ему молодых монаха окружили Онорину. Девочка похудела, под глазами темнели круги, но она была бодрой и весело предавалась игре. Она охотно выпила предложенное ей молоко и принимала поздравления окружающих с достоинством королевы, окруженной восхищенными пажами.

— Этот маленький Иисус не покинет нас, — сказал брат Ансельм, сияя.

И жестко добавил, обращаясь к Анжелике:

— Возблагодарите же Господа и славьте Его, нечестивая женщина! Я ни разу не видел, чтобы вы перекрестились с тех пор, как вы здесь.

Альбер де Сансе пришел навестить сестру. В руке у него был красный кожаный чемодан, украшенный золотым тиснением. Странно, но, на взгляд Анжелики, грубое монашеское одеяние больше шло ее брату, чем дорогие, изысканные ткани, которые он носил во времена своей светской жизни. Теперь казалось, что это тонкое бледное лицо всегда было предназначено для аскезы. Оставленный вокруг черепа венчик из волос подходил Альберу гораздо больше, чем парик. Складки одежды, широкие рукава

подчеркивали сдержанность жестов, которая раньше часто раздражала. Тогда он производил впечатление неприятного лицемера. Ныне эта мнимая хитрость выглядела иначе: как самообладание и терпение. Его грустная бледность, такая неуместная среди упитанных придворных, здесь казалась знаком аскетической просветленности.

— Помнишь, Анжелика, — сказал он, — я всегда говорил тебе, что когда-нибудь уйду в Ниельский монастырь. Теперь я достиг своей цели.

Глядя на этого хрупкого высокого человека со следами бичеваний, кто узнал бы в нем бывшего любимца брата короля, монсеньора? И Анжелика заметила:

— Знаешь, уж скорее это аббатство заполучило тебя.

Они не говорили о событиях, вызвавших такие перемены в жизни молодого человека. Ни единым словом не упомянули о раздирающих страданиях, которые после похорон брата Гонтрана повлекли Альбера по дорогам, громко рыдающего и утирающего слезы кружевными манжетами. Он, фаворит, испорченный двором, вдруг почувствовал запах цветущего боярышника, вернувший его в детство и толкнувший на путь, что как бы случайно привел к воротам Ниельского аббатства. Когда Альбер де Сансе был еще ребенком, он часто ходил в монастырь для занятий латынью. В часы этих занятий очарование монастыря проникло в его сердце и притаилось в уголке как слабая, но непрерывная тоска, которую не смогли заглушить все удовольствия Пале-Рояля и Сен-Клу.

В тот день он потянул за висячую цепь, и ворота открылись...

— Порой на монастырских чердаках можно найти любопытные вещи, — сказал он Анжелике. — Бедность не всегда царила в этих стенах, за прошедшие столетия накопился разный хлам... По мнению отца-настоятеля, кое-что тебе здесь может пригодиться. Он поручил мне передать тебе это.

В кожаном чемоданчике оказались черепаховые и золотые туалетные принадлежности.

Оставшись одна, Анжелика присела на сено и стала не спеша расчесывать волосы, держа в одной руке круглое зеркало, сияющее, как солнечный зайчик, в другой — тяжелую, но очень приятную на ощупь дорожную щетку. Онорина, свесившись из яслей, смотрела на все это как замороженная, ей тоже хотелось участвовать в новой забаве. Анжелика дала девочке другую щетку, поменьше, и черепаховый с золотом рожок для обуви.

Уж не сама ли графиня де Ришвиль, изнеженная и загадочная, оставила под кровом святой обители такие легкомысленные вещи?

Прежний настоятель аббатства, голубые глаза которого некогда смущали покой госпожи де Ришвиль, был эпикурейцем, не только падким на лакомства, но и знавшим толк в иных, не столь невинных удовольствиях. И Анжелике вспомнилось, что в одном из уголков она заметила остов большой кровати с пологом, которую в былые времена воздвигали, когда здесь появлялась прекрасная любительница благочестивого уединения.

Его преемник изгнал из монастыря сии вольные нравы. Нынешний настоятель слыл жестким и непреклонным. Но Анжелика все же попросила, чтобы он ее принял и позволил высказать свою признательность. Теперь она обрела человеческий вид, и ей хотелось предстать перед ним не тем жалким, опустившимся существом, что недавно цеплялось за его руку, не в силах подняться с земли.

Одежда, которую она постирала и выгладила, не блистала элегантностью. Зато она распустила волосы — единственное украшение, позволив им свободно падать на плечи. Склонившись к зеркалу, она с некоторым беспокойством изучала свою вновь расцветшую красоту. Эти длинные белые пряди в ее кудрях — седина! Ей всего 33 года, но можно предвидеть, что недалек день, когда над ее лицом, еще полным молодой прелести, заблестит серебряная корона. Старость уже тронула Анжелику своей снежной рукой, а ведь она еще не жила! Пока сердце женщины не занято, ее жизнь всего лишь ожидание...

Она прошла по монастырю. Поднялась по лестнице, ступени которой были стерты бесчисленными процессиями, пересекла галерею, окружавшую внутренний дворик, как в арабских домах. Через арку на толстых опорах она увидела двор, колодец, из которого брат Ансельм черпал воду, и Онорину, бегавшую за ним по пятам.

В коридорах никого не было. Аббат поджидал ее в обширной библиотеке, среди бесценных сокровищ. Редкостные инкунабулы самого начала эры книгопечатания, тысячи томов любого размера и толщины тускло поблескивали золотом своих переплетов в полумраке зала, неуютного, но благоухающего несравненным запахом дорогой кожи, пергамента, чернил, слоновой кости и ароматным деревом аналоев, на которых лежали гигантские молитвенники, украшенные миниатюрами.

Он сидел под витражом в готической кафедре, неподвижный, весь в белом, отчего еще заметнее была живость его глаз, казавшихся черными, хотя в действительности они были темны как сталь или бронза. Волосы отца-настоятеля еще сохранили черный цвет, но кожа обтягивала кости, как у мумии. Выражение его тонкого строгого рта испугало Анжелику, и

она приготовилась к защите. Она опустилась перед ним на колени, потом поднялась и села на скамью, которую для нее приготовили заранее. Пряча руки в длинных рукавах одеяния, он рассматривал ее пристально и безмолвно, и ей, чтобы нарушить тягостное молчание, пришлось заговорить первой.

— Святой отец, я должна вас тысячу раз поблагодарить за приют. Если бы солдаты настигли меня, я бы погибла. Судьба, ожидавшая меня...

Он чуть заметно кивнул.

— Я знаю. За вашу голову назначена награда... Вы Бунтарка из Пуату. Что-то в его тоне возмутило Анжелику, и скрытая враждебность, которую она испытывала к нему, прорвалась наружу:

— Вы порицаете мое поведение? По какому праву? Что вы в своем монастыре можете знать о мирских волнениях и о причинах, которые могут заставить женщину вооружиться для защиты собственной свободы?

Она провоцировала его. Не следовало этому церковнику напоминать ей о подчиненном положении женщины. Что ж, она бросит ему в лицо правду о домогательствах короля.

— Я знаю достаточно, — прервал он, — чтобы увидеть в ваших глазах уродливое лицо зла.

Она горько усмехнулась.

— Мне следовало знать, что здесь придется выслушивать весь этот вздор. Скоро вы скажете, что я одержима дьяволом.

— Есть ли в вашем сердце какое-нибудь чувство, кроме ненависти?

И, поскольку она не отвечала, он продолжал своим монотонным, но задевающим душу голосом.

— Зло есть ненависть. Злой дух — тот, кто перестал понимать любовь. Это другая, обратная сторона любви, полная противоположность ее — ненависть... Ядовитый цветок, склонный разрастаться. И благородные сердца более прочих подвержены этой отраве. Известно ли вам, что Зло питается кровью, страданиями и поражениями?

Неожиданно его лицо исказилось, на нем появилось выражение почти физического страдания, и он воскликнул с глубокой скорбью:

— Вы пользовались властью своей красоты над мужчинами, чтобы вовлечь их в ненависть, преступления и бунт... А ведь вас зовут Анжелика... Дочь ангелов!..

И тут она узнала его:

— Брат Жан! Брат Жан! Не вы ли тогда ночью привели меня под кров своей кельи... Конечно же, это вы! Я узнала ваши горящие глаза...

Он молча кивнул, вспоминая девочку со светящимися, как нимб,

волосами, с личиком, по-детски невинным и по-женски одухотворенным, с глазами цвета весенней листвы, глядевшими на него с любопытством.

— Чистое дитя, — пробормотал он, — во что вы превратились!

Что-то дрогнуло в сердце Анжелики.

— Со мной поступили дурно, — тихо сказала она. — Если бы вы только знали, брат Жан, сколько зла я встретила в жизни.

Он перевел взор на большое распятие, стоявшее у стены перед ним.

— А разве Ему не причиняли зла?..

...В эту ночь она не смогла заснуть. Покой монастыря уже казался ей обманчивым, она ощущала присутствие Духа Тьмы. Звон колокола, отмеряющий ночные часы, утренние молитвы, напоминающие о вечных борениях духа, монахи со светильниками, идущие через двор монастыря к часовне... «Молитесь, молитесь, монахи, — думала она, — это очень нужно, пока мрак царит над спящей землей».

Даже здесь Дух Зла настиг ее. Стоило закрыть глаза, и казалось, что она видит его гримасы, слышит, как текут потоки крови. Тогда она протягивала в темноте руку, чтобы коснуться спящей Онорины. Ребенок был для нее единственной защитой от ужасов этой бессонной ночи. Она заснула только на заре, когда пропел петух.

И все же она не признавала себя побежденной. Она опять попросила приема у отца-настоятеля.

— Что бы я делала без ненависти? — сказала она ему. — Если бы меня не поддерживала ненависть, я бы умерла от отчаяния, я бы убила себя, я бы сошла с ума. Меня охватила жажда мести, это она дает мне возможность жить и сохранить здравый рассудок, поверьте мне!

— Я в этом не сомневаюсь. В жизни бывают моменты, когда мы можем выстоять только с помощью силы более могущественной, чем наша. Человеческий разум слаб. В счастье он еще может служить опорой, но в страданье приходится обращаться к Богу или к Дьяволу.

— Значит, вы не отрицаете прав чувства, к которому я обратилась?

— Я достаточно высоко оцениваю духовную силу Люцифера, ибо слишком хорошо знаком с ней.

— О, вы вечно блуждаете в абстрактных представлениях! И ничего не понимаете в том, что происходит на земле.

Она нервно расхаживала взад и вперед со своими распущенными волосами, с высоко поднятой головой, с метавшими молнии глазами, прекрасная и равнодушная к тому, какое впечатление она производит. Внутренняя борьба поглощала все ее силы.

Отец-настоятель, более неподвижный, чем статуя, бесстрашно

смотрел, как она мечется перед ним. Тонкая ирония тронула его губы:

— Вы напрасно защищаетесь, доказывая, что вами не овладел Дьявол. В глазах искушенного монаха это ваше волнение не менее драгоценно, чем несколько капель святой воды.

— Вы слишком добры ко мне. Я так взволнована потому, что хочу оправдаться, но совершенно потеряла способность думать о таких вещах. Как доказать вам, что преступления, в которых вы меня упрекаете, и чувства, что заставили меня восстать против страшной тирании, ближе к завещанной Христом справедливости, чем к разрушительному злу?

Он задумался.

— Вы серьезный противник. Говорите же... Выскажитесь...

Анжелике было мучительно говорить после такого долгого молчания. Слова с трудом слетали с ее губ, фразы были отрывисты и бессвязны. Все смешалось в ее речах — король, костер, святоши, Колен Патюрель и мадам де Бретей, нищие с парижского дна, ее убитый ребенок, протестанты, продажность, подати...

Можно ли было что-нибудь понять в этом хаосе? Ничего! Он мог бы только прочесть ей проповедь. Она же, не в силах остановиться, все металась из угла в угол, то и дело отбрасывая назад падавшие на лицо волосы. Иногда она опиралась на подлокотник кафедры, наклонялась к нему, охваченная безумной жадью убедить, заставить признать ее правоту.

— По-вашему, я виновата в той крови, что пролита по моей воле? Но разве кровь, пролитая во имя Бога, не так же красна и проливать ее не такое же преступление?!

Ее гнев и горечь были бессильны. О том говорило его каменное лицо, потухший, непроницаемый взгляд.

— Да, я знаю, что вы думаете! — задыхаясь, продолжала она. — Кровь протестантских детей, которых бросали на копья, конечно, нечистая, а желания короля священны. Просто не надо было родиться отверженным... Покоряться сильным и давить слабых... таков закон...

Она совершенно изнемогла от такой длинной речи, лоб покрылся испариной, на душе вдруг стало пусто...

Он поднялся, напоминая, что приближается час богослужения. Она смотрела, как он шел по монастырскому двору, спрятав руки в рукава, такой прямой и высокий, откинув капюшон. Он ничего не понял. Он был уверен в своей правоте.

Но в эту ночь Анжелике спалось лучше, и проснувшись, она почувствовала, что с ее плеч свалилась огромная тяжесть.

Отец-настоятель позвал ее. Какой приговор он ей готовит — осуждение, оправдание? Как бы то ни было, она довольна, что скрестила с ним шпаги. Она вошла с опущенной соловой и с удивлением увидела, что он смеется.

— Мне кажется, вы приготовились к атаке, сударыня. Неужели я такой опасный враг, что Бунтарка из Пуату собралась выступить против меня во всеоружии?

— Пожалуйста, не называйте меня больше так, — пробормотала она в замешательстве.

— Я думал, вы этим гордитесь.

Она отвела глаза, внезапно почувствовав смертельную усталость. Сейчас в их поединке она не была бы сильной стороной.

— Я ни о чем не жалею, — сказала она. — Я никогда не жалею о том, что сделала.

— Но вы боитесь сами себя.

Анжелика прикусила нижнюю губу.

— Вы, святой отец, ничего не сумеете вонять в моих чувствах.

— Возможно. Но я чувствую ваши муки и, кроме того, вижу окружающую вас тьму.

— Ауру? — задумчиво произнесла она. — Об этом говорят мусульманские святые. Моя аура такая темная, да?

— Вы содрогаетесь от одной мысли о том, чтобы заглянуть в свою душу. Что вы так боитесь там найти?

Она пристально посмотрела на него. Его глаза, блестящие как ртуть, глядели ей прямо в душу, и она не могла отвести взгляда.

— Исповедуйтесь! — настаивал он. — Иначе вы никогда не сможете возродиться.

— Возродиться! Возродиться! Но зачем?! Я не желаю возрождаться! — выкрикивала она вне себя, прижимая руки к горлу, будто что-то душило ее. — Что вы хотите, чтобы я сделала из своей жизни? Меня от нее тошнит, я ее ненавижу! Она отняла у меня все! Она сделала из меня такую женщину... да, вы правы! Такую, которой я боюсь...

Вконец разбитая, она опустилась на стул.

— Вы не поймете этого, но я хотела бы умереть.

— Не правда. Вы не можете желать смерти.

— О, да. Уверяю вас.

— Это только усталость. Знайте, что вкус к смерти, желание смерти приходит только к тем, кому удалась их жизнь — короткая или длинная — кто совершил, пережил то, к чему он стремился в жизни. Это молитва

старца Симеона: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, ибо видели очи мои спасение Твое». Но пока не просветлена душа человека, пока он блуждает далеко от своей цели, пока он знает только неудачи... он не может желать смерти... Забвения сна, отрицания — да, это и есть усталость: от жизни, но отнюдь не готовность умереть. Смерть — это сокровище, дарованное нам Богом вместе с жизнью, это Его обетование.

Анжелика вспомнила аббата де Ледигьера, его юный ясный лик. «О смерть, поторопись!» — говорил он. Она подумала о Колене Патюреле, которого столько раз отдавали палачу, и о том, что испытала сама, привязанная к столбу, под жестоким взглядом султана. Тогда вполне можно было умереть, она знала, что отойдет в лучший мир. Но не сегодня.

— Вы правы, — с содроганием признала она, — я не могу умереть теперь, это было бы несправедливо.

Он засмеялся:

— Мне нравятся приливы вашей жизненной силы! Да, сударыня, вы должны жить. Умереть в момент поражения, какая нелепость! Самая ужасная!

Все еще упорно сопротивляясь его влиянию, она боялась поднять на собеседника глаза. Этот мрачный взгляд тягостно смущал ее.

— Вы преследуете меня, — пожаловалась она. — Как добычу...

— Я хотел бы, чтобы вы наконец облегчили свою совесть и смогли освободиться...

— Но от чего освободиться? — в отчаянии воскликнула она.

— От того, что таится в вас и мешает вам быть в мире с самой собой и с жизнью.

— Я никогда не смогу простить.

— Этого от вас и не требуется.

В Анжелике шла внутренняя борьба. Он видел, как участилось ее дыхание, и его путал ужас, искажавший ее прекрасное лицо. Наступит ли миг, когда, возжаждав отпущения грехов, она преклонит перед ним колени? Вся в белом и сама побелев как полотно, Анжелика скрестила руки на груди. Ее страдальчески расширенные глаза казались прозрачными.

— Выслушайте меня, брат Жан... Выслушайте... Слышали вы о бойне на Поле Драконов?

Он молча кивнул.

— Это произошло по моему приказу.

— Знаю.

— Это еще не все... Послушайте... Когда мне принесли голову

Монтадура, я испытала невыразимую радость. Мне хотелось мыть руки в его крови!

Монах закрыл глаза.

— С этой ночи, — прошептала Анжелика, — я боюсь себя и стараюсь не заглядывать в свою душу.

— Вас коснулось дыхание ада. Хотите ли вы, чтобы это воспоминание навсегда стерлось из вашей памяти?

— Всей душой! — она глядела на него с надеждой. — Вы можете его стереть?

— Неужели вы настолько утратили веру своих детских лет, что сомневаетесь в этом?

— Но ведь Богу все известно, в чем бы я ни призналась вам на исповеди.

— Бог ведает обо всем, но без признания и раскаяния даже Он не властен отпустить ваш грех. В этом и заключается свобода человека.

Он победил.

Получив отпущение грехов, Анжелика почувствовала, что выздоравливает. Она посмотрела на свои руки:

— Смоется ли с них кровь?

— Дело не в том, чтобы вернуть прошлое или избежать последствий ваших поступков, а в том, чтобы возродиться. Годами вы жили только ненавистью, теперь будете жить любовью. Такова цена вашего воскресения.

Она скептически усмехнулась:

— Это мне не подходит. Моя борьба не окончена.

— Это ваше личное дело.

Она вызывающе отбросила назад свои золотистые волосы:

— Сколько шума из-за одной отрубленной головы! Султан, чтобы угодить Аллаху, приносил ему две-три в день. Как видите, довольно трудно понять, где добро и где зло. Особенно если путешествуешь!

Такое рассуждение очень позабавило отца-настоятеля. Его смех вдруг напомнил ей солнечный лучик на снегу. Лицо брата Жана, эта суровая маска, вдруг стало приветливым и удивительно молодым. А ведь еще недавно казалось, будто ничто не в силах смягчить его каменную неподвижность. Но за время их беседы Анжелика успела увидеть на нем тысячу различных выражений: веселость, боль, гнев, симпатию. Подумать только, она считала его бесстрастным, непроницаемым святошей! Зато теперь, когда ее былой страх перед ним исчез, чудесная изменчивость этого лица пленяла и согревала ее душу. На ее выпад по поводу добра и зла

он ответил так:

— Зло — это то, что вредит вашему душевному покою. Добро — то, что соответствует вашим личным понятиям о справедливости.

— Еще один вопрос, отец мой. Не кажется ли вам, что в ваших суждениях кроется малая толика ереси?

— Я позволяю себе подобные высказывания лишь с теми, кто способен их воспринять.

— Вы так доверяете мне?

Он долго смотрел на нее:

— Да, потому что ваше предназначение необычно. Вы не созданы для проторенных путей.

Он много расспрашивал об исламе. Его восхищало то, что она сумела так глубоко понять мусульман, их нравы, их горячую и жестокую веру. И она не побоялась открыть ему свое пристрастие к ним и ностальгию, которую внушал ей Восток.

Они рассматривали великие книги, где, кроме старинных рассказов об арабских нашествиях, были работы отцов церкви, посвященные миссии Магомета. Для Анжелики то были незабвенные часы. Она стояла перед аналоем, а он медленно перелистывал страницы. Его пальцы были так тонки и худы, что казались женственными. Он погружался в изучение древних источников с самозабвением, в котором чувствовалась сверхчеловеческая одухотворенность.

Однажды, ожидая его в послеобеденный час, Анжелика нашла в одной из них миниатюру, изображающую зеленоглазого ангела, черты которого показались ей знакомыми. Этот же ангел встречался на многих страницах молитвенника — светловолосый, улыбающийся или задумчивый, то с опущенными ресницами, то с молящим, страдальческим взором. Когда пришел отец-настоятель, она с улыбкой спросила:

— Не правда ли, эту книгу когда-то украсил миниатюрами послушник Ниельского аббатства?

Он посмотрел на изображения и тоже улыбнулся:

— Мог ли я забыть то чудное дитя, от которого исходило такое поэтическое очарование? Свежесть, красота, радость жизни — все сокровища духа были в ней, светились в ее глазах. Мне кажется, Господь затем и направил ее в монастырь, чтобы напомнить мне красоту Его создания.

— А теперь я старая и падшая.

Отец-настоятель откровенно рассмеялся:

— Откуда вы взяли подобный взор? Как отваживается прекрасный рот

произносить такие горькие слова? Вы еще молоды! О, как вы молоды! — повторил он, смотря на нее с восторгом. — Вы так переполнены жизнью, что это подобно чуду. Конечно, вы много пережили, и все же, уверяю вас, настоящая жизнь у вас ВПЕРЕДИ.

— Да, супруг, которого благоразумная девственница поджидает с зажженным светильником. Как раз мой случай...

И помолчав, прибавила тихо, с бесконечной мукой:

— Супруг! Он был у меня. Я была счастлива с ним, но его вырвали из моих объятий.

— Надо смотреть в будущее. Сумейте распознать того, который придет. И приготовьтесь встретить его. Неужели вы хотите навсегда сохранить в душе позор ваших грехов? Тогда не гордитесь больше своим телом. Оно обесценится, если будет жива память о его падении. После зимы всегда приходит весна. Обновляется кровь и плоть. По-видимому, вы в добром здравии...

То, что он напрямик заговорил с ней о тайном недуге, терзавшем ее, смутило, но и подбодрило Анжелику.

— Это будет нелегко, — улыбнулась она. — Ведь совершенно ясно, что вы не...

— Дурная голова! Научитесь отстраняться оттого, что причиняет вам боль. Вот показалось первое солнышко за много дней. Возьмите своего ребенка за ручку, погуляйте с ним по саду и подумайте о своих надеждах.

Она не была уверена, что действительно желает того грядущего, которое он ей пророчит.

Существовал ли на земле мужчина, способный привлечь ее? Рана, нанесенная ее душе, была слишком глубока. И все же она должна была признать, что сердце ее смягчилось. Он приручал ее с терпением птицелова. И очарование его мужской природы, смиренной постом и молитвой, немало помогло ему в этом... Да, он прав: она осталась женщиной!

— Что произошло со мной в аббатстве? — спрашивала она его и себя. — Мне иногда кажется, что я потеряла почву под ногами, повисла в воздухе.

— Математик назвал бы это состояние «переходом через бесконечность».

— Что вы хотите этим сказать?

— Тот, кто изучал математику, знает, что не всякая задача решается посредством ряда вычислений, вытекающих одно из другого и приводящих к некоему положительному результату. Вот простой пример: уравнение мы

решили, но не знаем, с плюсом ответ или с минусом. Иными словами: мы выиграла или проиграла. Даже простое извлечение квадратного корня уже ставит философскую проблему: каков корень отрицательного числа? Тут мы, чтобы не сойти с ума, говорим, что получили «мнимую величину» или тригонометрическую функцию. В сущности это равносильно признанию, что дальше мы не понимаем, поскольку имеем здесь другое измерение физических величин. Для удобства нашего разума можно сказать, что мы «пришли к решению непрерывности» или к «переходу через бесконечность». Вы меня понимаете?

— Думаю, что да. Мне нравится, как вы это объяснили.

— Бесконечность... Какая это бездна, и разве только в чистой математике? Она всегда присутствует в нашей брэнной юдоли. Там, где наш разум не находит «простого» решения, неизбежен переход через бесконечность, надо вступить в область сверхъестественного, ибо это и есть путь, возвращающий к обычному порядку вещей, то самое спасительное решение, которое мы искали...

— Смогу ли я после всего снова встать на ноги? Мое сердце истерзано противоречиями.

— Вы из тех женщин, которым нужна борьба, чтобы чувствовать, что они живут, и чтобы — да, это тоже! — оставаться красивыми и молодыми. Вы просто не могли бы провести век в заботах повседневности, предаваясь рукоделию или даже легкомысленным интрижкам. Все это не утолило бы вашей духовной жажды, не правда ли?

— Не знаю. Иногда мне кажется, что я создана для простого сельского счастья: любимый мужчина, за столом дети, я пеку для них пироги. Все женщины хранят в глубине души такую картину, даже самые падшие и самые светские. И так же, как всем женщинам, мне знакомы соблазны богатства, я тоже жаждала этих радостей, роскоши, поклонения мужчин... Но очень скоро я поняла, что это не может сделать меня счастливой. Нет, это не по мне. Зато роль главнокомандующего меня безмерно вдохновляла. Вы скажете, женщина создана не для того, чтобы проливать кровь это не в ее натуре? А я люблю войну! Я бы солгала, если бы отрицала это. Меня пьянят приключения, битвы, победа... Какое наслаждение — собрать разрозненные силы, подчинить их своему замыслу, вести к цели... Даже страх, ужас, поиски спасения там, где, кажется, уже нет места надежде, — все это мое. Я страдала в последние два года, но мне никогда не было скучно!

— Правду говорят, что для человека, особенно для женщины, это главное условие счастья.

— Вас не шокируют мои признания? И вы можете объяснить такие противоречия?

— Человеческое существо способно на очень многое. В этом источник превратностей бытия, хитросплетений добра и зла...

И помолчав, слегка изменившимся голосом произнес:

— «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное. Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть...»

— Кто это сказал?

— Один из великих библейских мудрецов. Екклесиаст.

— Это значит, что в моем бунте... были не только мерзость и грех?

— Конечно, нет.

Лицо Анжелики просияло:

— Ваша снисходительность врачует мою душу больше, чем ваша суровость. Вы были так жестоки ко мне вначале!..

— Я хотел напугать вас, чтобы вытащить из трясины. И, кажется, могу поздравить себя с тем, что мне это удалось...

Он глубоко задумался, потирая подбородок, как если бы решил трудную задачу.

— Вам следует покинуть эту землю, — наконец проговорил он.

— Вы хотите сказать, что я должна умереть? — закричала она в ужасе.

— Нет, сто раз нет, дорогой друг! Вы же — сама жизнь! Я говорю о другом. О том, чтобы покинуть этот край, землю вашего детства, эту страну, где за вашу голову назначена награда. Оставить этот измученный мир, где молодое христианское учение еще не разрешило главного спора между Богом и Сатаной. Вы слишком близки к природе, ваши прямота и уравновешенность не мирятся с противоестественными крайностями этого мистического противоборства. Мне кажется, вы немного похожи на первую женщину, которую создал Бог и которая прельстилась райскими плодами... Вам нечего делать здесь.

— Куда же мне идти?

— Не знаю. Надо бы создать другой мир, более свободный, более терпимый... Он обернулся к окну.

— Смотрите, снег растаял. Как светит солнце! Пришла весна. Вы ее

заметили?

Небо ослепительно синело в изгибе романской арки. На ее краю ворковали две горлицы.

— Я узнал, что солдаты ушли. Край спокоен, хотя распри не вполне еще улеглись. Вы беспрепятственно сможете добраться до Майеза, сначала через болота, потом до побережья. Наверное, вы собираетесь встретиться со своими соратниками?

— Вы считаете, что я должна уехать? — прошептала она.

— Да. Пора.

Она представила себе враждебный мир, поджидавший ее за воротами аббатства, через который ей предстоит пройти, одинокой и преследуемой, с незаконным ребенком на руках.

Она опустила перед ним на колени:

— Не прогоняйте меня! Здесь так хорошо! Это Божий приют.

— Весь мир — Божий приют для тех, кто верит в Его милость.

Она закрыла глаза, и с ее длинных ресниц закапали слезы, оставляя на щеках блестящие дорожки. Он видел вокруг нее темный ореол несчастья. Многие опасности ждали ее, но уже брезжил свет веры в грядущее торжество. Он должен толкнуть ее в вихрь жизни!

Он протянул руку, и она почувствовала на своей голове нежное прикосновение его почти бесплотной ладони:

— Смелее, дитя мое! Благослови вас Бог.

На следующий день за ней пришел брат-привратник. По ее просьбе он оседлал для нее мула, которого потом она обещала отправить обратно через монахов Майеза. Привратник навьючил на мула две корзины с едой и одеялами. Анжелика одела дочь, стараясь по возможности сделать ее неузнаваемой. Она не могла изменить цвет глаз, но ей по крайней мере удалось спрятать волосы девочки. Она представляла, какое описание дано тем, кто ее искал: женщина с зелеными глазами и с рыжим ребенком на руках. Но как знать, возможно, у них есть и более подробное описание Онорины?

На какое-то мгновение, уже положив руку на холку мула, она заколебалась. Не позволят ли ей в последний раз увидеться с отцом-настоятелем? А со своим братом?

Привратник покачал головой. Началась святая неделя. Монастырь погружен в полное уединение.

И действительно, над аббатством сегодня царила особенно глубокая тишина. В эти предпасхальные дни мужчины, посвятившие себя служению Господу, сошлись для скорбных молений. Женщина должна была

удалиться.

Вот и еще одна привязанность вырвана из сердца, опять оно стонет и обливается кровью от новой раны. Но сами эти страдания и то, что она могла их ощущать, не было ли это признаком выздоровления?

Она села в седло по-дамски, боком, прижала к себе Онорину и выехала за ограду обители на лесную тропинку. За спиной гулко захлопнулись монастырские ворота.

Сколько дверей уже закрылось за нею, в который раз задвигались засовы, не давая преследуемой дичи обрести приют! Каждый раз возможность избежать своей судьбы уменьшалась, и вскоре перед ней останется только один путь — ее собственный. Каков он? Она еще не знала. Она могла лишь предчувствовать его, но уже начала понимать, что катастрофы и непредвиденные препятствия, мешая ей следовать своим прихотям, направляют к этой единственной цели.

Еще раз, уже в последний, она ехала через лес. При свете дня она не смела появиться на большой дороге. Пробираясь сквозь заросли и болота, она беспрепятственно достигла Майезского аббатства. Когда она добралась до Кот-о-Лу, жарко светило солнце. Лучи отвесно падали на долину, и Анжелика остановилась, охваченная головокружительным ощущением чуда.

Всего две недели назад на этом самом месте она тонула в снегу, и ее тело, пронизанное смертоносной стужей, испытывало всю жестокость суровой зимы. Сегодня долина ласкала взор мягкой, бархатной зеленью. Ручей, через который ей пришлось переправиться, тогда спал подо льдом, теперь же он прыгал по камням с грацией юной козочки, и фиалки цвели на его берегах под хранительной сенью деревьев. Кукушка куковала, обещая долголетие, тепло, птенцов и предрекая весну.

Взгляд Анжелики тоже расцветал, согретый этими чудесами. Природа и жизнь вершили в ней свою таинственную работу. После бесконечной морозной зимы ее потрясала та могучая, вольная сила, что трепетала в зелени листвы и роскоши цветов. После страшного преступления, после ужаса, для которого нет слов на человеческом языке, ей был дарован этот цветок милости, круглый и белый, осиянный нездешним светом, который она прижимала к груди, — Онорина.

Черные вороны больше не кружились над Поляной фей. Можно было подумать, что смерть никогда не посещала эти места.

Аббат де Ледигьер! Брат Жан! Понадобилось два архангела, чтобы вытащить ее из адской пропасти ожесточения. Эти две чистые души заслонили в ее памяти зловещую фигуру другого священнослужителя —

монаха Бешера.

Она задумалась о благости и мудрости Провидения, давшего ей дожить до этого часа.

Глава 11

На следующий день она прибыла в Майез, великолепное аббатство, построенное на острове, окруженном спокойными водами и ивами. Монахи вели дремотную, буколическую жизнь, ловили лягушек, удили угрей и были более привержены к праздности, нежели к трудам и молитвам. Здесь чтили традиции Рабле, который именно в этих стенах написал своего Гаргантюа. Ничто не напоминало того пламенного благочестия, что царило в Ниельской обители. Монахи побаивались протестантов, преобладавших здесь на побережье.

Королевские войска понемножку наводили порядок. По рекомендации Ниельского аббата — «слишком святого человека», как со вздохом говорил настоятель Майеза, — Анжелику приняли и дали провожатого до окрестностей Сабль-д-Олонн.

С Онориной на спине она теперь пробиралась по узкой песчаной дорожке среди зарослей карликовых дубов в орешника. Шел дождь, и в освеженном воздухе витал какой-то особенный аромат. Анжелика остановилась, чтобы сорвать несколько орешков для Онорины, и расколола их зубами. Омытый дождем бутон шиповника раскрылся у нее на ладони.

За густой стеной кустарника послышался мерный, глухой шум.

Цель близка!

Шум усиливался. Анжелика пробиралась вперед, торопливо раздвигая заросли, и наконец перед ней открылось море.

Не золотисто-голубое Средиземное море — перед ней лежал Океан, грозные пучины Атлантики.

Серый, синий, зеленый, он уходил к горизонту, полускрытому туманом. Анжелика увидела лиловатый песчаный берег, на котором серебром поблескивала сеть лужиц. Дальше шли квадратики солончаков, белые пятна соли, сейчас окрашенные в нежно-розовый цвет заката.

Слева стояла жалкая лачуга. В ней Анжелика должна была встретиться с Понсом-ле-Палю, одним из протестантских лже-солеваров, своим давним сторонником. Но Понс-ле-Палю был накануне захвачен в плен и казнен как бунтовщик. Последние уцелевшие соучастники прятались в жидких прибрежных лесах, живя грабежом. Анжелика обсудила с ними возможность переправиться в Бретань. Вероятно, там она могла бы скрываться довольно долго. Только бы избежать патрулей!

Прибрежное население оставалось верным королю, и даже те, кто

прежде симпатизировал мятежникам, теперь не упускали случая доказать свою преданность властям, выдавая то одного, то другого. У побежденных не бывает союзников. Анжелике стало не по себе среди этих несчастных протестантов, видевших всю глубину ее поражения и нищеты. Ею владело одно стремление — уплыть. Она верила только морю, оно казалось ей надежным союзником.

На третий день прибежали истощенные люди в лохмотьях, крича, что через лес идет обоз купцов из Марана, везущих зерно и вина. Здесь уже несколько месяцев никто не видал такой благодати. Обитатели лачуг бросились за оружием — рапирами, шпагами, палками. У них уже не осталось пороха для мушкетов.

— Не делайте этого, прошу вас! — умоляла Анжелика. — Нагрянет конная стража, они прочешут лес...

— Но ведь как-то надо жить, — проворчал главарь.

Сквозь негустой лес уже доносилось позванивание колокольчиков на мулах, скрип повозок. Потом раздались крики и звон оружия.

Анжелика не знала, к какому святому взывать о помощи. Надо было во что бы то ни стало помешать этим несчастным заняться грабежом, что неизбежно приведет к их убежищу солдат и таможенную охрану. Увы! Они знали ее слишком мало, и она совершенно не пользовалась у них влиянием. Она даже не говорила на привычном для них местном наречье. Анжелика привязала Онорину к дереву и помчалась к месту битвы. Только бы удалось не допустить кровопролития и как-нибудь договориться с купцами!

Но купцы не растерялись. Они явно решили защищаться до последнего. У них были пистолеты, и они отстреливались, укрывшись за повозками.

Прячась за кустами, Анжелике удалось добраться до лже-солеваров:

— Отступите! — молила она. — Оставьте это!

— Теперь слишком поздно! — отрезал главарь. — Нам нужны их товары, а еще больше — их шкуры. Мы их заставим помалкивать...

Он прыгнул к одной из повозок — и рухнул, сраженный пистолетным выстрелом. Нападающих тотчас охватила паника. Сотня грабителей обратилась в беспорядочное бегство, а четыре купца, выскочив из своих укрытий, бросились преследовать убежавших. Действуя палками с силой, какой трудно было ожидать от мирных торговцев, они ломали грабителям руки и ноги, били по головам. Анжелика получила сильный удар по затылку. У нее потемнело в глазах, но она еще успела увидеть того, кто оглушил ее. То был, несомненно, протестант, весь в черном, довольно

крепкий, с ясными глазами, право же, не злобными, но решительными. Он был похож на купца Сан-Оноре... В это мгновение на нее обрушился второй удар и она потеряла сознание.

Когда она приходила в себя, ее настиг давний незабываемый кошмар: Флоримон в руках негодяев, Кантор похищен цыганами. Она мчится за ними по грязным дорогам Шарантона, чудом ускользнув из страшной тюрьмы Шатле...

Пробуждение было чудовищным. Она находилась в тюрьме. Одна, распростертая на рваной циновке. Но шок оказался настолько сильным, что поначалу она ничего не почувствовала. Она не могла даже проклинать безрассудных лже-солеваров и свою злосчастную судьбу. А ведь всего через несколько часов она бы уже плыла к спасительным берегам Бретани! Мысли текли вяло, не было сил даже спросить себя, в каком городе она находится — Сабль это или Талмонт? Узнали ли ее, что ее ожидает? Тупо ныл затылок, безмерная, болезненная усталость сковала все члены, туман забытья окутывал мозг. Вдруг, подобно молнии, ее пронзила страшная мысль: Онорина!

Что случилось с ребенком после той кровавой схватки? Анжелика оставила ее привязанной к дереву. Заметили ли ее уцелевшие лже-солевары? Позаботился ли кто-нибудь о ней? А вдруг никто не помог ребенку? Вдруг крошка до сих пор одна в лесу? Поляна была довольно далеко от дороги. Можно ли надеяться, что кто-нибудь услышит плач?

Анжелика покрывалась холодным потом. Спускался вечер, красноватый свет, просачиваясь сквозь зарешеченное оконце, возвещал наступление сумерек.

Анжелика стала кричать, колотить в дверь подвала. Никто не шел, ее вопли оставались безответными. Она кинулась к окну, стала трясти прутья решетки. Отверстие было на уровне земли. Отдаленный шум выдавал близость моря. Она позвала еще раз. Тщетно! Надвигалась ночь, равнодушная к заживо замурованным узникам, которые до утра не могли ничего ожидать от себе подобных.

Ее охватило безумие, она металась по камере, крича, словно помешанная. Снаружи слышались шаги. Анжелика замерла. Шаги приближались. По ту сторону окна появилась пара ног.

— Ради всего святого, постойте! Выслушайте меня! — кричала Анжелика. — Сжальтесь! Я умоляю вас!

Никто не ответил ей, но прохожий остановился.

— ..Моя крошка в лесу, — продолжала Анжелика, — она погибнет от холода и голода! Ее растерзают лисы... Сжальтесь над ней...

Надо было объяснить, где находится ребенок, но она не знала местных названий.

— Недалеко от дороги... — лепетала она, задыхаясь. — Там, где разбойники напали на купцов... — (Господи, она даже не знает, когда это было — вчера или сегодня!) — Надо свернуть на тропинку... Там еще межевой знак. — (Какое счастье, что она вспомнила эту подробность!). — Да, и поляна... Там она, привязанная к дереву... Мой птенчик, ей еще нет и двух лет...

В ответ — ни слова. Ноги за окном, потоптавшись, продолжили свой путь. Прислушался ли незнакомец к этим бредням, что доносились из подземелья? Или просто пожал плечами: «Спятила! Кто только не попадает в эту тюрьму...»

Она забылась тяжелым сном, но и во сне ее преследовал плач ребенка. Очнувшись, она увидела перед собой тюремщика и двух вооруженных мужчин, которые грубо приказали ей встать и следовать за ними.

По каменной винтовой лестнице они поднялись в сводчатое помещение, стены которого были изъедены солью. От пламени жаровни, стоявшей здесь, шло скудное тепло. Но жаровню топили не для того, чтобы согреть этот средневековый склеп. Анжелика поняла это, заметив крепкого мужчину, чьи мощные обнаженные руки выпирали из рваных рукавов. Склоняясь над жаровней, он с большим тщанием поворачивал в раскаленных углях длинный железный прут.

В глубине помещения под синим балдахином, украшенным выцветшими лилиями, судья в длинной черной мантии и парике с буклями разговаривал с одним из купцов, тем самым, который настиг Анжелику.

Они мирно беседовали и не потрудились прервать разговора, когда солдаты, введя пленницу, поставили ее на колени перед палачом и начали сдирать с нее верхнее платье и корсаж.

Анжелика в ужасе отбивалась, крича и извиваясь всем телом. Но ее держали сильные руки. Она услышала, как рвется на спине платье. Что-то красное дрожало перед ее глазами и приближалось, приближалось.

Она завывала, как одержимая.

Ее ноздри уловили запах горелого мяса.

Она так стремилась освободиться от грубых солдатских рук, что ничего не почувствовала. Только после того, как ее отпустили, она заметила зловещее багровое пятно на плече.

— Ну, приятель! — проворчал один из солдат, обращаясь к другому, — надо бы целый взвод, чтобы удерживать эту чертовку. Суцая фурия!

Боль от ожога отдавалась в голове, пронизывала левую руку до самых

ногтей. Она все еще стояла на коленях и тихо стонала. Палач убирал орудие пытки — длинный прут, на конце которого была печать с изображением лилии, почерневшая от долгого употребления.

Судья и купец продолжали беседу. Их голоса гулко отдавались под сводами.

— Не разделяю вашего уныния, — говорил судья, — наше положение еще достаточно прочно, и я не верю, что Людовик хочет полностью извести протестантов во всем королевстве. Полагаю, что он оценил здравомыслие и миролюбие тех, кто придерживается нашей веры. Ведь мы не слабы: посмотрите, даже здесь, в Сабле, так мало католиков, что из четырех судей трое гугенотов и всего один папист. Да и тот вечно занят охотой на уток, так что нам то и дело приходится судить католиков.

— Однако же вспомните Пуату! Уверяю вас, я видел там такие вещи, каких не забудешь до самой смерти.

— Бунт в Пуату? По-моему, это просто провокация, разумеется, достойная сожаления. Снова наши братья позволили себя вовлечь в склоки сильных мира сего, пошли на поводу у безумных честолюбцев вроде этого де Ламориньера...

Судья спустился со своего возвышения и подошел к Анжелике, по-прежнему стоявшей на коленях.

— Ну как, милочка, вы извлекли урок из того, что с вами произошло? Прятаться в лесу с разбойниками и контрабандистами не дело для порядочной женщины. Теперь вы заклеены цветком лилии. Все будут знать, что вы побывали в руках палача, что вы не из числа честных людей. Надеюсь, это заставит вас впредь быть более осмотрительной и разборчивой при использовании своих прелестей.

Анжелика упрямо не поднимала глаз. Они ее не узнали, и она не хотела дать им возможность рассмотреть ее внимательнее. До ее сознания не дошло ничего, кроме слов: «Вы теперь заклеены цветком лилии...»

Она чувствовала, как огнем горит на ее теле клеймо, навсегда отторгнувшее ее от короля. Теперь она принадлежала к сонму отверженных: жриц любви, преступниц, воровок...

Сейчас это ей было безразлично. Ничто не имело значения, кроме необходимости вырваться из тюрьмы и узнать, что случилось с Онориной.

Судья меж тем продолжал свою длинную речь, похожую на сельскую проповедь:

— Учтите, что я проявил к вам снисходительность. Все же мы одной веры, и мне бы не хотелось держать вас под замком. Но я должен печься о спасении вашей души и позаботиться, чтобы вы больше не смогли впасть в

грех. Лучшее, что я могу сделать, — поручить вас попечению семьи, пример которой наставит вас на путь истины и напомнит о долге перед Спасителем нашим. Присутствующий здесь мэтр Габриэль Берн сказал мне, что ищет служанку, которая занялась бы его домом и детьми. Следуя заветам Христа прощать обиды, он согласился взять вас в услужение. Встаньте, оденьтесь и следуйте за ним.

Этого Анжелике не пришлось повторять дважды.

...Они шли по улочке, где толпились рыбаки, продавцы устриц, рабочие с солеварен, возвращавшиеся с берега с большими лопатами на плечах. Анжелика лихорадочно искала способа ускользнуть от купца, которому была обязана своим освобождением, но за которым отнюдь не собиралась послушно следовать, как велел ей судья.

Вероятно, мэтр Габриэль догадывался об этих мыслях: он крепко держал ее за руку. Анжелика не забыла, как он силен — о том она могла судить по злосчастному удару палки. Он казался добродушным, но непреклонным.

В гостинице «Добрая соль» он показал ей ее комнату.

— Мы уедем завтра рано утром. Я живу в Ла-Рошели, но по дороге мне надо навестить клиентов. Так что домой мы доберемся только к вечеру. Хочу спросить вас, согласны ли вы добровольно остаться в услужении у меня. Я поручился перед судьей, что вы не будете стремиться бежать, чтобы снова погрузиться в свою беспорядочную жизнь.

Он ждал ответа. Ей следовало заверить его в своей благодарности, но она не могла сделать этого под его прямым, честным взглядом. Ее словно подтолкнул злой гений, и она вскинулась:

— Как бы не так! Ничто не удержит меня!

— Даже это?

Он показал ей на постель, высокую, как в крестьянских домах, посланную на сундуке с ящиками.

Она не поняла.

— Подойдите, — сказал он.

Похоже, он почему-то подсмеивался над ней.

Она сделала два шага и остановилась. На подушке покоилась рыжеволосая детская головка. Укрытая до подбородка, засунув в рот большой палец, Онорина спала глубоким сном.

Анжелике показалось, что у нее снова начинается бред. Она потрянула головой, гоня навязчивое видение. Но тут ее взгляд задержался на обуви мэтра Габриэля, и у нее перехватило дыхание:

— Это были вы!

— Да, это я. Вчера вечером я проходил через тюремный двор. Шел повидаться с судьей. Меня остановил голос женщины, умолявшей спасти ее ребенка. Я оседлал лошадь и поскакал, хотя, честно говоря, не очень-то хотелось вновь попасть в те места, где мы вели себя так жестоко, я нашел ребенка у подножья дерева. Она спала, но перед этим, верно, долго кричала и плакала. Но она не очень замерзла. Я завернул ее в свою одежду и привез сюда. По моей просьбе ею занялась одна из трактирных служанок.

Должно быть, никогда в жизни Анжелика не испытывала такого облегчения. Сердце, избавленное от страшной тяжести, радостно заколотилось, будущее вдруг представилось заманчиво светлым. Теперь стали возможны любые чудеса, люди были добры, мир — прекрасен.

— Будьте благословенны, — произнесла она дрожащим голосом. — Мэтр Габриэль, я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и моей девочки. Вы можете положиться на мою преданность. Я — ваша служанка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ПРОТЕСТАНТЫ ЛА-РОШЕЛИ

Глава 1

Когда двуколка мэтра Габриэля Берна въехала в Ла-Рошель, уже вечерело. На фоне темно-голубого неба, еще сохранявшего дневную ясность, выступали ажурные колокольни и полуснесенные стены, остатки славных укреплений, разрушенных Ришелье.

То тут, то там в окнах домов загорались огоньки ламп. Город казался чистым и внушающим доверие. Не было видно ни пьяных, ни головорезов. Попадавшиеся навстречу прохожие шли спокойно, не торопясь, хотя день уже кончался.

Мэтр Габриэль сначала остановился перед домом с открытыми еще воротами.

— Тут мои склады. Они выходят к пристани. Но зерно лучше сложить позади, подальше от нескромных взглядов...

Он ввел во двор мулов с обеими телегами, отдал распоряжения подбежавшим приказчикам и снова поднялся на двуколку. Ее колеса громко застучали по булыжникам, которыми были вымощены переулки, иногда лошадиные копыта высекали из них искры.

— Наш квартал возле укреплений, и у нас тут спокойно, — продолжал купец, явно довольный возвращением домой. — Но все-таки мы в двух шагах от набережной и...

Он собирался еще что-то добавить, наверно, сказать, как удобно жить вблизи гавани с ее постоянной деятельностью и в то же время в отдалении от ее шума, когда его прервали раздавшиеся за углом яростные крики и заметавшиеся огни — словно в опровержение того, что он говорил. По улице бегали вооруженные люди с алебардами и факелами, пламя которых резко освещало фасад высокого белого здания и двор перед ним с воротами посередине, створки которых были распахнуты.

— Солдаты у меня во дворе! Что тут делается? — буркнул мэтр Габриэль. Сохраняя спокойный вид, он сошел с двуколки. — Идите за мной вместе с дочкой. Остаться вам незачем, — распорядился он, видя, что Анжелика медлит. У нее было достаточно оснований не показываться среди жандармов. Но обращать на себя внимание не годилось, и она вынуждена была последовать за своим новым хозяином. Стрелки скрестили перед ними алебарды:

— Никаких соседей. Приказано не допускать сборищ.

— Я не сосед, я хозяин этого дома.

— Ладно. Тогда можно.

Пройдя двор, мэтр Габриэль поднялся на приступку и вошел в помещение с низким потолком, полутемное, обвешанное коврами и портретами. На столике горел шестисвечный подсвечник. По каменной лестнице, перепрыгивая в спешке через ступеньки, сбежал подросток.

— Скорее, отец. Паписты хотят утащить дядю в церковь.

— Ему же восемьдесят лет, и он не ходит. Верно, они просто шутят, — успокаивающе отвечал мэтр Габриэль.

Наверху к лестнице подошел человек в изысканно нарядном одеянии светло-коричневого бархата с манжетами и галстуком, указывавшем, так же, как тщательно причесанный парик, на высокое звание. Он с нарочитой небрежностью переступал на высоких каблуках.

— Любезный Берн, я очень рад, что вы приехали. Я в отчаянии, что мне пришлось силой открыть двери вашего дома в ваше отсутствие, но случай уж слишком исключительный...

— Господин начальник полиции, ваш визит делает мне честь, — сказал купец, низко кланяясь, — но могу я попросить у вас объяснения?

— Вы знаете, что новые декреты, от соблюдения которых мы не смеем уклоняться, настоятельно требуют, чтобы всякого умирающего, принадлежащего к так называемой реформатской религии, посетил католический священник, дабы он успел, поелику возможно, оставить этот мир, освободившись от ереси, которая лишила бы его вечного спасения. Узнав, что ваш дядя, господин Лазарь Берн, находится при смерти, один ревностный капуцин, отец Жермен, счел своим долгом отправиться за кюре ближайшего прихода и привести его сюда в сопровождении судебного пристава, соблюдая полагающиеся формы. Женщины вашего дома встретили этих господ так неприветливо — ах, бедный друг мой, что уж говорить о женщинах, — что им не удалось сразу приступить к исполнению своей миссии, и потому они, зная мое дружеское расположение к вам, просили меня успокоить этих дам, что мне удалось, к счастью, и ваш бедный дядя перед смертью...

— Он скончался?

— Ему остается несколько минут, не больше. Я хочу сказать, что перед приближением вечности на вашего дядю снизошла благодать и он попросил причастить его.

В это мгновение раздался истерически-пронзительный крик девочки:

— Этого не будет! Не бывать этому в доме наших предков!

Начальник полиции схватил метнущуюся в сторону тщедушную фигуру и зажал девочке рот рукой, унизанной перстнями.

— Это ваша дочь, мэтр Берн? — спросил он холодным тоном и вдруг взревел:

— Она меня укусила, эта девчонка!

Из глубины дома доносились крики и шум.

— Вон! Вон! Убирайтесь отсюда прочь!

Маленькая старушка показалась в коридоре, чем-то швыряясь. Анжелика разглядела, что это были луковицы. Они, видно, оказались под рукой у старой гугенотки, похожей сейчас на ведьму. Внизу слуги топали тяжелыми башмаками по плитам прихожей.

Мэтр Габриэль один оставался бесстрастен. Он велел дочери замолчать.

В это время стоявший у окна начальник полиции сделал знак, и двое жандармов из стоявших во дворе поднялись к нему. Их присутствие прекратило шум среди домочадцев, собравшихся у двери одной из комнат. Анжелика увидела там, на подушке, голову старика, как будто при последнем издыхании.

— Сын мой, я приношу вам Господа нашего Иисуса Христа, — произнес священник, приближаясь к постели.

Эти слова произвели волшебное действие. Старик открыл один живой и пронизательный глаз и вытянул вперед голову на длинной худой шее:

— Этого вы сделать не можете.

— Но вы же только что дали согласие...

— Я такого не помню.

Движение ваших губ можно было истолковать только так.

Мне пить хотелось, вот и все. Постарайтесь же понять, господин кюре. Во время осады Ла-Рошели я питался вареной кожей и похлебкой из чертополоха — не для того ведь, чтобы полвека спустя отказаться от веры, во имя которой отдали жизнь двадцать три тысячи жителей нашего города из двадцати восьми.

— Опять вы повторяете вздор!

— Может быть, но вам не заставить меня говорить иное.

— Вы сейчас умрете.

— Ну и что?! — и старик вскричал надтреснутым, но еще бодрым голосом:

— Пусть мне подадут стакан вина из Бордери!

Домочадцы расхохотались с облегчением: дядюшка ожил. Возмущенный капуцин потребовал тишины. Следует наказать этих наглых еретиков. Пусть сидят в тюрьме, это научит их соблюдать почтительность хотя бы внешне, если не от души. Существует и

специальный указ относительно тех, чье поведение приводит к скандалам.

Анжелика рассудила, что ей лучше всего удалиться отсюда и отправиться на кухню. Это было огромное, теплое, хорошо обставленное помещение, сразу показавшееся ей приятным. Она быстро уложила Онорину в кресло около очага и, подняв крышку одного из котелков, обнаружила уже остекленевшие земляные груши, которые все-таки еще можно было спасти; она подлила туда ковшик воды, ослабила огонь и, оглядевшись, решила накрыть длинный стол посредине.

Спор закончится, наверно, примирением, а она ведь здесь служанка, ее дело — готовить еду.

Разыгравшаяся при приезде сцена ошеломила ее и произвела тяжелое впечатление. Дом протестантов оказался отнюдь не идеальным убежищем. Но этот купец поступил с нею так человечно. Он как будто никаких подозрений на ее счет не имел. Кажется, ее след вообще потерян. Кому придет в голову искать ее в Ла-Рошели, в служанках у купца-гугенота. Она открыла дверь темного и прохладного чулана и нашла там то, что требовалось. Продукты были разложены в строгом порядке.

— Это что, ваша служанка? — послышался голос интенданта.

— Да, ваша светлость.

— И она принадлежит к так называемой реформатской религии?

— Само собой.

— А девочка? Ее дочка? Конечно, незаконная. В таком случае ее полагается воспитать в католической вере. Ее крестили?

Анжелика старательно перебирала картофель, держась спиной к двери. Сердце ее сильно стучало. Она слышала, как мэтр Габриэль отвечал, что только недавно нанял эту служанку, но обязательно осведомится насчет нее и ее дочери и все сообщит, как следует по закону.

— А вашей дочери, господин Берн, сколько лет?

— Ей двенадцать.

— Вот именно. А по новому указу девочки, воспитанные в так называемой реформатской религии, по достижении двенадцати лет должны сделать выбор, к какой религии желают принадлежать.

— Моя дочка выбор уже сделала, — пробурчал мэтр Габриэль, — сами могли в этом только что убедиться.

— Любезный друг, — голос интенданта звучал сухо, — сожалею, что вы принимаете мои замечания в таком духе, как бы это сказать, то ли с насмешкой, то ли с протестом. Мне неприятно настаивать. Все это очень серьезно. Я могу дать вам только один совет: отрекитесь, отрекитесь, пока не поздно; поверьте мне, вы избежите тогда тысячи неприятностей, тысячи

огорчений.

Анжелике очень хотелось, чтобы монсеньор де Бардань отправился читать наставления куда-нибудь подальше, она устала стоять согнувшись и притворяться, что занята делом.

Наконец голос стал доноситься уже с лестницы, а затем и совсем пропал. Потом стали хлопать двери в доме и ворота во дворе, послышался стук копыт и башмаков. Постепенно в кухню вошли все домочадцы и собрались вокруг стола. Старая служанка, та, что швырялась луковицами, тихонько, как мышка, пробежала к печке и облегченно вздохнула, увидев, что ужин, о котором она в пылу сражения совершенно забыла, не пострадал.

— Спасибо, красавица, — шепнула она Анжелике. — Если бы не ты, задал бы мне хозяин жару.

Старая служанка Ревекка поставила блюдо на стол и сама стала в его конце, а пастор Бокер произнес короткое слово, или, скорее, молитву, призывая благословение Господне на скромную трапезу. Затем все уселись. Анжелика, чувствуя себя неловко, все стояла у очага. Мэтр Габриэль обратился к ней:

— Госпожа Анжелика, подойдите и садитесь за стол. Наши слуги всегда составляли часть нашей семьи. И девочка ваша пусть окажет нам честь. Невинность привлекает на дом благословение Божие. Надо только найти маленькой стул по росту.

Мальчик Мартиал выскочил из-за стола и скоро вернулся с детским стулом, видимо, лежавшим где-то на чердаке с тех пор, как младший из детей, теперь уже семилетний, впервые надел короткие штаны, как большой. Анжелика усадила Онорину, которая медленно обвела всех присутствующих царственным взглядом.

В бледном свете свечей она, казалось, внимательно разглядывала лица этих горожан. Черные одеяния скрывались в тени. Белые крылья женских чепцов, словно какие-то птицы, повернулись к девочке. А она перевела взгляд на пастора Бокера, сидевшего на другом конце стола, и послала ему прелестную улыбку, пролепетав несколько слов, которые никто не разобрал, но в добром смысле которых нельзя было усомниться. Такт, с которым малютка выбрала из всех самого достойного, очаровал общество.

— Боже, как она хороша! — воскликнула юная Абигель, дочь пастора.

— И какая милая! — сказала Северина.

— А волосы у нее блестят совсем как медные кастрюли, — вскричал Мартиал.

Они радовались и весело смеялись, а Онорина все разглядывала

пастора с пристальным вниманием. Старик был тронут и даже польщен тем, что сумел внушить такое чувство столь юной барышне. Он попросил положить еду ей первой.

— Дети должны царить между нами. Господь любил собирать их возле себя.

Он рассказал притчу о дитяти, которого Иисус поставил среди мучимых тревогой взрослых и сказал им: «Если не обратитесь и не будете, как это дитя, не войдете в Царство Небесное».

Все посерьезнели и внимательно выслушали его, а потом старший сын встал и прочел службу, как было принято в городских семьях.

— Отец, — сказала, волнуясь двенадцатилетняя Северина, — что бы ты сделал, если бы дядюшку Лазаря заставили причаститься? Что бы ты тогда сделал?

— Никого нельзя насильно заставить причаститься, дочка. Сами паписты сочли бы это святотатством, ничего не значащим перед Господом.

— Ну а если бы они все-таки заставили? Что бы ты тогда сделал? Ты бы их убил?

Ее черные пронзительные зрачки горели на бледном, как мел, личике, которому белый чепчик, вроде крестьянского, придавал какое-то старческое выражение.

— Насилие, дочь моя... — начал мэтр Габриэль.

Ее большой рот скривился в дерзкой гримасе.

— Ну конечно, ты бы подчинился им. И наш дом был бы опозорен.

— Детям о таких вещах рассуждать не полагается, — разгневался мэтр Габриэль.

Он был человек мирного вида, которого легко можно было принять за кутилу. На самом же деле трудно было бы найти большую противоположность этому, несмотря на обросшую жирком фигуру и ласковые голубые глаза. Встретившись с ним, Анжелика поняла, что ларошельцы скрывают твердость льда под мягким обличем любителя земных благ. Теперь словно молния ее озарила, и она вспомнила, как он колотил ее палкой на дороге в Олонские пески. Он был создан, чтобы лакомиться ортоланами, и мог оценить редкостный вкус этих птичек, а на самом деле ему довольно было краюхи хлеба и пары долек чеснока — как и доброму королю Генриху, который долго прогостил в Ла-Рошели, прежде чем отправился в Париж слушать мессу.

Когда семья перешла в другую комнату читать Библию, Анжелика, оставшаяся в кухне со старой служанкой, совсем повесила голову.

— Не знаю, действительно ли всем достаточно такого ужина, но моей

девочке этого мало. Даже в чаще лесной она питалась лучше, чем в этом доме, который выглядит богатым. Или нищета и голод из Пуату добрались сюда?

— Да чего вам надо? — возмутилась старушка. — Мы, ларошельцы, богаче всех прочих городов в королевстве. После осады тут и редиски не найти было. Но посмотрите, что теперь творится в складах, на набережных... У нас не счесть товаров, и вин, и соли, и всякого продовольствия.

— А почему же такая скупость?

— А, сразу видно, что вы не из наших! А мы после осады сохранили привычку резать селедку на четыре куска и считать картошки по штучке. Видели бы вы отца господина Габриэля. Замечательный был человек! Ему можно было камни подать на стол, а он бы и не заметил. Вот только в винах был разборчив. Признавал лишь самые лучшие из Шаранты, они у нас хранятся в погребе, вон там внизу, — добавила она, стукнув своим сабо по плиткам кухонного пола.

Разговаривая, она собрала со стола тарелки и принялась мыть их в тазу с горячей водой. Анжелика смотрела на нее и думала: «Плохой я буду, верно, служанкой». Пока что она чувствовала голод. Ее даже знобило, словно перед болезнью. Сильно саднило обожженное плечо, прилипавшее к корсажу. Каждое движение напоминало ту унижительную минуту, страх, перенесенные мучения; все это было так недавно, что она не могла отогнать холодной тени, облегшей ее.

Анжелика взяла на руки Онорину. Девочка не просила есть. Она вообще никогда ничего не просила. Кажется, ей довольно было ощущать себя в материнских объятиях и ничего больше не требовалось. Пожалуй, она походила на этих протестантов, которым от жизни нужно было только одно, самое важное, а от всего прочего они могли отказаться. Но как они все только что улыбались девочке... Проклятое дитя! Надо ли оставаться с ней под этим кровом? Или уйти отсюда? А куда уйти?

— Возьмите-ка простокваши и хлеба для маленькой, — сказала старая служанка и поставила солидную порцию на угол стола.

— А если ваши хозяева...

— Ничего они не скажут, ведь это для ребенка... Я их знаю. А потом уложите ее вот тут.

Она показала Анжелике большую высокую кровать в алькове кухни. На кровати лежали пуховики.

— Так вы сами, наверно, спите тут обычно?

— Нет, у меня матрас лежит внизу, возле склада. Я там сплю, чтобы

сторожить добро от воров.

Накормив и уложив ребенка, Анжелика подошла к очагу. Этой ночью она не смела уснуть. В сто раз лучше было посидеть со старой Ревеккой, которая явно любила поболтать. Она могла дать добрый совет относительно будущего. Старуха возилась у печи, размешивая горящие угли.

— Присаживайся, красавица, — показала она на скамейку против себя. — Погрызем-ка краба. И запьем его стаканчиком доброго винца из Сен-Мартена-де-Ре. Вам сразу станет лучше, Из садка она вытащила огромного, величиной с салфетку, краба, который медленно ворочался, из фиолетового стал розовым, потом красным. Ревекка опытной рукой приготовила его, ловко разломилась и подала половину Анжелике.

— Делайте, как я. Нож держите вот так. И ничего не оставляйте, кроме скорлупы. У краба все вкусно.

Горячее мясо, вынутое из клешней, пахло морем, и вкус был совсем не такой, как у земных тварей, он пробудил тоску о далеких горизонтах, о поэзии морских берегов.

— Попробуйте же вино, — настаивала Ревекка. — Отдает водорослями. — И прислушалась тревожно:

— Госпожа Анна, бывает, заглядывает сюда. Вот уж была бы недовольна...

Но в большом доме все было тихо. Пропев псалмы, его обитатели улеглись спать. Около больного старика светила масляная лампа. Мэтр Габриэль у себя в полуподвале проверял счета. На кухне потрескивал огонь в очаге. А из-за закрытых окон доносился тихий рокот моря.

— Ну, конечно, вы не из наших, — вновь заговорила старуха. — С такими-то глазами... Может, вы из Бретани?

— Нет, я из Пуату, — ответила Анжелика и тут же пожалела, что сказала это. Когда же она научится быть настороже, не доверять этому враждебному миру, где всюду грозят западни и козни.

— Вам плохо, видно, пришлось там. — Старушка посмотрела понимающе. — Расскажите хоть немножко. — Глаза ее загорелись любопытством. — .. А, понимаю, — вновь заговорила она, видя, что Анжелика продолжает молчать. — Вы столько повидали, что не решаетесь говорить об этом, вроде Жанны и Мадлены, кузин булочника, или этой толстой Сары из деревни Вернон, которая чуть не помешалась. И не сердитесь: ничего я не говорила. Лучше поешьте еще. Все улаживается в конце концов. Каждой кажется, что несчастнее ее на свете нет, а потом находится другая, которая расскажет что-нибудь похуже. Война, осады,

голод — что это приносит? Несчастье, конечно. И почему же и на вашу долю оно не достанется? Нет для того оснований. Как в поговорке: «Знамя упадет, девушка честь потеряет». Я ведь пережила осаду, и трое детей у меня умерли с голоду. Вот я вам расскажу...

Анжелика почувствовала себя слегка задетой этой примитивной логикой, она подумала: «Но ведь я-то была маркизой дю Плесси-Белльер».

Под высоким чепцом старой Ревекки виднелось сморщенное лицо, и среди его морщинок прятались насмешливые глазки. Даже когда она говорила серьезно и о вещах невеселых, ее взгляд сохранял улыбочивую усмешку.

— Мне довелось, — произнесла уже вслух Анжелика, сама удивляясь тому, что говорит, — мне довелось держать в руках свое убитое дитя.

Дрожь опять охватила ее.

— Да, понимаю вас, моя пригожая. Когда теряешь ребенка, словно покидаешь этот свет, становишься непохожей на других. У меня ведь их было трое, слышите, троих невинных младенцев я схоронила в осаду. Я пережила осаду, да, дочь моя, мне было тогда двадцать пять лет, и у меня было трое детишек, старшему седьмой годок. Он-то и скончался первым, а я все думала, что он спит, и не хотела будить его, думала: пусть спит, хоть голода не чувствует. Ну уж вечер пришел, а он все не шевелится, и тут я встревожилась. Подхожу к его кровати и начинаю понимать. Он еще утром умер. Умер от голода! Я уж сказала, войны да осады, они добра не приносят.

— Почему же вы не ушли из города. Неужто нельзя было попробовать? — вознегодовала Анжелика.

— Вокруг города стояли солдаты господина Ришелье. И потом не мне же было решать, сдастся город или нет. Всякий день ждали англичан. Но англичане пришли и потом ушли, а господин Ришелье построил дамбу. Каждый день мы ждали чего-то. Что же могло произойти? Солдаты умирали от голода на городских стенах. И мой муж, совсем больной, пошел туда. Он едва мог тащить свою алебарду и еле передвигал ноги, я видела, как он идет. И когда он не вернулся домой однажды вечером, я все сразу поняла. Он умер на своем посту, и тело его бросили в общую яму. Сбрасывать трупы за пределы городских стен у нас не смели, чтобы королевские войска не догадались, что от гарнизона скоро ничего не останется... Голод — его не опишешь, не объяснишь тому, кто его не испытал... Особенно долгий голод... Когда выходишь на улицу и думаешь, надеешься — вдруг что-то попадет... Ищешь повсюду, за каждым столбиком, под каждой ступенькой, оглядываешь стены, словно среди их

камней может оказаться что-то съедобное... Какая-нибудь былинка... Какой радостью было услышать шорох мыши под полом! Я сторожила мышей целыми часами, мой старший мальчик очень умело ловил их. Был у нас один фламандский купец, который продавал старые шкуры, шестилетние и семилетние. Это было великое дело. Город купил у него 800 шкур и отдал солдатам и тем жителям, кто мог держать оружие. Их кипятили, из отвара получалось хорошее желе... И мне удалось немного добыть для оставшихся у меня двоих детей... А все ничего не происходило, только каждый день приносил новую боль... На улицах то и дело встречались высохшие, почерневшие, едва обернутые тела, которые близкие с трудом тащили на кладбище... Муж нес жену на плече, как носят окорок... Две дочери несли старого отца на носилках... А мать — ребенка на руках, как несут крестить...

— И вы не могли уйти из города? Убежать от голода?

— За стенами были настороже королевские солдаты. Мужчин они вешали, с женщинами делали все, что им хотелось, ну, а с детьми? Разве узнаешь, что они творили. Да и нельзя было уходить из города. Это значило признать его поражение. Есть такое, чего делать нельзя. Неизвестно почему. Надо было умирать вместе с городом, либо... Я уже не помню, когда умерло мое второе дитя. Помню только, что, когда депутаты пошли к королю Людовику XIII, чтобы стать перед ним на колени и подать ему на подушке ключи от города, у меня оставался только один ребенок, самый младший... Все спешили, кричали: «Идем к воротам, там хлеб...» И я тоже бежала, то есть мне казалось, что бегу, а на самом деле я, как и другие, еле тащилась, хватаясь за стены... Все мы были словно призраки... Да, нас можно было назвать призраками... Я посмотрела на малыша, его черные глазки казались огромными на крохотном исхудавшем личике, и подумала: «Ну все кончилось, депутаты сдают город королю... Король сейчас войдет в город, и в городе будет хлеб! Все кончено, город сдался. Но этот малыш у тебя остается. Хоть он один. Для него сдача наступила вовремя — так я тогда думала, — еще несколько дней, и ты осталась бы матерью с пустыми руками. Слава Богу!» Но знаете, что случилось?

— Нет, — ответила Анжелика, с ужасом глядя на Ревекку.

— Ну и вот... Да выпейте же вино, нечего ему тут стоять и греться, вино с Королевского острова надо пить прохладным... Ну и вот, у ворот города появились солдаты, они раздавали ковриги, горячие еще, прямо из печей, которые были у них в лагере. Им было приказано держаться вежливо с мужественными ларошельцами... Ну а солдаты, если их не гонят биться, тоже бывают иногда похожи на людей... Кое-кто из них даже

всплакнул, глядя на нас, я сама видела... Ну вот, я поела, и маленький мой поел, ухватился обеими ручонками за кусок хлеба и грыз его, словно бельчонок... И тут вдруг он сразу умер... Потому что съел слишком много, слишком быстро. Головка у него склонилась на плечо, и все кончилось. Оставалось мне только похоронить его, как и двоих других... А что со мною потом стало, как вы думаете? Чуть с ума не сошла, чуть совсем с ума не сошла... Ну и вот, дочь моя, усвойте хоть это: что бы ни случилось, что бы ни пришлось перетерпеть, жизнь все нити склеивает заново, как паук, и гораздо быстрее, чем можно вообразить, и этому не воспрепятствуешь...

На минуту она умолкла и слышен был только скрип ее ножа, быстро выскребавшего крабью скорлупу.

— Сначала я нашла утешение в еде. Видеть перед собой то, чего так долго не хватало, давало какое-то удовлетворение, я забывала тогда о пережитом. А потом, попозже, меня утешало море. Я уходила на береговые скалы и подолгу смотрела на него. Я слышала стук кирок, разбивавших укрепления и башни Ла-Рошели, нашего гордого города. Но море-то осталось, его никто не мог у меня отнять. Вот это и утешало меня, дочь моя... А потом меня полюбил один человек. Он был папист. Их много оказалось в городе, словно из-под земли вылезли. Но этот умел хорошо говорить о любви, а мне ничего больше и не надо было. Мы бы и повенчались, да вот ведь какая штука! Надо было мне прежде обратиться в папизм. Ну, это уж не по мне. И он сел на корабль и отправился в Сен-Мало, там у него и родня была, и наследство оставалось. Больше я его не видала... Так-то! Родила я от него, мальчика родила... Ну что ж, надо было возвращаться к жизни, не так ли? Дети, они дают силу жить.

Закончив свой рассказ, Ревекка встала, стряхнула с фартука кусочки крабьей скорлупы. Потом снова внимательно прислушалась.

— Да нет, это я море слушаю. Сердится оно, ворчит... Посмотрите-ка.

В глубине алькова, за кроватью, было окно. Она раздвинула ставни, распахнула створки со стеклами, вставленными в свинцовый переплет. В комнату ворвался свежий порыв ветра, насыщенного запахом водорослей и соли; шум волн, разбивавшихся о стены, был так силен, что надо было кричать. По небу неслись тучи цвета расплавленного свинца; пролетая мимо луны, они принимали разные оттенки, то походили на сгустки дыма, то на взмахи шарфа, темного, как чернила. Слева подымалась башня с огромной пирамидальной вершиной в готическом стиле, на которой стоял фонарь. Это был маяк, освещавший путь судам, пробиравшимся через морские протоки между островами. Там виднелся силуэт часового с алебардой, ссутулившегося под напором ветра. Он зажег погаснувший

было огонь, языки которого заплясали под стрелками свода башни, спустился вниз по винтовой лестнице и укрылся в кордегардии.

От набережной дом мэтра Габриэля отделял только узкий переулок. Ловкий парень мог бы прямо из окна прыгнуть на главную улицу. Ревекка объяснила Анжелике, что знает всех солдат, несущих караульную службу при маяке, потому что привыкла лущить горох перед открытым окном либо штопать чулки всего семейства, а они проходили мимо, болтая или зевая. Она первая узнавала, что делается в гавани, потому что маячные сторожа должны были сообщать о прибытии судов, груженных вином или солью, из Голландии, Фландрии, Англии или Америки, сообщать, какое судно идет, военное или торговое, иностранное или свое, ларошельское. Как только на горизонте, возле островов Олерон или Ре, показывался белый парус, часовой подносил к устам трубу. А когда судно входило в гавань, долго звенел колокол. От купцов, маклеров, судовладельцев всегда распространялось возбуждение. В Ла-Рошели не знали скуки из-за всех этих судов, ежедневно привозивших к ее набережным вести со всего мира.

Прежде сигнал о подходе судов подавали с башни Св. Николая, но после того как ее наполовину снесли, эта честь перешла к Башне Маяка.

Для дома мэтра Габриэля это было очень удобно. Ревекка могла благодарить Господа, направившего ее сюда с предложением своих услуг.

Она закрыла окно, захлопнула деревянные ставни, и наступила тишина, особенно глубокая после рокота бури. Анжелика провела языком по губам и ощутила свежий, солоноватый вкус.

Она увидела, что Онорина проснулась. Приподнявшись на кровати, она походила со своими блестящими кудрями и голыми плечиками на русалочку, услышавшую призыв моря. Ее глаза были затуманены сновидениями. Анжелика уложила ее и подоткнула одеяло. Она вспомнила, что Онорина была отмечена знаком Нептуна. На последней ступеньке лестницы, которая вела на верхние этажи, сидел семилетний мальчик. Он был незаметен в тени и, должно быть, с интересом слушал рассказы старой служанки. А та прошла мимо него, покачав головой.

— Этот ребенок убил свою мать, когда родился. Его здесь не любят...

Она стала спускаться, бормоча:

— ..Сироты страдают, матери плачут, так уж повелось на свете... Так слезы льются, и нескоро этому придет конец, я вам говорю...

Ее белый чепец исчез в темноте внизу.

— Надо идти спать, — сказала Анжелика ребенку. Он послушно встал. Личико у него было болезненное, из носа текло. Жесткие волосы придавали ему особенно жалкий вид.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он ничего не ответил и стал подниматься по лестнице, задевая стены. Он походил на испуганного крысенка. Он уже поднялся на верхний этаж, когда она заметила, что он не попросил огня, и быстро догнала его.

— Подожди, маленький. Тут же ничего не видно, ты можешь упасть.

Она взяла его за руку, ручонка была слабенькая и холодная. Она ощутила боль в сердце, давно уже она забыла об этом исполненном нежности движении, которое когда-то было так привычно.

Мальчик все поднимался, и она шла за ним, словно эта маленькая, почти бесплотная тень влекла ее за собой. Теперь ей показалось, что это он взял ее за руку.

— Ты тут спишь?

Он качнул утвердительно подбородком и на этот раз взглянул на нее, словно не веря, что кто-то стоит возле него. Постель ему устроили на чердаке. Это было очень жалкое ложе. Матрас, должно быть, давно не выбивали, простыни были несвежие, одеяло слишком легкое. Зимой тут должно быть страшно холодно. В круглом оконце показалась на минуту бледная луна, осветив мощные балки наверху и кучу самых разнообразных вещей на полу, ящиков, старой мебели. Прямо напротив постели стояло большое треснувшее зеркало.

— Тебе тут нравится? — спросила она ребенка. — Тебе не холодно, не страшно?

Она поймала испуганный взгляд мальчика и подумала:

«Конечно, тут бегают крысы, а ему страшно».

Она стала раздевать его. Худенькие плечи под ее руками так были похожи на хрупкое тельце Флоримона, когда он был совсем маленький, сжатые губы были, как у Кантора, который так мало говорил, но потихоньку пел, а тоска во взгляде — как у маленького Шарля-Анри, мечтавшего о своей маме.

Мальчик, видимо, удивлялся тому, что его раздевают. Он хотел делать это сам. Собрав свои одежки, он очень аккуратно сложил их на табуретке. В белой рубашке он казался еще более худым.

— Да, этот ребенок умирает от голода.

Она обхватила его руками и прижала к себе, не замечая, что из глаз ее текут слезы. Она говорила себе, что всегда была невнимательной матерью. Она защищала своих сыновей от голода и холода, как это делают и звери, потому что это были ее детеныши, но она не знала и не искала того наслаждения, которое дается, когда прижимаешь их к сердцу, когда пристально вглядываешься в них, когда живешь их жизнью. Она не

ощущала связывавших ее с ними нитей, пока их так жестоко не оборвали. Рана продолжала кровоточить, и все мучительнее была мысль о том, что было возможно и чем она пренебрегла.

— Сыновья мои! Сыновья! — Слишком рано они появились на свет. Они осложнили ей жизнь. Иногда она досадовала что ей приходится заниматься ими, а не собственными делами. Она тогда еще не созрела для нежных радостей материнства. Сначала становишься женщиной, потом уже матерью.

Она уложила мальчика в постель, улыбаясь, чтобы он не заметил ее слез. Поцеловав его, она сошла вниз.

В глубине кухни, за кроватью, она сняла корсаж и стала медленно расчесывать волосы. Теперь ей уже не хотелось уходить отсюда. Дом возле набережной, так близко от моря, обещал ей многое и показался надежным приютом.

Глава 2

На следующий день госпожа Анна торжественно, с подобающими речами преподнесла ей Библию в черном бархатном переплете.

— Я заметила, дочь моя, что вы не повторяли слова молитв с нами. Видно, вера ваша остыла. Вот Книга Книг, в которой каждая женщина может почерпнуть дух смирения, покорности и преданности, необходимых в ее состоянии.

Оставшись одна, Анжелика повертела Библию в руках и отправилась искать мэтра Габриэля. Приказчик сказал ей, что он внизу, на складе, где держит свои счета.

Надо было пройти через двор, перешагнуть порог и спуститься на несколько ступенек, чтобы попасть в просторные, большие комнаты, где купец хранил самые дорогие товары, в том числе образцы вин из Шаранты и водок, которые отправлял в Голландию и Англию. Он был одним из самых крупных поставщиков этих напитков. Как раз в эту минуту с ним прощался какой-то английский капитан, видимо, сделавший заказ и снявший уже пробу. В комнате пахло водкой, и мухи летали вокруг двух стеклянных кубков, из которых ее пили. Капитан имел хмурый вид, но все-таки снял перед Анжеликой свою полинявшую шляпу и пробормотал какой-то комплимент «прелестной жене мэтра Габриэля», который сухо поправил клиента, не отрывая носа от счетов:

— Она мне не жена, а служанка...

— Ах, так, — ответил англичанин и снова поклонился с довольным видом.

Анжелика английского не знала и потому за разговором не следила и не пыталась понять, о чем идет речь. Ее слишком тревожила мысль о том, что последует за ее признанием.

— Мэтр Габриэль, — проговорила она, собрав все свое мужество, — я должна разъяснить недоразумение. Мне следовало сделать это раньше. Я не принадлежу к реформатской религии, как полагаете вы и все ваши. Я... я католичка.

Купец вздрогнул и был явно очень раздосадован.

— Так почему же вы позволили поставить на себе клеймо? — воскликнул он. — Вы должны были объявить, к какой вере принадлежите, и тогда избежали бы этого страшного наказания. Закон говорит, что всякая женщина, принадлежащая к реформатам, какой бы проступок она ни

совершила, подлежит клеймению знаком лилии и наказанию плетью. Благодаря судье, принадлежащему к нашей религии, которого мы отыскали в Сабле, мне удалось избавить вас от плетей. Но от другой половины наказания он не мог вас освободить, так как вас захватили вместе с опасными бандитами. Вы знаете, что троих из них повесили, а прочих отправили на каторгу?

— Я этого не знала. Бедные люди!

— Это вас так мало волнует! Но ведь это были ваши товарищи...

— Я их почти не знала.

Мэтр Габриэль взмахнул рукой, так что капля чернил брызнула на его счета.

— Почему же вы не объяснили все вовремя, несчастная?

Он тщательно промокнул кляксу и вытер перо.

— Католичку клеймят, только если она окажется виновной в тяжелом преступлении: убийстве, проституции, грабежах. Вас могут посадить в тюрьму, если обнаружат, либо сослать в Канаду, «в жены поселенцам». Почему же вы ничего вовремя не сказали?

Он внимательно посмотрел на нее и проговорил вполголоса:

— Может быть, вы не хотели, чтобы вам задавали лишние вопросы?

— Нет, нет, мэтр Габриэль. Я не о том заботилась. Я в ту минуту думала только о своей дочке. Я ведь не знала, что вы ее спасли. Я просто покорила, не понимая, что со мной делают. А теперь уже поздно. Я заклеяна на всю жизнь. Но вы один знаете об этом, мэтр Габриэль, вы не выдадите меня?..

— Я уже принял вас в свое жилище. Никто не покусится на вашу безопасность, пока вы находитесь под моим кровом. Это древний закон гостеприимства.

— Значит, вы меня не выгоните?

— А с чего мне выгонять вас?

— Я постараюсь не обмануть вашего доверия, мэтр Габриэль, но только... я хочу вам сразу сказать...

— Я знаю, что вы хотите сказать мне, — пробурчал купец. — Что вы не собираетесь менять веру. Но ведь ничто не мешает вам читать Библию. Открывайте ее каждый день, все равно на какой странице. И всякий раз вы найдете там ответ на то, что вас тревожит. Чтение Библии напомнит вам о забытой стране и возвысит ваше сердце.

И он подал ей в руки книгу в черном переплете. Солнце, южное солнце, заливало двор, в середине которого пальма с мохнатым стволом подымала к ясному голубому небу колючие круглые листья. У стены,

недалеко от скамейки, рос куст испанской сирени, а за ним подымался ряд шток-роз, огромных, как кочаны капусты. В старых глиняных кувшинах благоухали левкой и желтофиоли. В углу, под навесом в виде раковины, был бассейн с фонтаном, и мерный звук падающих капель довершал непривычный характер этого двора, напоминавшего отчасти испанское патио, отчасти провинциальный палисадник. Высокие ворота надежно защищали его.

Анжелика вернулась за оставшимися на столе кубками, чтобы помыть их на кухне.

— Мэтр Габриэль, простите, что я опять беспокою вас. Кто распоряжается в доме, госпожа Анна? От кого мне получать приказания?

— Моя тетушка никогда не умела кастрюлю от шапки отличить, — пробурчал купец. — А если она в хозяйство вмешивается, то это добром не кончается, да и беспокойно это для нее.

— Кто же ведет дом?

— Вы и ведите, почему бы нет? — посмотрел он на нее поверх очков. — Вы мне кажетесь толковой женщиной. Я требую только, чтобы в котле была еда, а на мебели не было пыли. А для необходимых покупок будете брать у меня деньги. Вот, возьмите на первое время.

Он протянул ей кошелек. Домашние заботы явно раздражали его, как и большинство мужчин. Однако он снова подозвал ее:

— Помните, я требую, чтобы счета велись точно. Вы писать умеете? И считать тоже?

— Да, умею, — ответила Анжелика.

Вечером, к удивлению тетушки Анны, накормив семейство капустным супом с салом, жареной рыбой со специями и сливочным маслом, яблочным пирогом и салатом, начистив до блеска медные кухонные тазы, протерев красивую мебель в комнатах и добившись улыбки маленького Лорье — она рассказала ему сказку о Золушке, — Анжелика, страшно уставшая, но спокойная, почувствовала, что заново заключает договор с жизнью. Куда-то далеко отодвинулись страшные вопросы, вроде того, как бы узнать, удалось ли ей скрыться от короля, и теперь ей гораздо важнее казалось устроить так, чтобы малыш мог спокойно спать ночью.

Несколько раз она поднималась к нему на чердак, ласкала его, рассказывала сказки, немного бранила, но каждый раз, поднявшись на цыпочках и надеясь, что он уже спит, находила его сидящим на постели и вглядывающимся в свое отражение в зеркале.

На четвертый раз она не выдержала. Видно, уже давно, может быть, не первый год этот ребенок засыпал, лишь окончательно выбившись из сил, и

вскакивал, слыша царапанье крыс, вглядываясь в странные тени от нагроможденных вещей, вспоминая то, что было непонятного в трагических псалмах, которые он должен был петь, и повторяя про себя те слова, которые люди говорили, когда он попадался на глаза: «Этот ребенок унес жизнь своей матери...»

Каждая ночь была для него долгим испытанием, преодолением в одиночку, вдали от привычных лиц и человеческого тепла, мрачного и холодного пути, конец которого обозначала лишь заря, проглядывавшая в слуховое окошко. Тогда лишь, может быть, ему удавалось спокойно заснуть. Но не надолго, потому что тетушка Анна уже в пять часов подымала весь дом.

Анжелика открыла один из шкафов, взяла оттуда пару простынь и направилась в небольшую комнатку, которую заметила еще раньше. Ее как будто никто не занимал. Там Лорье сможет спать без боязни; с одной стороны кухня, с другой — дядюшка Лазарь, о близком присутствии которого будет напоминать его кашель, да и тиканье больших часов на лестничной площадке будет ободрять его. К тому же Анжелика решила оставлять ему, хотя бы на первое время, ночник. Быстро и ловко она застелила постель, наполовину задернула занавески из дорогого, затканного золотом, голландского шелка. Анжелика могла оценить достоинство всего, что находилось в этом доме, пожалуй, лучше его хозяев, которые одновременно и стремились обладать роскошными вещами и удобствами, и презирали их. В кухне она сняла со стены грелку, бросила в нее несколько горячих угольков и закрыла. Возвращаясь, она увидела, что другая дверь комнатки открылась и ведет в комнату мэтра Берна. Он стоял на пороге с молитвенником в руках, засунув в него палец.

— Что вам тут нужно, госпожа Анжелика? Напоминаю вам, уже полночь. Ваша служба не требует бдения до такого позднего часа.

Его вежливый тон не скрывал недовольства. Когда мэтр Берн, покончив со счетами, удалялся в свою комнату размышлять над Священным Писанием, все кругом должно было спать и хранить молчание, никто не смел расхаживать и беспокоить его.

Анжелика стала водить грелкой по прохладным простыням.

— Простите меня, мэтр Габриэль, я поняла ваше замечание и больше не нарушу порядка. Но я хочу приготовить эту свободную кровать для маленького Лорье, который очень плохо устроен на чердаке.

Она не столько увидела, так как стояла к нему спиной, сколько ощутила вспышку гнева в серых глазах купца.

— Тут ничего нельзя трогать. Это комната моей покойной супруги.

Анжелика повернулась к нему. Он был потрясен, даже разгневан. Она мягко проговорила:

— Я понимаю. Но я не нашла, куда еще его уложить.

Мэтр Габриэль не мог, кажется, разобраться в этом трудном вопросе.

— Кого уложить?

— Лорье.

— А почему вы хотите уложить его здесь?

— Его постель на чердаке. Ему одному там страшно, и он не может уснуть. Я подумала, что ему будет спокойнее спать здесь.

— Что за чепуха! Пусть привыкает. Хотите сделать из него слабосильного трусишку, что ли? Я тоже спал на этом чердаке, когда был маленьким.

— И не боялись крыс?

— Боялся. Но потом привык.

— Ну, а он привыкнуть не может. Каждую ночь он плохо спит, а то и вовсе не спит. Вот поэтому он такой худенький и хилый.

— Он никогда не жаловался.

— Дети редко жалуются, особенно когда никто не старается к ним прислушаться, — сухо проговорила Анжелика.

— Мальчик должен привыкать. Вы рассуждаете как женщина.

— Нет, как мать... — возразила она, посмотрев ему прямо в глаза.

Его взор затуманился. Он глубоко вздохнул.

— Я дал обещание, что никто другой не ляжет в эту постель, где она испустила дух.

— Ваш обет делает вам честь, мэтр Габриэль. Но не думаете ли вы, что она сама была бы рада отдать это ложе своему ребенку?

Купец снова глубоко вздохнул.

— Ну, уж не знаю... Вы так весь дом перевернете. Я думал, что малыш спит вместе со старшим братом. Но, правда... я о чердаке тоже плохо вспоминаю, надо признаться. Ладно, идите... делайте то, что решили.

Анжелика уже так запомнила дорогу на чердак, что взбежала туда без свечи, перепрыгивая через ступеньки.

— Я пришла за тобой, — сказала она Лорье, который опять сидел на постели, широко раскрыв глаза, как соенок.

— Куда вы меня ведете?

— Туда, где тебе будет хорошо. Ты будешь возле твоего отца...

Она спускалась осторожно, неся ребенка на руках. Лорье восторженно смотрел на теплую комнату и отца, стоявшего в дверях, внюхивался в привычный запах жилого этажа. С кровати ему был виден отсвет огня в

большой кухне по другую сторону лестничной площадки. Удивление заставило его заговорить.

— Я тут буду спать? Каждую ночь?

— Да, твой отец решил, что ты теперь уже большой, тебе полагается большая кровать.

— О, спасибо, отец.

Анжелика ушла налить масла в ночник. Когда она вернулась с сосудиком из красного стекла, Лорье уже уснул. Его головенка едва виднелась на подушке, он словно провалился в эту большую кровать, но непривычное ощущение благополучия совсем преобразило его лицо.

Мэтр Габриэль, стоя у изголовья, задумчиво смотрел на сына. Анжелика нагнулась и нежно провела рукой по бледному лобку ребенка.

— Человечек! — участливо проговорила она, потом подняла глаза на купца:

— Не сердитесь на меня. Я просто видела, как ему скверно.

— Не беспокойтесь, госпожа Анжелика. Думаю, что все хорошо устроилось. — Поколебавшись с минуту, он добавил:

— ..Нет, не все. Сегодня вечером, размышляя над Писанием, я укорил себя в несправедливом отношении к вам. Мне следовало дать вам аванс в счет жалованья.

— Вы не обязаны были это делать, мэтр Габриэль. Я знаю, что служанке полагается угождать новым хозяевам целый месяц, прежде чем получить жалованье.

— Но вы пришли ко мне, ничего не имея. А в Библии написано: «Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих. В тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того. Ибо он беден и ждет душа его». Вот я и решил дать вам это.

Он вытащил кошелек и подал ей.

— Солнце, правда, уже зашло.

Легкая насмешка противоречила его внушительной сосредоточенности. Анжелика подумала, что, родись он в другой вере и в другом городе, из него мог бы получиться остроумный эпикуреец вроде шевалье Мере.

— В вашем доме меня не обижают, мэтр Габриэль, — сказала она, улыбаясь. — Будьте уверены, я не собираюсь возопить на вас к Господу. Я никогда не забуду вашей доброты.

Уходя из комнаты, Анжелика стала догадываться, почему между нею и купцом так внезапно возникли какое-то взаимопонимание, какая-то

близость, как бывает у людей, уже знавших друг друга в иных обстоятельствах. Конечно, она его уже встречала когда-то. Где же? Когда? По какому поводу он уже обращал к ней спокойную и великодушную улыбку, изредка озарявшую его твердое и холодное лицо?

Глава 3

Мысль, что мэтр Габриэль мог когда-то встречаться с ней, долго занимала ее, а потом как-то забылась.

Вечером, когда тетушка Анна с гостями после молитвы удалялась на покой, он иногда позволял себе предаваться благодушной привычке. Он уходил в свою комнату выбрать одну из множества длинных голландских трубок, бережно набивал ее табаком и потом возвращался на кухню за угольком, чтобы зажечь ее.

Опершись о притолоку, он курил, поглядывая полузакрытыми глазами на большую комнату, где еще суетились слуги, дети и две домашние кошки. В такие вечера дети понимали, что настроение у него хорошее, и решались обращаться к нему с вопросами и рассказывать о своих делах. С недавних пор и Лорье стал на это осмеливаться. Он быстро менялся, учился постоять за себя и давал уже отпор насмешкам Мартиала.

Как-то держа его на коленях и ласково поглаживая по головке, Анжелика заметила направленный на нее задумчивый взгляд купца и решила предвосхитить ожидаемый упрек.

— Вам кажется, что мальчика не годится слишком ласкать? Зато посмотрите, как он окреп. И щеки у него стали румянее. Детям нужна ласка, чтобы они росли, мэтр Габриэль, как растениям вода...

— Я с вами не спорю, госпожа Анжелика. Я вижу, что благодаря вашим заботам из этого заморыша, на которого, признаюсь, мне было неприятно смотреть, получается здоровый ребенок... Я согрешил по несправедливости, отчасти по невежеству. Я лучше умею разбираться в качестве доброй водки или канадских мехов, чем в том, что требуется ребенку. Но меня занимает другое: почему вы так мало уделяете этой самой нежности собственному дитя... Конечно, вы заботитесь о малютке, но я не заметил, чтобы вы ее целовали, улыбались ей, просто обнимали хотя бы.

— Чтобы я? Чтобы я так делала? — воскликнула Анжелика, покраснев до корней волос.

Потрясенная, она взглянула на Онорину, сидевшую над миской жидкой каши. Ее обычно оставляли за столом, потому что она ела очень медленно. В последнее время она стала так сидеть часами, с ложкой в руке, устремив глаза в пространство. Анжелика приписывала потерю аппетита существованию в закрытом помещении после жизни на открытом воздухе.

А может быть, Онорина страдала от недостатка внимания собственной матери? Какие соображения возникали за этими хитрыми и пронизательными глазками? У нее участились вспышки гнева, раздражавшие Анжелику. Так удивительно и досадно было сталкиваться с упорным противодействием этой крохотной воли. «Ты злая!» — яростно выговаривала девочка, и Анжелика спешила уложить ее или передать на руки старой Ревекке, к которой малышка питала слабость. Анжелика наклонилась к Лорье. В нем она видела своих мальчиков, своих настоящих сыновей. Онорина же пока не была по-настоящему ее ребенком.

«Мэтр Габриэль прав, — подумала она про себя. — Это ведь моя дочь... Я приняла ее в свою жизнь, но не могу полюбить... Откуда ему это знать?.. Это для меня невозможно. Если бы он знал, он бы понял...»

— Вы привязались к моему сыну, — сказал мэтр Габриэль, слегка улыбаясь, — а я к вашей дочке. Никогда не забуду, как я нашел ее, бедняжку, брошенную в лесу, под деревом, и как она, щебеча, протянула ко мне ручонки, когда я ее разбудил.

Лицо Анжелики приняло такое выражение, что мэтр Габриэль раскаялся в том, что заговорил. Как человек, не привыкший иметь дело с чувствами, он смутился, закашлялся и, будто бы вспомнив о срочном деле, ушел из кухни. Лорье побежал за ним. Теперь каждый вечер мэтр Габриэль разрешал ему побродить на складе среди товаров.

Анжелика осталась одна с Онориной. Это была странная и решительная минута, волнение душило ее, словно жизнь ее зависела от того движения, которое она то ли сделает, то ли нет. Странно было что эту тревогу возбудила малютка, как назвал ее мэтр Габриэль, восседавшая за столом с гордо-задумчивым видом. Она была похожа на сестру Гортензию, «злую сороку». Та была некрасивой и недоброй, но держалась всегда с достоинством принцессы. Этот полузабытый образ возник при виде Онорины, спокойно и надменно, без жалоб, сидевшей в одиночестве на своем высоком стуле. Тот же поворот шеи, та же манера гордо держать голову. Гортензия всегда была очень худой, даже в детстве. Онорина же, коренастая, плотная, кругленькая, совсем не походила на Гортензию фигурой, зато родство явно проступало в ее позе, в таком же взгляде черных глаз, узких и колючих. Но это не огорчило Анжелику, а наоборот, как-то смягчило ее. Она протянула Онорине руки:

— Иди сюда!

Онорина оторвалась от мечтаний, задумчиво посмотрела на мать и широко улыбнулась.

— Нет! — ответила она и полезла под стол.

— Иди, иди сюда!

— Нет!

Анжелике пришлось встать, вытащить девочку из-под стола и, не без труда, поднять ее на руки.

— Ну и тяжела же она, честное слово...

Напряженно и печально она всматривалась в личико ребенка.

— Ты рыжая, но все-таки красива... ты мое дитя... Волей неволей я тебя произвела на свет. И вот ты здесь. Ты связана со мной уже тем ужасом, который я пережила, ощущая тебя в себе, взаимозависимостью твоей слабости и моей слабости, вынужденных бороться со страшной, безжалостной, слепой судьбой, сделавшей нас матерью и дочерью. Сердечко мое!

Анжелика прикоснулась губами к свежей щечке. Младенческий запах напомнил ей лес и поразительные дни бунта в Пуату. Этот запах как-то растворял сушь ее злобы. В памяти вставали засады, бои, мертвые тела, а рядом сидела Онорина с белыми ножонками, которые Анжелика грела у печки. Онорина, которая раскрыла умные глазки, лежа на руках аббата Ледигьера. Онорина, в зимнем лесу звавшая Анжелику, отвлекая ее от страшного зрелища повешенных на прогалине.

И была еще развязка в пещере, где раздался первый крик девочки, и был скрип калитки, пропустившей ее во тьму сиротского приюта. «Ах, эти несчастные младенцы, брошенные у дверей и подобранные господином Венсаном! Как можно бросить ребенка? А я ведь бросала собственную дочку. Благословенно провидение, вернувшее ее мне. Может ли быть боль сильнее, чем терзающее сердце воспоминание о потерянном ребенке? Где ты, плоть от моей плоти? Где ты бродишь, нащупывая ручонками путь во тьме, куда я тебя бросила? Как я узнаю тебя, если ты умрешь? Неужели только на том свете у меня, бросившей тебя матери, будет право узнать тебя?»

Вздвогнув, Анжелика пришла в себя. Она была в кухне, в доме мэтра Габриэля в Ла-Рошели, она сидела у затухающей печки, держала на руках Онорину и отчаянно прижимала ее к себе.

— Жизнь моя!

Долго сдерживаемый, почти несознаваемый поток любви мощно прорвался из земных глубин, из очистившегося воздуха.

— Я и не знала, что так люблю тебя... Почему же не любить тебя?

Почему? Она пыталась найти умом причину и не могла. От прошлой жизни ничего не оставалось. Все провалилось в темную бездну. Невинная прелесть Онорины, написанная на этом личике радость жизни, ее

блаженная улыбка при виде наклонившейся над ней и целовавшей ее матери, представлявшей для нее весь мир, и это теплое, плотское ощущение собственности, охватившее Анжелику. — «У тебя только я, у меня только ты...» — все это встало непроницаемой завесой, за которой скрылись причины ее прежней ненависти к этому созданию. Как же быстро приходит забвение! Забвение для духа!

Тело забывает не так быстро. Иногда в ночных кошмарах Анжелика вновь слышала, как гудит рог Исаака де Рамбура, вновь ощущала на кистях и лодыжках жесткую хватку безжалостных рук, прижимавших ее к земле.

Но она просыпалась и видела, как пляшут на противоположной стене отблески огня, зажигаемого на вершине маяка, чтобы указывать путь кораблям. Онорина спала рядом. Анжелика долго вглядывалась в нее и постепенно успокаивалась, любясь этим оставшимся у нее чудом, оправдывавшим ее исковерканное, загнанное в капкан существование.

— Спи, мое сердечко, спи, дитя мое, жизнь моя... Ты возле мамы. Тебе нечего бояться.

Узнав, что Анжелика католичка, Северина взирала на нее со священным ужасом.

— Эту служанку поместили к нам, чтобы она шпионила за нами для Компании святого причастия, иначе быть не может, — заявила она, когда семья собралась на молитву.

— Вполне возможно, моя девочка, — согласилась тетушка Анна. — Попросим Господа, чтобы он позволил нам избежать ее уловок.

«Ну и вздорные же бабы!», — подумала Анжелика, чье терпение подвергалось жестокому испытанию.

Северина не спускала с нее глаз, пытаясь подловить на какой-нибудь ошибке. Девочка старалась держаться безукоризненно, подражая тетушке, и только иногда принималась вдруг напевать, тая насмешку:

«Человек злонамеренный, человек нечестивый,

Ложью исполнены уста его...

...Он глазами моргает, ногами виляет,

И пальцами подает сигналы...»

— Так ведь, тетушка?

Так Анжелика узнала, что эти дамы ставят ей в укор чрезмерную подвижность и свободу жестикуляции...

— Если бы ты попала к королевскому двору, Северина, — как-то заметила она, — ты бы узнала, что там считается признаком дурного воспитания, когда человек держится слишком прямо, как доска, и движения его резки, как у картонного паяца. Надо учиться двигаться

изящно.

— Королевский двор — это место погибели, — отпарировала с обидой Северина.

Теперь уж Анжелика расхохоталась, а девочка ушла, покраснев от злости.

Однако и у нее было слабое место. Ее, как всех юных девушек ее лет, влекло к маленьким, ей отчаянно хотелось привязать к себе Онорину. Она то пробовала взять малышку на руки, то ходила вслед за ней, пыталась кормить ее, одевать.

— Пусти! Пусти! — кричала ей Онорина с яростью оскорбленной императрицы.

Анжелике становилось жаль Северину, смиренно отходящую в сторону. Очень нелегко было убедить вспыльчивое дитя держаться приветливее. У Онорины были свои симпатии и антипатии, и она их нисколько не скрывала. Вообще ей больше нравились представители мужской половины рода человеческого. С Лорье она была вполне приветлива. К мэтру Габриэлю относилась уважительно. Пастор Бокер по-прежнему пользовался ее благосклонностью всякий раз, как появлялся в доме. Кумиром же ее был Мартиал; он смастерил ей резную коробочку, в которую она уложила свои сокровища: пуговицы, бусинки, камушки, куриные перышки... Малышка унаследовала материнские пристрастия. Глядя, как она бродит, держа под мышкой свою коробочку, а в другой руке котенка, Анжелика вспомнила свою инкрустированную перламутром шкатулку, в которой держала когда-то сувениры, скопившиеся за время ее беспокойной жизни.

Отношения Онорины с женским родом были сложнее. Дружелюбнее всего она была с теми, кто превзошел уже канонический возраст, то есть кому было за сорок. Ревекка и соседние старушки могли рассчитывать на ее улыбку. К женщинам среднего возраста она относилась равнодушно. Хуже всего дело обстояло с молодыми девушками и с девочками ее возраста, которых она ненавидела как соперниц. Трехлетней Руфи, младшей дочери адвоката Каррера, она чуть не выцарапала глаза. В общем, надо признать, эта пухленькая куколка Онорина, разгуливая, переваливаясь, по всему дому, вносила в него немало оживления.

Нередко у нее вырывался странный крик, смысл которого Анжелика научалась понимать. Он означал, что девочке наскучило сидеть взаперти дома и хотелось к морю. Оказавшись на берегу, она ни на что не обращала внимания кроме игры волн, морских водорослей и чудесных раковин. Она увлеченно топала по песку, похожая в своем подоткнутом платице на

перекатывающейся тыковку. Анжелика бродила вслед за ней, иногда перекидываясь несколькими словами с собирательницами съедобных ракушек.

Отлив открывал у подножия укрепленных стен россыпи камней, покрытых водорослями, среди которых в норках с чистой водой прятались крабы. Там резвились, вперемежку с чайками, стайки мальчишек, среди которых часто оказывался Мартиал, удравший из школы. Подросток беспокоил отца. Он не был лишен способностей к наукам, но предпочитал таскаться с шайкой приятелей, среди которых были главные озорники квартала: два старших сына адвоката Каррера, Жан и Томас, и Жозеф, сын доктора.

Мэтра Габриэля огорчало, что его старший сын не узнал суровой школьной дисциплины. Он принял решение отправить его в Голландию. Там Мартиал усвоит, по крайней мере, основы коммерции.

Анжелика заранее тосковала о назначенной разлуке. Многие в Мартиале напоминали ее сына Флоримона. Под веселой развязностью она различала беспокойство подростка, вступившего на колеблющуюся под ногами почву и обнаружившего при знакомстве с обществом, где ему предстоит жить, что ему там нет места. Это страшное открытие заставило Флоримона бросить свою мать, убежать и искать по свету такой уголок, где он мог бы жить сам по себе, такой как есть, не обремененный двойным проклятием со стороны обоих родителей.

И Мартиал когда-нибудь убежит, и все те подростки, которых невероятное ослепление их родителей пока удерживало на обреченном уже берегу.

В тот день они все уселись на верхушке одной из прибрежных скал, опираясь друг на друга, и так увлеклись, что не слышали, как она подошла к ним. Ветер шевелил их длинные волосы, распахнутые на груди рубашки. Боль пронзила ее при мысли, что механизм, который должен уничтожить их, уже налажен и прячется пока, как страшное чудовище, в глубине этого самого города.

Мартиал читал вслух, внятно и четко:

«...На островах Америки не бывает морозов. Там и не знают, что такое лед, и бесконечно удивились бы ему. И там не четыре сезона, как в Европе, а, только два. Один, когда льет много дождей, с апреля по ноябрь, а другой — период великой засухи... И все-таки земля там постоянно покрыта прекрасной зеленью, и почти всегда на ней красуются цветы и плоды...»

— А виноград там растет? — спросил мальчик с соломенными волосами. — Мне это надо знать, потому что мой отец виноградарь, он

бежал сюда из Шаранты. Что же мы станем делать в стране, где не растет виноград?

— А он там растет, — торжествуя, заявил Мартиал. — Слушайте дальше: «На этих островах хорошо растет виноград, не только дикий — сам собой среди леса, с крупными и вкусными ягодами, но во многих местах и культурный, как во Франции, только он плодоносит там два раза в году, а то и чаще...»

Урок географии продолжался. Дальше в книге описывались хлебное дерево, папайя, с ветвей которой свисают плоды, похожие на дыни, кокосы, полные чудесного растительного молока. «...А мыльное дерево дает жидкое мыло, которым хорошо мыть и отбеливать белье, тыквы калебасы дают кувшины и всякую посуду, так что незачем лепить горшки».

— А какого цвета тамошние жители? Красные, с перьями в волосах, как в Новой Франции?

Мартиал перелистал всю небольшую книжку, но ответа на этот вопрос не нашел. Мальчики обернулись к Анжелике, присевшей рядом и державшей на коленях Онорину.

— Вы не знаете, какого цвета эти островитяне, госпожа Анжелика?

— Кажется, черные, — отвечала она. — Ведь на те острова давно уже привозят негров из Африки.

— Но караобы ведь не черные, — заметил юный Томас Каррер, любивший слушать рассказы моряков в гавани.

Мартин оборвал спор:

— Надо будет спросить пастора Рошфора, когда мы его увидим.

— Ты говоришь, пастора Рошфора? — Анжелика подскочила. — Того великого путешественника, который написал книгу об Американских островах?

— Да я же ее читал сейчас товарищам. Смотрите!

Он показал только что переплетенную книгу, новое издание, и добавил вполголоса:

— Если у кого найдут это описание путешествия, то посадят в тюрьму и возьмут пятьдесят ливров штрафа; ведь считается, что эта книжка внушает протестантам желание эмигрировать. Надо соблюдать осторожность.

Анжелика полистала книгу. Ее страницы были украшены простенькими рисунками — изображениями деревьев и животных далеких краев.

Из глубины ее прошлого всплыло забытое видение, всегда казавшееся ей непонятным и в то же время отмеченным перстом судьбы: приезд

пастора Рошфора в Монтелу, когда ей было лет десять.

Этот мрачный и одинокий рыцарь, вдруг приехавший в сезон бурь откуда-то с конца света, рассказывал об удивительных и неведомых вещах, о краснокожих людях с перьями в волосах, о девственных землях, где обитали только чудовища...

Но тогда — а это было больше двадцати лет тому назад — это посещение поразило их не своей неожиданностью, не экзотикой странных рассказов. Нет. Он явился как посланник Рока, страшный и непонятный, зовущий куда-то вдаль. И старший ее брат Жослен сразу отозвался на этот зов, донесшийся с другого конца света, оставил семью и родину, и никто с тех пор не слышал, что с ним случилось.

— Но ведь пастор Рошфор уже умер? — проговорила она слабым и неуверенным голосом.

— Ах, нет. Он очень стар, но продолжает путешествовать.

И мальчик добавил, понизив голос:

— Он сейчас в Ла-Рошели. Но никто не должен знать, где он скрывается, а то его сразу арестуют. А вам бы хотелось увидеть его и послушать, госпожа Анжелика?

Она утвердительно кивнула, и он всунул ей что-то в руку. Это оказался плоский кусочек свинца, на котором был вытиснут крест с голубем наверху.

— С этим жетоном вы можете прийти на собрание, которое состоится возле деревни Жуве, — объяснил Мартиал. — Там вы увидите и услышите пастора Рошфора. Он должен там говорить, потому что из-за него и созывают это собрание. Там будет больше десяти тысяч наших...

Глава 4

Мальчик преувеличил, предположив, что на «собрание в пустыне», куда отправилась Анжелика, придут десять тысяч страстных протестантов.

Многих удержала боязнь, да и на этом высохшем солончаке, где еще лежали по краям кучи давно уже добытой соли, едва могло уместиться лишь несколько тысяч паломников.

Место, где когда-то добывали соль, выбрали потому, что это была отдельная долинка, с двух сторон огражденная выступами скал, скрывавших ее от тех, кто пересекал болотистую равнину, окружавшую Ла-Рошель. Близко было море, и шум его волн сливался с гулом голосов. Подходившие здоровались и усаживались, обмениваясь краткими замечаниями.

Куски известняка были сложены полукругом, образуя подобие амфитеатра, в середине которого стоял столик.

— Это кафедра, тут он будет говорить, — объяснял Мартиал, — а вот несут и другой стол, это для причастия.

Он сопровождал ее, гордясь тем, что «убедил» ее прийти, и усадил в двуколку булочника их квартала, чей сын подмастерье тоже был в числе его друзей.

Тетушка Анна и Северина, приехавшие на другой двуколке, вместе с торговцем бумагой, его женой и дочерью, поразились, увидав «папистку». Издалека было видно, что они заспорили с мэтром Габриэлем, сопровождавшим их верхом, конечно, доказывая ему опасность ее присутствия. Купец пожимал плечами. Потом эту группу стало не видно из-за волнения, охватившего толпу. Принесли оловянное блюдо, покрытое белой салфеткой, под которой проступали очертания круглого хлеба, а затем два оловянных кубка. Около ножки стола поставили каменную кружку, также накрытую салфеткой.

Анжелика долго не могла решиться прийти на это собрание. Если бы о ее появлении там узнали, ей грозило самое суровое наказание. Но тут почти всем что-то грозило: кому разорительный штраф, кому тюрьма, кому даже смерть, как тем «обращенным обратно в католичество», которые печально, со стыдом, пробирались среди своих прежних единоверцев, не в силах противостоять мукам совести, терзавшей их со времени «отречения».

Эти преследуемые люди были все в темном или в черном. Исключение представлял один из самых крупных судовладельцев Ла-Рашели —

Маниго; он был просто великолепен в костюме из бархата сливового цвета, черных чулках и туфлях с серебряными пряжками. Все восхищались им. Позади него шел его негр Сирики. А за руку Маниго держал своего сынишку Жереми, которым очень гордился. Этого прелестного белокурого ангелочка обихаживали, словно королевича, мать и четыре сестры.

Было там и семейство адвоката Каррера в полном составе. Судя по полному стану госпожи Каррер, они скоро ждали одиннадцатого ребенка.

Среди массы людей выделялось несколько настоящих дворян со шпагами. Они держались вместе и принялись переговариваться.

— Место, место для мадам Роан!

Слуги внесли в первый ряд кресло, покрытое ковром, и в него уселась старая властная дама, сжимавшая рукой, похожей на когтистую лапу совы, трость с серебряным набалдашником.

Теперь люди подходили ежеминутно. Но порядок соблюдался. Между рядами бродили юноши с полотняными сумками, собирая в них вклады на содержание служителей культа. Большинство собравшихся усаживалось прямо на землю, среди липких остатков морской соли. Те, кто был побогаче или предусмотрительнее, принесли с собой мешки, подушки, а кое-кто и горшки с тлеющим древесным углем — в этой ложбине было довольно холодно и ветрено.

По краям долины стояли лошади, ослы и мулы приехавших на собрание. Одни были привязаны к чахлым тамарисковым деревьям, других стерегли услужливые подростки. Подростки же стояли на страже, чтобы своевременно предупредить о возможном приближении королевских драгун. Экипажи с поднятыми вверх оглоблями дожидались в стороне окончания церемонии.

Она началась запевом псалма, подхваченным глухим и мощным хором всего собрания. Затем на середину, где стояли столы, вышли три человека в черном и в огромных круглых шапках тоже черного цвета.

Один из них был пастор Бокер. Но Анжелика жадно вглядывалась в самого высокого и самого старого. Несмотря на седые волосы, обрамлявшие загорелое и морщинистое лицо, она узнала «Черного человека», легендарного путешественника, которого видела в детстве. Кочевая жизнь и опасности, пережитые в бесчисленных странствиях, сохранили стройность его поджарого тела.

Третий пастор был коренаст, рыжеват, с быстрым и властным взглядом. Он заговорил первым, и его звучный голос внятно разносился по всей долине.

— Братья мои. Господу было угодно сбросить мои оковы, и я охвачен

глубоким счастьем, что снова могу возвысить голос среди вас. Личность моя ничего не значит, я всего лишь служитель Бога, обремененный колоссальной задачей — заботой о малом моем стаде, то есть о вас всех, реформатах из Ла-Рошели, пытающихся внимать гласу спасения среди все более злых и жестоких козней...

По его словам Анжелика поняла, что это пастор Тавеназ, ответственный за «соборность» Ла-Рошели, то есть за совокупность всех протестантских церквей этого города. Он только недавно вышел из тюрьмы, где его продержали шесть месяцев.

— Некоторые из вас приходили ко мне и спрашивали: «Не возьмись ли нам за оружие, как когда-то сделали наши отцы?...» Может быть, многие задумываются втайне над этим вопросом, поддаваясь опасному искушению ненависти, — а она дурная советчица, хуже рассудительности. Начну с того, что выскажу вам свое мнение: я против насилия. Я отнюдь не собираюсь принижать героизм наших отцов, которые вынуждены были пережить ужасы осады 1628 года, но возросло ли число людей нашей веры после этого могучего, гордого восстания? Увы, нет! Еще немного, и в Ла-Рошели не осталось бы ни одного гугенота и наше вероисповедание навсегда бы стало чуждым ее стенам!

Пастор Тавеназ долго говорил в этом духе. Он рассуждал о национальном синоде, который надлежало созвать в будущем году в Монтелимаре; там предполагалось составить записку об административных и прочих придириках и притеснениях, которым подвергались французские протестанты, чтобы передать ее королю в собственные руки. Закончил он, в последний раз призывая свою паству хранить спокойствие и надежду, беря пример с него самого и с пастора Бокера.

Старая герцогиня Роан несколько раз выражала свое нетерпение на протяжении этой долгой речи. Она качала головой, постукивала по земле своей тростью. Эти буржуазные советы никак ей не нравились. Но она вспоминала, что слишком стара уже, чтобы бунтовать, и молчала, ограничиваясь глубокими вздохами.

Присутствующие сопровождали речь возгласами одобрения. Только один человек поднялся — крестьянин с опускавшимися на глаза волосами, прижимавший обеими руками шапку к груди.

— Я из Жарана, это в Гатине. В нашу деревню пришли королевские драгуны. Они подожгли наш храм. А у меня забрали ветчину и хлеб, двух коров, осла и жену. Вот мне и думается иногда, что, если бы взять топор и зарубить их всех, мне бы полегчало!..

Кое-кто засмеялся было, слушая это перечисление утрат несчастного, но смешки быстро заглохли.

Горемыка растерянно оглядывался в поисках понимания.

— Моя жена, ее за волосы вытащили на дорогу... что они с ней сделали, этого мне не забыть... А потом ее бросили в колодец...

Слова его были заглушены громким рокотом псалма, подхваченного тысячами голосов.

А потом заговорил пастор Рошфор. Он напомнил верующим сказание об исходе, о том, как евреи, за которыми гнались египтяне, устремились и сказали Моисею: «Лучше быть нам в рабстве у египтян, нежели умереть в пустыне...» Но Господь явил свою мощь, утопив войско фараоново, а евреи добрались наконец до земли Ханаанской. И они бы раньше туда добрались, если бы не усомнились в благости Предвечного, который повлек их в пустыню затем лишь, чтобы вырвать из позорного рабства, в котором они могли забыть веру отцов своих.

Пастор Рошфор решительно начал песнь Моисея:

Пою Господу, ибо он высоко превознесся;

Коня и всадника его ввергнул в море,

Господь крепость моя и слава моя,

Он был мне спасением...

Голос его, слегка надтреснутый от старости, был еще довольно силен. Но почти никто не присоединился к нему. Усталые, испуганные люди подпевали вяло, да к тому же, казалось, они и не знали эту песнь. Старик в замешательстве остановился, бросил на собрание удивленный взгляд и возобновил свою речь, настойчиво пытаясь убедить слушателей.

— Разве вы не поняли, братья мои, смысл этого повествования? Свеча, накрытая горшком, гореть не может. Если бы евреи остались жить в рабстве, они бы стали в конце концов поклоняться египетским богам. Вот опасность, которая стоит перед всеми вами. Вас спрашивали сейчас, хотите ли вы взять оружие и защищаться или покорно терпеть преследования, которым вас подвергают. Я вышел сюда, чтобы предложить вам третье решение: уехать! В новых огромных странах вы найдете безграничные просторы девственной земли, которая вашими трудами процветет во славу Господню, и душа ваша раскроется там, свободно исповедуя свою уважаемую всеми веру...

Слова его стали плохо слышны. Собрание заканчивалось, уставшие люди зашумели, переговариваясь между собой. Анжелика слышала вокруг себя:

— А как ваше дело с мареной в Лангедоке?..

— Если бы мы засаливали рыбу свежего улова, как в Португалии, можно было бы вдвое больше продавать добычи... Да ведь запрещают...

— Ты бы мог понаряднее одеться для такого большого собрания, Жозиа Мерлу.

— Да ведь грязь-то какая здесь!..

Казалось, никого не интересуют советы пастора Рошфора.

Звук трещотки, которой размахивал служка, заставил всех умолкнуть. Пастор Тавеназ бросил на своего сотоварища взгляд, означавший: «Я же предупреждал вас», и заговорил сам.

Собрание нельзя закончить, пока все не вынесут поднятием руки свое решение о том, какой линии поведения должны придерживаться впредь ларошельцы.

— Кто стоит за вооруженное сопротивление?

Никто не шевельнулся.

— Кто хотел бы уехать?

— Я!.. Я!.. — закричало с десятков голосов из первого ряда.

— Я! — громко крикнул Мартиал, вскочивший на ноги возле Анжелики.

Возмущенные возгласы родителей заставили подростков умолкнуть. Адвокат Каррер дал затрещину ближайшему из сыновей.

Тут поднялся господин Маниго — его величественная фигура четко вырисовывалась на фоне серого океана — и навел тишину мановением руки. Он обратился с глубоким почтением к знаменитому путешественнику:

— Господин пастор, для нас было большой честью слушать вас, но не удивляйтесь тому, что среди ларошельцев идея эмиграции нашла мало сторонников... — он прижал руку к сердцу и проговорил с большой убежденностью:

— Ла-Рошель у нас здесь, это наша крепость, город, который наши отцы основали и за который они отдали жизнь. Мы не можем его покинуть.

— Неужели лучше покинуть свою веру? — вскричал старый пастор дрожащим голосом.

— Об этом не может быть и речи. Ла-Рошель принадлежит гугенотам. Она всегда будет принадлежать им. Ее душа рождена реформой. Душу города изменить нельзя.

Раздались аплодисменты. Прямая речь Маниго пришлась по сердцу ларошельцам. Кругом заговорили:

— Ну, что они с нами сделают? Ведь деньги-то у нас!

— Ясно ведь, без нас тут все развалится.

— Кажется, господин Кольбер попросил прислать ему реформатов, чтобы пустить в ход мануфактуры.

Анжелика сидела, задумавшись, устремив взор на опухший белой пеной край серого океана, видневшийся из-за дюн. В нескольких шагах от нее пастор Рошфор тоже смотрел на море. Она слышала его шепот:

— Имеют глаза и не видят, уши имеют и не слышат...

А что видел он, что различал он своим взором просвещенного человека? Мог ли он узнать в этой начинавшей расходиться толпе будущих мучеников и отступников?.. Всех обреченных!..

Страх, на краткий срок оставивший ее, вновь проник в сердце Анжелики. «Надо уезжать!» Берег ненадежен. Прилив все подымается и когда-нибудь захватит ее вместе с Онориной. Будь она одна, она от усталости, может быть, и дала бы захватить себя. Но надо спасать Онорину. Пот выступил у нее на лбу при мысли о том, что королевские драгуны могут схватить Онорину, с грубым хохотом мучить ее и потом выбросить из окна прямо на пики.

Она торопливо пустилась в путь, чтобы скорее добраться до дочки. Пошел дождь. Беловатое небо отражалось в лужицах на дороге. Какой-то всадник обогнал ее и повернулся в седле. Это был мэтр Габриэль.

— Посадить вас на круп, госпожа Анжелика?

Странное воспоминание налетело на нее. Когда-то она шла по разрытой дороге в местах, похожих на эти, и к ней повернулся всадник с улыбкой мэтра Габриэля.

— Нет, — не сразу выговорила она. — Я ведь только ваша служанка, мэтр Габриэль. Пойдут пересуды...

— Правда, мы теперь с вами не на Шарантонской дороге неподалеку от Парижа.

Туманная завеса стала прозрачнее. Прошлое вставало перед нею. Рядом с нею шла та женщина по имени Полак. А ноги у нее тогда замерзли, как сегодня. Как сегодня, ее терзала тревога за ребенка: тогда это был Кантор, которого похитили цыгане. Рядом с ними остановились какие-то всадники. Одни из них посадил ее на круп своей лошади, чтобы отвезти в Париж. Это был молодой протестант, сын купца из Ла-Рошели.

— Ну, узнали меня теперь? — спросил ее купец.

— Да, вы тот всадник, который помог мне зимним вечером столько лет тому назад.

Она замерла на месте под усиливающимся дождем. Двенадцати лет как не бывало. Обе сцены сливались в одну, казались неразличимы. То же отчаяние, то же сознание безграничного одиночества. И в этой

заброшенности лицо незнакомого человека, его сочувственная улыбка хоть на время дающая утешение. Именно это поразило ее больше всего: сходство обеих ситуаций, между которыми лежала головокружительная вершина — почетное положение при королевском дворе с богатством и роскошью.

«Видно, тебе потребовалось, — сказала она себе, — дважды замкнуть адский круг, чтобы понять наконец?.. Чтобы понять, что нет тебе места в этом королевстве и надо уезжать... уезжать отсюда за море...»

И она подумала о мэтре Габриэле с какой-то смесью облегчения и смирения: «К счастью, он знал меня только несчастной...»

В памяти у него осталась неимущая жительница предместья, а потом он столкнулся с разбойницей с большой дороги. Положиться было не на что. Тем более можно было восхищаться той щедростью, с которой он предложил ей укрытие у себя в доме. Это как-то мало соответствовало расчетливости его характера.

— Почему вы это сделали? — вырвалось у нее. — Я хочу сказать, как вы могли настолько довериться мне, что пустили под свой кров?

Он легко проследил ход ее мысли, ее невысказанные соображения и понял смысл вопроса.

— Я верю в значение некоторых знамений, — отвечал он. — Лицо, увиденное мною зимним вечером, представлялось мне чарующим и мучительным символом огромного жестокого города, я вспоминал его в течение долгих лет и наконец решил, что это было не простое воспоминание, что эта встреча была знаком, сигналом, прозвучавшим где-то в пучинах рока. А потом что-то происходит, и вспоминаешь, что уже получил предупреждение... Я не так уж удивился, узнав вас в сумятице той схватки. Так было суждено. И потому я не мог оставить без внимания вас и ваше дитя. Мне стало ясно, что надо сделать все, чтобы вытащить вас из тюрьмы, пока не поздно. Вот я и воспользовался тем, что судьи-католика не было тогда на месте.

Задумавшись, он прибавил:

— Почему я сказал «пока не поздно»?.. Правда, я понимал, что надо спешить, что для вас это дело часов. У меня в ушах звучали слова Писания: «Спаси тех, кого влекут на смерть, тех, кого хотят убить, спаси их...» Я чувствую, что ваше присутствие среди нас имеет огромное значение, но какое?

— Я знаю какое, — произнесла Анжелика, взволнованная необычной атмосферой этих признаний и всей обстановкой — пустынными ландшафтами, среди которых они теперь шли одни, под ударами ветра. — Наступит день

и я спасу вас и всех ваших, как вы спасли меня...

Глава 5

Кто-то прошел мимо нее и воскликнул:

— Француженка!

Анжелика обернулась. Перед ней стоял какой-то человек, разинув рот, и не спуская с нее глаз. На нем был костюм с потертыми золотыми галунами, потрескавшиеся туфли на красных каблуках, шляпа с потрепанными перьями. Он моргал, как сова на солнце, и повторял:

— Француженка, француженка с зелеными глазами.

Анжелике одновременно захотелось убежать и узнать, кто это. Машинально она сделала шаг вперед. Человек подскочил как белка.

— Нет, сомневаться невозможно. Это вы... Этот взгляд!.. Но...

Он разглядывал ее скромное платье, чепчик, скрывавший волосы.

— Но... Значит, вы не были маркизой? Но в Кандии утверждали, что вы маркиза, и я этому поверил... Да я ведь и документы ваши видел, что за черт?.. Что вы тут делаете, в этом нелепом наряде?..

Теперь и она узнала его по плохо выбритому подбородку.

— Господин Роша... Это вы? Неужели это возможно? Значит, вам удалось уехать из восточных колоний, как вы желали?

— А вы?.. Вам удалось, значит, убежать от Мулай Исмаила? Был слух, что он вас замучил до смерти...

— Нет, ведь я здесь!

— Как я рад. — И я тоже!.. Ах, дорогой господин Роша, как приятно вновь увидеться с вами.

— Я разделяю удовольствие от всей души, мадам.

Они сердечно пожали друг другу руки. Анжелика никогда бы не подумала, что до такой степени обрадуется встрече с этим нелепым чудаком чиновником из колоний. Они ощущали себя жителями волшебной страны, которые одни только уцелели после землетрясения и обнаружили друг друга где-то на краю света.

Роша воскликнул, выражая их общее чувство:

— Ах, наконец-то!.. Наконец-то кто-то «оттуда», с кем можно поговорить!.. А то в этом северном порту ни души, все так бледно... Какое облегчение! Я в восторге!

Он бросился вновь пожимать ей руки с такой силой, что чуть не сломал пальцы. Потом помрачнел:

— ..Но... значит, вы не были маркизой?..

— Тише! — шепнула Анжелика, оглядываясь. — Найдем спокойный уголок, где можно поговорить, и я расскажу вам все.

Роша заявил с презрительной усмешкой, что в Ла-Рошели, увы, нет такого места, где можно было бы выпить настоящего турецкого кофе. В таверне «Новая Франция» подавали, правда, напиток под таким названием, но это был кофе с островов Франции. Ничего общего с тем божественным экстрактом, полученным из бобов, выращенных на равнинах Эфиопии, поджаренных по всем правилам, который пили там, на Востоке. Все-таки они отправились в ту жалкую таверну, где в этот час, к счастью, никого не было, и уселись там в уголке у окна. Роша отказался от предложенного кофе.

— Честно говоря, не советую вам пить этот настой лакрицы, смешанный с отваром желудей, который тут называют кофе...

Они заказали слабого шарантского вина, которое все тут охотно пили, и к нему хозяин подал целое блюдо моллюсков и ракушек.

— Единственное, что можно есть в этом печальном краю, — говорил Роша, — это ракообразные морские ежи да устрицы... устрицами я объедаюсь... — Он обвел критическим взглядом мачты, стеньги и реи за окном, перечеркивающие и зетемнявшие ясное небо. — Как тут все уныло! То ли дело пестрые флаги галер на Мальте, яркие орифламмы пиратов-христиан, ослики, нагруженные корзинами апельсинов... Рыжебородый Симон Данза!..

Анжелике хотелось заметить, что этот город не такой уж северный и не такой уж бескрасочный, как ему представляется.

— Но ведь прежде вы так жаловались, что застряли на востоке? Вы только и мечтали вернуться во Францию.

— Да, я бился изо всех сил, чтобы вернуться сюда. А теперь бьюсь, чтобы вернуться туда... Ну что хорошего в Париже? Было там заведенье, возле Старого храма, где можно было выпить настоящего кофе и встретить мальтийских рыцарей, и турки там бывали... Сюда меня послали заняться страховыми делами, отнять у протестантов монополию на них... Я воспользовался случаем и позондировал почву... Связался с некоторыми купцами... У этих ларошельцев повсюду свои. Один из них посылает меня опять в Кандию. Во вторник я отправляюсь, — заключил он с сияющим видом.

— А как же королевская служба?

Роша махнул рукой:

— Что вы хотите! Для разумного человека наступает момент, когда он понимает, что служить другим, то есть государству, значит оставаться в

дураках. У меня есть способности коммерсанта. Пришло время развернуть их. Когда я разбогатею, пошлю за своим семейством...

Узнав о его скором отъезде, Анжелика приободрилась. Значит, с ним можно было говорить более откровенно.

— Обещаете ли вы сохранить в тайне то, что я вам расскажу? — Она подтвердила, что является, действительно, маркизой Плесси-Белльер. Сообщила, что, вернувшись во Францию, оказалась в конфликте с королем, разгневанным ее отъездом, несмотря на его запрещение. Попав в немилость, она совершенно разорилась и очутилась в очень стесненном положении.

— Как обидно! Как обидно! — восклицал Роша. — На Востоке такого унижения не допустили бы, при ваших замечательных достоинствах...

Вдруг он наклонился к ней и шепнул:

— Знаете, он ушел из Средиземного моря!

— Кто?

— Да как же можно спрашивать кто? Вы ведь столько там испытали... Он, Рескатор, кто же еще...

Она смотрела на него немигающим взглядом и ничего не отвечала.

— Рескатор! — повторил он раздраженно. — Тот пират в маске, который купил вас за тридцать пять тысяч пиастров в Кандии и с которым вы сыграли такую злую шутку, что ни одной рабыне еще не удавалось... Можно подумать, что вы обо всем этом просто позабыли!

Она перевела дух, и краски вернулись на ее лицо. Нельзя же так волноваться только из-за имени!

— Ушел из Средиземного моря? Но ведь он был там всемогущ. Известно ли, почему он это сделал? — спросила она.

— Говорят, что из-за вас.

— Из-за меня!.. — Волнение снова охватило ее. Сердце забилося сильными толчками. — Что же, он считал, что мой побег поставил его в нелепое положение, и он не мог сносить насмешек других пиратов?

— Да нет, не так... Конечно, его марокканским страхам здорово досталось, когда стало известно о вашем исчезновении. Чуть их всех не повесили. Но такое не в его обычае. В конце концов он отправил их к султану Мулай Исмаилу как ни на что не годных псов. Думаю, беднягам это было хуже виселицы. Да, мадам, вы можете похвалиться тем, что из-за вас текли и слезы и кровь на Средиземном море! А вы кончили тем, что оказались в Ла-Рошели...

— Почему же из-за меня? — настойчиво вопрошала Анжелика.

— Тут была история с Меццо-Морте, его худшим врагом. Вы хоть

помните Меццо-Морте, алжирского адмирала?

— Мне трудно его забыть, ведь он тоже захватил меня в плен.

— Так вот, Меццо-Морте решил воспользоваться вами, чтобы изгнать навсегда Рескатора из Средиземного моря. Завладев вами, он сейчас же отправил посланца в Кандию... Стойте, раньше я должен рассказать вам, что вскоре после вашего бегства, дня через два или три, Рескатор послал за мной.

— За вами?

— Да, за мной. Неужели я уж такая ничтожная личность, что не могу встречаться с пиратскими князьями?.. Прошу прощения, мне уже случалось и прежде разговаривать с его светлостью. Он один из самых веселых собеседников, которых можно встретить в жизни, но на этот раз, надо признаться, его настроение было таким же мрачным, как внешность. Маска, которую он носит, уже сама по себе смущает того, кто стоит перед ним, а когда из ее прорезей тебя пронизывает гневный взор, то хочется убежать подальше. Он удалился в свой дворец на Милосе. Что за великолепное здание, полное роскошных вещей и редкостей! Его трехмачтовая шебека так пострадала от пожара, что он не мог погнаться на ней за вами. И к тому же, если я не ошибаюсь, как раз тогда поднялась страшная буря. Ни одно судно не могло выйти в море... Рескатор слышал, что я знаком с вами. Он долго расспрашивал меня о вас...

— Обо мне?

— Ну, нельзя же просто отмахнуться, когда у тебя похищают рабыню, за которую заплачено тридцать пять тысяч пиастров. Я рассказал ему все, что знал о вас. Что вы были знатной французской дамой, в фаворе у короля Людовика XIV, что вы были очень богаты и в вашем распоряжении была даже должность консула в Кандии. И потом — как вы оказались в руках д'Эскренвиля, моего бывшего соученика по константинопольской Школе восточных языков, и как я вас встретил. В конце концов я рассказал ему и то, как хлопотал, чтобы вас выкупили мальтийские рыцари... Вы же помните, я старался изо всех сил! Да я ведь и получил пятьсот фунтов, которые вы прислали мне с Мальты. Так в Кандии стало известно, что вы не погибли в бурю, как все думали раньше.

Роша отхлебнул вина.

— ..Гм... Теперь вы, пожалуй, не станете меня упрекать, что я тогда же сообщил об этом господину Рескатору... Ведь, как-никак, я был ему многим обязан... Он очень щедр, вы это знаете, и деньги не ставит ни во что. И потом, он ведь все-таки был вашим господином, а повсюду принято извещать хозяина о том, где находится его собственность... Почему вы

улыбаются?.. Вы считаете, что я уж слишком усвоил восточные нравы?.. Ну, как бы то ни было, я ему это сообщил. Но как раз, когда он собирался отправиться на Мальту, явился посланец от Меццо-Морте... Почему вы так побледнели?

— Если вам известна репутация Меццо-Морте, вы должны понимать, что это имя не напоминает ничего приятного, — проговорила Анжелика, не в силах сдержать охватившее ее волнение.

— Итак, Рескатор отправился в Алжир. Что там произошло, никто из нас толком не узнал. Я говорю о «нас», имея в виду всех, кто там ведет торговлю и ходит в море, вдоль берега или далеко, в другие страны... через Средиземное море... Кое-что все-таки дошло до нас. Меццо-Морте вроде прибег к шантажу: либо Рескатор никогда не узнает, что с вами стало, либо Меццо-Морте откроет ему место, где вы скрываетесь, в обмен на клятву уйти навсегда из Средиземного моря, чтобы он, алжирский адмирал, один властвовал над ним... Многие говорили, что нелепо было Рескатору отдавать свою безграничную власть в море, бесчисленные богатства, неприступное положение в денежной коммерции — за простую рабыню, как бы она ни была красива... Но, видно, Меццо-Морте знал, что делает, потому что Рескатор, гордый, непобедимый Рескатор, сдался.

— Он принял это условие?.. — выдохнула Анжелика.

— Да!

Близорукие глаза бывшего колониального чиновника подернулись дымкой.

— Совершенное безумие... Никто не мог этого понять... Надо полагать, что вы внушили ему не просто желание, а... любовь. Как знать?

Анжелика слушала едва дыша.

— А что же дальше?

— Дальше?.. Ну, что же я могу сказать? Меццо-Морте, наверно, рассказал ему, что вас продали марокканскому султану, а потом Рескатор узнал, что там вас убили... Говорили еще, что вы бежали и погибли в дороге. Теперь я убеждаюсь, что все эти предположения не соответствуют истине, потому что вижу вас живой во французском королевстве. — Глаза его загорелись. — Какую же историю я расскажу в Кандии, когда приеду туда... Никто и вообразить не мог такого исхода. Женщина сбежала из гарема Мулай Исмаила... и пленнице удалось добраться до христианской земли... И я один это знаю и смогу всем рассказать... Ведь я вас видел!

— Разве вы не дали мне обещания сохранить мою тайну?

— Дал, правда, — грустно проговорил Роша. Он нахмурился, допивая свой стакан, а потом приободрился: надо будет придумать, как рассказать

об этом, не называя ни имен, ни города Ла-Рошель. Пока же надо договорить.

— Так вот, Рескатор ушел из Средиземного моря. Хотя он не смог заполучить вас, но должен был сдержать торжественное обещание, данное Меццо-Морте, который свое слово сдержал. Волки должны соблюдать договоры. Но прежде он вызвал алжирского адмирала на дуэль. Тот удрал в глубь Сахары и спрятался в каком-то оазисе, пережидая, пока враг уйдет. И Рескатор прошел-таки Гибралтарским проливом в Атлантический океан. Что с ним случилось там, никому неизвестно, — мрачным тоном закончил Роша. — Такая тяжелая история. Просто отчаяние!..

Анжелика встала.

— Господин Роша, мне надо уходить. Могу я быть уверена, что вы не предадите меня и никому не станете рассказывать о нашей встрече, по крайней мере, пока вы находитесь во Франции и в Ла-Рошели?

— Можете быть уверены, — обещал он. — Да и с кем тут можно говорить? Эти ларошельцы холодны, как мрамор..

На пороге он поцеловал ей руку. Он уже не был чиновником. Он начинал новую жизнь. Его личность, в которой была и авантюрная жилка, и склонность к поэзии, до сих пор тесно сжатая служебным положением, начала понемногу расправляться.

— Прекрасная пленница с зелеными глазами, пусть бог ветров унесет ваш корабль далеко от вашего нынешнего печального положения! Как бы ни были скрыты ваши прелести, очаровавшие когда-то всю Кандию, нельзя сомневаться, что они не должны угаснуть в неизвестности. Знаете, что я хочу пожелать вам? Чтобы Рескатор стал на якорь в Ла-Рошели и снова захватил вас.

Она могла бы поцеловать его за эти слова. Но возразила негромко:

— О, боги великие, нет! Как бы мне не пришлось слишком дорого заплатить за все неприятности, которые я ему причинила. Он до сих пор, наверно, прокликает меня...

Чтобы выиграть время, она пошла мимо укреплений. Дома уже недоумевали, конечно, куда она ушла так надолго. Она не успеет сварить суп к ужину. Солнце уже зашло, дул холодный ветер, мерзли руки: она вышла без пальто солнечным осенним днем. Под светло-желтым небом серела ровная морская гладь, неторопливые волны тихо подкатывали к песчаному берегу, почти не колебля водоросли. Изредка более мощный вал разбивался о подножие стен и брызги разлетались по ветру.

Анжелика вглядывалась в горизонт, ей казалось, что среди многих судов там вдалеке появляется еще один корабль. «Он перебрался в

Атлантический океан...»

Не безумие ли это, увлекаться мечтами, словно молоденькая девушка, ждущая из-за моря таинственного принца, готового всем пожертвовать ради нее!

Ведь она разочарованная женщина, она столько пережила. Грубость и жестокость мужчин нанесли ей незаживающие раны. Все это так.

Но когда женское воображение отказывалось снова броситься в бой? Пока женщины живы, они будут мечтать о невозможном и стремиться к чудесному. «Меня увлекает волшебство этой истории», — думала она. Как забыть теплоту черной бархатной мантии, укрывавшей его, а также его глухой, чуть разбитый голос.

Она так задумалась, что натолкнулась на солдата Ансельма Камизо, преградившего ей путь своей алебардой.

— Прекрасная дама, раз вы оказались на моей территории, откупитесь поцелуем.

— Прошу вас, господин Камизо, — учтиво, но с твердостью в тоне проговорила Анжелика.

— Если королева просит, как же мне, бедному часовому, не склониться перед ней.

Он отступил, пропуская ее, а потом, опершись на свою алебарду, долго следил грустным, собачьим взглядом за ее фигурой в бедном платье, восхищаясь гордой поступью, широкими плечами, прямо поставленной головой и светлым профилем, обращенным к морю.

Глава 6

Однажды утром оказалось, что дядюшка Лазарь спокойно скончался у себя в постели. Госпожа Анна и Абигель омыли тело, уложили его в белоснежные простыни. Прибыл пастор Бокер со своим племянником. Вскоре пришел торговец бумагой, стали собираться соседи. Их было уже много, когда у ворот раздался звонок. Анжелика вышла во двор и впустила человека с суровым лицом, в черном сюртуке и белом галстуке, отнюдь не внушавшего доверия и представившегося как господин Бомье, президент королевской комиссии по религиозным делам и помощник господина Никола де Барданя.

Анжелика уже слыхала кое-что о нем. Она закусил губы и не выразила удивления, когда из-за спины вошедшего появилась четверка вооруженных людей; шагая с развальцей, они бесцеремонно направились к дому, а за ними возник еще один, с неприятным лицом, одетый в плащ, украшенный гербом Ла-Рошели: двухпарусным кораблем и тремя цветками лилии.

Бомье вошел в дом с официальным, то есть мрачайшим выражением лица и поднялся по внутренней лестнице в спальню в сопровождении своего помощника и подозрительных приспешников.

При виде их все собравшиеся встали с колен, наступило напряженное молчание.

Господин Бомье развернул казенную бумагу и стал читать брюзгливым тоном: «Принимая во внимание, что господин Лазарь Берн, 16 мая обратившийся в католичество, снова предался преступным ошибкам и пренебрегая вечным спасением, подал опасный пример... и так далее... и так далее... объявляем его изобличенным в преступлении вторичного впадения в ересь, во искупление чего труп его следует, положив на решетины, проволочь по всем кварталам и перекресткам города, а затем выбросить на свалку; кроме того, надлежит взыскать штраф в сумме трех тысяч ливров в пользу короля и еще сто ливров на милостыню нуждающимся узникам тюрьмы Консьержери...»

Его прервал мэтр Габриэль. Очень бледный, он встал между Бомье и постелью, на которой покойник, единственный из всех находившихся в комнате, сохранял спокойное и даже чуть насмешливое выражение.

— Господин де Бардань не мог вынести такого решения на наш счет. Он сам был свидетелем того, как мой дядя отказался обратиться в

католичество. Я сейчас же пойду за ним.

Бомье ухмыльнулся и стал сворачивать свою бумагу.

— Пожалуйста, — сказал он спокойно, — отправляйтесь за ним, но я отсюда не уйду. Мне спешить некуда. Я служу святому делу: надо очистить город от опасных заговорщиков. Ибо злые ангелы сговариваются против добрых, а дурные подданные против верных подданных короля, а в Ла-Рошели те и другие сходятся.

— Вы что же, хотите объявить нас предателями, изменниками Франции? — возмутился Легу, городской голова, нахмурившись и шагнув вперед. Мэтр Габриэль вмешался:

— Кто пойдет за господином де Барданем?

— Я остаюсь здесь, и люди мои будут со мной, — издевательски улыбаясь, заявил Бомье.

— Ну, так я пойду, — сказала Анжелика. Она уже набросила пальто и быстро спускалась по лестнице.

— Бегите поскорей, — хихикнул вдогонку ей Бомье.

Анжелика быстро пересекла город. Она так спешила, что ноги ее взлетали над булыжниками мостовой, почти не касаясь их. Но в доме де Барданя ей сказали: «Он во Дворце правосудия». Во Дворце правосудия после многих отсылок и задержек наконец один чиновник сообщил, что господин де Бардань пошел в гости к главному судовладельцу Жану Маниго.

Анжелика помчалась туда. Что могло произойти за это время в доме, где заряд страстей был больше, чем в дуле пушки? Насмешки Бомье и грубость его солдат уже высекали искры, сталкиваясь с возмущением и гневом протестантов... А ведь она бросила там Онорину! Какое безрассудство! Ей уже мерещились опустошенный дом, печати на дверях, все в тюрьме или бог весть где...

Умирая от тревоги, она добралась наконец до великолепного особняка Маниго.

Господин де Бардань изволил кушать вместе с семейством Маниго под наблюдением нескольких поколений судовладельцев, гордо взиравших с портретов. В комнате приятно пахло горячим шоколадом, который раб Сирики разливал в серебряные чашки, а в середине стола в большой фарфоровой вазе лежала целая груда заморских плодов: ананасы, померанцы, а рядом кисти местного винограда. Анжелика и глазом не повела на всю эту роскошь. Задыхаясь, она бросилась к наместнику:

— Умоляю вас, идите скорее. Господин Берн зовет вас на помощь. Он надеется только на вас.

Господин де Бардань галантно поднялся на ноги, приятно удивленный видом бросившейся к нему женщины. Анжелика разругалась от бега, глаза ее сверкали, грудь высоко поднималась под черным корсажем. Ее волнение, умоляющее выражение лица и чудесные глаза не могли оставить хладнокровным человека, преданного слабому полу. Это был случай как раз во вкусе Никола де Барданя.

— Сударыня, успокойтесь и объясните мне все без боязни, — произнес он, смягчив голос и ласково взглянув на просительницу. — Я вас не знаю, но обещаю выслушать вполне благожелательно.

Анжелика успела спохватиться, что проявила невежливость к господину Маниго и его толстой супруге, и торопливо приветствовала их. Затем рассказала, волнуясь, о том, что произошло в доме мэтра Габриэля... Там может возникнуть бог весть что, самое страшное... а может быть, уже и случилось... Она всхлипнула.

— Ну, что вы, успокойтесь же, успокойтесь, — повторял господин де Бардань. — Почему эта женщина так волнуется? — обратился он к господину Маниго. — Что там за беда? Это все пустяки.

— Господин Берн вечно попадает в какие-нибудь истории, — кислым тоном произнесла госпожа Маниго.

— Но пойми же, моя добрая Сара, — возразил судовладелец, — не может он допустить, чтобы тело его дяди волочили на жердях.

— Я знаю одно: такие вещи только с ним случаются, — самодовольно заявила толстуха.

Она хлопнула в ладоши:

— Дочки, собирайтесь, наденьте накидки из черного бархата, и Жереми пусть наденет суконный костюм. Мы должны отправиться к бедному Лазарю, чтобы молитвами проводить его в вечность.

— Конечно, мы сейчас отправимся. Меня не успели известить о его кончине, — заволновался вдруг Маниго.

— Я поеду вперед, — бодро воскликнул де Бардань. — Эта дама так торопит меня, что я не смею задерживаться.

Он посадил Анжелику в поджидавший его экипаж, по бокам которого стояли два стрелка.

— Боже мой, только бы не опоздать, — прошептала Анжелика. — Пожалуйста, велите ехать скорее.

— Как вы нервничаете, милое дитя! Готов поспорить, что вы родились не в Ла-Рошели.

— Действительно, я не отсюда. Но почему вы так решили?

— Потому что вы бы привыкли к подобным историям, которые, что

бы ни говорила госпожа Сара, в нашем городе не редкость. Увы! Иногда мне приходится поступать жестоко. Закоренелое зло должно быть наказано. Однако в данном случае я должен признать, что Лазарь Берн не отяготил упрямства, с которым на протяжении восьми десятков лет держался ложных верований, непростительным преступлением отступничества от истинной веры...

— И вы не разрешите этому отвратительному человечку волочить его тело по грязи?

Королевский наместник засмеялся, показывая свои красивые и очень белые зубы, оттеняемые каштановыми усами.

— Это вы Бомье так называете? Должен признаться, ему подходит. — Он слегка нахмурился:

— Я не всегда соглашаюсь с ним при выборе методов, которыми мы действуем... Но простите, мне кажется, с одной стороны, что я с вами только что познакомился, а с другой, что я вас уже видел... Если это так, не понимаю, как я мог забыть имя такой прелестной особы...

— Я служанка мэтра Габриэля Берна.

Он вдруг вспомнил:

— Вот оно что. Я действительно увидел вас впервые у мэтра Берна в тот самый вечер, когда капуцины из монастыря Младших братьев притащили меня обращать этого беднягу Лазаря, который считался умирающим. Мэтр Габриэль возвратился тогда из поездки, и вы были с ним...

Он добавил строгим тоном:

— У вас есть ребенок, которого следует по закону воспитывать в католической вере.

— Я помню, вы сказали тогда, что моя дочь, видимо, незаконное дитя, — отвечала Анжелика, быстро решившая играть в открытую, чтобы избежать расспросов о себе, — вы были правы, это так.

Такая откровенность заставила господина де Барданя подскочить.

— Простите меня, если я вас обидел, но моя нелегкая должность в этом городе вынуждает меня следить за отношением к религии самого малого из жителей и...

— Это так, — повторила Анжелика, пожав плечами.

— Но с такой красотой, как ваша, — милостиво улыбнулся королевский наместник, — можно понять, что любовь...

Анжелика оборвала его речи.

— Я просто хотела сообщить вам, что вам нет нужды беспокоиться о ее крещении и вере, потому что она католичка, как и я сама!

Господин де Бардань как раз собирался заметить, что эта молодая женщина, должно быть, обращенная католичка или, по крайней мере, воспитывалась в католическом монастыре. Восхищенный своим нюхом, он мысленно похвалил себя, но добавил по-прежнему строгим тоном:

— Теперь все ясно, я так и предполагал... Но как же вы решились пойти в услужение к протестантам? Это дело серьезное.

Анжелика успела приготовить ответ. Она придумала кое-что, отчасти под влиянием враждебных замечаний Северины.

— Видите ли, — она опустила глаза, — моя жизнь не всегда была образцовой. Вы можете, увы! догадаться об этом по признанию, которое я только что сделала. Но благодать Господня помогла мне встретиться с глубоко набожной особой, которую я не могу назвать, хотя живет она здесь, и она убедила меня искупить свои грехи и научила, как это лучше сделать. По ее совету я и поступила служанкой в это семейство Бернов, которое все ревностные католики Ла-Рошели хотели бы когда-нибудь видеть в числе обращенных.

— Вы можете рассчитывать на меня, само собой разумеется.

Он уже перебирал в уме дам из Общества Святого причастия, соображая, кто из них мог заслать эту особу в качестве католической шпионки в дом Бернов. Мадам де Бертевиль?.. Мадам д'Армантьер?.. Не угадаешь сразу. Законы Общества требовали соблюдения тайны. Он кое-что знал о них, поскольку сам в него входил...

Анжелика повернулась к окну кареты. Вид улицы пробудил ее беспокойство.

— Просто страшно вообразить, что эти люди могли наделать в наше отсутствие. А я оставила там свою девочку...

— Ну, не устраивайте трагедии!..

Она была очаровательна, когда бледность разливалась по ее лицу и страх расширял ее ясные зрачки, придавая им такое трогательное и трагическое выражение. Хорошо бы сжать ее в объятиях и поклясться вечно защищать ее. Он галантно подал ей руку, помогая выйти из экипажа. Людовик XIV предписывал своим пэрам соблюдать любезность даже со скромными камеристками, а о подчиненном положении этой женщины было вообще легко забыть. Господин де Бардань торжествовал про себя. Трудно не обрадоваться при известии, что она служанка. Она, конечно, будет польщена тем, что привлекла внимание такой знатной особы, как наместник его величества короля в Ла-Рошели. И потом, не придется преодолевать, можно сказать, врожденную сдержанность дам-протестанток, чью скромность и стыдливость ему еще не удавалось

победить. Он уже потерял всякую надежду на это, даже в отношении пикантной и колючей Женни, старшей дочери мэтра Маниго.

Достаточно было посмотреть на эту великолепную женщину, чтобы догадаться, что грехи, в которых она раскаивалась, были из тех, которые он, Никола де Бардань, охотно отпускал, — особенно если они совершались в его пользу.

Да и эта незаконная дочка тоже полезна, потому что ставит ее в униженное положение, которым так удобно будет воспользоваться.

Прекрасная ситуация. Просто удачный день выпал!..

Входя во двор, он удержал ее руку. Анжелика едва заметила это. Да ей и требовалась опора, ноги почти не держали ее.

— Видите, — успокоил ее де Бардань, — все тихо!..

Внизу, в прихожей, четверо солдат, палач и господин Бомье пили вино, которое подавала им старая Ревекка. Бомье держался в стороне: он был человек с положением, и ему не подошло выпивать вместе с палачом.

Увидев своего начальника, он встал, низко поклонился, но отнюдь не казался смущенным.

— Слышите? — движением головы он указал наверх.

Из спальни Лазаря Берна доносились медленные и скорбные звуки псалма. Пели о смерти и загробных муках. Протестанты охраняли труп, которому грозило поругание, и черпали мужество в молитвах.

— Видите? — повторил де Бардань, обернувшись к Анжелике. — Я ведь говорил вам. Мы в Ла-Рошели люди порядочные, умеем улаживать дела.

Она не могла слышать без дрожи доносившееся сверху пение, ей казалось, что это поют ее слуги и дети Рамбурга, окружившие свою мать, в ту самую минуту, когда в замок ворвались драгуны с саблями в руках.

Королевский наместник посовещался вполголоса с президентом Королевской комиссии по религиозным делам.

— Боюсь, как бы тут не возникло недоразумение, господин Бомье. Нам трудно будет обвинить Лазаря Берна в преступлении повторного обращения в протестантизм, потому что он никогда не отказывался от этой веры.

— Вы же обещали, что дадите мне свободу разбираться с такими делами и решать их по собственному разумению, — упрямо возражал Бомье.

— Конечно, но я вполне полагался на то, что вы не допустите никаких нарушений. Малейшая ошибка в этих деликатных вопросах может вовлечь нас в худшие затруднения. Гугеноты очень чувствительны и всегда готовы

обвинять нас в несоблюдении законов...

Чиновник по делам обращения отвечал гримасой, означавшей, что считает излишним преувеличением все эти психологические нюансы.

— Господин королевский наместник, вы слишком много значения придаете этим людишкам. Они ведь отступники от истинной веры. С ними следует обращаться так же строго, как с дезертирами, с солдатами, покинувшими поле боя.

Во время этих переговоров подошел и господин Маниго, державший за руку юного сына, Жереми, а за ними двигались все женщины его семейства.

Королевский наместник поднялся с ними наверх. За ними последовал Бомье, сжав узкие губы с улыбкой упрямого мученика, привыкшего к обидам. Не моргнув и глазом, он слушал, как Никола де Бардань успокаивает собравшихся, говорит о «недоразумении» и даже обещает мэтру Габриэлю, что ему откроют городские ворота, когда похоронная процессия отправится на кладбище. Итак инцидент благополучно завершился.

Вдруг — де Бардань едва отскочил в сторону, — круглая фигурка в светло-зеленом капоре и с палкой в руках бросилась на Бомье, крича:

— Ты злой!.. Ты совсем злой! Я тебя убью!

Всеми забытая Онорина решила вмешаться. Она набросилась на того, кто был виной происшедшего беспорядка. Это был вредный человек, он встревожил всех людей. Надо было его уничтожить. Малютке не сразу удалось вытащить хворостину из вязанки дров, но теперь Бомье с трудом увертывался от ударов двухлетней ручонки. Господин де Бардань узнал дочку Анжелики и расхохотался.

— Какое прелестное дитя.

— По-вашему, так? — скрипнул зубами президент Комиссии по обращениям. — И вы допускаете, чтобы эта сопливая еретичка меня оскорбляла!

— Вот и опять, мой милый, вы ошиблись. Эта девочка окрещена по всем правилам нашей святой церкви.

Он конфиденциально моргнул подчиненному:

— Пойдемте, мэтр Бомье, я расскажу вам кое-что, чего вы по своей близорукости не заметили...

Анжелика схватила дочку одной рукой, Лорье другой и укрылась с детьми в кухне. Онорину охватил припадок слепого гнева, и кровь прилила ей к лицу. Она уже столько перетерпела в течение этого длинного дня. Взрослые обращали на нее не больше внимания, чем на котенка. Она

безнаказанно играла с целым ведром воды, потом опрокинула кувшин молока, пытаясь накормить свою голодную кошку, потом забралась в горшок с вареньем и съела половину... А взрослые смотрели с мрачными лицами только друг на друга, изредка произнося какие-то громкие слова. Время от времени они начинали петь... Матери нигде не было видно, Онорине стало очень тоскливо, она подошла поближе к взрослым, вглядываясь в них, и тут ее мгновенную антипатию вызвал Бомье, который вытащил из-под полы сюртука свою табакерку, набил в два приема нос и громко чихнул. Его грубые жесты показались девочке особенно отвратительными, и она решила уничтожить этого противного человека.

— Я хочу его убить! — громко твердила Онорина.

Стараясь успокоить ее, Анжелика увидела, что девочка выпачкалась в варенье до корней волос. В эту минуту у семилетнего Лорье началась рвота. Ребенок слишком перевозмужился. Он все время дрожал за своего отца, не слишком понимая, что тому грозит. От страха мальчик вновь выглядел таким же несчастным и слабосильным, как в первые дни. Анжелика наполнила чистой водой большой котел и подвесила его на крюк, потом разожгла огонь. Обоим надо было выкупать.

Тут в кухню вошла Северина с госпожой Анной, повторяя взволнованно:

— Ну, а потом, тетушка Анна? Они потащили бы его по всем перекресткам?..

— Да, дочь моя, и чернь имела бы право оскорблять его, плевать на него, швырять в него грязью...

— Вы считаете, что полезно описывать зрелище, которого не было? — резко спросила Анжелика.

Вдруг Северина еще больше побледнела и соскользнула со стула. Анжелика едва успела подхватить девочку и унесла ее в спальню, там разула ее и уложила в кровать. Руки Северины были ледяные.

Анжелика вернулась на кухню, налила в тазик воды из закипавшего уже котла и приготовила грелку.

Тетушка Анна заметила обиженным тоном, что удивляется недостатку мужества Северины, которая всегда держалась твердо и энергично, без неуместной чувствительности.

— А я удивляюсь вашему удивлению, — возразила Анжелика. — Вы ведь женщина и должны бы, кажется, подумать, что Северине двенадцать лет, а с девочкой в этом возрасте надо обращаться осторожно.

Госпожу Анну намек возмутил — эти папистки поразительно бесстыдны.

Анжелика усадила Северину в кровати, подсунув ей под плечи еще подушку, и велела держать руки в горячей воде, пока ей не станет лучше. Потом она сходила за грелкой, за флакончиком духов и белыми бархатными лентами, которые недавно купила на улице Мерсье. Усевшись на краю кровати, она ловкими пальцами расчесала волосы девочки, разделила их на две каштановые волны и переплела лентами.

— Так тебе удобнее будет спать.

Потом она капнула духи в чашечку с водой и растерла мокрой рукой лоб и виски Северины. Та подчинялась, терзаясь стыдом за свою слабость и поддаваясь приятному чувству, охватившему ее после припадка.

— Тетушке Анне это не понравится, — пробормотала она.

— Почему же?

— Она никогда не болеет. Она говорит, что плоть надо угнетать.

— Ну, наша плоть достаточно угнетает нас, незачем еще стараться, — засмеялась Анжелика.

Запрокинутое на подушку лицо Северины показалось ей изменившимся. Голубоватые веки удлинняли глаза и придавали томность взгляду, в нескладных, еще детских чертах проступал уже облик женщины. Глаза ее приобретут черную глубину, а слишком большой рот получит красивый чувственный изгиб.

Северина была крепкой, цельной, более твердой по характеру, чем ее братья, но и ей не избежать первородного греха. И она будет лежать в объятиях мужчины, выглядя побежденной. И она не устоит перед любовью.

Анжелика тихонько заговорила с девочкой, чтобы успокоить ее, как когда-то делала ее мать. Но Северина постепенно раскраснелась, и глаза ее стали метать искры. Она всегда страдала от своего положения девочки между двумя братьями; старшим, Мартиалом, она восхищалась, а младшему, Лорье, завидовала, что он мальчик.

— Не хочу быть женщиной, — яростно заявила она. — Какое страшное, унижительное положение!

— Откуда ты это взяла? Вот я тоже женщина. Разве у меня несчастный вид?

— Ну, вы — это другое дело. Во-первых, вы все время смеетесь... И потом, вы красивая.

— Ты тоже станешь очень хорошенькой.

— Ах, нет, я этого не хочу. Тетушка Анна говорит, что женская красота искушает мужчин и вводит их во грехи, отвратительные перед Господом.

Анжелика опять не смогла удержаться от смеха.

— Мужчины немало грехов совершают, я думаю, по собственному желанию. Почему же надо смотреть на женскую красоту как на западню, а не как на дар Господень?

— Вы опасные вещи говорите, — тоном тетушки Анны произнесла Северина. Но она уже зевала, и глаза ее закрывались.

Анжелика укрыла ее и ушла, довольная появившейся на лице уснувшей девочки, как когда-то на лице Лорье, улыбкой счастливого ребенка.

Глава 7

Через несколько дней Мартиал отправился ночью в Голландию на голландском корабле. Но суда королевского флота перехватили этот корабль в открытом море, недалеко от острова Ре. Молодого пассажира арестовали, вернули на сушу и посадили в крепость Людовика.

Это известие поразило всех, как пушечный выстрел. Сын мэтра Берна в тюрьме! Одна из самых достойных семей Ла-Рошели так унижена!

Мэтр Габриэль отправился сейчас же к господину де Барданю, но утром не мог получить у него аудиенцию. Ему удалось только повидать насмешливого, не поддающегося уговорам Бомье, потом пойти посоветоваться с Маниго. День ушел на хлопоты, надежды сменялись надеждами. Вечером Габриэль Берн вернулся домой усталым и бледным. Анжелика не решилась сказать ему, что она провела часть дня в бесплодных разговорах с представителем налогового откупа, требовавшим уплаты двойного налога с Шарантских виноградников, который причитался с купца как с протестанта. Несчастье никогда не приходит в одиночку!

Мэтр Берн сказал, что увидел наконец Никола де Барданя, но тот разочаровал его неразговорчивостью. Он утверждал, что бегство является преступлением, подпадающим под самый безжалостный закон. Ведь уже отправляли на виселицу протестантов-путешественников, застигнутых на пути в Женеву. А бегство в Голландию чем лучше? Господин де Бардань заявил, что ему придется серьезно подумать, имея в виду высокое социальное положение мальчика. Он утверждал, что находится в чрезвычайно неприятном положении.

Вечер у протестантов прошел мрачно. Возмущение и стыд сменились страхом. Адвокат Каррер с унылым видом вспоминал, что протестантских детей, арестованных в аналогичных обстоятельствах, отправляли, бывало, в неизвестном направлении и был слух, что их посылали на галеры. Самые крепкие не выдерживали там более года.

Два дня мэтр Габриэль, совершенно забросив свои торговые дела, бегал то к одному, то к другому чиновнику, пытаясь освободить своего сына или хотя бы повидать его.

На третий день не вернулась к полудню домой Северина, уходившая по утрам на час учиться игре на лютне у одной старой девы в их квартале. Затем им сказали, что дочь мэтра Берна арестовали за «профанацию» и

отправили в монастырь урсулинок.

Атмосфера в доме стала кошмарной. Анжелика не могла сомкнуть ночью глаз.

Утром она поручила Лорье и Онорину старой Ревекке и отправилась во Дворец правосудия, где очень уверенным тоном потребовала приема у королевского наместника, графа де Барданя.

Лицо графа просияло, когда она вошла. Он втайне надеялся, что она придет. И сказал ей это.

— Вас прислал ко мне ваш хозяин? Тогда вам следует знать, что это очень серьезный случай и невозможно ничего сделать.

— Нет, не он. Я пришла к вам сама.

— Я в восторге. Я того и ждал, понимая, как вы разумны. События движутся так быстро, что вам уже пора сделать мне донесение. Как вы думаете, не собирается ли мэтр Берн сдать?

— Сдаться?

— Я хочу сказать, перейти в католичество. Должен признаться, я не только этого хочу добиться. В течение целого года терпеливых наблюдений я отобрал несколько имен. Десяток, не больше, но я знаю, что если удастся их убедить, то гугенотская Ла-Рошель рассыплется прахом сама собой...

В комнате было жарко. В камине, украшенном по бокам резными грифонами и кораблями, ярко пылал огонь, раздуваемый сильными порывами ветра. Щеки Анжелики быстро приобрели цвет зреющих персиков, а мысли де Барданя свернули на более галантный путь.

— Снимите же пальто. Тут вас непогода не застанет.

Он сам снял с плеч Анжелики тяжелое драповое пальто. Она машинально приняла эту услугу, думая над тем, как перестроить свои планы. Она отправилась сюда как просительница, решившись броситься на колени, если потребуется, к ногам наместника. Теперь стало ясно, что такое поведение было бы страшной ошибкой. Он ведь принимал ее как единомышленницу, готовую помогать в деле насильственных обращений.

— Садитесь же, пожалуйста, — просил ее королевский наместник.

Она села, держась очень прямо, с изяществом, воспитанным давними привычками светской жизни. Она продолжала размышлять и не замечала, что Бардань пожирает ее глазами. «Она, безусловно, очень красива, — говорил он себе. — Когда она вошла — в этой темной одежде и в белом чепце, — ее можно было принять за то, что она есть, за служанку. Но вот прошло несколько минут, и видно, что с ней надо обращаться как с дамой. От нее исходит такая спокойная уверенность, она так свободно движется и

разговаривает, соединяя сдержанность высшего общества с милой простотой, что любому собеседнику будет с ней легко. Она обладает какой-то чарующей прелестью. Конечно, дело в ее редкостной красоте или же...

В этой женщине есть какая-то тайна!..» Граф встал перед ней. Теперь он мог разглядеть в складках белой полотняной косынки, спускавшейся с ее плеч, начало беломраморной груди, округлостей которой не мог скрыть корсаж из простой бумазеи. Эта грудь и крепкая, круглая, чуть позолоченная загаром шея придавали ей свежесть, здоровье крестьянки, заметно контрастировавшее с тонкостью ее черт, благородным поставом головы, отсветом какой-то трагедии на лице, не исчезающим даже когда она сидела задумавшись.

Госпожина Барданя неудержимо притягивали эта гладкая шея, плечо, под которым угадывалась мягкая выемка. Прижаться бы губами. У него пересохло горло и вспотели ладони.

Анжелика, удивившись молчанию, подняла на него глаза и сейчас же опустила, встретив откровенно мужской взгляд, не отрывавшийся от нее. Он взмолился:

— Прошу вас, не опускайте веки. Такой редкий цвет, такое зеленое сиянье, это можно сравнить лишь с изумрудом... Преступление — скрывать такую красоту!

— Я охотно сменила бы этот цвет на другой, — усмехнулась Анжелика. — Он приносит мне слишком много неприятностей...

— Вы не любите комплименты? Вы словно боитесь похвал. А ведь все женщины жадны до них.

— Только не я, признаюсь. И я глубоко благодарна вам, господин де Бардань, за то, что вы догадались об этом.

Королевский наместник воспринял урок и сдержал свое нетерпение. Видно, тут второпях ничего не добьешься. Он отошел к столу и попробовал шутить:

— Неужели жизнь рядом с гугенотами до такой степени заразила вас их нравами, что вас раздражает мой искреннейший восторг перед вашей красотой? Разве не естественно остановиться в восхищении перед цветком, шедевром природы, яркие краски которого для того и сотворены, чтобы радовать наши глаза?

— Нам неизвестно, что думают об этом цветы, не мешают ли им наши восторги, — Анжелика чуть улыбнулась. — Господин граф, что вы собирались сделать для детей мэтра Берна?

— Ах да! Правда, я ведь что-то хотел сказать вам... — он приложил

руку ко лбу.

Дело детей Берна, то, что мешало ему спать уже три дня, оказывается, просто улетучилось из его памяти. Странное явление! Никогда еще ни одна женщина не возбуждала в нем такого порыва чувственности, таких увлеченных мечтаний. Он испытывал уже нечто подобное тогда, когда подвез ее в своем экипаже. Потом воспоминание ослабело. Иногда он позволял себе вернуться к этим приятным мыслям и располагал как-нибудь, когда будет меньше дел, заняться красавицей служанкой. Но сегодня стоило ей появиться, как его охватила лихорадка нетерпения. Это обеспокоило его, смутило, даже показалось унижительным... Во всяком случае, он был очень возбужден. Ну на этот раз де Бардань своего не упустит. Он уже понял, что два раза в жизни не встретится столь привлекательная женщина. Только вот все эти дела в суде и эти упрямые реформаты, которых надо переубеждать, и ревнивые коллеги, обвиняющие его в слабости, и высшие сановники церкви, которым все мало вновь обращенных в католичество... Где же тут, среди всех этих соображений и хлопот, найти время, чтобы служить Венере? Ах, люди ныне совсем разучились жить!.. Он человек добросовестный и стремящийся преуспеть, значит, надо сделать усилие и вернуться к делам.

— На чем мы тут остановились? — повторил он.

— Входит ли мой хозяин в число тех лиц, которые, по-вашему, являются столпами протестантского сопротивления?

— Входит ли он в их число! — возмущенно вскричал де Бардань, поднимая руки к небу. — Да он же из самых худших! Он действует втайне, но вредит нам больше, чем если бы проповедовал на площади. Он помогает запрещенным пасторам, беглецам, бог знает кому еще. Вы же могли заметить его подозрительные похождения...

— Я вижу мэтра Габриэля только за счетами и за чтением Библии. Он совсем не похож на заговорщика.

Правда, она еще не договорила, как в памяти у нее встали многие впечатления: чужие люди, прятавшие свои лица и тихонько перебиравшиеся в сумерках из дома мэтра Берна в дом торговца бумагой или пастора Бокера, торопливые переговоры шепотом — в дневное время... К счастью, ее уверенность, кажется, смутила королевского наместника.

— Вы меня удивляете... может быть, вы были недостаточно внимательны? — Он хлопнул рукой по толстой папке. — У меня тут ведь собраны доклады, не оставляющие сомнения в его опасной и нездоровой деятельности. Я его несколько раз предупреждал. Он как будто понимал меня и выслушивал с признательностью. Он казался искренним, но побег

его сына жестоко разочаровал меня.

— Мартиала послали в Голландию изучать канатное дело.

— До чего вы наивны! Отец отправил его, потому что видел: юноша готов перейти в католичество, и хотел удержать его в ереси.

— Мне тоже это говорили, — продолжала отбиваться Анжелика. — Но я убеждена, вас вводят в заблуждение. Это лишь кажется так. Я уже много месяцев живу в этом доме и могу заверить вас, что мэтр Берн стремился только дать образование своему сыну. И вы же знаете, что реформаты вообще привыкли путешествовать.

— Слишком уж привыкли, — сухо отозвался де Бардань. — Пора уж им от этой привычки отказаться. Ну а закон в этом отношении не допускает отклонений.

— Вы представлялись мне в более приятном свете.

Королевский наместник возмутился:

— Что вы хотите сказать?.. Я всегда был против насилия и...

— Я хочу сказать, что эти инквизиторские обязанности мало подходят к вашему характеру... который казался мне особенно доступным земным утешениям.

Он искренне рассмеялся, втайне польщенный. Видно, не так уж она равнодушна и невосприимчива, как представляется.

— Постараемся понять друг друга. Как всякий добрый христианин, я хочу попасть в рай, но, должен признаться, нынешняя моя должность привлекает меня прежде всего с материальной стороны. Религиозные дела в настоящее время дают возможность продвинуться по службе быстрее всего. Ну а к мэтру Берну я отношусь с большим уважением, я бы хотел помочь ему, но он так упрям, он никак не хочет понять...

— Что ему надо понять?

— Что мы можем доверить воспитание обоих его детей только католикам. Зло и так уже слишком глубоко въелось в эти юные души.

— Почему арестовали его дочь Северину?

— Потому что ей уже пришло время сделать выбор религии.

— Но такие решения подрывают отцовскую власть — основу нашего общества и государства.

— Что же делать, если эта власть несет зло? Вот у меня тут есть донесение, в котором... — Он пододвинул другое досье, начал его открывать и вдруг остановился, недоверчиво взглянув на нее:

— Но... вы ведь его защищаете!..

Анжелика спохватилась. Как же глупо она себя ведет! Она не сумела скрыть своего отношения к этому делу. Не могла она целиком

притворяться, как делала когда-то. Прежде ей легче было хитрить и обманывать. Может быть, потому что тогда она меньше принимала все к сердцу. Надо исправлять положение, чего бы это ни стоило.

— Я их не защищаю, я просто хочу показать вам, что знаю все, что делается в этом семействе. И я вижу, что вы руководствуетесь какими-то сплетнями ваших подручных, которые они пышно именуют «донесениями», а у меня ничего и не спрашиваете.

— Так вы же ничего не сообщаете! Я надеялся получить обильные сведения именно через вас. Я ждал напрасно.

— У меня не было ничего интересного.

— Как же вы дали возможность Мартиалу Берну бежать и не предупредили меня об этом замысле, хотя должны были заранее знать об этом?

— Это был не побег, а поездка. Он ехал учиться.

— Вас просто обвели.

— Скажите уж прямо, что я дура!

Она встала. Видя, что она собирается уходить, де Бардань, пораженный, выскочил из-за стола, чтобы удержать ее:

— Не стоит обижаться из-за таких пустяков, не надо! Послушайте... вы просто не так поняли мои слова. Я просто в отчаянии...

Он хотел удержать ее, и это был предлог положить руки ей на плечи, туда, где под полотном рукавов ощущалось тугое и нежное тело. Легкий аромат здоровой женщины опьянил его. Анжелика не могла обманываться в характере своего воздействия на него. Это было очень неприятно, но она сказала себе, что ее долг извлечь из этого пользу, и очень осторожно высвободилась.

— Вы меня действительно оскорбили.

— Я очень огорчен, я раскаиваюсь...

— Я имею право сказать вам, что, действуя таким образом по отношению к мэтру Берну, вы ничего не добьетесь. Я хорошо узнала его характер, он будет упорствовать и станет еще более недоступным внушению. Но он будет тронут милостью и помощью, которую вы ему окажете, и тогда станет внимательнее прислушиваться к вашим доводам.

— На самом деле?

— Вполне возможно!

Королевский наместник вновь почувствовал, что потрясен. Да и как же иначе, когда он стоит так близко к ней, лаская взглядом эту прелестную шею. Он готов был поверить ей, слепо довериться.

— Но детей я не вправе вернуть ему, это невозможно... И потом,

должен признаться, затеял это проклятый Бомье. Но теперь, когда дело пошло в ход, зарегистрирован факт преступного бегства, да и девочка уже задержана, я не могу отступить.

— Что вы собираетесь с ними делать?

— Мальчика отдадут иезуитам, а девочку монахиням...

«И мы их никогда больше не увидим», — подумала потрясенная Анжелика.

— Я пришла к вам, господин королевский наместник, именно для того, чтобы предложить иное решение. Мэтр Берн не станет досадовать на вас тогда. У него есть сестра, обратившаяся в католичество. Она замужем за офицером королевского флота и живет на острове Ре.

— Совершенно точно. Ее зовут госпожа Демюри.

— Детей можно доверить ей... Так делается, как мне говорили. Когда возникает необходимость забрать протестантского ребенка от родителей, его передают на воспитание кому-нибудь из родственников-католиков. Это мера гуманная и в то же время вполне здравая.

— Ну как же я сам раньше не подумал об этом! — воскликнул, просияв, королевский наместник. — Это великолепный исход! И Бомье не посмеет ничего возразить, и мэтр Берн, со своей стороны, думаю, будет мне благодарен. Вы изумительны! Вы так же разумны, как прекрасны собой.

— Совсем недавно вы, кажется, полагали иначе.

— Как мне заслужить ваше прощение?

Бардань был в восторге, тяжесть спала с его плеч, а в этой удивительной женщине открывались все новые достоинства. Не в силах удержаться, он схватил Анжелику за талию и прикоснулся губами к ее шее, к тому самому месту, нежная линия и грациозные изгибы которого притягивали его непрерывно во время их разговора.

Анжелика отшатнулась, словно ее обожгли, и так быстро вырвалась из его объятий, что бедняга был совершенно озадачен.

— Неужели я вам до такой степени неприятен? — пробормотал он.

Глаза его замутились, губы дрожали. Как ни кратко было это прикосновение, оно подтвердило все его надежды. Из всех женщин, которых он знал, эта была самой возбуждающей. «Черт побери, — подумал он. — Да неужели же она будет держаться недотрогой, как все эти кальвинистки? Нет, нельзя упускать этот шанс!»

Глава 8

Анжелика опиралась о стол, украшенный инкрустацией, и размышляла, как ей держать себя.

В конце концов, он не был ей неприятен. Он вел себя учтиво, у него были красивые глаза, красивые руки, умелые губы. Кто знает, вдруг в будущем — а будущее представлялось ей отделенным черной, непроходимой преградой — она поддастся искушению? Она не могла забыть, что пока она лишь скромная служанка, а он наместник короля в Ла-Рошели, то есть человек, занимающий первое место в городской иерархии. К счастью, он не фат. Он был не оскорблен, а огорчен тем, что она отшатнулась от него. Надо было его утешить.

— Вы не кажетесь мне неприятным, — начала она осторожно. — Напротив. Признаюсь, что нахожу вас любезным. Но... как мне объяснить... Я дала обещание моей высокой покровительнице... той особе, которую я не могу назвать... вести скромную жизнь, чтобы искупить свои прежние грехи.

— Чума на этих святош! — воскликнул Никола де Бардань. — Она, верно, сама безобразна, как семь смертных грехов. Вот и не понимает, что такая красавица, как вы, не может жить по-монашески.

— А если я сама хочу хранить добродетель, господин граф?.. Вам ли вводить меня в искушение?

Господин де Бардань глубоко вздохнул. Эта авантюра оказывалась труднее, чем он предполагал. Что ж, надо быть хорошим игроком.

— По-моему, от этого не удержится ни один нормально устроенный человек, оказавшись в вашем присутствии, — весело проговорил он. — У вас достаточно ума... да и опыта, я уверен, чтобы понять меня и простить.

Он протянул к ней обе руки.

— Забудем все, госпожа Анжелика, и помиримся.

Отказаться было бы невежливо. Она согласилась на примирение. Он легко поцеловал кончики ее пальцев, а она — по чисто женскому инстинкту противоречия — подумала в эту минуту, как огрубели ее руки от хозяйственных работ.

Она позволила набросить ей на плечи пальто. Он проводил ее до дверей и с почтительной нежностью наклонился к ней, прощаясь:

— Госпожа Анжелика, я прошу вас только помнить, что во мне вы имеете друга, готового прийти вам на помощь в любых обстоятельствах.

Он обволакивал ее лаской; как давно уже она не испытывала такого мужского внимания, даже страшно вспоминать. Столько мужчин склонялись перед ней с таким же горящим взглядом. Так знакома была их манера держаться, смиренная и одновременно повелительная.

Эта волнующая слабость — затуманенные зрачки, срывающийся голос, эта ласковая любезность, под которой скрывается, как в бархатной перчатке, безжалостная рука обладания, которая превращает в свой час просителя в господина, а недоступную богиню в побежденную, покоренную.

Анжелика не поверила бы, что сохранит восприимчивость к виткам вечной игры. Эта игра терзала ее и в то же время притягивала — словно дыхание привычного климата.

Щеки у нее пылали и голос прерывался, так она разнервничалась, когда прощалась с королевским наместником, который был и смущен, и очарован ее поведением.

Мысли у нее мешались, она спешила уйти, не замечая злобных взглядов других просителей, прием которых был отложен. Скамеек там было немного. Некоторые просители, устав дожидаться, ушли перекусить. Было уже за полдень. На улице поднялся сильный ветер, и Анжелика с трудом пробивалась ему навстречу, еле удерживая разлетающиеся полы пальто. А небо было поразительной голубизны. Буря словно скручивала из зимнего света тонкие пучки лучей, и казалось, что они с шумом вырываются из провалов узких улиц. Анжелика не замечала, что приходится бороться с разбушевавшейся стихией, так она была поглощена мыслями, вызванными разговором с де Барданем. Преобладал мучительный стыд за допущенные ошибки, за неловкость, с которой она держала себя.

Ах, где то время, когда она властно соблазняла персидского посла Бахтияр-бея, чтобы привести его, закованного в цепи, покорного, как щенок, к ногам короля Людовика XIV. Тогда она применяла высшую женскую стратегию. И не надо было жертвовать добродетелью даже чуть-чуть!.. А сегодня... Сегодня она была просто жалкой... Иначе не назовешь. Вместо того чтобы обрадоваться, увидев этого человека, от которого ей надо было многого добиться, вспыхнуть и через пять минут заблестеть, как козлик, она съежилась, скорчилась... Чуть совсем не оттолкнула его, приняв несколько вольные выражения чувств с недоступной суровостью девицы, только что выпущенной из монастыря. В ее возрасте это было просто смешно!.. Прежде она поставила бы его на место одной улыбкой, одним острым словом...

Анжелика, безвестная служанка, одетая в саржу и бумазею, бредущая по улицам Ла-Рошели, с уважением вспомнила блестящую женщину, которой она была всего несколько лет назад, умевшую так искусно пользоваться оружием своего пола. Между тем временем и нынешними днями лежала ночь в Плесси. Но она ведь опять встала на ноги и пустилась потом дальше в путь. Жизнь снова распустила зеленые ветви. Но одного не восстановить, подумала она, это никогда не возродится! Нет на свете мужчины, который мог бы совершить с ней это чудо: возродить былую радость любви, пылкий порыв тела к другому телу, таинственно расцветающее наслаждение, ликование от собственной слабости.

«Только волшебник смог бы!» — подумала она вдруг. И машинально повернулась лицом к горизонту, глядя на почерневшее, бушующее море, в котором не виднелось ни одного корабля.

Глава 9

Господин де Бардань сдержал слово. Это легло бальзамом на душевные раны Анжелики: несмотря на неловкость, в которой она себя упрекала, он поторопился последовать ее советам и угодить ей. На следующий же день Мартиала и Северину отправили к тетке на остров Ре.

В доме, где было столько детей, забот хватало. Домашние дела совсем не оставляли времени для размышлений.

Полоскать белье она ходила к городскому фонтану, там воды было гораздо больше, чем у них во дворе. Онорину она брала туда с собой. Как-то утром, укладывая в ивовую корзину выполосканное белье, она с удивлением заметила в руках у ребенка какую-то блестящую вещицу.

— Покажи, что там у тебя, — велела она дочке.

Онорина, уже научившаяся остерегаться, спрятала вещицу за спину, но Анжелика успела разглядеть, что это была резная золотая погремушка с ручкой из слоновой кости — настоящая драгоценность.

— Где ты нашла эту погремушку? Онорина, нельзя держать у себя чужие вещи.

Но малышка крепко держалась за игрушку:

— Мне дал ее добрый господин.

— Какой добрый господин?

— Там, — отвечала Онорина, показывая ручонкой на площадь.

Чтобы избежать столкновения, которое завершилось бы пронзительными воплями девочки и хором пересудов сбежавшихся на крики кумушек, Анжелика больше не настаивала и решила разобраться в этом дома. Она пошла домой, держа в одной руке ручонку дочки и обхватив другой корзину с бельем.

В узкой улице, где совсем не было прохожих, перед ней вдруг оказался какой-то человек. Он слегка откинул край плаща, закрывавшего его лицо. Анжелика вскрикнула, но успокоилась, узнав королевского наместника Никола де Барданя.

— Ах, вы меня испугали!

— Мне очень досадно.

Он казался очень возбужденным своей галантной эскападой.

— Я решил прийти в этот враждебный квартал без охраны. Со всех точек зрения желательно, чтобы меня не узнали.

— Это добрый господин, — сказала Онорина.

— Да, я хотел предварить свой приход подарком этому прелестному ребенку.

Онорина смотрела на него с восхищением. Господи, она уже была женщиной, которую легко завоевать золотой безделушкой!..

— Я не могу принять эту вещь, — сказала Анжелика. — Она слишком дорого стоит. Я должна возвратить ее вам.

— Ах, как трудно смягчить вас, — вздохнул он. — Я думал о вас днем и ночью, воображал вас говорящей непринужденно и приветливо. Но не успел я появиться, как вы воздвигаете предо мной преграду своим взглядом... Можно мне сопровождать вас? Я оставил своего коня на привязи недалеко отсюда.

Они медленно пустились в путь. Де Бардань снова уныло думал, что эта женщина околдовала его неведомыми чарами. Вдали от нее он терпеливо предавался мечтам о любви, но, оказавшись рядом, терял всякую власть над собой. Может быть, это что-то противоестественное... Но так оно и есть. Он все сознавал, все принимал... Он мог даже встать перед ней на колени и умолять ее.

Ее красивые руки были руками служанки, покрасневшими от холодной воды, в которую она их только что окунала, веки и ресницы были у нее как у ребенка, а рот королевы, только сейчас губы чуть вздрагивали тревожно.

— Господин граф, простите меня. У вас власть в руках, а я просто бедная женщина, одинокая и без защитника. Прошу вас не принять в обиду то, что я сейчас вам скажу, но вам не следует ничего ожидать от меня. Я... Для меня это невозможно.

— Но почему же? — жалобно спросил он. — Ведь вы дали мне понять, что я вам не противен. Может быть, вы сомневаетесь в моей щедрости? Само собой понятно, что вы оставите подчиненное положение. У вас будет уютный дом, где вы будете единственной хозяйкой, слуги, экипаж, если захотите. Все, что потребуется вам и вашей дочке, будет доставляться вам.

— Замолчите, — сухо произнесла Анжелика, — эти вопросы в игру не входят.

Он заставил ее остановиться, задвинув в угол каких-то ворот, чтобы смотреть ей прямо в лицо.

— Может быть, вы считаете меня обезумевшим. Но я должен высказать вам все. Ни одна еще женщина не внушала мне такой всепожирающей страсти, которая охватывает меня, когда я вижу вас. Мне тридцать восемь лет, признаюсь вам, я вел не слишком примерную жизнь.

У меня было немало приключений, которыми я не могу гордиться. Но только узнав вас, я понял: со мной случилось то, чего каждый мужчина и опасается, и ожидает, — встреча с такой женщиной, которая покорила его, заставила страдать от ее отказов, одарила бы блаженством, уступив его мольбам, чье иго он готов терпеть, чьи капризы рад исполнять, только бы не потерять ее... Не знаю, что дало вам такую власть надо мной, но я убежден, что до вас я вообще ничего не знал о любви. Были только пошлые развлечения, дешевые забавы. Лишь через вас я смогу познать любовь...

«Если б он знал, чьи уста произносили подобные слова задолго до него, — подумала она. — Король говорил их мне...»

— Неужели вы откажете мне? — продолжал он настаивать. — Ведь вы отнимете у меня жизнь.

Его приятное, любезное лицо привычного посетителя гостиных отвердело. Потемневшие глаза жадно впились в нее. Ему очень хотелось узнать, какого цвета ее волосы, спрятанные под строгим чепчиком, — белокурые, каштановые, рыжие, как у ее дочки, или совсем темные, как можно предположить по смуглой коже ее лица. Губы ее были крепко сжаты, как целомудренно сдвинутые края ракушек.

Он дошел до такого состояния, что, не будь рядом Онорины, которая задрал носик, внимательно вглядывалась в них обоих, насильно сжал бы ее в объятиях и попытался пробудить в ней желание.

— Идемте же, — произнесла она, вежливо отодвигая его в сторону. — Вы, действительно сошли с ума. Я не могу поверить ни одному слову из сказанного вами. Вы знали, конечно, женщин, более блестящих, чем я, должно быть, вы просто хотите посмеяться над моей наивностью, господин королевский наместник.

Никола де Бардань последовал за ней. Он сам сознавал, сколько безумия в его речах. Он не повторил бы их, хотя знал, что говорил правду. Он так любил ее, что готов был потерять голову, мог компрометировать себя, загубить свою карьеру. Он глянул на малышку, уцепившуюся за руку матери, и новая мысль пришла ему на ум.

— Клянусь вам, если у вас будет ребенок от меня, я признаю его и дам ему образование.

Анжелика вздрогнула. Такое обещание... Трудно было успешнее погасить ее пыл. Он это понял и вздохнул:

— До чего я неловок...

Когда они подошли к дому Берна, Анжелика поставила на землю корзину и вынула из-за пояса ключ от боковой калитки. Королевский наместник следил за всеми ее движениями с мучительным восхищением.

Она была воплощенная грация. Как бы она украсила любой дом!

— Ваша стыдливость сводит меня с ума. Если бы она была притворной, я охотно взялся бы исцелить вас от нее. Но я чувствую, увы! что она подлинная... Послушайте меня, мне кажется... да, мне кажется, что я соглашусь на брак.

Она воскликнула:

— Как! Ведь вы же, конечно, женаты!..

— Нет, не женат. Тут вы ошиблись. Не скрою, что с тех пор как мне исполнилось пятнадцать лет, мне совали в руки самых различных наследниц, но мне всегда удавалось вовремя спастись, и я твердо решил дойти до конца жизни холостяком... Но ради вас я готов даже отяготить себя цепями супружества. Если вас отталкивает от меня только боязнь нарушить священный закон, то я уничтожу это препятствие.

Он низко поклонился ей, изящно изогнувшись.

— Госпожа Анжелика, согласны ли вы оказать мне честь назвать меня своим супругом?

Он, положительно, был неотразим.

Отнестись к предложению легко значило серьезно оскорбить его. Она сказала, что потрясена, что не смела и думать о такой чести, но убеждена, что, едва вернувшись в свое роскошное жилище, он пожалеет об этом безумном предложении, которое она не смеет принять. Разделяющее их препятствие, даже если определить его цену, не из тех, какие легко отодвигают в сторону.

— Постарайтесь понять меня, господин де Бардань... Мне трудно объяснить вам причины того, что вы называете моей бесчувственностью... Я много страдала в своей жизни... из-за мужчин. Их грубость и жестокость нанесли мне такие раны, что навсегда отвадили меня от наслаждений любви... Я боюсь их и потеряла к ним вкус...

— Так дело только в этом? — вскричал он, сразу успокоившись. — Но, милая моя дурочка, чего вам бояться меня?.. Я умею обращаться с женщинами и всегда учтив с ними... Я же не портовый грузчик... Я предлагаю вам любовь джентльмена, моя прекрасная дама... Доверьтесь мне, и я сумею успокоить вас, и вы перемените отношение к любви и ее удовольствиям...

Анжелика уже открыла калитку, втолкнула во двор Онорину и внесла корзину с бельем. Пора было кончать разговор.

— Обещайте же мне, что подумаете о моих предложениях — настаивал королевский наместник, удерживая ее у калитки. — Я всегда исполняю обещанное. Выберите то, что вам лучше подходит...

— Благодарю вас, господин граф. Я буду думать.

— Скажите мне хотя бы, какого цвета у вас волосы, — не отставал он.

— Белые, — отвечала она, запирая калитку у него перед носом...

Мэтр Габриэль поручил Анжелике отнести записку судовладельцу Жану Маниго. Она возвращалась переулком тянувшимся вдоль развалин городской стены, и вдруг заметила, что ее преследуют двое мужчин. Погруженная в свои мысли, она не думала об осторожности, но, войдя в пустынный переулок, прислушалась к шагам.

Она бросила взгляд через плечо, и двое идущих за ней очень ей не понравились. Это были не матросы, шнырявшие по городу в надежде на добычу, даже не портовые лодочники. На них были приличные костюмы горожан, плохо подходившие к скверно выбритым лицам и бегающим глазам. Давнее чутье подсказало ей: «Полицейские...», и она ускорила шаг. Стук каблуков приблизился, и один из мужчин окликнул ее:

— Эй, красавица, что ты так торопишься?..

Она пошла еще быстрее, но они быстро нагнали ее, и один схватил ее за руку.

— Прошу вас, господа, оставьте меня, — сказала она высвобождаясь.

— Зачем же? Ты что-то невесела. Надо поразвлечься.

Их гнусные ухмылки заставляли опасаться самого худшего. Если придется дать пощечину, это привлечет к ней внимание. Будь пристававшие молодыми отпрысками из семей богатых горожан, они бы, пожалуй, смирились с неудачей. Но сама не отдавая себе отчета почему, она боялась, что преследует ее кто-то пострашнее.

В поисках помощи она оглядела фасады домов, мимо которых проходила. Но время было послеобеденное, и ларошельцы соблюдали южный обычай закрывать на это время ставни. Яркое и необычно жаркое солнце побуждало всех к дневному отдыху. Ни в окнах, ни у дверей ни души. К счастью, недалеко до складов мэтра Габриэля.

Лучше искать спасения там, чем бежать домой. До дома еще далеко, а мэтр Берн должен быть теперь на складе. Он сумеет поставить на место этих наглецов.

Они продолжали говорить ей комплименты и разные глупости. Может быть, это просто подвыпившие бездельники.

Она свернула направо и с облегчением увидела в конце длинной глухой стены те самые ворота, около которых остановился в тот вечер, когда она впервые попала в Ла-Рошель, мэтр Габриэль, заводя туда нагруженные зерном телеги. До ворот оставалось несколько шагов, когда один из преследователей, более рослый и, видимо, сильный — судя по

мышцам, бугрившимся под его сизым сюртуком, схватил ее за пальцы и, протянув другую руку, притянул к себе за талию.

— Не упрямься, милашка. Надо быть полюбезнее с двумя славными парнями, которые просят у тебя только улыбку, ну еще и пару поцелуйчиков. Мы слышали, что девушки в Ла-Рошели встречают гостей ласково и радушно. Веди же себя как следует!..

Не прекращая говорить, он наклонялся все ближе к лицу Анжелики, пытаясь присосаться к ее губам. Она изо всех сил оттолкнула его и, размахнувшись, дала звонкую пощечину. Он на мгновение выпустил ее, схватившись за щеку. Она бросилась вперед, но другой успел схватить ее, а на лице получившего пощечину показалась злобная и торжествующая улыбка.

— Держи ее, Жанно, все идет прекрасно. Мы сейчас позабавимся с этой недотрогой!.. Хороший кусочек... Нам сегодня повезло...

Вдвоем они не давали ей шевельнуться. От жестокого удара под колени она пошатнулась и закричала. Ей зажали рот и торопливые руки стали развязывать корсаж. Она думала, что потеряет сознание, но устояла и отчаянно сопротивлялась, царапаясь и кусаясь. Ей удалось вырваться, и она в безумной спешке бросилась к воротам, споткнулась о камень, упала на колени и поползла, крича:

— На помощь, мэтр Габриэль, спасите меня!.. На помощь!..

Они снова набросились на нее. Она боролась как в кошмаре, как когда-то против драгун Монтадура, с тем же сознанием ужаса и беспомощности.

Вдруг нападавшие пропали. Один, под воздействием неведомой силы, отлетел к стене, глаза его остекленели, он зашатался и мешком повалился на Анжелику. Из виска его хлестала кровь. Она с ужасом попыталась сбросить с себя эту мерзкую тяжесть, но безжизненное уже тело, из которого кровь лилась все сильнее, страшно давило на нее; она напрягла в отчаянии все силы, и наконец ей удалось высвободиться и отбросить его в сторону. Она увидела, что человек в синем сюртуке борется с мэтром Габриэлем. Купец превосходил того и ростом, и силой. Его кулаки молотили противника без жалости. Тот запросил пощады. Он уже два раза падал на землю, одежда его была изорвана и испачкана пылью, лицо побледнело. Сорванный парик валялся в луже, и сальные волосы спускались ему на глаза.

— Хватит... — еле выговорил он. — Довольно, остановитесь...

От сильного удара в живот он стал икать и ухватился за стену.

— Говорю вам, остановитесь. Оставьте меня...

Мэтр Габриэль подвинулся поближе, и тот прочитал в его лице столь ужасную решимость, что закатил глаза и прохрипел:

— Нет... нет... Пожалейте...

Новый удар швырнул его на колени.

— Нет!.. Вы этого не сделаете... Пожалейте...

Купец неумолимо наклонился, еще раз ударил его и схватил за горло.

— Нет!.. — прохрипел тот еще раз.

Его дрожащие, ослабевшие руки пытались отвести крепкие, жилистые руки купца, сжимавшие его железной хваткой, конвульсивно дернулись еще раз и упали. Из разинутого рта человека в синем еще исходил какой-то храп. Пальцы мэтра Габриэля вцепились в это тело, как в глину, казалось, они никогда не разомкнутся.

Анжелика, неподвижная от ужаса, видела, как ослабевает напряжение мышц на руках купца, как медленно разжимаются его пальцы. В страшной тишине слышался последний хрип. Анжелика закусил губу, чтобы не закричать. Скорее бы это кончилось! Лицо человека посинело. Наконец хрип совсем прекратился, и несчастный повалился, запрокинув голову, на булыжники мостовой. Мэтр Берн внимательно оглядел его и тогда только медленно поднялся.

Его ясные глаза странно светились на лице, еще сведенном напряжением. Он подошел к другому, встряхнул его, перевернул и бросил обратно в лужу крови, пробормотав:

— Умер! Он ударился о болт, торчащий из стены. Тем лучше! Госпожа Анжелика...

Он поднял на нее глаза и вдруг остановился, не двигаясь дальше. Странная тревога охватила его. Молодая женщина встала на ноги, но от слабости оперлась о стену в той же позе бессилия, которую принял несколько минут назад человек в синем, поняв, что его сейчас убьют. Он не узнавал ее... Она была совсем не похожа на себя.

Полные ужаса глаза Анжелики переходили с одного неподвижного тела на другое. При этой трагедии, причиной которой она оказалась, в ней пробудился давний ужас преследуемого существа, охватил ее всю, изменил выражение лица, обычно спокойное и уверенное. Она походила сейчас на смертельно испуганного ребенка...

Из-за ужаса, охватившего ее, Анжелика не замечала, в каком она виде. Корсаж был расшнурован, сорочка разорвана, чепчик сорван, и волосы спускались на плечи и полуобнаженную грудь. Под лучами солнца эти бледно-золотые пряди заблестели, и тем ярче, что их оттеняла белизна кожи, запачканной кровью. Кровь, уже почерневшая, виднелась и на ее

бумазейной юбке...

— Вы ранены?

Голос купца звучал глухо и сдержанно. Он видел не только пятна крови на ее руках... Гнусные пальцы оставили свои следы на этом перламутровом теле, дерзко раскрытом. Может быть, их грязные губы прикасались к нему? При этой мысли купец почувствовал, что его снова сотрясает убийственная ярость. Эти свиньи хотели испоганить тело, о котором он не позволял себе думать, тело женщины, так грациозно двигавшейся в его доме, тело, все волнующие прелести которого были скрыты за тяжелыми складками юбок и плотной тканью корсажа. Он не смел коснуться ее даже в мыслях, а они посягнули на нее. Порвали одежду, открыли ее ноги, стройные и прекрасные, какие бывают только у статуй, у богинь.

Ему не забыть того, что он увидел с крыльца, одним взглядом охватив это зрелище насилия и сладострастия: женщину, на которую навалились два мерзавца. И это была она!..

— Вы не ранены?

Теперь его голос звучал требовательно, и Анжелика пришла в себя. Между нею и слепящими лучами солнца, между нею и этой ужасной сценой встала мощная фигура мэтра Берна в черном костюме.

Она бросилась к нему, пряча лицо, ища опоры на его плече в отчаянной потребности защиты и забвения.

— О, мэтр Габриэль!.. Вы убили... вы убили двоих... из-за меня... Что же будет дальше?.. Что с нами станет?..

Он схватил ее и сжал так крепко, что мог бы сломать. — Не плачьте, госпожа Анжелика... Вам не годится плакать...

— Я не плачу... Мне так страшно, что я не могу плакать...

Но слезы лились из ее глаз. Она все цеплялась за него всеми пальцами, ногтями. Он вновь спросил настойчиво:

— Вы мне не ответили... Вы не сказали, ранены ли вы.

— Нет... кажется, нет.

— А эта кровь?

— Это не моя... того человека... — У нее застучали зубы.

Рука купца осторожно опустилась на ее мягкие волосы, отливавшие золотом.

— Ну, ну... Успокойтесь же, мой друг, моя дорогая...

Он ласкал ее, как ребенка, и она узнавала его голос и вновь ощущала давно забытое и такое приятное сознание, что рядом с ней мужчина-защитник. Тот, кто встал между нею и опасностью, защитил ее, совершил

убийство ради нее. Она отдалась этому чувству и громко разрыдалась, держась за могучую опору, вдруг почему-то вызвавшую в памяти плечо полицейского Дегре. Потрясший ее ужас ослабевал. Порывы страха и отвращения постепенно угасали. Она перестала задыхаться и начала ровно дышать. И вдруг ей пришло в голову: «Ведь я в руках мужчины, а мне не страшно». Ее словно озарило: наступило исцеление, на которое она уже не надеялась. И тут же ее охватил стыд. Под его горячими ладонями она ощутила свою непокрытую кожу, и до нее дошло, в какой беспорядок пришла ее одежда. Она робко подняла свои влажные глаза и встретила взгляд мэтра Габриэля.. Его выражение заставило ее покраснеть. Она отшатнулась.

— О, простите меня, — пробормотала она. — Я совсем сошла с ума. Он осторожно выпустил ее из объятий.

Анжелика лихорадочно схватилась за свою одежду, собирая обрывки корсажа на плечах и груди. Ее дрожащие руки плохо справлялись с этим делом, и ему пришлось помочь ей, подавая оторвавшуюся бретельку, оторванный шнурок. Она все больше заливалась румянцем смущения.

Не надо волноваться. Эти негодяи ужасно изорвали ваше платье. Из этих лоскутов ничего не сделаешь. Вам надо будет просто выбросить эту кофту... Но теперь надо спешить...

Голос его зазвучал холодно, и, проследив за направлением его взгляда, Анжелика увидела, что со стены на них смотрит солдат Ансельм, стоящий на страже у Башни Маяка.

Бесконечно долго на обоих концах переулка царило безмолвное ожидание. Но вот прошло несколько минут, и солдат принял решение. Он повернулся и стал медленно спускаться по каменным ступеням. Покачивая своей кабаньей головой в железной каске, он подходил все ближе. Невыносимо громко стучали по мостовой его сапоги и алебарда, которую он волочил за собой. Купец бросил взгляд на свои кулаки, словно проверяя, хватит ли в них силы справиться с этим новым врагом, к тому же вооруженным.

— Хорошая работа, приятель, — проворчал солдат хрипло. — Я видел издали, как вы его прикончили. Без лести будь сказано, есть у вас сила в руках, мэтр Берн...

Концом пики он ткнул один из трупов:

— Знаю эту парочку, гнусное отродье... Бомье платит им, чтобы они приставали к женам и дочерям протестантов. Мужья и отцы вступаются, завязывается драка, и вот прекрасный повод засадить в тюрьму еще несколько гугенотов... Я таких штук не признаю.

Опираясь на алебарду, он продолжал неспешное объяснение:

— Когда попробуешь кнута да когда тебя на дыбу вздернут, что поделаешь, приходится отречься от своей веры. Я бедный солдат и живу своим жалованьем. Но это не значит, что я предаю прежних собратьев. Ну-ка, убирайте поскорее эту падаль... а я ничего не видел...

Он повернулся к ним спиной и медленно пошел вдоль стены на свой пост.

— Посмотрите, нет ли кого во дворе, — приказал мэтр Габриэль Анжелике. — Моим приказчикам ничего знать не следует. Если там никого нет, отоприте склад слева.

Двор был, к счастью, пуст. Анжелика отворила указанную дверь. В горле у нее запершило от острого запаха соляного раствора.

Она подошла к мэтру Габриэлю, который снял уже куртку с задушенного им человека и обмотал ее вокруг головы другого, чтобы унять еще сочившуюся кровь. Несмотря на эту предосторожность, они оставляли красные следы на мостовой двора, перетаскивая тело. Они внесли его в амбар и пошли за другим трупом.

— Мы их зароем в соль, — шепнул купец. — Не в первый раз... В соли очень удобно прятать. Она сохраняет трупы до того времени, когда найдется удобный случай убрать их отсюда.

Он снял свой черный суконный сюртук, взял лопату и стал быстро вкапываться в белоснежный холм, слабо мерцавший в глубине амбара. Анжелика помогала ему, разбрасывая соль обеими руками. Она так спешила убрать с глаз долой эти отвратительные тела с жуткими гримасами на лицах, что не замечала, как кристаллы соли разъедают и царапают ее кожу.

Трупы были засунуты в глубину кучи и тщательно засыпаны солью. Анжелика и купец работали молча. Потом он стал наводить в амбаре порядок, а она взяла ведро и пошла к фонтану во дворе. Вооружившись шваброй, она стала отмывать пятна крови с камней, которыми был вымощен двор. Два приказчика, притащившие из гавани несколько бочонков с вином, вошли в другие ворота, увидели ее издалека, но нисколько не заинтересовались тем, что служанка мэтра Берна моет двор. Она часто приходила к складам, и, хотя больше занималась счетными книгами, ей случалось браться и за более грубую работу. К счастью, близко они не подходили, зная, что хозяин тут, а то могли бы заметить ее изодранную одежду и разметавшиеся волосы. Они вкатили бочонки в другой амбар, где хранились вина и водки.

Анжелика вышла в переулок. Над пролитой кровью уже жужжали

мухи, а сточная канавка была вся красной вплоть до места сброса помоев в море.

Прохожих, слава Богу, не было. Стоя на коленях с волосами, спадающими на глаза, она вновь и вновь обмывала камни, пока последняя порция воды, сброшенной в канавку, не оказалась лишь чуть розоватой, так что никто бы этого не заметил.

Тогда она вернулась во двор и тщательно заперла ворота, которые час назад мэтр Габриэль чуть не сорвал с петель, спеша ей на помощь.

— Пойдемте в мою контору, — сказал купец. — Теперь все в порядке. Надо вам подкрепиться.

Анжелика еле держалась на ногах. Он обнял ее за талию и довел до полутемной комнаты, где рядом с кипами счетов и наборами гирь громоздились английские ножи, связки драгоценных канадских мехов и образцы разных крепких напитков. Из осторожности он запер дверь на засов.

Анжелика позволила усадить себя на скамью, и оперлась лбом о руки, положенные на стол. Мэтр Габриэль пододвинул к ней стакан водки.

— Госпожа Анжелика, пейте... Надо выпить.

Так как она не шелохнулась, он сел рядом, поднял ее голову и поднес стакан к самым губам, так что ей пришлось сделать несколько глотков. Она закашлялась, и румянец стал возвращаться на ее лицо.

— Как же это все произошло? — она растерянно оглянулась. — Я шла домой... Они погнались за мной... Я думала, что успею добежать сюда и позвать вас на помощь... Но они догнали меня, и вот, вдруг...

— Хватит об этом. Вам больше нечего бояться. Они мертвы.

Она задрожала.

— Мертвы? Но ведь это ужасно... Все время на моем пути оказываются мертвецы.

— Без смертей не обойдешься, — сурово отвечал мэтр Берн, и глаза его сохраняли необычный блеск. — Смерть влечет за собой смерть. Преступления вызывают другие преступления. В Библии сказано: «Отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, ожег за ожег, рану за рану, ушиб за ушиб...»

Анжелика отвернулась, вскочила со скамейки и бросилась в сторону, словно видя пред собой врага.

— Ненавижу мужчин, ненавижу их всех и себя самое тоже ненавижу. Не хочу жить на свете. Вы на меня смотрите так, словно я с ума сошла. Вам, наверно, хочется, чтобы я успокоилась, нет уж... хватит с меня, никогда я не успокоюсь.

— Какой у вас стал молодой, даже детский вид. Вы говорите совсем по-другому, совсем не похожи на рассудительную женщину, какой я вас знаю.

— Вы же ничего не понимаете, мэтр Берн... Дьяволы ворвались в мой замок, подожгли его, перебили слуг, зарезали моего младшего сыночка, а меня... в результате той ночи появилась на свет Онорина... понимаете теперь?.. Дитя преступления и насилия... А вы еще удивлялись, что я не могу любить ее...

Ему показалось, что она бредит, потом он сообразил, что она говорит о событиях прошлых лет.

— Не вспоминайте о том, что было. Вы это все уже забыли.

Он теперь тоже встал, перешагнул через скамейку. Она со страхом смотрела, как он подходит все ближе, и в то же время ей захотелось, чтобы он был близко, совсем близко, в поддержал ее, чтобы она почувствовала, что чудо свершилось, что она вновь может быть счастливой в мужских объятиях.

— Вот сейчас вы все позабудете, — повторял он негромко, — вот сейчас... обопритесь на меня...

Он осторожно прикоснулся к ней. Потом взял ее за талию и, так как она не отшатнулась, прижал ее к себе. Оба они задрожали от овладевшего ими напряжения, однако Анжелика не сопротивлялась.

Она была холодна и бесчувственна, как насилуемая девственница, но перевешивало любопытство: ей хотелось разобраться в себе. «Сейчас мне ведь не было страшно, совсем не страшно... ну а если он захочет поцеловать меня, что тогда?»

Исступление на склонившемся над нею лице ее не пугало, ей не противна была близость крепкого тела, охваченного желанием. Она не думала о личности того, кто прижимался к ней, забыла, как его зовут, кто он такой. Она сознавала только, что ее держит в объятиях мужчина, и она без страха воспринимает его неистовый призыв.

К ней пришло неопишное облегчение, она вольно, медленно вздохнула, опираясь на эту широкую грудь, словно утопающая, которой вернули дыхание. Значит, она еще жива! Голова ее опустилась.

Пересохшие губы, не смевшие еще приблизиться к ее губам, зарылись в ее волосы. Она почувствовала ласку его ладони на своем открытом плече. Казалось, все силы ее сосредоточились на том, чтобы заново обрести себя.

Вернуло ее к реальности одно слово, слово, страшную опасность которого знали только они.

— Соль... соль... — кричал один из приказчиков, колотя в запертую

дверь.

Анжелика выпрямилась, приходя в себя.

— Послушайте, там говорят о соли... Наверно, что-то заметили!..

Не двигаясь, они напрягли слух.

— Хозяин, как прикажете, грузить соль? — спрашивал приказчик за дверью.

— Какую соль? — рявкнул, вскакивая, мэтр Габриэль.

— Да это опять требуют сбор. Пришли за вином и солью, — объяснил приказчик.

— Видно, штучки Бомье, — проворчал купец и открыл дверь.

В комнату ворвались налоговый чиновник с двумя писарями и четверо вооруженных полицейских, подталкивая перепуганного приказчика. Во дворе стояли две пустые телеги, которые они привезли с собой, чтобы забрать пошлину в натуре.

— Я уже выплатил все налоги, — заявил мэтр Габриэль. — Могу показать квитанции.

— Вы принадлежите к так называемой реформатской религии?

— Принадлежу.

— Значит, по новому указу вы должны уплатить дополнительно столько же, сколько уже внесли. Вот указ, посмотрите, — чиновник протянул ему бумагу.

— Снова беззаконие, никаких оснований для этого нет.

— Что делать, мэтр Берн, ваши прежние собратья, обратившиеся в католичество, на три года освобождены от выплаты этих сборов. Надо же нам как-то пополнить нехватку поступлений в казну. Вот таким упрямам, как вы, и приходится платить за других. Да не так уж это непосильно, всего надо отдать дюжину бочонков вина, сто пятьдесят фунтов соленого сала и двенадцать мер соли. Для такого богатого купца, как вы, это вовсе не много.

Анжелика побледнела, услышав слово «соль». Королевский чиновник нагло уставился на нее.

— Ваша супруга?.. — спросил он у мэтра Габриэля.

Купец читал поданный ему акт и ничего не отвечал.

— Пойдемте, господа, — сказал он, направляясь к амбарам.

Анжелика слышала, как чиновник хихикнул, выходя, и подмигнул своим писарям:

— Еще хотят поучать нас эти гугеноты... А сами, как и все добрые люди, заводят любовниц.

Глава 10

Последовали бесконечные часы отчаянного ожидания катастрофы. Анжелика вслушивалась в звуки, доносившиеся со двора. Ей показалось, что там раздаются крики, что мэтра Габриэля схватили полицейские. Она решила было броситься домой, растрепанной, оборванной, как есть, схватить Онорину и бежать дальше, не оборачиваясь, сколько хватит сил, а потом свалиться где-нибудь в поле.

От этого безумного порыва ее спас отъезд чиновника из налоговой инспекции. Нагруженные телеги выехали со двора, и ворота замкнулись за ними.

Золотистые пылинки мелькали в воздухе, освещенном косыми лучами заходящего солнца. Мэтр Берн прошел через двор к себе в контору. Лицо его было озабочено, но спокойно. Он налил себе стаканчик водки. Все-таки не так легко ему пришлось — не отходя ни на шаг от писарей, следить за их движениями, незаметно внушить рабочим, чтобы соль брали только с одной стороны кучи, ловко избегая подозрительного присмотра чиновника.

— Я не могла помогать вам, — проговорила Анжелика. — Я бы выдала себя.

Купец устало отмахнулся:

— Это все штучки Бомье, — сказал он. — Теперь я уверен, что это он послал тех двух негодяев приставать к вам, а немного спустя и налогового чиновника, который бы засвидетельствовал стычку и неподчинение королевской власти. Через несколько часов они станут доискиваться, куда пропали их подручные. Поэтому я отправил по домам и приказчиков, и грузчиков и запер лавку. Нельзя откладывать, мы должны сегодня же избавиться от трупов.

Он бросил взгляд на еще светившийся прямоугольник двери:

— Скоро стемнеет. Тогда можно будет действовать.

Они сидели и ждали в полутьме, ничего не говоря, не пытаясь приблизиться друг к другу.

Близкая опасность держала их настороже и поглощала все внимание. Они не двигались с места, словно загнанные звери в глубине своего логова, дальше которого не уйти.

В рамке двери небо бледнело, темнело. За шумом гавани стало различимо равномерное дыхание моря. Начиналась ночь, синяя, холодная, тихая.

— Пора, пойдёмте, — произнес купец.

Они подошли к складу, где была соль. Из другого сарая мэтр Берн вытащил деревянные сани.

И снова они стали копать в горьком снеге соли, обжигавшем руки. Вытащенные оттуда тела уложили на сани, поверх них навалили мешки с зерном и связки мехов. Купец взялся за оглобли. Они выбрались черным ходом, и он запер ворота на несколько поворотов ключа.

— Пусть никто сюда не входит, пока я не вернусь и сам еще раз все не осмотрю.

Он взялся за одну оглоблю саней, Анжелика за другую. Деревянные полозья легко и бесшумно скользили по круглой канадской гальке, которой были вымощены улицы Ла-Рошели. Этим необычным материалом город был обязав сообразительности одного экономного мэра, нашедшего такое применение для крупной гальки из устья реки Святого Лаврентия, в Новой Франции, которую насыпали в трюмы недогруженных кораблей как балласт. Из-за этого-то и пришлось взять сани. Колеса с железными шинами производили на мостовой страшный шум, а сани двигались беззвучно. Анжелика и ее спутник торопливо тащили свой мрачный груз, незаметными тенями скользя из переулка в переулочок.

— Это самый удобный час, — шепнул мэтр Габриэль. — Лампы еще не зажигают, в нашем гугенотском квартале приходится долго ждать разрешенного срока, нам позволяют зажигать свет позже, чем другим... Но от обидных запретов бывает иногда и польза...

Встречным прохожим не могло прийти в голову поинтересоваться, что тут делают мэтр Берн и его служанка и что они везут, потому что они были неразличимы в темноте.

Купец умело выбирал путь. Он все время сворачивал в переулочки, избегая широких улиц, где было больше прохожих. Анжелике казалось, что они идут страшно долго, и она удивилась, оказавшись недалеко от дома, у ворот одного из их соседей, торговца бумагой Жонаса Мерсело.

Купец трижды ударил бронзовым молоточком. Хозяин сам отворил им. Это был седой уже человек, очень любезный и высокообразованный. Когда-то ему принадлежали почти все бумажные фабрики в провинции Ангумау. Его разорили налоги и запрет нанимать опытных мастеров протестантов, так что у него осталась только прекрасная усадьба в Ла-Рошели и маленькая лавка бумаги высшего сорта, секрет изготовления которой никто кроме него не знал.

— У меня есть кое-что для твоего колодца, — сказал ему Берн.

— Превосходно! Входите же, друзья.

Он очень ловко помог им втащить сани со страшным грузом в погреб, где пахло яблоками, и поднял кверху лампу, чтобы осветить им. Купец стащил лежавшие наверху меха и мешки с зерном. Показались тела, с уродливыми гримасами, вымазанные кровью и солью. Кроткий торговец бумагой взглянул на них, ничем не выражая удивления. С обычной вежливостью он предложил:

— Не угодно ли будет госпоже Анжелике взять лампу и осветить нам? А я помогу тебе донести их.

Берн отрицательно качнул головой:

— Нет, тебе надо показывать дорогу. Она ведь не знает, куда идти.

— Правда.

И Анжелике снова пришлось взяться за холодные, окостеневшие ноги, тяжелые, как камни. Исцарапанные и напрягшиеся руки болели. Идя вслед за светившим им фабрикантом бумаги, они спустились по трем каменным ступенькам и вошли в сарай, где были сложены кипы бумаги, навалены кучи тряпья и стояли бутылки с кислотой. В глубине стоял небольшой пресс старого типа, заслонявший изъеденную червями дверцу. Не без усилия старик отодвинул пресс и достал ключ из углубления в стене. Через эту дверь они попали на витую лестницу, к счастью, недлинную.

Спустившись по ней, оказались в большом подземном помещении с очень низким потолком, опиравшимся на толстые колонны римского типа. В середине был колодец. Жонас Мерсело отпер висячий замок и поднял крышку колодца. Шум набегавших волн заполнил помещение.

— Этот колодец сообщается с морем, — пояснил мэтр Габриэль Анжелике. Ему пришлось повысить голос, чтобы она могла слышать. — То, что туда бросают, разбивается о скалы, а подводное течение уносит это далеко отсюда.

Океан ярился и грохотал, словно вырвавшись из плена, и эхо многократно повторяло его шум.

В этом грохоте люди должны были объясняться жестами, как в дурном сне. Они подняли трупы, просунули их в мрачную дыру. Звука падения не было слышно. Все это исчезло из вида, как не бывало.

Крышку задвинули, и стало тихо. Обессиленная Анжелика прислонилась к краю колодца и закрыла глаза.

— Это, увы! не впервые, — произнес мэтр Габриэль.

У нее звучал в ушах глухой гул, это был голос потаенной Ла-Рошели с припевом ее пособника моря, это было эхо псалмов, которые в XVI веке пели прятавшиеся в подземных пещерах первые адепты протестантской веры, первые члены секты кальвинистов. Это был отзвук безжалостной

борьбы, происходившей в этих стенах и теперь возобновлявшейся с тем же озлоблением от преследований, с той же яростью и преступлениями... с обеих сторон.

Как же спастись от крови, от страха, от гибели?..

Онорина лежала ничком, раскинув руки, прижавшись лбом к холодному полу, как звереныш в ожидании неизбежной смерти.

— Она весь день вас искала, — говорила Абигель, — металась как никогда. И под столы лазила, и под шкафы. Просила отворить окна и двери. Она не звала вас, но временами так кричала, что нам страшно делалось. Пробовали дать ей сласти, она все отталкивала.

— Я ей свою деревянную лошадку дал... — вмешался Лорье. — А она и не посмотрела...

— Может быть, заболела?

Все они стояли, нагнувшись с озабоченными лицами над лежавшим на полу ребенком. Их тревога усилилась, когда они увидели, в каком состоянии была Анжелика.

— Что с вами случилось? — воскликнула тетушка Анна.

— Ничего особенного.

Она подняла дочку и крепко обняла ее, — Я здесь, сердце мое, я здесь.

«Онорина почувствовала, что я в опасности. Вот почему она была так беспокойна», — думала она. Онорина родилась в опасности. Она инстинктивно чувствовала приближение страшного черного зверя на бархатных лапах. Ей постоянно казалось, что этот зверь прячется где-то за оконными ставнями.

И сейчас, ухватив крепко мать за шею, она требовала, чтобы закрыли ставни и не впускали в комнату ночную тьму. Все бросились к окнам, и тогда только девочка соизволила разжать ручонки и улыбнуться. Мать была с ней рядом, в закрытых окнах уже не был виден страшный черный лик несчастья.

Ее усадили на стул, принесли ей кашу. Анжелика же пошла сменить платье, надеть хорошо накрахмаленный передник и спрятать свои разлохматившиеся волосы под новым чепчиком.

Мэтр Габриэль негромко разговаривал с пастором Бокером и его племянником, тоже пастором, недавно бежавшим из Северных гор. Он приехал оттуда, держа за руку четырехлетнего сынишку Натанаила. Этот ребенок тоже был сейчас в доме мэтра Берна и еще двое близнецов из обширного семейства Карреров, — когда там появилось одиннадцатое дитя, соседи решили прийти на помощь и разобрали детей бедного адвоката по своим домам.

Онорине очень нравилось быть среди стольких детей, и она разболталась.

— Мама, — спросила она вернувшуюся в комнату Анжелику, — а где этот красивый господин, который дал мне золотую погремушку?

— Какой красивый господин? — спросил мэтр Габриэль.

— Какая погремушка? — подозрительно заинтересовалась тетушка Анна.

Анжелика подумала, что притворяться было бы нелепо.

— Господин де Бардань был так любезен, что сделал ребенку подарок.

Наступило холодное молчание. Онорина старательно отправляла в рот свою жидкую кашу, а потом проговорила задумчиво, мечтательно улыбаясь:

— Вот бы у меня был такой отец!

Последнее время она упорно искала себе отца. Сначала она выбрала пастора Бокера, но тот разочаровал ее: «Детка, я люблю тебя как свою духовную дочь, но я не могу солгать и назвать себя твоим отцом».

Не принял на себя такую ответственность и водонос, с которым она очень дружила. Теперь она нащупывала почву относительно господина де Барданя, но время выбрала неудачно.

Анжелика поскорее унесла ее в альков в глубине кухни и уложила спать. Но малышка упорствовала:

— Это не мой отец?

— Нет, моя маленькая.

— А где он, мой отец?

— Далеко, очень далеко.

— На море?

— Да, на море.

— Тогда я возьму лодку и поеду к нему.

Перед глазами ее мелькнуло видение чудесного путешествия, потом веки опустились, и она уснула, истомленная волнениями этого дня.

Анжелика занялась приготовлением ужина. Домашние хлопоты помогли ей подавить волнение. Она не видела господина де Барданя с тех пор, как он сделал ей предложение, и только послала ему одно письмо с просьбой терпеливо ждать ее ответа.

Едва все сели за стол, где стояла дымящаяся миска съедобных ракушек, как зазвонил колокольчик у ворот. Все посмотрели друг на друга с тревогой. Колокольчик послышался снова. Мэтр Габриэль встал:

— Я пойду. Если мы не ответим, это может показаться подозрительным.

— Нет, лучше я, — сказала Анжелика.

— Пошлем слугу.

Но слуга, сам не зная почему, боялся пойти к дверям.

— Разрешите мне пойти, — настаивала Анжелика, положив руку на рукав купца. — Самое обычное дело, что к дверям идет служанка. Я спрошу сначала через окошечко, кто там, и приду сказать вам.

За окошечком прозвучало:

— Это вы, госпожа Анжелика? Можно с вами поговорить?

— Кто там?

— Разве вы не узнаете меня? Я Никола де Бардань, королевский наместник.

— Это вы? — ослабевшим голосом проговорила Анжелика. — Зачем вы пришли?.. Арестовать меня?..

— Арестовать вас?.. — Бедняга чуть не задохнулся от возмущения и не сразу продолжил:

— Так вы думаете, что я только на это способен? Арестовывать людей направо и налево?.. Очень вам благодарен за такое мнение обо мне. Я знал, что упрямы, с которыми вы общаетесь, готовы изображать меня каким-то людоедом, но все же...

— Я вас обидела, простите. Вы тут один?

— Один ли я? Ну, конечно, моя дорогая. И я в маске. И закутан в плащ цвета этих стен. Человек моего положения, если уж допускает глупость пуститься в галантные авантюры, предпочитает ходить один, не привлекая к себе внимания. Если меня узнают, то осмеют навсегда. Но я обязательно должен поговорить с вами. Это очень важно.

— Что случилось?

— Что же, мы так и будем разговаривать через ворота? Может быть, вы, все-таки позволите мне стать в уголке двора или сами выйдете в этот переулок, где совсем темно и нет прохожих... Черт возьми, госпожа Анжелика, из какого дерева вы сделаны? Королевский наместник, правитель Ла-Рошели, тайно пришел к вам, оказывает вам честь оторвать вас от кухонных забот, а вы принимаете его, как игроки в кегли подбежавшего пса.

— Я в отчаянии, но ваше тайное посещение — неважно, что вы королевский наместник — испортит мою репутацию.

— Вы положительно невозможны, вы сведете меня с ума. Значит, вы действительно совершенно не желаете видеть меня!

— Это мне, на самом деле, теперь очень неудобно. Вы же знаете, в каком я трудном положении среди этих людей, которым должна служить.

Если меня заподозрят...

— Я как раз и пришел, чтобы вытащить вас из этого гнезда еретиков, где вас поджидает страшная опасность.

— Что вы хотите сказать?

— Откройте эту калитку и узнаете.

Анжелика медлила.

— Я только предупрежу мэтра Берна.

— Этого еще не доставало!

— Я не стану называть вас, но мне надо же как-то объяснить, куда я делась, пусть не надолго.

— Правильно. Но поторопитесь... Один звук вашего голоса, аромат вашего дыхания сводят меня с ума.

Анжелика вернулась к дому как раз, когда мэтр Берн, встревожившись, спускался уже с крыльца.

— Кто это звонил?

Она быстро объяснила, что пришел королевский наместник, сказала и зачем он пришел. Глаза купца загорелись такой же яростью, с какой он бросился душить напавших на нее негодяев.

— Этот подлый папист! Ну, я ему задам. Я покажу ему, как соблазнять моих служанок в моем же доме!

— Нет, не вмешивайтесь. Он хочет сообщить мне что-то важное.

— Что это за важные новости? Слова вашей невинной дочки достаточно объяснили уже... Всем уже известно, что он остановил на вас свое внимание и собирается сделать вас своей любовницей и поселить в таком качестве в этом городе. Об этом уже вся Ла-Рошель говорит!

Анжелика удерживала изо всех сил метра Габриэля, который мог бы швырнуть ее, как пучок соломы. Она говорила серьезно и убедительно:

— Успокойтесь же. У господина де Барданя в руках власть. Не время ссориться с ним сейчас, когда нам так нужно его заступничество, когда наше и так непрочное положение еще ухудшилось, и нам может грозить виселица.

Она еще и еще убеждала, положив пальцы на кисть его руки, и наконец ей удалось утишить гнев мэтра Берна. Он только проворчал:

— Кто вас знает, что вы ему уже позволили? До сих пор я доверял вам...

Он остановился, вновь переживая то мгновение, когда его доверие пошатнулось. С досадой он подумал о всех длинных месяцах, когда рядом спокойно двигалась эта служанка, эта опытная женщина, ни в одном взгляде, ни в одном жесте которой не было кокетства. А как строго

держался он сам, бог весть зачем. Но все-таки вспышка недоверия прошла.

И потом он подумал об этой несчастной Еве, которая с рыданием бросилась ему на шею, об этой бессильной и как будто охотно поддававшейся женщине, которую он медленно прижал к себе. Если бы она тогда оттолкнула его, он сумел бы овладеть собой. Он был уверен в этом. Но слабость Анжелики разбудила в нем демона плоти, которого он научился, не без жестокой борьбы, сдерживать со времени юношеских страданий. Вот он и потерял голову. Он уткнулся тогда лицом в ее шелковистые волосы и положил ладонь на ее полуобнаженную грудь — казалось, рука его еще сохраняла страстное тепло этого прикосновения. Взгляд его изменился.

Анжелика печально улыбнулась:

— Вы говорите, что доверяли мне раньше?.. А теперь... вы считаете меня способной на всякую подлость только потому, что в минуту душевного смятения я позволила смутить себя. Позволила вам!.. Разве это справедливо?..

Никогда прежде он не замечал, как упоителен и нежен ее голос. Может быть, потому что она говорила очень тихо, совсем близко от его лица, в полумраке и он видел, как блестят ее глаза и губы.

Ах, как горько и как увлекательно обнаружить в примелькавшихся уже чертах лица скрытую тайну чувственности. Так ли она говорила в любовные ночи? Его охватила ненависть ко всем мужчинам, которых она когда-то любила.

— Неужели я должна заподозрить вас, мэтр Габриэль, в самых черных грехах, только потому, что и вы не сохранили хладнокровия?..

Он виновато опустил голову, чувствуя, что радуется своей вине.

— ..Забудем же то, что произошло, — ласково сказала она. — Мы не были самими собой, ни вы, ни я... Мы перенесли такой страшный удар. Давайте вернемся к прежним отношениям.

Но она понимала, что это невозможно. Всегда между ними будет стоять их общая вина, эта преступная минута, когда они забылись.

Все-таки она настаивала:

— Надо сохранить все силы для предстоящей борьбы, чтобы спастись. Позвольте мне переговорить с господином де Барданем. Уверяю вас, я никогда ничего ему не позволяла.

Ему казалось, что она насмешливо добавила про себя: «Меньше, чем вам». Но все-таки он сдался и разрешил:

— Хорошо, идите. Но долго не задерживайтесь.

Анжелика вернулась к калитке, за которой изнывал от нетерпения

господин де Бардань, королевский наместник. Она открыла калитку, и нетерпеливые руки тут же обхватили ее кисти.

— Наконец-то вы пришли! Вы смеетесь надо мной. Что вы ему наговорили?

— Мой хозяин подозревает меня и...

— Он ваш любовник, не правда ли? Нельзя сомневаться в этом... И вы каждую ночь достаиваете его того, в чем отказываете мне.

— Вы оскорбляете меня.

— Но кто же вам поверит? Он вдовец. Вы уже несколько месяцев живете под его кровом. Он постоянно видит, как вы ходите, слышит, как вы говорите, поете, смеетесь... Мало ли что! Невозможно, чтобы он не увлекся вами. Это немыслимо, неестественно, идет против всякой морали. Это просто скандал.

— А вы полагаете, что это не скандал — прийти ухаживать за мной в безлунную ночь?

— Это совсем другое дело. Ведь я люблю вас.

Он притянул ее к себе, увлекая в угол. В темноте Анжелика не различала черт его лица, но чувствовала запах сиреневой пудры, которой он посыпал свои волосы. От него распространялось благовоние изящества и комфорта. Он относился к тем, кто всегда прав. Ему нечего было бояться. Он был по другую сторону барьера, за которым страдают осужденные.

А из складок одежды Анжелики еще не выветрился запах крови и соли. Поцарапанным рукам, которые он сжимал, было очень больно, но она не смела высвободить их.

— Ваше присутствие сводит меня с ума, — шептал де Бардань. — Мне кажется, вы были бы не так жестоки, если бы я осмелился под покровом этой темноты... Умоляю вас, подарите мне один поцелуй.

Он говорил так умоляюще. Анжелика подумала, что надо сделать усилие. Нельзя же все-таки унижать королевского наместника, надо как-то успокоить его самолюбие.

Это был поистине день переживаний. Природа, сначала лишившая Анжелику самого сильного оружия, теперь как будто вновь предоставляла его в ее распоряжение.

— Ну хорошо, я позволяю. Поцелуйте меня, — проговорила она терпеливо, отнюдь не лестным тоном.

Но Никола де Бардань уже был вне себя от счастья.

— Дорогая моя, наконец-то вы моя! — еле выговорил он.

— Мы говорили только об одном поцелуе.

— О счастье!.. Клянусь вам, я не буду дерзок.

Ему трудно было соблюсти данное обещание. Нелегкая победа придала особую сладость губам, которые, увы! едва раскрылись. Но у него хватило такта удовлетвориться этим.

— Ах, если бы вы были в моей власти, — вздохнул он, когда она отстранилась, — я бы быстро сумел разморозить вас.

— Это все, что вы хотели мне сказать? Мне пора уже возвращаться в дом.

— Нет, я еще не все сказал... Мне нужно сообщить вам менее приятные вещи. Дорогая моя, сегодня меня повлекло к вам не только лихорадочное желание повидать вас, но еще и необходимость предупредить о заговоре против вас. Ваша судьба тревожит меня. Ах, почему я так увлекся вами?.. Я знал и надежду, и тревогу, а теперь испытываю глубокое огорчение. Потому что вы ведь солгали мне, вы обдуманно обманули меня.

— Я? Отрицаю это.

— Вы сказали мне, что сюда вас направила дама из Общества Святого причастия. Но это не правда. Бомье выяснял это и установил, что ни одна из этих дам не хлопотала о вас и никто из них вас не знает.

— Это только показывает, что господин Бомье недостаточно осведомлен.

— Нет! — голос наместника звучал сурово. — Это значит, что вы мне солгали. Эта крыса Бомье чересчур хорошо все знает. Он занимает в этом тайном Обществе более высокое положение, чем я. Вот почему часто я бываю вынужден уступать ему. Мне очень неприятно, что он занялся вами, но помешать ему я не мог. Я узнал из донесения одного из моих шпионов, что он старается установить, кто вы.

Он приблизился к ней и прошептал:

— Скажите же мне, кто вы?

Он попытался снова обнять ее, но она уклонилась от его объятий.

— Кто я? Ваш вопрос не имеет смысла. Я только простая...

— Ах, нет! Вы опять лжете. Не считайте меня идиотом! Разве вы не знаете, что во всем французском королевстве не найти простой служанки, которая умела бы писать такие изящные и умные письма таким изящным почерком, как то, что вы недавно прислали мне. Это письмо и разочаровало меня, и обрадовало, но главное, оно подтвердило мою догадку, что вы скрываете свое истинное лицо под чужим именем и нарядом... Бомье сразу заподозрил вас, едва увидав... Я слышу, как бьется ваше сердце... Вам страшно. Что если он отыщет что-то опасное для вас?.. Вы не отвечаете... Почему вы не хотите довериться мне, мой ангел? Я

готов на все, чтобы спасти вас. Прежде всего вам надо уйти от этих гугенотов, чье соседство так опасно для вас. Когда придут арестовать их, а вы будете среди них, вам не удастся избежать полицейского расследования. Значит, к тому времени вы должны быть далеко отсюда, в безопасном убежище. Я могу увезти вас вместе с вашей дочкой в свое поместье в Берри. Позднее, когда все эти религиозные дела будут улажены и Бомье займется чем-нибудь другим, я смогу снова вернуть вас в Ла-Рошель... Разумеется, вы станете моей женой.

И сознавая свое благородство, боясь, что она не сумеет оценить всю меру его преданности, он повторил:

— Я не знаю, кто вы, но все равно я женюсь на вас!

Анжелика не в силах была произнести ни слова. Это новое сообщение, завершавшее такой страшный день, привело ее в полный ужас. Она хотела молча уйти, но он успел задержать ее.

— Куда вы идете? Вы поразительная женщина. Ведь вы даже не ответили мне. Подумаете ли вы над моим предложением?

— Да, конечно, подумаю.

— Вы мне уже один раз это обещали. Но теперь не задерживайтесь. Я должен завтра уехать на несколько дней в Париж, на королевский совет. Если бы вы согласились поехать со мной, я отвез бы вас в Берри.

— Я не могу так быстро принять решение.

— Могу я быть уверен, что, вернувшись, получу ваш ответ?

— Я постараюсь.

— И это должен быть положительный ответ. Бомье очень хитер и упорен. Я боюсь за вас.

Он попытался еще раз поцеловать ее, но она увернулась и заперла за ним калитку. Постояв минуту неподвижно в темном дворе, она бросилась в дом, словно обезумев, и натолкнулась на мэтра Габриэля, удержавшего ее за локти.

— Что он вам сказал? Почему вы так долго разговаривали с ним? Он что, уговорил вас уехать с ним?

Она резко вырвалась и хотела подняться по лестнице в дом, но он крепко схватил ее опять.

— Отвечайте!

— Что мне отвечать вам? А, вы все сошли с ума! Вы, мужчины, глупее маленьких детей. А смерть наготове! Она ждет нас! Она может настигнуть нас завтра. Ваши враги строят вам западни. И вы попадете в силки. Вас оговорят, запутают, обвинят в преступлениях... А вы о чем думаете?.. О ревности к сопернику, о женских поцелуях...

— Он целовал вас?

— А если даже поцеловал, какая в этом важность? Завтра мы все попадем в тюрьму, завтра мы будем просто телами под дощечкой с надписью имени. Завтра нас могут живыми похоронить в какой-нибудь темнице... Вы не знаете, что значит оказаться в тюрьме... Я это знаю.

Она снова вырвалась. Ему пришлось схватить ее опять, чтобы удержать на месте.

Сверху на них падал свет масляной лампы, и в полутьме испуганное лицо Анжелики, потерявшее всю красоту, казалось вышедшим из какого-то другого мира. Он держал в руках летучий призрак, случайно в эту зловещую ночь оказавшийся среди людей, но чуждый им.

— Куда вы бежите? Вы всех перепугаете.

— Я возьму свою дочку и Лорье. Отсюда надо уходить.

Он не спросил, куда. Он смотрел на нее так, словно не узнавал, с выражением отчаяния и расширившимися от страха глазами. Она была похожа на ту женщину, которую он когда-то бил палкой на дороге в Олонские пески, чьи зеленые глаза так печально взглянули на него, прежде чем замутились. Теперь она походила на ту несчастную женщину, которая выскользнула из завесы дождя, еле вытаскивая ноги из грязи на пути в Шарантон, и казалась воплощением загубленной красоты, осмеянной невинности, поруганной слабости, ту женщину, которая несколько лет подряд являлась ему в сновидениях, так что он даже придумал для нее название — «роковая женщина» и думал с тревогой о том, что она скажет ему, когда до него донесется звук ее голоса. Он видел во сне, как шевелятся ее губы, но не знал, что она говорит.

А сегодня она заговорила. Он слышал эти безжалостные слова, этот приговор, которого ждал столько лет: «Надо уходить отсюда!»

— Сейчас? В темную ночь? Вы сошли с ума.

— Вы думаете, я стану ждать, пока королевские драгуны ворвутся сюда, чтобы убить всех нас? Что я буду ждать прихода Бомье, который арестует меня и предаст королевскому правосудию. Что я буду ждать того, как плачущего Лорье бросят в телегу и увезут, как каждый день стали увозить из города детей гугенотов неведомо куда?.. Я видела, как дети плачут и зовут на помощь... Я хорошо знаю тюрьмы, и тюремщиков, и ожидания, и несправедливости. Вам хочется самому познакомиться с ними? Ваша воля... Но я с детьми уеду... Я отправлюсь за море.

— За море?

— Да, за морями есть новые земли, не так ли? Там не властны люди короля. Только там я снова смогу смотреть на то, как светит солнце и

растет трава. Пусть у меня ничего не будет, но это останется при мне...

— Вы бредите, бедная моя...

Он не сердился, голос его был полон нежности, и напряжение Анжелики спало. Она ощущала бесконечную усталость, полное опустошение.

— Досталось вам сегодня переживаний. Вы дошли до предела.

— Да, я дошла до предела. Но как это проясняет сознание, мэтр Габриэль, если бы вы только знали. Я не схожу с ума. Просто я вижу ясно: я на краю, на пределе. За мной гонится стая злобных собак, и они все ближе. Передо мной море. Надо отправляться. Я должна спасти детей. Я должна спасти свою дочь. Я не могу представить ее оторванной от меня, среди равнодушных людей, плачущей и напрасно зовущей меня, — одинокое незаконное дитя, всеми отвергаемое... Теперь вы понимаете, почему я не имею права дать себя схватить, не имею даже права умереть...

И она вновь попыталась вырваться из его рук:

— Пустите же меня, пустите. Я побегу в гавань.

— В гавань? Зачем?

— Чтобы сесть на корабль.

— Вы думаете, это так легко? Кто вас возьмет? И как вы заплатите за провоз?

— Если придется, я продамсья капитану судна.

Он гневно встряхнул ее:

— Как вы смеете произносить такие безобразные слова?

— А что по-вашему, мне лучше продавсья господину де Барданю? Если уж придется продавсья мужчине, я выберу того, кто увезет меня подальше отсюда.

— Я вам это запрещаю, понимаете, запрещаю!

— Я сделаю что угодно, но уеду отсюда. Она уже кричала, и отзвуки ее голоса разносились в этом старом доме, где поверх настенных ковров выглядывали из деревянных рамок бледные и румяные лица разных судовладельцев и негоциантов. Этим прежним поколениям ларошельцев не доводилось еще слышать такие крики и такие язвительные речи.

Наверху, над лестницей, стояли пастор, Абигель, тетушка Анна со свечами в руках.

— Решено, — сказал мэтр Габриэль, — вы уедете... Но мы все уедем.

— Все?.. — повторила Анжелика, не веря своим ушам.

Купец наморщил лоб, но говорил решительно.

— Да, мы уедем... Мы бросим дом наших предков, плоды своих трудов, свой город... Мы отправимся в далекие земли, чтобы получить там

право на жизнь... Не дрожите больше, госпожа Анжелика, дорогая, прекрасная госпожа Анжелика... Вы правы... Почва уже дрожит под нашими ногами, а мы подло оставляем в этой топи детей, которые только начинают жить. Мы напрасно старались не видеть того, что творится. Сегодня бездна открылась предо мной... и я понял, что не хочу потерять вас... Мы все уедем.

Глава 11

Двадцать раз в день она вглядывалась в море, смотрела, как вздымается за городскими стенами его серый простор.

— Унеси меня! Унеси меня! — твердила она тихонько. Но приходилось ждать. Она поняла, что иначе нельзя. Прошло уже два дня после того, как Анжелика с мэтром Берном сбросили в колодец торговца бумагой Мерсело два безобразных трупа.

Восстановился, казалось, обычный порядок жизни. Полицейские не звонили у ворот дома и не приходили к складам. Можно было думать, что ничего не произойдет, и даже убедить себя, что ничего и не происходило. Что жизнь течет мирно и требуется только утром повесить котел на крюк над огнем, а после обеда солнечным днем перегладить надушенное майораном белье.

Но Онорина напрасно требовала каждый вечер, чтобы закрывали ставни. Ставни не могли спасти дом от угрозы. И дом, и все обитавшие в нем были уже отмечены невидимой печатью. Город держал их в своих сетях. Путь к свободе лежал через гавань, а там царила полиция. Все суда подвергались тщательному осмотру. И даже выйти из гавани с развернутыми парусами еще не означало, что можно вздохнуть свободно, потому что, после того как судно проходило между Башней Цепи и Башней Св. Николая и затем, миновав мол Ришелье, оставляло позади полукруг белых скал, в открытом море на пути к острову Ре его встречали корабли королевского флота, постоянно бороздившие эти воды, чтобы не дать осужденным бежать из города.

Во дворе дети плясали вокруг пальмы, и до слуха Анжелики доносились их тонкие голоса и топот ножек в деревянных башмаках.

Не пойду я, мама, собирать ракушки,

Не пойду ни за что,

Мальчишки из Маренн пристанут ко мне, мама,

И корзинку мою заберут.

Во дворе собралась целая стайка соседских детей; родители привели их, отправляясь на совет старейшин. Среди мальчиков, одетых в темную саржу, бабочками порхали девочки в ярких фартучках поверх длинных юбок и расшитых чепчиках. На плечи детям спускались светлые, каштановые и русые кудри, щечки у всех разругались, глаза блестели как звездочки.

Анжелика то и дело отставляла в сторону уют и подходила к окну приглядеть за детьми. Ее не оставляла мысль, что в любую минуту дверь может открыться, войдут люди в черном либо вооруженные солдаты и уведут детей навсегда.

Господа из Консистерии вышли на лестничную площадку, к ним присоединились их жены, которых принимала у себя тетушка Анна. Переговариваясь вполголоса, словно рядом находился покойник, они стали расходиться.

Вскоре на кухню пришел мэтр Габриэль. Он пододвинул стул, уселся, но не протянул руки за длинной голландской трубкой, как обычно делал в часы отдыха. Не глядя на Анжелику, он заговорил:

— Мы решили ехать в Санта-Доминго. В нашей группе будет десяток семейств и два пастора: Бокер и его племянник. Все решились пойти на риск и заново устраивать свою судьбу на новых землях. Некоторым это будет очень нелегко: что станут делать на островах торговец бумагой Мерсело, адвокат Каррер со всем своим выводком? Неизвестно даже, удастся ли опытным рыбакам Гассертону и Малиру завести там рыбную ловлю. Там ведь живут в основном плантациями, выращивают сахарный тростник, табак, какао.

— Какао, — живо откликнулась Анжелика, — это меня интересует. Я когда-то занималась изготовлением шоколада и умею выбирать бобы хороших сортов.

И она отдалась мечтам. Она уже видела себя свободной, в соломенной шляпе с широкими полями, вроде той, что носила когда-то ее мать, прохаживающейся среди изумрудных плантаций в сопровождении Лорье и Онорины, гонящихся за сапфирными и золотистыми бабочками. Ее зеленые зрачки загорелись, как будто отражая волшебный блеск Карибского моря.

Мэтр Габриэль печально поглядывал на нее. За несколько дней он изучил все оттенки ее прелести, которые прежде не позволял себе замечать. И сейчас он жестоко упрекал себя, но не мог оторваться от этого лица, столь оживленного и столь таинственного. «Она вошла в нашу жизнь, как свет факела», — подумал он. Она освещала все вокруг, а о ней самой никто ничего не знал. Сегодня она гладила накрахмаленные чепцы. Горячий пар, поднимавшийся от влажного белья, раздразнил ее щеки. Она работала умело и быстро, но в ее огромных глазах светилась бездонная глубина, в которую он пытался проникнуть, побуждаемый не столько страстью, сколько стремлением угадать ее неведомое прошлое.

Изредка вырывавшиеся у нее слова оставались в памяти купца, он

пытался как-то связать их между собой, что-то из них извлечь. Вот она только что сказала, что имела дело с какао. В каких обстоятельствах это могло быть? Он давно уже заметил ее компетентность в торговых делах, в особенности в том, что имело отношение к продуктам моря. Но что может быть общего у той, которая появилась подобно падшему ангелу на грязной дороге в Шарантон, и той, которая с такой тоской вспоминала: «Они ворвались в мой замок, убили моих слуг...»?

«Это просто авантюристка, — сказала о ней госпожа Маниго, касаясь кончика своего носа:

— Мое чутье меня никогда не обманывает!»

Анжелика встретила глазами со взглядом своего покровителя и улыбнулась ему не без смущения. Они по обоюдному согласию решили «забыть» то, что произошло, и сохранять вплоть до отъезда прежние добрые отношения. Она была ему за это благодарна. Суровое реформатское воспитание научило мэтра Габриэля владеть своими страстями. От природы вспыльчивый и чувственный, он сумел благодаря молитве и сильной воле выработать из себя благоразумного, сдержанного, всегда спокойного и не чуждого аскетизма человека, которого все уважали и даже слегка побаивались. Его работа над собой привела к надежным результатам. В час опасности он никогда бы не переложил ответственность на других. И сейчас у него хватало здравого смысла, чтобы рассудить, что нервное напряжение — если продолжать в таком духе — доведет их до состояния охваченных паникой овец. Благодаря ему, его холодному лицу и тону, в доме наступил хотя бы внешний покой. И нервы Анжелики стали приходить в порядок. Нравственная сила купца помогла ей справиться со своим отчаянием. Но иногда все же между ними возникало тяжелое молчание.

— Когда мы отправимся? — спросила она.

Лицо купца просияло:

— Вообразите, просто чудо произошло, как говорите вы паписты. Судовладелец Жан Маниго больше всех противился нашему отъезду, а теперь вдруг решил присоединиться к нам. Его убедила недавняя беда: схватили его сынишку Жереми, когда тот задержался на улице, глаза на церковное шествие. В этом увидели желание обратиться в католики, и, так как мальчику уже восьмой год, его отвели в монастырь Меньших братьев. Маниго затратил целое состояние, чтобы освободить сына, и то лишь условно. Как он ни богат, он дрожит теперь за ребенка и вот — решил ехать с нами. Это облегчит наше предприятие. В Санта-Доминго у него есть несколько торговых контор. И мы можем ехать на одном из его

кораблей.

Вот его план, который представляется мне разумным. Скоро сюда придет из Африки один из его торговых кораблей. На нем привезут рабов, которых высадят и разместят на складах до отправки в Америку. Маниго составит их список и представит его властям. Но в самую последнюю минуту мы займем место рабов. Если после того как корабль выйдет из гавани и до того как он дойдет до Антиохии в Турции, никто не поднимется на борт проверять людей, мы сможем считать, что спаслись.

— А что же рабы?

— Они останутся в Ла-Рошели, их запрут на складах и постараются усыпить, так чтобы они подольше не давали о себе знать.

— Итак, великое мужество господина Маниго заключается в том, что он согласен лишиться дохода от ценного груза, — практично рассудила Анжелика.

— Нам всем придется бросить здесь очень много. Маниго теряет еще меньше других. Он рассчитывает возобновить торговые дела с тем, кому оставляет свое здешнее предприятие. В общем, он будет заниматься тем же, только находясь не в Ла-Рошели, а в Санта-Доминго. Он уже обеспечил свое будущее. Что касается меня, то кое-какие деньги имеются у меня в Голландии и в Англии. Да потом, мы постараемся использовать с толком остающиеся дни, чтобы превратить большую часть наших владений и товаров в деньги. Мешки с монетами немного места займут на корабле.

— А эти получения денег не вызовут ли подозрения?

— Мы будем действовать осторожно. Католики, с которыми мы ведем дела, знают, что протестантам приходится теперь много продавать из-за двойного обложения.

Анжелика решилась наконец задать вопрос, который давно жег ей губы:

— Когда же мы отправимся?

— Через две или три недели.

— Три недели! Боже, как долго!

Ее собеседник вздрогнул и, кажется, рассердился. Он глухо сказал:

— Это очень недолго, когда приходится бросать родную землю. И стукнул кулаком по столу:

— Будь прокляты те, кто вынуждает нас к этому.

Ей хотелось попросить прощения, но она не решилась, чтобы не раздражать его еще больше.

Анжелика, давным-давно уже все потерявшая, плохо понимала, почему протестанты так цепляются за свою унылую, затхлую жизнь во

Франции, где они задыхаются. А они действительно крепко держались за свою неверную судьбу, как крестьянин, рожденный на бедных землях, привязывается к почве, которую он удобрил и заставил давать урожай, и не хочет смотреть на чуждую ему плодородную равнину. На них наводила тоску одна мысль об Американских островах, полных солнца, об ожидавшей их там свободе.

Привычка плавать по бурному морю, преодолевать одно препятствие за другим, закрепляться там, где все шатко, выработала из них крепкий народ, устойчивый ко всяким бедам, умеющий защищаться и не выпускать своего из рук. Вот уже два столетия они существовали среди постоянных преследований. Они привыкли к непрестанной глухой борьбе и она казалась им не столь невыносимой, как необходимость бросить свой город, оставить свой край. Не жить больше под голубым небом Ла-Рошели! Знать, что их дети уже не вдохнут ее воздуха, напоенного морскими ароматами, не пробегут там, где ступали ноги их предков...

Сколько поколений ларошельцев бегали в детстве босиком по песчаному берегу, собирали ракушки, вскрывали их ножом, втягивая в себя свежее и горькое содержимое, смотрели от Башни маяка, как набегают на берег пенистые волны, а вдали появляются белые паруса больших торговых судов. И все это оставить!..

— Три недели — это очень недолго, — вздохнул ларошельский купец, — но я знаю, что опасность близка. Все же надо собраться с силами, подготовиться как следует, вот почему приходится идти на риск трехнедельного ожидания. Не позже чем через три недели в Ла-Рошель должен прийти торговый флот из Голландии. Вы знаете так же хорошо, как и я, что голландцы не любят пускаться в плавание в одиночку, как делают французы. Они собираются вместе и два раза в год из Амстердама или Антверпена отплывают целые армады под защитой военных кораблей, у Маниго в Голландии прочные связи, и он может рассчитывать на многое, в том числе и на то, чтобы воспользоваться охраной этого конвоя. Надо только дождаться прихода голландцев. В гавани будет много шума и беспорядка, что нам пригодится. А когда мы будем на борту, наш корабль войдет в середину этого флота и так нам удастся избежать королевского контроля, которому просто не справиться со всем этим множеством судов. Так мы сумеем улизнуть от последней проверки. А раз уж мы выйдем из гавани, чиновники адмиралтейства вряд ли будут придирчивее местных властей и мы уйдем от преследования!

Анжелика утвердительно кивнула. Все было хорошо и удачно задумано. Однако страх не оставлял ее. Эти недели будет труднее

пережить, чем целый год. Что там затевает Бомье, что он готовит, прячась в тени? Этот человек не из тех кто выпускает добычу из рук. Не воспользуется ли он пребыванием в Париже Никола де Барданя, чтобы вынести решения, которых тот бы не одобрил?..

Сердце Анжелики сжалось, но она заставила себя поднять голову и бодро сказала:

— Да услышит вас Господь, мэтр Габриэль!

Глава 12

Дорога вилась среди береговых скал, по краям ее торчали высохшие солончаковые растения. Она следовала изрезанной линии побережья с множеством бухт и затонов, зубчатых выступов, остроконечных мысов и вела от Ла-Рошели к деревушке Ла-Паллис, напротив которой лежал остров Ре. Идти по рыхлому серому песку было трудно, и Анжелика медленно подвигалась вперед. Это ее не тревожило. Времени у нее было довольно, и, как бы ни хотелось ей скорее завершить данное ей поручение, эта неожиданная прогулка доставляла ей удовольствие. Рядом с ней бодро выступала Онорина. Со дня, когда были убиты двое полицейских прислужников, Анжелика не оставляла ее одну дома. Да она и очень редко выходила куда-нибудь. Несносно было идти по улицам, где всюду мерещились подозрительные фигуры, а в глазах прохожих читался странный упрек. Она чувствовала, что петля сжимается вокруг нее все сильнее! Часы и дни проходили как будто спокойно, но ей казалось, что они бегут, как струйки песка под тяжелым фундаментом, вынося из-под него опору, так что скоро он обвалится.

Вокруг нее шли приготовления к отъезду, быстрые и осторожные. Никто бы не заметил в их квартале никаких перемен, нигде не занимались упаковкой багажа. А все-таки каждую ночь в гавань уносили потаенные свертки и тюки. В трюме «Святой Марии», рабовладельческого судна, недавно прибывшего из Африки, накапливались самые разнообразные клади. Каждый, беден он был или богат, переносил туда то, что ему было особенно дорого. Люди решились уже уехать, но не могли представить себе, как можно спать, не укрывшись любимым стеганым одеялом из желтого атласа, как можно варить обед без старого котла, в котором исходили паром столько сочных «жарких». Судовладелец Маниго вел долгие споры со своей супругой, которая обязательно хотела забрать с собой великолепную коллекцию фарфора, украшавшего ее поставцы, — произведение знаменитого гугенота, нашедшего когда-то приют в Ла-Рошели, Бернара Палисси. Маниго бушевал, потом уступал, давал разрешение взять еще одно блюдо, еще миску, а сам никак не хотел оставить свой набор золотых табакерок.

В портовых складах запах черных рабов, привезенных из Гвинеи, смешивался с ароматами ванили, имбиря и перца. В тягучих песнях рабы изливали свою тоску по родине. На судне работали кузнецы, готовя, как

полагалось, цепи для заковки рабов, отправляемых в Америку. Никак нельзя было заподозрить, что в трюм будут помещены совсем другие пассажиры.

Тетушку Анну особенно угнетала мысль, что придется совершить этот путь в помещениях, где возят рабов.

— Там ведь невозможно будет дышать! И дети станут умирать от скорбута!

Несколько раз в день она принималась перебирать книги, которые хотела взять с собой: Библию, курс математики, пособие по астрономии. Стопка была чересчур велика, и старая дева тоскливо вздыхала.

В небольшой лавочке, где торговал левантинец, Анжелика купила изюму и винных ягод для детей. Савари говорил ей когда-то, что это хорошо от скорбута, болезни, поражающей все тело, при которой кровоточат десны, а потом наступает смерть.

Все занимались приготовлениями. Всем хотелось думать, что все обойдется благополучно. И на самом деле все как будто шло хорошо. Анжелика переходила от спокойной уверенности к тревоге и обратно. Инстинкт не мог обмануть ее, угроза нависала все ближе. Но как ее обнаружить? Что указывает на нее? Может быть, невозвращение де Барданя из столицы или странное бездействие полиции, у которой пропало двое подручных, а ничего по этому поводу не говорили, никакого розыска не объявляли?.. Как следовало понимать недавнее распоряжение начальника полиции держать все городские ворота не только ночью, но и днем на запоре и пропускать тех, кому нужно было войти в город или выйти из него, только после тщательной проверки — было это усилением слежки за гугенотами или, как поговаривали, мерой защиты от бродивших близко пиратов? Здесь не приходилось опасаться, как на Средиземноморском побережье, налета вооруженных шаек, но торговцы знали об опасности иного рода: пираты бросали якорь неподалеку от города, потом пробирались туда, смешиваясь с прохожими, и продавали принесенное с собой награбленное добро сравнительно недорого — ведь им не приходилось платить высокую пошлину за вход в город и за право торговли, — сбивая цены. Всегда находились негоцианты, готовые заключать с пиратами сделки, поскольку это было выгодно. Говорят, что на улицах замечали в последние дни личностей совершенно разбойничьего вида, предлагавших канадские меха. Неужели только из-за них в городе недавно разместили целый драгунский полк? Как бы то ни было, ворота теперь всегда были заперты и бдительно охранялись.

Поэтому-то Анжелике пришлось отправиться на остров Ре за

Мартиалом и Севериной. Привезти домой своих старших детей, когда наступит урочный час, собирался сам мэтр Габриэль, но теперь ему было бы слишком трудно выбраться из города. Протестантов задерживали у ворот, записывали их имена, долго опрашивали и придирчиво проверяли, в срок ли они вернулись и в том ли количестве. А откладывать долее было уже невозможно. Наступал час тайного отъезда. Объявили уже о подходе голландского флота. Не раз Анжелика высовывалась из окна и окликала стоявшего на страже у стен маяка Ансельма Камизо:

— Что, не видать ли голландцев?

Страж маяка отрицательно качал головой.

— Нет еще. Да почему вы их так ждете, госпожа Анжелика? Может, среди них находится ваш любовник?

Слух прошел, что они сделали стоянку в Бресте, а здесь будут дня через два. Тогда горизонт расцветет белыми парусами, море запестрит движущимися силуэтами, словно край берега, куда вечером слетаются птицы. В гавани появятся рослые молодцы с лицами цвета ветчины и грубыми голосами. А для горстки преследуемых мужчин, женщин и детей появится возможность спешно, в ночной темноте, подняться на корабль, едва слышно перешептываясь, укачивая детей, чтобы не заплакали... Эти торопливые тени покинут навсегда город, свой родной город, город их предков... И гордая протестантская Ла-Рошель пожнет плоды своего поражения...

Они укроются в глубине трюма и в страшном напряжении будут ждать отплытия, вслушиваясь в далекие команды, в шаги на палубе над их головой. Наконец судно шевельнется, они почувствуют, как оно сотрясается, как раскачивается на зыби... А еще позже наступит время, когда им можно будет подняться наверх из дурно пахнущего трюма. Море будет пусто, и на ясном горизонте им привидится образ их будущей свободы.

Анжелика сделала глубокий вздох, втягивая воздух, пропитанный запахами соли и горькой полыни. Между дюнами виднелись мелкие темно-желтые цветочки. Онорина усердно собирала их.

— Идем побыстрее, детка.

— Я устала.

— Ну, тогда я тебя понесу.

Она пригнулась, чтобы девочка могла забраться ей на спину. Хорошо было идти так на ветру, ощущая на себе эту нетяжелую ношу. Шелковистые волосы Онорины разлетались и ласкали ей щеки, девочка тихонько смеялась. Им обеим нравилась тишина ланд, составленная из

бесчисленного множества звуков — шума ветра, шороха камешков у подножия скал, крика птиц, взлетающих из зарослей тростника. Анжелика почувствовала — и Онорина, наверно, тоже, — что обе они не созданы для городской жизни. Теперь, оказавшись вне городских стен, они возвращались к своей настоящей среде: ландам, далекому горизонту и всему, что таилось вокруг и впереди. Это был ровный, плоский, голый край, без лесов, над которым подымалась тончайшая серо-зеленая дымка, под которой бесконечно тянулась эта равнина, покрытая дюнами, болотами и жалкими, тощими пашнями. Вдали направо виднелась кучка бедных домишек. Это был Сен-Мартен, «столица» острова. Со стороны моря виднелась дамба Ришелье, из воды выступала ее центральная часть, обросшая ракушками с боков торчали скрещенные балки, уже наполовину разбитые ударами волн.

Анжелика лишь мельком взглянула туда. Ее взор обратился к морю. Это было внутреннее море, между островами Ре и Олерон, но в нем ощущалась мощь далекого океана.

Онорина крепче обняла мать за шею своими ручонками и спросила с бесцеремонностью балованных детей:

— Ты счастлива?

— Да, я счастлива, — отвечала Анжелика. Она говорила правду. Ведь близко было время освобождения. В этих пустынных местах, где не было людей с их страстями, она с особой уверенностью ощутила, что море не предаст. Наступит новая пора жизни, откроется новая страница. И какие бы трудности там ни предстояли, у нее найдутся свежие силы, чтобы справиться с ними, потому что она освободится наконец от страшного гнета, прижимавшего ее к земле. И она оставит без сожаления эту дряхлую землю, позабыв обо всем, что тут было — кроме могилки на краю Ниельского леса, недалеко от развалин белого замка. И никаких сокровищ она не увезет с собой, кроме своей дочурки, своей милой девочки.

Совсем уже недолго осталось ждать, а потом она вступит в ту зону покоя, куда тихие воздушные течения выносят сбитых бурей птиц. Счастье уже близко.

— А если ты счастлива, мама, спой мне песню.

Анжелика засмеялась. Ее дочка не упускала удобного случая.

Она начала любимую песню Флоримона, длинную балладу о Зеленой мельнице. Мельницу называли Зеленой, потому что она была украшена изумрудами, черт отнимал ее у хозяина, упорно сопротивлявшегося. Стычек было много... Не переставая петь, Анжелика отходила от моря. Надо было пересечь ланды и выбраться на проезжую дорогу, ведущую к

маленькому порту Ла-Паллис, строения которого едва виднелись вдали.

— Смотри, — вдруг сказала Онорина, — вон там черт с Зеленой мельницы.

Анжелика повернулась туда, куда указывал пальчик дочки, и у нее перехватило дыхание.

На горной тропинке, там, где она стояла бы сейчас, если бы не свернула в сторону, на фоне моря возникла мужская фигура. Разглядеть ее в подробностях издали было невозможно, видно было только, что это высокий человек в темной одежде и огромном черном плаще, раздуваемом ветром. Прямо Мефистофель!

Вдруг море всколыхнулось и налетел туман, покрывший все кругом. Анжелика оказалась в каком-то безвоздушном пространстве, где ничего и никого не было, только она одна да мелькавший край черного плаща. Она словно перестала жить или душа ее выскользнула из тела и унеслась туда, где мечты обретают осязаемые формы, а реальность исчезает. Так, наверное, сходят с ума. Ведь она столько раз повторяла про себя шутливый возглас господина Роша «Хорошо бы Рескатор привел свое судно в Ла-Рошель», что теперь он привиделся ей. Как-то она оказалась внутри этого облака фантазмагорий и видела его. Ей показалось, что она теряет рассудок, и стало страшно.

Потом влажный туман рассеялся. Стали отчетливо видны все краски моря, все очертания и линии, и белая Ла-Рошель с зубцами стен вдали, словно в серебряной короне. Стоявший на скале мужчина поднял руки и поднес к глазам подзорную трубу, направив ее на город. Теперь его фигура обрела плотность и, хотя по-прежнему выделялась чернильным пятном на фоне светлой скалы, уже утратила призрачность, да и дьявольского в ней ничего не было. Он стоял твердо, слегка раздвинув ноги в кожаных сапогах, и упорно смотрел на город. Потом опустил трубу и сделал знак, словно подзывая людей, которых из-за горы не было видно.

Анжелика быстро размышляла. Сейчас этот человек обернется, увидит, что на ландах стоит женщина. Она поняла почему-то, что он и его спутники не хотят, чтобы их заметили. Она огляделась; рядом был тамарисковый куст; она спряталась с дочкой за этим кустом. Сидя на песке, она напряженно следила за тем, что делалось у скалы. К первому человеку подошли еще двое. Они о чем-то переговорили и скрылись из виду. Можно было думать, что все это ей приснилось, но, приложив ухо к земле, она услышала отдаленный звук человеческой речи и неравномерный стук, вроде ударов плотницкого молотка. Потом порыв ветра донес резкий и характерный запах горячей смолы. Из-за скалы, закрывавшей собой

небольшую бухту, поднимался дымок.

— Не шевелись! — велела она Онорине.

Онорина и не собиралась шевелиться. Она сидела тихо, как спрятавшийся кролик. Такое поведение было свойственно ее дикой натуре, а может быть, сказывались дни раннего детства, проведенные в лесу. Анжелика же осторожно поползла по сухой траве в сторону скалы.

Она увидела в бухте трехмачтовое судно без флага. Оно сидело довольно глубоко в воде и было сравнительно широким, значит, могло быть голландским или английским но никак не французским и, уж конечно, не ларошельской рыболовной шхуной. У тех водоизмещение было не больше 180 тонн, а у этого судна по крайней мере 250. Почему же торговый корабль оказался в миле от Ла-Рошели в этой бухте, неудобной для стоянки плохо защищенной от ветра невысокими скалами, неглубокой, с илистым дном? Обычно в таких бухтах находили приют рыбацьи лодки.

А торговое ли это судно? Глаз Анжелики, наметанный в Средиземном море, научился замечать маскировку. Она уже убедилась, что тут должен быть второй мостик с пушечной батареей, а почти невидимые даже вблизи, врезанные в доски люки были орудийными портиками и, когда нужно, открывались, а за ними чернели дула полутора десятков орудий. На мостике возле необычно высокой рубки были навалены кучей вроде бы обыкновенные мешки, но можно было догадаться, что под ними скрывались небольшие пушки — кулеврины. На эту мысль наводил и часовой, стоявший возле мешков. Под покрывками прятались и длинные багры, шесты и лестницы, употребляемые в морских боях, чтобы оттолкнуть нападающий корабль либо... чтобы притянуть его к себе.

От судна отошел каик, направляясь к берегу. Анжелике не было видно, где он пристал. Она проползла еще немного вперед и осторожно подняла голову. До нее донесся гул голосов, но нельзя было разобрать, на каком языке говорят. Зато она увидела горевший на прибрежных камнях костер, над которым в огромном котле кипела шведская смола, то есть гудрон — то, чем обмазывают бока кораблей. Возле стояли бочонки. Матросы — видны были только их макушки, непокрытые, либо в шерстяных колпаках, — окунали в гудрон пуки пакли и складывали их в корзины, которые относили на каик.

Экипаж каика состоял из четырех человек, они все принадлежали к разным расам, словно должны были на празднике Нептуна представлять четыре страны света. У одного, поджарого и подвижного, кожа была смуглой, а глаза большими, как у жителей Средиземноморья, — кто он был, сицилиец, грек или, может быть, мальтиец? Другой, коренастый, в

лохматой меховой шапке, грузный, как медведь, казалось, едва двигался в негнущихся сапогах и балахоне из тюленьих шкур. У третьего узкие глазки поблескивали на пряничном лице, а мышцы могучих голых рук вздулись, когда он легко поднял над головой бочку солидных размеров с кусками смолы, — это был, конечно, турок. Четвертый, рослый и величественный мавр, не помогал товарищам в черной работе, а держался в стороне, оглядывая окрестности, с мушкетом в руках.

«Пираты!»

Значит, начальник полицейского управления имел основания держать городские ворота на запоре. Он не лгал. Пираты, которых кто-то заметил, существовали на самом деле, они были здесь! Их дерзость превосходила всякое воображение: всего в нескольких кабельтовых от них находился ларошельский форт Св. Людовика, а чуть дальше была база королевского флота в гавани Сен-Мартен на острове Ре!

Оснастка корабля была такой, что паруса можно поднять очень быстро; он всегда, видимо, держался настороже и готов был тронуться с места при первой тревоге. Странно только, почему пираты конопатили свой корабль в таких условиях. Конечно, это могло ввести в заблуждение небрежного наблюдателя, все равно, был он на море или на суше.

Она крепче прижалась к земле, услышав, как неподалеку свалился камень, потом послышался топот ног и ужасный визг, издаваемый — слава Богу! — всего лишь парой свиней, которых тащили на берег их владельцы, жители Сен-Мориса. Матрос в меховой шапке подошел к ним и стал торговаться. Видимо, местные крестьяне были в хороших отношениях с пиратами, устроившимися по соседству. Но все же это были разбойники, авантюристы, готовые на все. Она видела и слышала этих пиратов. Это были живые люди. Но человек в плаще не мог быть реальностью. Не мог же он явиться сюда во плоти и поставить свой корабль на якорь возле Ларошели!.. Именно он? Почему он? Это ей просто померещилось. Да его нигде не было видно. Корабль казался совсем пустым, на нем не было никого, кроме пары часовых. Он слегка покачивался на волнах, и на солнце блестела позолота украшений на корме. Корма была так нарядно и роскошно отделана, что в пору хоть королевскому кораблю. Анжелике удалось разобрать золотую надпись: «Голдсборо».

Ее привело в себя прикосновение детской ручонки. Онорина соскучилась и потихоньку, как котенок, подползла к ней. Тут Анжелика поняла, что оставаться им здесь больше нельзя. Если пираты обнаружат их, что с ними станет? Морские разбойники, как известно, жалостливостью не отличались. Они были неумолимы, когда дело шло об их безопасности. А

если их вождь действительно тот Рескатор, которого она как будто увидела сейчас, то что с ней будет, попади она в его руки?..

С бесконечными предосторожностями, переползая с дюны на дюну, она выбралась наконец в глубину ланд. Выйдя на дорогу, она посадила Онорину себе на закорки и торопливо зашагала к Ла-Паллис. Двери таверны, куда заходили рыбаки опрокинуть стаканчик, вытащив сети, были открыты. Она быстро вошла туда и села за стол.

— Вы словно черта повстречали, — сказала хозяйка, подавая ей кружку вина (вино было с острова Ре).

— Да, мы видели черта, — серьезно отвечала Онорина.

— Какая бойкая девочка! — рассмеялась трактирщица.

От вина Анжелика отказалась, несмотря на все уговоры, она и так еле держалась на ногах. Она попросила молока и тартинку для девочки, горячего бульона для себя. Ведь предстояло еще перебраться на остров Ре за Мартиалом и Севериной.

Через два часа она входила в Сен-Мартен, крохотный городок, весь пестревший расшитыми золотом красными и синими мундирами офицеров королевского флота. Она спросила, как пройти к дому госпожи Демюри, и легко отыскала его. Бледность и усталый вид помогли ей сыграть приготовленную роль: мэтр Габриэль Берн внезапно захворал, теперь ему очень плохо и он хочет проститься со своими детьми перед смертью.

Сестра Берна не подумала их задерживать. Она была глубоко потрясена печальной вестью. Совсем не плохой человек, она согласилась на обращение, потому что была честолюбива и понимала, что девушку-протестантку ждут только обиды и огорчения. Мэтр Габриэль был ее старший брат, она уважала и любила его и очень тяжело пережила разрыв с ним. Горько рыдая, она совсем позабыла, что, вручая ей детей, королевский наместник запретил выпускать их из дому без особого разрешения.

Лодочник, который перевозил их с острова, тревожно поглядывал на собиравшиеся тучи. Надо было ждать грозы. Лодка плясала на почерневших волнах с белыми барашками. Когда они выходили на берег, налетел ветер и начался дождь. Анжелика разыскала крытую телегу. Все равно она бы не решилась еще раз идти пешком через ланды. Возчик — гугенот — рад был услужить детям мэтра Берна. Ехали они быстро и вскоре оказались у стен Ла-Рошели, возле ворот Св. Николая. Стоявший там страж в промокшей холстяной накидке спокойно пропустил крестьянскую телегу. Анжелика порадовалась было, что буря помогла им так легко добраться до дому, как вдруг из кордегардии вышли два стрелка.

Они встали перед лошадей, остановив ее, а затем заглянули под навес телеги.

— Она здесь, — сказал один из них.

Анжелика узнала стража, опрашивавшего ее утром, когда она выходила из города.

— Вы госпожа Анжелика, служанка мэтра Габриэля Берна, проживающая в доме, расположенном на углу улицы под городскими стенами и площади Масляного пятна?

— Да, это я.

Стрелки посоветались. Потом один поднялся на облучок и уселся рядом с возчиком.

— Нам приказано встретить вас на обратном пути в отвести во Дворец правосудия.

Глава 13

Хозяин телеги изменился в лице. Приверженцам реформатской веры очень нежелательно было оказаться рядом с людьми, которых вели во Дворец правосудия.

Но делать нечего, ему пришлось поехать туда. Сходя с телеги у длинной средневековой стены, водосточные трубы которой извергали целые потоки, Анжелика думала почему-то, что ее станут спрашивать про пиратов. Потом ей пришло в голову, что из Парижа вернулся Никола де Бардань и хочет ее видеть. Однако ее повели не к большой, уже знакомой ей лестнице в глубине двора, откуда проходили в зал с высокими потолками. Ее вместе с тремя детьми втолкнули в полутемное конторское помещение, где уже горели свечи. Там среди множества бумаг сидели и работали писари с гусиными перьями в руках. Другие чиновники сидели в углах на табуретах, и, казалось, им нечего было делать, они только чистили себе ногти. Пахло сажей и пылью, а к этому примешивались военные запахи — табака и кожаных сапог, пробудившие у Анжелики неприятные воспоминания. Это был запах полиции. Один из сидевших встал, с полицейской наглостью оглядел молодую женщину, открыл дверь позади себя, подтолкнул ее и сказал:

— Войдите туда. — При этом он взял ее за руку, оторвав от Онорины.
— Вы, дети, оставайтесь здесь.

— Пусть пойдут со мной, — возразила Анжелика.

— Нельзя. Господин Бомье будет тебя допрашивать.

Анжелика встретила взглядом с Мартиалом и Севериной. Они еле дышали, губы были приоткрыты, а сердца, должно быть, сильно бились. Их уже приводили сюда — при аресте. Ей очень хотелось крикнуть им: «Только ничего не говорите...» Ведь она имела неосторожность шепнуть им, пока лодка увозила их с острова, что скоро надо отправляться в Америку. Можно было только сказать:

— Смотрите хорошенько за Онориной. Объясните ей что она должна вести себя хорошо и что надо молчать...

Эти последние слова были заглушены отчаянными воплями Онорины, возмущенной тем, что ее разлучили с матерью. Дверь за Анжеликой закрылась, и она с тревогой прислушивалась к крикам дочери и не столь громким голосам людей, пытавшихся ее успокоить. Потом крики стали глуше, видимо, девочку куда-то увели. Стукнули двери еще нескольких

комнат, наконец все стихло.

— Подойдите. Садитесь.

Она вздрогнула. Оказывается, в этой комнате за столом сидел господин Бомье. Он указал на табурет по другую сторону стола и повторил: «Садитесь, госпожа Анжелика», произнося ее имя с какой-то странной насмешкой. Он делал вид, что не смотрит на нее, и долго перелистывал какое-то дело, почесывая пальцем редкие волосики на своей голове. Из носа у него вылетали крупинки табака. Несколько раз он проворчал: «Хорошо... хорошо...», потом закрыл досье и откинулся назад в своем высоком кресле с потертой обивкой.

Глаза у Бомье были поставлены очень близко, он слегка косил, взгляд был инквизиторски пронизывающий. Насколько Никола де Бардань не подходил к своей служебной роли, настолько Бомье казался просто рожденным для нее. Анжелика это сознавала. Понимала, что придется бороться с ним. Молчание затянулось. Бомье любил прибегать к этому приему, чтобы заранее воздействовать на тех, кого собирался допрашивать, но на этот раз просчитался: у Анжелики было время собраться с мыслями. Она не знала, с какой стороны он нападет на нее. Пожалуй, он и сам еще не знал. Напряженно соображая, он водил языком по своим тонким губам и очень напоминал злую лисицу.

Наконец, приняв решение, он спросил притворно ласковым тоном:

— Скажите, красавица, куда вы девали трупы?

— Трупы? — удивленно повторила Анжелика.

— Ну, не притворяйтесь невинной. Вы бы не волновались, если бы не знали, о чем пойдет речь. Конечно, неприятно вспоминать, что эти трупы пришлось увозить... прятать... не так ли?

Анжелика сохраняла все то же выражение вежливого недоумения.

Бомье начал злиться.

— Нечего терять время даром... так или иначе вам придется признаться. Эти тела... эти люди... помните? На одном был ярко-синий сюртук. — Он ударил кулаком по столу. — Вы что, станете утверждать, что примерно месяц назад на улице к вам не подходил человек в ярко-синем сюртуке и не пытался ухаживать за вами?

— Простите, — она заставила себя растерянно улыбнуться, — я не понимаю, о чем вы говорите. Не сердитесь на меня...

Управляющий религиозными делами покраснел от злости, и губы его сложились в ехидную гримасу.

— Так вы не помните этих двух человек?.. А третьего апреля точнехонько в час пополудни... вы шли из магазина Маниго к гавани... Эти

люди пошли за вами, по улице Перш, потом по улице Сура... И вы так ничего и не помните?

Он то ли смеялся над ней, то ли пытался убедить отвечать. Она не знала, что он еще скажет, и потому осторожно проговорила:

— Возможно.

— Ну, сдвинулись с места, — протянул он удовлетворенно, опять откинулся в кресле, глядя на нее как на добычу, которой не ускользнуть. — Расскажите же мне все.

Анжелика поняла, что поддаться дьявольской самоуверенности допрашивавшего значило погибнуть. Если начать признаваться, она скоро совсем увязнет. И резко, почти с вульгарной интонацией спросила:

— Что вам рассказывать? Вы что, не понимаете, что ко мне часто подходят на улицах мужчины? Ла-Рошель приобретает все более дурную славу, что говорить. И у меня хватает забот, мне некогда запоминать всех, кто ко мне пристаёт, и запоминать, какие на них были сюртуки...

Бомье жестом прервал ее протест.

— Но этих, я уверен, вы хорошо запомнили. Ну-ка постарайтесь припомнить. Они шли за вами... а потом?

— Ну, если вы так настаиваете, что они шли за мной, наверно, я прогнала их.

— И пошли дальше своей дорогой?

— А как же?

— Третьего апреля, вернувшись от Маниго, вы прямо пришли в дом мэтра Берна, на улице Под городскими стенами?..

Она почуяла ловушку и сделала вид, что задумалась.

— Вы говорите, третьего апреля?.. Возможно, я не сразу вернулась домой в тот день, а зашла еще на склады моего хозяина, как нередко бывало, когда надо было передать ему что-то от господина Маниго.

Этот ответ понравился Бомье, и он приоткрыл в улыбке свои желтые зубы.

— Хорошо, что вы вспомнили, где разгуливали в тот день. Если бы вы солгали, я убедился бы в вашей недобросовестности. Потому что, изволите видеть, это я послал тех кавалеров и велел им следовать за вами. Я следил за ними из окна кабачка в гавани, где я был, когда вы вышли из дома Маниго, я видел, как они стали волочиться за вами. Другой мой подручный поджидал вас возле дома мэтра Берна, на улице Под городскими стенами. С ним были два стрелка. Так вот, этот человек уверяет, что в течение всего дня вы не проходили мимо него, ни вы, ни ваши кавалеры, совместно с которыми он должен был действовать. А тех двоих... никто их больше не

видел.

— Ах! — произнесла Анжелика, словно не понимая трагической подоплеки этих слов, подчеркнутой сугубо мрачным тоном.

— Не играйте опять в невинность, — закричал он, стукнув снова кулаком по столу и скрипя зубами от ярости. — Вы прекрасно знаете, почему они не вернулись. Потому что их убили. И я знаю, кто это сделал. Раз у вас такая плохая память, я объясню вам, как это все произошло. Вы подошли к складам вашего, так сказать, хозяина, и мои люди, исполняя данное им поручение, — они очень охотно взялись за это поручение, признаюсь, — пытались добиться от вас некоторой любезности. Тут вмешался господин Берн со своими приказчиками, возникла драка. Двое моих подручных оказались в меньшинстве и погибли под ударами. Я хотел бы только узнать, куда вы дели их тела.

Анжелике удалось выслушать это, раскрывая все шире удивленные глаза. В одном пункте — что касалось приказчиков — версия Бомье хромала, значит, он не совсем был уверен в том, что говорил.

— Боже мой! — воскликнула она с преувеличенной наивностью. — Что вы говорите! Какой ужас! Я ушам своим не верю. Вы обвиняете моего хозяина в убийстве?

— Да, он убийца.

— Но это невозможно. Он очень благочестивый человек, он каждый день читает Библию.

— Это ничего не значит, даже напротив. Эти еретики на все способны. Поверьте мне, я это знаю, я получаю жалованье за это.

— Да он и мухи не обидит, — продолжала она настаивать. — Это человек тихий, кроткий, добрый.

— Вы, конечно, эти качества могли оценить, — криво усмехнулся допрашивающий. — Вам, красавица, это сподручнее.

— Но мой хозяин...

— Ваш хозяин! Ваш хозяин! Не очень-то он вам хозяин; гораздо вернее то, что вы его любовница.

Анжелика не сразу приняла возмущенный вид. У нее была в запасе еще карта, которую она придерживала с самого начала, кажется, последняя надежда. Грубость Бомье послужила удобным предлогом.

— Вам должно быть известно, — сказала она с достоинством, опуская глаза, — что, несмотря на мое скромное положение, господин де Бардань оказал мне честь обратить на меня внимание. Не думаю, чтобы он одобрил сомнительные и оскорбительные обвинения, высказанные вами.

Эти слова не произвели ни малейшего впечатления на Бомье.

Напротив, он хитро и притворно улыбнулся, а потом взял со стола гусиное перо и стал задумчиво вертеть его между пальцами. Этот жест наполнил Анжелику глухим ужасом, вызвав в ее памяти уже пережитые допросы, особенно когда ей пришлось отвечать знаменитому сыщику Франсуа Дегре. Он так играл пером, когда собирался отправить ее к позорному столбу. Анжелика не могла оторвать взгляда от машинальных движений большого пальца, потемневшего от табака.

— Так вот, — с наигранной любезностью заявил Бомье, — господин де Бардань больше не вернется в Ла-Рошель. Наверху считают, что он с недостаточным рвением исполнял данное ему поручение. — Он презрительно выпятил губы и продолжал:

— Требовались не обещания, а положительные данные. Однако при его слишком снисходительном управлении дерзость гугенотов только возрастала, и те немногие обращения, которых удалось добиться за это время, были всецело обязаны моему усердию, пока приходится признать, недостаточно оцененному.

Он вытянул вперед руки и вдруг проговорил фамильярно, почти добродушно:

— Итак, милочка, положение ясное. Господина де Барданя больше нет, некому вас защищать, и некому попадать к вам в сети. Теперь вам придется иметь дело только со мной. Ручаюсь, что... да, да... мы договоримся.

Губы Анжелики задрожали. Она не смогла справиться с разочарованием и растерянно пробормотала:

— Так он не вернется?..

— Нет, не вернется. Но довольно об этом. Если этот любовник мог предоставить вам, признаю, серьезные преимущества, то и мэтр Берн неплохое завоевание. Вы умно сделали, посадив на крючок этого богатого вдовца. Дело стоящее...

— Я не позволю вам так...

— А я не позволю вам больше смеяться надо мной, бесстыдная притворщица, — заорал Бомье, словно его охватил священный гнев. — Что? Вы не его любовница?.. А что вы делали в конторе мэтра Берна в тот самый день третьего апреля, когда судебный пристав Громмер пришел получить пошлину?.. Громмер ведь видел вас!.. Корсаж у вас был расшнурован и волосы распущены по плечам... Ему пришлось бог весть сколько барабанить в дверь, пока этот протестантский грешник собрался открыть... И вы имеете наглость смотреть мне в глаза и утверждать, что вы ему не любовница?.. Лгунья, интриганка, вот вы кто!

Ему не хватило воздуха, и он умолк, с удовольствием наблюдая, как вспыхнули щеки Анжелики.

А она никак не могла справиться с собой. Что же делать? Как отбиваться?.. Судебный пристав не заметил, к счастью, в полутьме конторы, что платье ее было порвано и выпачкано кровью. Это еще не так страшно — он приписал беспорядок ее одежды лишь фривольным причинам. Но кто же подумал бы иначе?..

— Перестали чваниться? То-то же... — торжествовал ее мучитель, очень довольный, что заставил ее опустить глаза. Просто поразительно, до чего доходит наглость этих женщин. Готовы убеждать вас, что вам все пригрезилось. — Ну?.. Что же вы скажете?

— Бывают у людей слабости...

Бомье сдвинул веки, на лице его появилось ласково-ехидное выражение.

— О, конечно, слабости!.. Почему бы их не иметь такой женщине, как вы, которая привлекает внимание мужчин и знает это... Да это ведь ваше постоянное занятие. Я бы удивился противоположному. В конце концов, это ваше дело — то, что вы увлекли этого Берна. Но вы мне нагло солгали, когда я вас об этом спрашивал, и продолжали бы защищать свою оскорбленную добродетель, если бы я не доказал вам обратное... Раз вы так лгали в одном, значит, можете лгать и в ответах на другие вопросы! Теперь я вас поймал, красавица! Знаю, чего вы стоите. Вы сильны, но я посильнее вас.

Анжелика поняла, что попала в ловушку. Этот человек, от которого несло ладаном и канцелярскими бумагами, был очень хитер, а она словно утратила свою прежнюю находчивость. С этим было страшнее, чем с Дегре. Даже в тот день, когда Дегре вынуждал ее признаться, что она причастна к делу ограбления, все-таки между ними было что-то общее — плотское влечение, делавшее увлекательной самую ожесточенную борьбу. Но тошно было даже подумать о том, чтобы воспользоваться своим очарованием для преодоления злобы этого дурно пахнущего пройдохи. Это было выше человеческих сил, да и могло ничего не дать. Бомье принадлежал к тому же типу людей, что Солиньяк, только стоял ступенькой ниже. Он находил наслаждение в неуклонном исполнении своих обязанностей, при виде униженных и молящих о пощаде людей, в сознании своей силы, позволяющей одним росчерком пера загубить чью-то жизнь.

Сейчас он сидел, скрестив руки на тощем животе с таким блаженным видом, который бывает только у толстяков. Этот жест подчеркивал его

ограниченность, делал его чем-то похожим на старую деву.

— Что же, милочка, будем говорить по-хорошему? Так зачем же вы связались с этими еретиками? Не спорю, в другое время Берн с его состоянием мог показаться хорошей добычей. Но вы достаточно умны, чтобы понимать — сейчас состояние реформата уже висит на волоске. Если только он не обратится! Ну, тогда дело будет другое. Будь вы половчее, вы бы давно преподнесли нам обращение Габриэля Берна и всей его семьи. Тогда бы вы выиграли по всем статьям, а теперь смотрите, куда вы себя затащили: соучастница в убийстве, соучастница в гугенотских замыслах. Вы утратили все преимущества католички. Вас можно обвинить в намерении вступить в эту ересь. А это очень опасно.

Он снова заглянул в лежавшую перед ним бумажку.

— Вот и кюре ближайшего к месту вашей службы прихода, Сен-Марсо, заявляет, что вы не ходите на его службы и не приходили к нему исповедоваться. Как это понимать? Вы отказываетесь от католичества?

— Что вы! Нет, конечно! — вскричала Анжелика, на этот раз с искренним возмущением.

Бомье почувствовал это и разозлился. То, что он задумал, не получалось. Он засунул в нос понюшку табаку, втянул его, потом чихнул, не извиняясь, и долго сморкался с отвратительным присвистыванием. Анжелике вспомнилось, как Онорина выскочила с глазенками, сверкающими под ее зеленым чепчиком, и бросилась на Бомье, размахивая палкой и крича: «Я тебя убью». Сердце ее охватила любовь к непокорной крошке, уже сейчас готовой восстать, как и она сама, против всего подлого и гнусного. Надо было скорее выбраться отсюда, вернуться к Онорине, использовать немногие часы, остающиеся до бегства.

— А что вы об этом скажете?

Бомье подал ей несколько листков. Это был список имен, включавший Габриэля Берна с домочадцами, семьи Мерсело, Каррера, Маниго и других. Анжелика два раза перечитала список, сначала не поняв, что это значит, потом встревожась, и вопросительно взглянула на Бомье.

— Все эти люди завтра будут арестованы, — удовлетворенно ухмыльнулся он и быстро нанес удар:

— Потому что они хотят бежать.

Теперь Анжелика поняла, что это копия списка тайных пассажиров «Святой Марии», составленного Маниго. Там были все, включая маленького Рафаэля, недавно появившегося на свет в семье адвоката Каррера и объявленного «незаконнорожденным по указу», так как протестантских пасторов лишили права регистрировать новорожденных. А

в конце списка оказалось и ее имя, после членов семьи Берна стояло: госпожа Анжелика, служанка.

— «Святая Мария» из порта не выйдет, — продолжал Бомье. — За этим судном тщательно следят.

Самые разные решения и способы спасения с бешеной скоростью сменяли один другого в сознании Анжелики, и от всех приходилось отказаться. Ум ее был предельно напряжен, и она быстро догадывалась, что Бомье предпримет против нее в каждом случае. Он знал очень много. По сути дела, он знал все. Но распоряжаться ему она не позволит. Больше нельзя молчать, а то он воспримет ее молчание как признание.

— Бежать, а зачем?

— Все эти гугеноты хотят сохранить свое имущество и, чем покориться королю, предпочитают уйти к врагам Франции.

— Я никогда ничего такого не слыхала... А почему я оказалась в этом списке? Мне нечего бояться обращения, и у меня нет состояния.

— Может быть, вы боитесь жить в Ла-Рошели... Ведь вы, как ни как, соучастница убийства.

— Ах, умоляю вас, не повторяйте такого обвинения, — с притворным ужасом воскликнула Анжелика. — Клянусь вам, оно ложно. Я могу это доказать.

— Вам что-то известно?

— Да, да! — Анжелика уткнулась лицом в платок. — Я скажу вам все, чистую правду.

— Говорите же! — просиял, торжествуя, Бомье. — Говорите, я слушаю вас, моя милая.

— Эти... эти люди, которых, вы говорите, вы послали третьего апреля идти за мной, они., правда, я запомнила одного из них.

— Так я и полагал.

— Молодого человека в синем сюртуке. Как вам объяснить, мне стыдно... Но поверьте, мой хозяин совсем не таков, как вы думаете. Он человек очень суровый, и жизнь в его доме тоскливая. Никаких развлечений. Я бедная девушка и должна иметь пропитание для своего ребенка. Я пошла на службу к этому гугеноту, потому что он обещал мне хорошо платить. Но он очень строг. Приходится работать без конца и потом читать Библию, вот и все. В тот день, когда тот любезный молодой человек подошел ко мне на улице Перш, признаюсь, я слушала его с удовольствием. Не сердитесь, пожалуйста.

— Я не сержусь. Видно, он постарался хорошо исполнять то, за что ему платят. Ну, а дальше?

— Дальше? Мы шли и так приятно болтали, а когда я увидела впереди склад мэтра Берна, куда мне надо было пойти, я... я намекнула — и он меня понял, — что охотно встречу с ним попозже и в более интимных условиях. Он, помнится, заспорил тут со своим товарищем и сказал ему что-то вроде «Старый краб отпустил нас не с пустыми карманами на это...»

— Старый краб? — Бомье словно укололи.

— Не знаю, о ком он говорил, теперь мне кажется... не о вас ли?..

— Продолжайте! — рявкнул Бомье.

— Ну, они говорили, что имеют достаточно денег.

На самом деле она этого не знала. Но можно было предполагать, что, посылая своих подручных ухаживать за красавицами на улицах Ла-Рошели, президент Королевской комиссии снабжал их необходимыми средствами. Догадка оправдалась. Он даже не моргнул. Анжелика осмелела.

— Он сказал потом: «Раз уж встретила приятная особа, которая не отбивается и позволяет пошутить, воспользуемся случаем. Ты иди пока в таверну Святого Николая и жди меня там. Закажи себе винца за счет старого... гм! А потом подумаем, что дальше делать». — Что он имел в виду? — Бомье шипел от злости. — Не знаю... Признаюсь, я думала о другом. Это был такой приятный молодой человек. Вы его хорошо выбрали, надо признаться. Он был очень настойчив. Но мне это не было досадно, ведь, как я уже говорила вам, жить у этих гугенотов очень скучно, и я давно уже была лишена... удовольствий. В переулке никого не было...

Как тошно было сочинять эту мерзкую историю... но Бомье, кажется, попался на удочку. Он слушал увлеченно, и воображение Анжелики заработало сильнее.

— Помешало то, что нас увидел мой хозяин, господин Берн. Он вспыльчив, а тут просто пришел в ярость. И потом, купец очень сильный, так что моему новому приятелю было не устоять, и он предпочел удалиться. Это ведь было самое благоразумное, не правда ли?

Черт побери этих бездельников! Как они смели разойтись? Раз я послал их вдвоем, значит, так и надо было им ходить вместе!..

— Ну, а меня хозяин втащил в контору, чтобы наказать... Я уже сказала вам, он страшно разозлился...

— Возревновал!

— Может быть, — Анжелика позволила себе капельку кокетства. — Он уже схватился за палку, но так удачно появился пристав Громмер и спас меня от взбучки.

Бомье заволновался. Новая трактовка событий сбивала его с толку.

— Ну, все?

— Нет, не все, — Анжелика смущенно склонила голову.

— Что же еще?

— Этот молодой человек в синем сюртуке... я с ним еще встречалась.

— Где? Когда?

— Вечером в тот же день. Мы успели договориться о месте — за укреплениями. И потом еще на следующий день...

Она с опаской нащупывала дорогу. Достаточно ли правдоподобно все это звучит? Не обрушится ли сейчас шаткое строение ее выдумок?

— А потом я его больше не видала. Он уехал, должно быть, из города... Он на что-то намекал... Я не поняла и была разочарована.

Бомье с досадой повел плечами:

— Все они таковы! Учишь человека ремеслу, вроде бы усвоит свою роль, даешь ему важные поручения, а он вдруг сбежит неведомо куда искать счастья. Но уж про Жюстена Медара я бы этого не подумал. На кого же тогда надеяться?

Анжелика не дала ему долго задумываться над необъяснимым поведением несчастного Жюстена Медара, который дорого заплатил за честное исполнение своих профессиональных обязанностей. Она взмолилась:

— Я все вам сказала и прошу вас, не будьте слишком строги ко мне. Обещаю вам, что завтра же уйду от этих гугенотов. Слишком много неприятностей навлекает служба у них. Ну что ж. Правда, я еще не знаю, куда мне деваться, но от них я уйду, это я вам обещаю.

— Вовсе не так! Вам не следует уходить от них. Наоборот, вы должны оставаться там и рассказывать мне все, что они задумают. Вот, этот побег на «Святой Марии», вы же знали о нем? Вас внесли в список.

— Что я могу? Я не знаю, в чем тут дело. Если бы мой хозяин собирался в путь, он бы сказал мне, чтобы я приготовилась.

— А вы ничего не заметили?

— Нет, — она успешно притворялась наивной.

Бомье вертел в руках разоблачительный список.

— У меня есть точные сведения.

— Если те, кто вам их доставляет, так же усердствуют, как ваш Жюстен Медар... — насмешливо начала Анжелика.

— Замолчите-ка! Я вас терпеливо слушал, и вы уже подняли голову. Что за наглость! Как вы смеете?... Вас надо отправить в Дом раскаявшихся девиц, потому что вы, в сущности, не больше, чем... самая худшая из этих тварей. Но раз вы такая, вы мне еще пригодитесь. Я вам найду применение

во внешней службе, это будет даже лучше, чем во внутренней. — Успокоившись, он снова внимательно и задумчиво посмотрел на нее, повторив вполголоса:

— Если вы, действительно, такая...

Он встал и обошел стол. Что же он задумал? Неужели потребует у нее поцелуя в отплату за освобождение?..

Но он шел к двери.

— Умоляю вас, — она сжала молитвенно руки, — скажите, что отпускаете меня к моей дочке. Я ничего дурного не сделала.

— Пожалуй, я вас сейчас освобожу, — сказал он с олимпийским снисхождением. — На этот раз. Надо только еще кое-что проверить, и тогда вы будете свободны.

Он вышел. Если бы она так не волновалась, то заметила бы странный тон, с каким он произнес слова «еще кое-что проверить». Но она так обрадовалась обещанию «Я вас сейчас освобожу». А положение-то было отчаянным. Хотя бы с ней отпустили детей Берна — вместе с Онориной! Ее плечи опустились. Она закрыла глаза, и две слезинки, признак слабости, скатились по щекам.

Дверь отворилась, и кто-то вошел в комнату. Это был полицейский Франсуа Дегре.

Глава 14

Так удивительно было увидеть его здесь, его квадратную челюсть и прямо смотрящие карие глаза, ладно сидящий редингот из сукна каштанового цвета, с обшитыми золотом петлицами, высокий галстук и высокие каблуки — все, от чего так и «несло» Парижем, каретами под синим небом, что она не сразу поняла, что может означать для нее этот пришелец из ее прошлого.

Установят, что она — маркиза дю Плесси-Белльер, бунтарка из Пуату, что ее арестовали по приказу короля и как мятежницу посадили в тюрьму, что ее еще раз судили, — и оторвут от Онорины, она потеряет ее так же, как потеряла Флоримона, и не удастся уже бежать на острова далекой Америки...

Ее мозг был парализован этим страшным ударом, ни о чем больше думать она не могла. Да, она узнала вошедшего. Даже было как-то приятно снова увидеть его. Дегре! Так далеко и... так близко!

Он поклонился, словно лишь вчера расстался с нею.

— Приветствую вас, мадам. Как вы поживаете?

Она вздрогнула, услышав его голос — а в нем далекий отзвук споров, которые они вели, ненависти и страха, которые она испытывала к нему, мгновения жаркой и безыскусной любви по его настоянию.

Она смотрела, как он идет через всю комнату и садится за стол Бомье. Парика он не носил. Тем легче было узнать в нем, несмотря на укрепившуюся жесткость черт, того бедного студента-гуляку, с которым она была знакома еще прежде, чем он поступил служить в полицию. И напротив, изысканный наряд, уверенные движения, то как он уселся с видом человека, привыкшего к тяжелой ответственности, — это все было непривычно и чуждо. Все линии его лица обозначались жестко, в уголках глаз неотступно стояла чуть ироническая усмешка, складки, и горькие и мягкие, по обеим сторонам рта не расправлялись, даже когда он не улыбался. Но ее он приветствовал дружеским оскалом своих хищных зубов.

— Так вот, дорогая Маркиза Ангелов, видно, в небесах написано, что нам суждено встретиться, несмотря на поспешность, с которой вы бежали от меня после нашей встречи... когда же это было?.. Давно уже... С нашей последней встречи прошло четыре... нет, пять лет!.. Уже! Как бежит время! И как богато оно событиями, особенно что касается вас. У вас особенный

талант жить беспокойно. Что касается меня?.. Ну что же, жизнь идет гораздо спокойнее, когда вы в нее не вмешиваетесь. Я занимаюсь текущими делами. Вот совсем недавно пришлось арестовать одну из ваших соседок... маркизу Бренвилле. Не знаю, помните ли вы ее, она жила за несколько улиц от Вашего дома в Борейли. Она отравила все свое семейство и еще несколько десятков человек. Это продолжалось годы, уже несколько лет я выслеживал ее, и, знаете ли, это вы помогли мне арестовать ее. Именно так! Мне помогли драгоценные сведения, которые я исторг-таки у вас, об ограблении, совершенном вашими приятелями из Двора чудес. Вы этого не помните?.. Забыли, видно. Столько пережито с тех пор. Ах, моя дорогая, в Париже теперь очень часто отравляют людей. У меня безумно много работы. И в Версале тоже часты отравления. Там особенно трудно выявлять... Но я вижу, эти мелкие сплетни вам неинтересны. Поговорим о другом.

Мне поручено разыскать вас и задержать. Мне всегда дают неприятные поручения. Задержать Бунтовщицу из Пуату! Не очень это удобно! И вообще это не моя специальность — таскаться по провинции вроде вашей... Жалкая это провинция, обескровленная, ограбленная, где люди забиты, как скот, а услышав ваше имя, держат рот на замке... Я отказался от поисков там и предпочел довериться случаю... Тут сыграл некоторую роль этот проныра Бомье. Он явился в Париж с донесением по церковным делам, которым не видно конца, и одновременно искал сведений об одной женщине... Почему я подумал, не вы ли эта женщина? Сам не знаю. Но недавняя встреча с любезным наместником Ла-Рошели господином де Барданем, устранила мои сомнения. Я помчался сюда со всей возможной скоростью, чтобы вновь увидеть вас, моя драгоценная. И это оказались действительно вы. Мое поручение выполнено.

А знаете ли вы, что помолодели?.. Именно так, меня поразило это, едва я вас увидел. Неужели все дело в этом скромном чепчике, напоминающем мне о служанке мэтра Буржюса в то давнее время, когда я заходил к нему в таверну Красной маски выпить стаканчик белого винца... Позднее меня ввело в заблуждение ваше новое обличье, когда вы числились в фаворитках короля и были кругом обвешаны драгоценностями. Поверьте мне, я уже начинал видеть в нем приметы моих отравительниц: жадность, честолюбие трусость, стремление мстить. Теперь все это ушло. Я вновь вижу чистые глаза молодой женщины... только в них прибавилось кое-что — след тяжелых переживаний. Что же отмыло вас от всей той грязи? Что сделало ваше лицо опять ясным и чистым? Что вернуло вам всепоглощающий взгляд этих огромных глаз, зовущих на

помощь?

Я вошел сюда и сразу сказал себе: Боже! Как она молода! Приятный сюрприз, надо признаться, спустя пять лет. Может быть, это слезы на ваших щеках?..

Кто же заставил вас плакать, дорогая? Это старая крыса Бомье? Почему? Что вы еще натворили тут, что опять попали в грязные лапы полиции?.. Когда же вы научитесь благоразумию?.. Но почему же вы не отвечаете мне? Ваши глаза очень красноречивы, бесспорно, как и всегда были, но мне этого недостаточно. Я хочу услышать, как звучит ваш голос.

Он наклонился вперед и внимательно вглядывался в нее. Она молчала, будучи не в силах выговорить ни слова. Из глубины ее отчаяния рвался зов, мольба: «Дегре, друг мой Дегре, помогите мне!» Но губы ее не издавали ни звука.

Дегре умолк. Он долго рассматривал ее, черту за чертой, подробность за подробностью, сверяя впечатление с тем лицом и фигурой, которые так часто являлись ему в сновидениях и мечтах.

Он приготовился ко всему, думал увидеть ее опустившейся, постаревшей, вызывающей, полной горечи или ненависти... Он не ждал только этой сдержанной скорби, этой немой и отчаянной мольбы, исходящей из ее зеленых глаз, которые стали еще яснее, еще светлее, чем были.

«Я знал, что ты красива, — думал он, — но ты стала гораздо красивее!.. Каким это чудом?»

Его охватило истинное уважение к этой женщине, которой удалось невероятное: сохранить свою душу здоровой, несмотря на пережитые страшные годы, войну, поражение, существование гонимого и преследуемого зверя, бесконечные опасности.

Он вновь наклонился и серьезно спросил:

— Мадам, чем я могу помочь вам?

Анжелика вздрогнула, словно пробуждаясь от гипноза.

— Помочь мне? Вы решили помочь мне, Дегре?

— А что же еще я делаю, с тех пор как познакомился с вами? Только помогаю вам. Да, и в Марселе, когда я хотел арестовать вас, это было для вашей пользы. Что бы я не отдал тогда, чтобы помешать вам пуститься в ту гибельную эскападу, которая так дорого обошлась вам!

— Но... вам приказано арестовать меня?

— Разумеется, и даже не один раз, а два. И все-таки я вас не арестую.
— Он покачал головой:

— ..Потому что это будет ужасно для вас. Больше бежать вам не

удастся. Я должен буду предоставить вас, мой ягненочек, связанной по рукам и ногам. И я даже не знаю, не о жизни ли вашей пойдет речь. Во всяком случае, о вашей свободе. Больше вам света не увидеть.

— Вы рискуете карьерой, Дегре.

— Вот уж о чем не следовало напоминать в ту минуту, когда я предлагаю вам помощь. Я не могу себе представить вас в пожизненном заключении, вас, созданную для безграничных просторов... Кстати, вы правда собирались отплыть в Америку с несколькими десятками протестантов?

Он полистал небрежно лежавший на столе список пассажиров «Святой Марии». У нее в глазах заплясали фамилии: Маниго, Берны, Карреры, Мерсело... потом имена: Мартиал, Северина, Лорье, Абигель, Ревекка, Жерми, Рафаэль... Она помедлила еще секунду.

У полиции есть сто способов вырвать признание. Взволнованный голос Дегре, его язвительные замечания и прорывающиеся выражения нежности — может быть, это должно было лишь усыпить недоверчивость, заставить ее подчиниться? Одним словом она могла выдать своих друзей, тех, кого любой ценой хотела защитить. Губы ее дрожали. Она решила сыграть ва-банк.

— Да, это правда.

Дегре откинулся на стуле и странно вздохнул.

— Хорошо, что вы не усомнились во мне. Если б вы это сделали, я, возможно, арестовал бы вас! Наша профессия делает нас с годами более суровыми и более сентиментальными, более жестокими и более деликатными. Отказываешься почти от всего кроме некоторых мелочей, которые стоят дороже золота. И со временем они делаются еще дороже. К таким вещам принадлежит ваша дружба. Я разговариваю с вами так откровенно, моя дорогая, — что не в моем обычае, — потому что знаю, что если выпущу вас в этот раз, то больше никогда не увижу.

— Вы меня выпустите?

— Да. Но этого недостаточно для вашей защиты; вы ведь опять попали в очень скверную историю. Почему вы раньше не уехали на острова? Это был лучший исход. Я бы так никогда вас и не увидел и очень был бы рад этому. Теперь придется попортить кровь. Этот Бомье сумел обогнать вас. Всех ваших сообщников немедленно отправят под арест. За кораблем их уже следят. С этой стороны ничего сделать для вас невозможно... К чему вы вздумали, моя прелесть, связаться с этими еретиками, когда вам прежде всего надо было держаться незаметно? На них теперь обращают слишком много внимания, и укрываться в их домах

рискованно... Не говоря уж о том, что это народ неинтересный. Ледяные души, которые не умеют любить... Вы меня разочаровали!..

— Вы говорите, что их всех арестуют? — Остальных его слов Анжелика уже не расслышала. — Когда?

— Завтра утром.

— Завтра утром, — повторила она, бледнея.

Никто ни о чем не догадывается. А завтра утром черные люди и люди с оружием ворвутся во двор, где цветут испанские сирени и левкой, где детишки плясали вокруг пальмы. Они схватят этих детей за руки и уведут их навсегда. А руки мэтра Берна закуют в цепи. Они станут грубо толкать старую Ревекку и почтенную тетушку Анну, а та будет протестовать, прижимая к тощей груди Библию и свои математические книги. Книги у нее вырвут из рук и швырнут в ручей...

И по всем улочкам их квартала под стенами города поведут женщин в белых чепцах с наскоро увязанными узлами в руках, мужчин в цепях, детей, чьи ножонки не будут поспевать за шагами волочащих их солдат.

— Дегре, вы сказали, что поможете мне...

— А вы хотите воспользоваться моим обещанием, чтобы предупредить этих людей?.. Этого не будет. Довольно уже вы наглупили! Я вам даю совсем немного времени собрать ваши тряпки — под моим надзором — и потом вытаску вас из опасного окружения, в котором вы оказались по своему неразумию. Вы слишком быстро забыли, что за вами тоже охотятся, и то, что вы католичка, никак не поможет вам, когда еще кто-нибудь, кроме меня, станет разбираться в вашей истории.

— Дегре, выслушайте меня.

— Нет.

— Двадцать четыре часа... Я прошу у вас только сутки. Воспользуйтесь своей властью, чтобы отсрочить арест до послезавтра или, в крайнем случае, до завтрашнего вечера.

— Черт побери! Вы сошли с ума! — вскричал Дегре, не скрывая гнева. — Вы становитесь все более бесцеремонной. Не так-то просто спасти вашу голову, оцененную уже в пятьсот ливров, а вам этого мало.

— Двадцать четыре часа, Дегре... обещаю вам, что убегу вместе с ними.

— Вы смеете утверждать, что до завтрашнего вечера сумеете вызволить отсюда полсотни человек, которых ждет арест, и отвезти их достаточно далеко, чтобы их не могли захватить?

— Да, я постараюсь это сделать...

Дегре помолчал, опять разглядывая ее. Потом заговорил с внезапной

нежностью:

— Что за звездочка загорелась в ваших глазах? А, узнаю ее. Вас не изменить, Маркиза Ангелов. Ну что же, идет! Ради них и ради вас я устрою отсрочку, о которой вы просите. Из-за той улыбки, с которой вы сказали «Я постараюсь».

Она хотела уже встать, он жестом удержал ее.

— Внимание! Только двадцать четыре часа. Не больше! Нелегко будет получить эту отсрочку. Меня тут уважают, зная, что я правая рука господина де ля Рени, начальника полиции Французского королевства. Но я приехал сюда, разыскивая вас, и мне не годится вмешиваться в местные дела. Бомье будет страшно недоволен, что я вмешиваюсь в дело ареста «его» протестантов. Но я найду повод отложить это до завтрашнего вечера. Но никак не позже. Он хитер. И он знает, что голландский флот уже на подступах к Ла-Рошели. А когда корабли подойдут, тут поднимется такая суматоха, что ожидавшие ее могут и воспользоваться ею. Поэтому он хочет, чтобы все они сидели под замком еще до прихода флота.

— Я поняла.

— Вам лучше выйти здесь. — Он взял ее за локоть и подвел к другой двери, позади стола. — Я не хочу, чтобы видели, как вы уходите. Надо избежать нескромных вопросов.

Анжелика остановилась:

— А дети? Я не могу уйти без них.

— Я уже давным-давно отправил их домой. Этот рыжий чертенок, ваша дочка, кажется, так терзал наши уши своими криками, что я велел старшей забрать ее, возвращаться к отцу, никому ничего не говорить и ждать вашего возвращения. Вас тогда допрашивал Бомье. Но я знал, что придет и мой черед.

— О, Дегре, — прошептала она, — как вы добры!

Он вывел ее в темный узкий коридор и потянул дверь, открывавшуюся внутрь. На улице было уже совсем темно. Из соседней водосточной трубы хлестала вода, но дождь уже перестал. Влажный ветер рывками пробивался между домов.

Дегре остановился на пороге. Он обнял ее по-своему, не сжимая, но так непоколебимо, что сопротивляться было невозможно.

— Я люблю вас. Теперь я могу это сказать, потому что это ничего уже не значит.

Его твердая рука так повернула ее, что затылок пришелся в ямку под его локтем. И это положение, и ветер, и ночь не позволяли ей видеть его, и он утратил для нее реальность. Она была душою опять одна, сознавая

лишь, что, как пленная птица, стремится скорее улететь отсюда, улететь навсегда.

Он понял, что держит в руках опустевшее тело, тело без души, уже улетевшей. Для этой гонимой женщины он был не живым, достаточно солидным, как он сам считал, человеком, а всего лишь призраком прошлого, который мог унести ее к могиле. Она же рвалась вперед, к своей вольной судьбе, в которой ему не было места.

«Она создана для простора, для свободы...» — подумал он, склонился над ее лицом и не прикоснулся к ее губам.

— Прощайте, Маркиза Ангелов.

Очень бережно он разжал руки. Она бросилась бежать, сделала несколько шагов, остановилась, повернулась. Он уже не видел ее, различил только ее слова:

— Прощайте, мой друг Дегре... Спасибо. Спасибо.

Анжелика бежала по ночному городу. Соленый ветер бил ей в лицо. Так бежала, наверно, из Содома жена Лота, когда над этим городом собирались несущие ему гибель серные облака.

Задыхаясь, она добежала до дома. Все были на месте: дети, мэтр Габриэль, старая Ревекка, тетушка Анна, Абигель, старый пастор и молодой пастор со своим сироткой-сыном. Они бросились обнимать ее, окружили, засыпали вопросами.

— Говорите же, — требовал купец. — Вас арестовали. Почему? Что произошло?

— Ничего серьезного.

Даже тетушка Анна повторяла дребезжащим голосом:

— Мы страшно перепугались за вас. Мы боялись, что вас посадят в тюрьму.

— Ничего страшного.

Она постаралась улыбнуться, чтобы успокоить их. Все были на месте, и она уверилась, что ее замысел удастся и она сумеет спасти всех. Ее проводили на кухню, Ревекка принесла вина и спрашивала, какого ей хочется, какую бутылку открыть. Бутылок было много, не имело смысла беречь их, ведь на корабль все не унесешь.

— Корабль? — спросил мэтр Габриэль. — Вас из-за этого задержали? Что-нибудь стало известно?

— Ничего серьезного.

— Вы повторяете «ничего серьезного», а сами белы как полотно. Что же случилось? Скажите. Может быть, надо предупредить Маниго?

Его нелегко было обмануть. Он положил руку на плечо Анжелики.

— Я уже собрался сам бежать во Дворец правосудия.

— Это была бы опасная ошибка, мэтр Габриэль. Я поняла, что эти господа что-то заподозрили, но у них еще нет доказательств, а пока они соберут их, мы уже будем далеко! Надеюсь, Мартиал и Северина ничего не сказали там.

— Нас не спрашивали, — сказал Мартиал. — К счастью. А очень скоро к нам вышел важный господин. Он взял Онорину на руки, чтобы она перестала кричать, и потом сказал нам: «Идите домой. Госпожа Анжелика придет позже». Другим это не понравилось, но он сам вывел нас на улицу.

— Кажется, этот господин приехал из Парижа, — добавила Северина, блестя глазами. — Все относились к нему очень уважительно.

Анжелика подтвердила:

— Этот господин один из моих друзей, и он обещал мне, что сегодня нам можно спокойно спать.

— У вас есть друзья в полиции, госпожа Анжелика? — резко спросил мэтр Габриэль.

Анжелика провела рукой по лбу.

— Да. Это вышло случайно, но так оно и есть. И, как видите, это может пригодиться. Я обещаю все рассказать вам завтра. Но сегодня я устала, да и детям пора ложиться.

Однако когда все разошлись по своим комнатам, она попросила Абигель остаться:

— Мне нужно поговорить с вами.

Они подождали, пока все в доме затихло, и Онорина уснула. Анжелика открыла сундук, стоявший в углу кухонного алькова, и вытащила самое толстое свое пальто и черный шерстяной платок, который крепко затянула под подбородком, чтобы чепец не слетел с головы.

— Я не хотела говорить мэтру Берну о своем замысле, потому что он помешал бы мне. А действовать могу я одна. Но вы должны все знать.

Она кратко рассказала девушке самое главное. Их выдали. Кто? Может быть, один из приказчиков Маниго. А может быть, из их собственных... Это, в сущности, неважно. Важно то, что Бомье все известно. Он знает имена. Подручные и стражники уже сторожат их, следят за складами, за «Святой Марией». Все их дома уже помечены. Черный ангел гибели уже коснулся невидимой рукой и богатых особняков, и скромных лавочек с их улицы Под городскими стенами. Завтра за ними придут и всех арестуют.

Абигель слушала, не шевелясь. Как никогда, она была похожа на фламандскую мадонну с одной картины, со своим длинным кротким

лицом, бледными ноздрями и белым чепцом. Она держалась спокойно. У нее было достаточно душевных сил, чтобы смириться с тем, что ее ждет, но пока это ей легко, думала Анжелика, потому что она еще не знала несчастья. Она не испытала тюрьмы, не была в положении преследуемой жертвы, когда некуда приклонить голову и напрасно молишь о помощи.

— У нас остался только один шанс. Надо рискнуть. Поэтому я должна выйти из дома ночью.

Абигель вздрогнула.

— Сейчас? Когда буря так разыгралась? Послушайте...

Ветер рвал ставни, и оконные стекла звенели от его ударов. Дождь лил снова, и его шум смешивался с глухим ворчаньем моря.

— Остались считанные часы, — сказала Анжелика. — Если завтра утром мы все не будем на корабле, значит, мы погибли.

— На корабле? Но как же? Ведь вы сами сказали, что порт сторожат. А в такую погоду ни один корабль не выйдет в море.

— Один, может быть, найдется. Это последний наш шанс. Надо рискнуть. Будьте наготове, Абигель. Пока меня нет, приготовьте для каждого узелок. Много не кладите: одну смену одежды и белье.

— Когда вы вернетесь?

— Не знаю. Может быть, на заре. Но вы будьте наготове... Я надеюсь прийти с вестью, что корабль ждет нас и надо спешно идти к нему.

Она подошла уже к двери, но обернулась:

— Если я не вернусь, Абигель... моя дочка Онорина, постарайтесь позаботиться о ней, что бы ни случилось. Да что за глупости я говорю!.. Я должна вернуться. Иначе быть не может!

Абигель обняла ее за плечи.

— Что вы хотите сделать, Анжелика?

— Самое простое. Я хочу найти капитана одного корабля, которого я знаю, и попросить забрать нас всех.

Девушка крепко прижалась к Анжелике, обратив к ней сияющие глаза.

Так приятен был этот порыв дружбы, и в памяти встало, сливаясь с ним, наивное видение детских лет. Когда совсем маленькой она слышала вой бури над болотами Монтелупа, она воображала, что дева Мария берет ее на руки, и страх проходил. Она прижалась лбом к плечу Абигель. Та тихонько спросила:

— Почему вы стараетесь увезти нас всех? Ведь это гораздо труднее. Вы могли бы спастись одна, Анжелика, я чувствую...

— Нет, не могла бы. Это было бы выше моих сил, поверьте. Вам не понять этого, моя милая Абигель, но я знаю, что, если не помогу спастись

вам и вашим собратьям-протестантам, я никогда не искуплю ни пролитой крови, ни всех ошибок моей жизни... — И добавила, стараясь, чтобы голос прозвучал бодро:

— Сейчас или никогда! Вот почему я должна добиться удачи.

Абигель проводила ее до ворот. Порыв ветра задул свечу. Молодые женщины обнялись, и, цепляясь за стены, чтобы ветер не сбил ее с ног, Анжелика пошла к городским воротам. Пока она будет пробиваться сквозь дождь, Абигель не уснет, сидя у лампы. Значит, она не одна. Чуть не на коленях она взобралась на мокрые ступени, ведущие к окружной дороге. Там ее охватил немолчный гул моря. Время от времени слышались мощные удары больших волн, колотивших в дамбу. Разлетающаяся от них водяная пыль покрывала все кругом влажной пеленой. Анжелика промокла насквозь, пока дошла до кордегардии у Башни маяка.

Уцепившись за одну из боковых подпор, она немного отдышалась, потом поднялась на цыпочки и заглянула внутрь. В караульном помещении сидел, уныло пригибаясь к жаровне, солдат Ансельм Камизо, на его небритую физиономию падал красный отблеск от горящих углей.

Хорошо, что Анжелика знала о природной робости этого ее вздыхателя, потому что вид солдата под скрещенными балками потолка средневековой башни никак не внушал доверия. Но выбора не было! Она стукнула в окошко.

Солдат неторопливо поднял глаза, и на лице его выразилось глубочайшее потрясение при виде чудесного призрака, посланного ему богом бури. Он несколько раз протер глаза, вскочил, зацепился за алебарду, споткнулся, уронил каску, пробудив многократное эхо башни, наконец добрался до двери и отпер ее. Анжелика, стоявшая уже у двери, быстро вошла, с облегчением сбрасывая мокрый капюшон.

— Вы? Госпожа Анжелика! — воскликнул Ансельм Камизо, не в силах вздохнуть, словно после долгого бега. — Вы!... Здесь, у меня!..

Жалкое было это «у меня» — полутемная круглая будка, матрас на полу да скромный ужин часового — кровати и черный хлеб.

— Господин Камизо, я пришла просить у вас о большой услуге. Отоприте мне угловую калитку, потому что мне надо выйти из города.

Стражник задумался. Разочарование придало ему суровости.

— Полагается... Я обязан... Ничего подобного! Это ведь запрещено, красавица.

— Потому я и обращаюсь к вам. Только тут можно выйти. И я знаю, что ключи от этой калитки у вас.

Обезьяньи брови бедного Камизо ползли все дальше вверх.

— Если вы к любовнику идете, нечего на меня рассчитывать. Я, как и все, охраняю мораль.

Анжелика пожала плечами:

— Вы думаете, что в такую погоду назначают свидания любовникам на ландах?

Солдат прислушался к стуку дождя и завываниям ветра вокруг башни.

— Пожалуй, что нет. Даже здесь лучше, чем снаружи. Но тогда зачем? Зачем вам надо выйти из города?

Анжелика не приготовила объяснения, но оно ей быстро пришло в голову:

— Мне надо отнести записку человеку, который прячется в Сен-Морисе. Этому человеку грозит смерть... Это пастор.

— Понятно, — пробурчал Камизо. — Но если вы будете вмешиваться в такие истории, госпожа Анжелика, не миновать вам тюрьмы. А мне уж не дыбы, а веревки.

— Никто не проговорится... Я дала обещание отнести записку и сразу же подумала о вас. Я никому об этом не говорила, но если вы откажете, кому же мне довериться?

Она ласково положила руку на огромную волосатую лапу и подняла умоляющий взгляд к солдату. Бедный Ансельм Камизо был потрясен до глубины души. Когда ему случалось встречать ее, если она проходила мимо, он, конечно, не удерживался от любезностей, как всякий уважающий себя мужчина, но ему и присниться не могло, что когда-нибудь она окажется рядом и так посмотрит на него. Он провел рукой по подбородку, вспомнил, что небрит и вообще некрасив, что женщины всегда смеялись над ним.

— Я буду вам очень обязана, господин Камизо... так обязана...

Воображение солдата не могло представить ничего больше поцелуя, но даже мысль о том, что эти чудные губы милостиво прикоснутся к нему, самому несчастному из всех солдат гарнизона, сводила его с ума. Его товарищи нередко говорили между собой о холодности красивой служанки Берна. А если они узнают когда-нибудь, что ему, Ансельму, уроду, турецкой башке, досталось то, что самый дерзкий среди них счел бы невероятным счастьем... Ах, за это можно и свечку поставить в папистской церкви! Да неужели это сбудется? Ему даже стало страшно от предвкушения. И, глядя в сторону, он смущенно забормотал:

— Ну, ладно... Хорошо! В конце концов, ничего дурного я никому не сделаю. Я сам распоряжаюсь тут, у стен, что же, могу и постараться для такой женщины, как вы.

Он встряхнул связку ключей.

— А на обратном пути вы заглянете ко мне на минутку?..

— Да, загляну.

Она готова была идти на уступки. И улыбнулась ему, подумав, что этот безобразный невежа на самом деле хороший человек и даже не потребовал, как многие другие, платы вперед. Ансельм же соображал, что, пока она вернется, он успеет побриться перед кирасой, служившей ему вместо зеркала, и сходить к потайному погребу, где у него хранились сокровища: бочонок белого вина и окорок... Ох, и пир же будет...

Анжелика дрожала от нетерпения, следуя за ним вдоль старой стены к потайному ходу, которым когда-то во время осады города пробирались лучники, чтобы осыпать стрелами нападающих. Деревянная калиточка вела отсюда на узкую лестницу, спускавшуюся к дюнам. Анжелика переступила порог и начала спускаться по скользким ступенькам, ежеминутно рискуя сломать себе шею. Солдат светил ей сверху, но ветер несколько раз задувал фонарь и водилось дожидаться, пока он загорится вновь, притаясь к стене, от которой яростный ветер чуть не отрывал ее.

Наконец она ощутила под ногами мокрую зыбкую почву. Город остался позади. Волны шумно налетали на берег расшвыривая гальку. Анжелика выбралась на тропинку, ведущую к скале, и пошла по ней, двигаясь на ощупь. Иногда она сбивалась, отклонялась в сторону натываясь на стебли трав, а то и на кусты тамариска, потом с трудом возвращалась на тропинку. В такой кромешной тьме ей еще не доводилось бывать. Нигде не было ни малейшего просвета, ни слабенького лучика — ничего, что могло бы указать путь в непроглядном мраке. Холодный дождь хлестал неумолимо, так что ресницы ее слипались. Иногда она двигалась с закрытыми глазами. А слева была скала со страшным обрывом. Один ложный шаг — и она рухнет вниз, на мокрые камни. Страх все более охватывал ее, наконец она опустилась на четвереньки в грязь дорожки, по которой струился целый ручей дождевой воды. Продвигаться вперед было совершенно невозможно. Тогда она решила, поборов страх, спуститься к подножию скалы и дальше идти по краю берега. К счастью, она наткнулась на старый деревянный крест, который заметила, когда проходила здесь с Онориной. Это позволило ей ориентироваться. Неподалеку должен был находиться каменный оползень. Она отыскала это место и стала спускаться. Какая-то глыба вывернулась из-под ее ног, целый град камней полетел вниз, увлекая ее за собой. Она скатилась кубарем, но быстро пришла в себя. На ушибы и царапины некогда было обращать внимание, из ладоней сочилась кровь, платье на коленях порвалось, но главное — она

ничего не вывихнула. Можно было подняться и продолжать путь. Скала теперь была справа, и на нее можно было опереться.

Рядом было море, со страшной злобой бросавшееся на землю. Постепенно глаза Анжелики, привыкшие уже к темноте, стали различать белые гривы валов и слетавшие с них длинные клочья пены. Эти бледные грозные формы с адским грохотом насканивали на берег, некоторые вдались, а другие, наоборот, разливались беспредельно широко, свирепыми змеями подползая к ее ногам. Вдруг налетела такая высокая волна, что Анжелике пришлось вжаться в обрыв, чтобы ее не снесло. Эта волна разбилась о камни совсем рядом, и холодная вода залила ей ноги, поднялась до щиколоток, потом до колен. Следующая волна залила ее до пояса, и потянула ее с собой в море с такой силой, что она упала и едва уцепилась за какие-то камни. Еще такой вал — и ее унесет в море. «Надо подняться вверх», — подумала она. Но как выбраться из этой западни? Она пустилась бежать, поскользываясь на гальке, — только бы ее не догнали эти страшные волны. В некоторых местах песчаная полоса так сужалась, что некуда было поставить ногу. Теперь ею владела одна мысль: скорее вернуться на ланды. Ведь прилив нарастает. Если она останется внизу, то непременно утонет. Она хваталась за скалу, ища, где бы подняться, но выступы нависали над берегом. Наконец она как-то дотацилась до бухточки, где останавливались иногда рыбацьи лодки, и, обходя ее, натолкнулась на вырубленную в камне тропинку, которой пользовались рыбаки. Она вползла вверх, вырвавшись из губительной круговерти.

Дотянувшись наконец до края скалы, она без сил растянулась на мокрой земле, не подымая головы.

Это путешествие во мраке ночи походило, должно быть, на то, что совершает человек, умирая — медленно и мучительно пробираясь в неведомые края.

Осман Ферраджи, знаменитый черный колдун, так рассуждал об этом: «Смерть не всегда замечают. Некоторые люди оказываются, не зная почему, где-то в потемках и должны искать дорогу по свету единственного лучика, возвращенного их земным опытом. Если они ничего на земле не взрастили, не наработали, им придется снова блуждать в мире духов... Так говорят восточные мудрецы...»

Осман Ферраджи! Он стоял перед ней, черный, как эта ночь, и говорил:

— Почему ты убежала от этого человека?.. Твоя судьба скрещивается с его судьбой.

Опираясь на руки, Анжелика поднялась. «Если его судьба и моя

должны скреститься, значит, я добьюсь успеха!» — и она сжала зубы.

Навряд ли случайность привела Рескатора к этим берегам. Это означало что-то другое. Это означало, что ей надо добраться до него. И она это сделает, несмотря на ветер, море, дождь и ночь. Она вновь услышала, словно рядом, глухой голос, шепчущий ей на ухо: «У меня вы уснете. У меня есть розы». И ее охватила колдовская атмосфера Кандии, и вспомнилась та минута, когда она готова была остаться там навсегда — возле человека в маске который ее купил.

Она выпрямилась и увидела, что дождь перестал. Зато ветер стал еще сильнее. Он хватал ее за плечи толкал вперед потом вбок; каждый шаг требовал борьбы, словно с настоящим противником. Пройдя совсем немного, она испугалась, что повернула не туда. Она бросалась в разные стороны, кружилась на месте и никак не могла найти путь. Наконец небо чуть-чуть прояснилось. И вдруг на востоке стало заметно красное пламя на Башне маяка. А в противоположной стороне, на краю острова Ре, засветился огонь послабее.

Теперь она выбралась из чистилища. Перед ней расстилалась обдуваемая ветром, но свободная от тумана равнина. Можно было идти быстрее. Добравшись до того залива, где накануне видела корабль, она замедлила шаги. Вдруг ей пришло в голову: «А что, если он снялся с якоря?» Но она тут же успокоилась. За последние несколько часов произошло столько трагических событий — возвращение детей, арест, допрос у Бомье, допрос Дегре, что казалось, она прожила уже много дней. Пираты, когда она заметила их, конопатили свой корабль. Значит, он нуждался в ремонте, и навряд ли они могли сняться с якоря ночью, да еще когда начиналась буря.

И тут над ней, высоко, как звезда, загорелся довольно яркий огонь. Она поняла, что это фонарь на вершине мачты «Голдсборо». Ведь пираты, как ни старались остаться незамеченными, нуждались в освещении. Залив, в котором они укрылись, не защищал судно от бури, и оно раскачивалось, напрягая якорные цепи. На мостике можно было различить силуэты часовых.

Анжелика застыла у края скалы. Из своего укрытия она вглядывалась в начавшее выступать из тени судно; оно казалось сказочным видением, мачты без парусов едва вырисовывались, паруса были, конечно, свернуты, чтобы ветер не сорвал их, в кипении морской пены оно подпрыгивало, словно под ним клокотал котел ведьм.

Совсем недавно, когда она выходила из Ла-Рошели, ей казалось, что надо просто скорее добраться до этого места и тут ее будет ждать

единственно возможное спасение.

Теперь этот замысел показался безумным: добровольно отдаться в руки человека, стоявшего вне закона, самой явиться к опасному пирату, которого она обидела и выставила на посмешище, и просить у него помощи в деле, ничего не обещающем, кроме риска!.. Столько безумных поступков, которые могут привести лишь к катастрофе. Но катастрофа ждала и позади. А она зашла уже так далеко.

Под скалой загорелся еще огонек, у края одной из пещер, должно быть, дозорные матросы разожгли костер.

И та же рука, которая только что заставила Анжелику подняться и идти вперед, — может быть, это была рука Османа Ферраджи — толкнула ее: «Иди Иди! Там твоя судьба...» Надежда и ужас боролись в ее сердце. Но она больше не колебалась, разыскала тропинку, по которой накануне спускались крестьяне из Сен-Мориса, таща своих свиней, и стала сходить вниз. На берегу ноги увязали в перламутровой массе миллионов истертых морем раковин. Она еле пробиралась вперед. Вдруг ее схватили сзади за пояс и за руки, не давая шевельнуться, и направили прямо в лицо фонарь. Пираты заговорили на незнакомом языке, она видела их смуглые лица под кроваво-красными платками, жестокие зубы и сверкавшие в ушах у некоторых золотые серьги. И тогда она закричала, выставя перед собой, словно щит, одно имя:

— Рескатор!.. Я хочу видеть вашего предводителя, его светлость Рескатора!..

Глава 15

Она ждала, опираясь на деревянный борт сильно раскачивавшегося корабля. Береговые дозорные посадили ее в каик, который волны швыряли как ореховую скорлупку, и бог весть откуда у нее взялись силы подняться в темноте на корабль по веревочной лестнице.

Теперь сил у нее уже не оставалось. Ее ввели в какое-то помещение, где пахло жиром, должно быть, камбуз. Два человека сторожили ее. Вошел третий, в маске, в шляпе с мокрыми перьями, и она узнала этот приземистый силуэт.

— Вы капитан Язон?

Она видала его на мостике галеры «Ла Рояль». Тогда капитан Язон, сподвижник знаменитого Рескатора, отдавал распоряжения герцогу Вивонскому, главному адмиралу флота короля Людовика XIV. Теперь он был не столь великолепен, но держался с уверенностью власть имущего, чья воля не знает преград.

— Откуда вы меня знаете? — спросил он удивленно.

— Я видела вас в Кандии.

Его глаза из-под маски всматривались в эту странную крестьянку, которую привели сюда, в испачканной и разорванной одежде, с которой стекала вода. Он явно не узнавал ее.

— Скажите вашему предводителю, господину Рескатору, что я... та женщина, которую он купил в Кандии за тридцать пять тысяч пиастров четыре года тому назад... в ту ночь, когда случился пожар...

Капитан Язон буквально подпрыгнул до потолка. Пораженный, он снова стал всматриваться в нее. Потом выругался несколько раз по-английски. Наконец с непривычным для него волнением — вообще это был человек спокойный — приказал двум матросам бдительно сторожить пленницу и бросился на мостик.

Матросы сочли нужным взять Анжелику за руки. Все равно бежать было невозможно. Она же попала в логово зверя. Впечатление, произведенное ее именем, встревожило ее. По всей видимости, про нее тут помнили. Ей придется предстать перед Господином. Сразу налетели воспоминания. Кандия, освещенная взрывом синего пламени, Кандия в огне. Отходящий от берега «Гермес» пирата д'Эскренвиля, уже запылавший, блестящий, словно золотой, с мачтами, падающими в вихре искр. Рескатор, выскочивший из клубов дыма своей загоревшейся шебеки,

и этот старый гном, колдун де Савари, плясавший на корме своей греческой барки и кричавший: «Это греческий огонь! Это греческий огонь!»

Она подтянула промокшее пальто, страшно давившее на ее усталые плечи. В ту ночь пожара в Кандии две судьбы встретились, потом разошлись в ярких вспышках огня, и вот этой ночью против всякой логики и воли богов снова встречаются в противоположном конце земли. Неужели Осман Ферраджи предвидел это, вглядываясь в звезды с вершины Мозагрибской башни?..

Послышался шум шагов за стеной, и Анжелика выпрямилась, готовая встретить Его. Но вошел опять капитан Язон. Он взмахнул рукой, и Анжелику повели на палубу. По дороге она ощутила колючее дыхание ветра, услышала непрекращающийся рев волн. Пришлось подняться затем по коротенькой деревянной лестнице. В окнах рубки светились неподвижные красные огоньки, напоминающие дьявольские огни, освещающие реторты алхимиков, слуг Сатаны. Почему это сравнение пришло Анжелике в голову, когда из-под шквала ее втокнули в каюту? Может быть, ей вспомнилось, что того, кто был здесь властелином, называли Колдуном Средиземного моря?..

Прежде всего она ощутила что-то мягкое под ногами, словно оказалась на лужайке, поросшей травой-муравой и цветами, потом, когда дверь за ней закрылась, ее охватила благодатная теплота. После ледяного дождя и пронизывающего ветра это неожиданное тепло... Ей чуть не стало дурно, и лишь усилием воли она удержалась от обморока. Постепенно приходя в себя, полуоткрыв глаза, ослепленные ярким светом, она увидела, что в каюте стоит человек, почти заполняющий ее.

Это был тот, кого она увидела, когда пробиралась через ланды, это был Рескатор. Она позабыла, что он такой высокий. Он почти упирался головой в низкий потолок каюты. Она забыла, какая величественная у него осанка. Наверно, потому что видела, как он мягким, кошачьим шагом беззаботно пробирался среди азиатов на базаре в Кандии. А теперь он стоял так непоколебимо, словно его угловатая фигура — квадратные плечи, талия затянутая широким кожаным с металлическими вставками поясом, с которого свисали два пистолета в резных кобурах, длинные мышцы сухопарых бедер, обтянутых кожаными штанами — была высечена из черного камня. Поза его — слегка раздвинутые ноги (так было удобнее держаться прямо на шаткой палубе) и руки за спиной — была позой судьи. Он держался холодно, недоверчиво, настороженно, выжидательно. Совсем не властителем Средиземноморья.

Она узнала только его узкую голову, обвязанную темным платком на испанский манер, кожаную маску с искусственным носом, доходившую до самых губ, черную вьющуюся бородку, удлинявшую его скрытое под маской лицо, и алмазно-твердый, невыносимо пронзительный взгляд, сверкавший из прорезей этой маски. Да, это был он, Рескатор, но в нем ощущалась магия не океана, а чего-то более грубого и страшного. Она так долго мечтала об этом загадочном человеке как о герое сказок тысячи и одной ночи, а перед нею стоял пират. Венецианские светильники с красными стеклами и золотыми подвесками, освещавшие его с обеих сторон, не придавали ему величия.

Корабль сильно тряхнуло, и Анжелику отбросило к двери, за которую она ухватилась. И тут черная статуя ожила. Плечи ритмично задвигались, голова откинулась назад. Рескатор смеялся, смеялся своим глухим смехом, переходившим в кашель.

— Это француженка из Кандии!

Его глухой, хриплый голос с колючими нотками подействовал на нервы Анжелики, как и в прошлом. Ее охватило болезненное, мучительное чувство. Слушать этот голос было почти невыносимо и в то же время хотелось услышать его вновь! Ровным шагом он направился к ней. Под черными усами сверкнули белые зубы. Смех его смутил ее больше, чем могли бы смутить упреки или обвинения.

— Почему вы смеетесь? — спросила она ослабевшим голосом.

— Потому что мне любопытно узнать, что превратило самую красивую из средиземноморских рабынь в женщину, за которую я не отдал бы и сотни пиастров!..

Ничего более презрительного, более издевательского и представить нельзя было. Анжелика увидела себя такой, какой сейчас была: промокшая, оборванная, в простонародной тусклой одежде, с бледным, окоченевшим лицом, на которое стекали капли воды с ее черного платка, с выбившимися наружу космами волос — настоящей ведьмой.

Но этот новый удар не свалил ее, а придал силы для дерзкого ответа.

— Ах, так! — она усмехнулась. — Тем лучше. Значит, вам нечего жалеть, если вы когда-то жалели, о той скверной шутке, которую я сыграла с вами в Кандии.

Опершись на дверь, она, набычившись, смотрела блестящими глазами на человека в маске, вдруг утратив всякий страх перед ним. Ведь она решила, что он спасет их, потому что это был единственный и последний шанс. Значит, надо было как-то уговорить его, воздействовать на него. А пока он представлялся огромным и недоступным, страшно далеким и

нереальным, чем-то средним между сонным видением и галлюцинацией. Это впечатление усиливалось его молчанием.

Хотя бы он опять заговорил!.. Звук его голоса помогал освободиться от чар его магнетического взгляда.

— У вас хватает дерзости напоминать о ваших прежних проделках, — наконец проговорил он. — А как вы меня здесь разыскали?

— Я увидела вас, когда переходила ланды. Вы стояли на краю скалы и смотрели на город.

Он вздрогнул, задетый за живое, и воскликнул:

— Судьба определенно играет нами. Опять вы прошли недалеко от меня, а я вас не видел.

— Я поспешила спрятаться в кустах.

— И все-таки мне следовало заметить вас. Что у вас за талант появляться и исчезать, проскальзывать между пальцами?..

Он сердито зашагал по каюте. Это все-таки было лучше враждебной неподвижности.

— Нельзя сказать, что мои люди были достаточно бдительны. Вы сказали кому-нибудь о том, что видели, о нашем присутствии здесь?

Она отрицательно покачала головой.

— Ну, ваше счастье... Значит, увидев меня, вы опять убежали, а потом полночь явились ко мне... Почему? Зачем вы пришли?

— Просить вас принять на борт своего корабля людей, которые должны наутро, не позже, бежать из Ла-Рошели на Американские острова.

— Взять пассажиров?

Рескатор остановился. Вообще он двигался поразительно легко, несмотря на непрерывное раскачивание корабля. В ее памяти возник силуэт, по-жонглерски балансирующий на бушприте его шебеки, бросая якорь для спасения галеры «Дофине». Она сидела здесь, в этой каюте, а какая-то часть ее души находилась среди видений прошлого. Словно она бродила в подземелье, пытаясь пробиться к этому черному и обаятельному человеку. И теперь, как в первый раз, когда он приблизился к ней на базаре в Кандии, он сразу завладел ее мыслями и вниманием.

Вспомнились признания Эллиды, молодой рабыни из Греции, и бабочками запорхали ее смятенные слова: «Все женщины!.. Он чарует всех женщин... Ни одна не избежала его власти...» И в тоже время она слышала собственный голос, четко и внятно произносящий:

— Да, пассажиров. Они хорошо заплатят.

— Что же это за пассажиры, которым требуется уехать из Ла-Рошели именно на пиратском корабле? Почему они бегут?

— Да, они бегут. Это семьи протестантов. Французскому королю неуютно, чтобы в его королевстве жили еретики. Те, кто не согласен сменить веру, должны бежать, иначе их ждет тюрьма. Но за побережьем ведется наблюдение, и тайно сесть на корабль в гавани невозможно.

— Вы сказали, семьи... Значит, среди них есть женщины?..

— Да... да...

— И дети?..

— Да, конечно, и дети, — еле выговорила она. Ей представилось, как они пляшут вокруг пальмы, их розовые щечки и блестящие глазки. А за ритмичным постукиванием их сабо ухе слышится грохот бури. Она сознавала, что этот ответ почти наверняка приведет к отказу. Капитаны торговых судов очень неохотно соглашаются брать на борт пассажиров. Что же до женщин и детей, этот «товар» считается лишь поводом для споров и ссор. Они хнычут, болеют, умирают, мужчины на корабле дерутся из-за женщин. Анжелика прожила достаточно в таком портовом городе, как Ла-Рошель, чтобы понимать беспрецедентную дерзость своей просьбы. Ну, как рассказать пирату об адвокате Каррере и его одиннадцати детях?.. Она почувствовала робость.

— Так, совсем хорошо! — насмешливо заметил Рескатор. — Ну, и сколько же их всего, этих псалмопевцев, которыми вы хотите загрузить мои трюмы?

— Ну, примерно человек сорок. — (Еще десяток она утаила.) — Вы шутите, видно, красавица. Но пора остановиться. Шутки не должны заходить так далеко. Одно меня все-таки интересует: с какой стати маркиза дю Плесси-Бельер — ведь я вас купил под этим именем — заинтересовалась вдруг судьбой кучки жалких отцепенцев?.. У вас есть родственники среди них? Или любовник?.. Такое, кажется, не могло вдохновить бывшую одалиску, но... чего на свете не бывает, может быть, вы нашли себе нового супруга среди еретиков... ведь про вас говорят, что расход мужей у вас велик...

Его злая насмешка соединялась, казалось, с подлинным интересом.

— Ничего подобного.

— Так что же?

Как объяснить ему, что она просто хотела спасти своих друзей-протестантов? Это должно было представляться недопустимым пирату, безбожнику, конечно, и, возможно, испанцу, как говорили. К безбожию он присоединит еще нетерпимость своей нации. И откуда он столько знает о ее жизни? Правда, по Средиземному морю вести разносятся быстро и неукоснительно, иногда и с преувеличениями.

Он продолжал издеваться:

— Значит, вы замужем за кем-то из этих еретиков? Как же низко вы пали.

Анжелика опять качнула головой. Эти придирки, пусть и злые, ее не задевали. Заботило только одно: неужели из ее обращения ничего не выйдет? Где взять доводы, чтобы уговорить его?

— Среди них есть судовладельцы, вложившие часть своего состояния в дела на Островах. Они в состоянии возместить все ваши расходы, если вы спасете их жизнь.

Он небрежно отмахнулся.

— Все, что они смогут заплатить мне, не компенсирует хлопот от их присутствия на судне. У меня нет места для сорока дополнительных людей, я даже не уверен, что мне удастся сняться с якоря и пройти пролив, не столкнувшись с этим проклятым королевским флотом, да и Американские острова расположены совсем не на моем пути.

— Если вы не захотите взять их, они все завтра будут в тюрьме.

— Ну и что? Такова судьба очень многих в этом прелестном королевстве.

— Не говорите об этом так легко, — она в отчаянии сжала руки. — Если бы вы знали, каково сидеть в тюрьме.

— А почему вы думаете, что я этого не знаю?..

А ведь действительно, он решился жить так, вне закона, наверно, потому что на родине его осудили, может быть, изгнали. Интересно, за какое преступление?..

— ..Столько людей попадает в наше время в тюрьму. Столько жизней гибнет! Немногим больше, немногим меньше!.. Свободно пока только море да некоторые девственные земли в Америке... Но вы не ответили на вопрос, который я вам задал. Почему маркиза дю Плесси интересуется этими еретиками?

— Потому что я не хочу, чтобы они попали в тюрьму.

— Высокие чувства? Не верю, что они возможны у женщины с такой нравственностью, как у вас.

— Ах! Верьте чему хотите! — она вышла из себя. — Я могу сказать только одно: я хочу чтобы вы их всех спасли!

Кажется, в этот день ей довелось измерить все бездны, разделяющие сердца женщин и мужчин. После Бомье Дегре, теперь еще Рескатор! Эти образованные, знающие свое дело мужчины, прочно стоящие на ногах, властные, уверенные в себе, безразлично внимающие слезам женщин и рыданиям избиваемых детей. Бомье это только доставило бы удовольствие.

Дегре согласился дать им отсрочку только ради нее, потому что он еще любил ее. Рескатор же, теперь, когда она утратила привлекательность в его глазах, ничего для нее не сделает!

Он отвернулся и уселся на большой восточный диван, стоявший в каюте. Поза его выражала глубокую досаду, даже уныние. Он вытянул перед собой свои длинные ноги в высоких сапогах.

— Капризы женщин, бесспорно, очень разнообразны, но вы, надо признаться, выходите далеко за пределы допустимого. Вспомните-ка, когда я виделся с вами прошлый раз, вы оставили мне, в качестве сувенира, охваченную огнем шебеку и тридцать пять тысяч пиастров долгу. И вот спустя четыре года вы находите возможным отыскать меня и, не боясь возмездия за прошлое, требовать, чтобы я взял вас к себе на борт вместе с четырьмя десятками ваших друзей. Признайтесь, что ваши претензии хватают через край!

Ударом сухого пальца он привел в действие корабельные песочные часы, стоявшие на полке рядом. Тяжелый бронзовый пьедестал не давал им сдвинуться с места, так что раскачивание корабля не нарушало их равновесия. Песок побежал светлой быстрой струйкой, Анжелика не отрывала от часов взгляда. Проходили часы, скоро кончится ночь...

— ..И наконец в заключение, — сказал Рескатор. — Сделка с пассажирами, предложенная вами, меня ни в малой степени не интересует. И вы сами меня тоже больше не интересуете. Но поскольку вы имели дерзость вернуться в руки хозяина, который сто раз клялся, что заставит вас дорого заплатить за все неприятности, которые вы ему причинили, я оставлю вас, несмотря ни на что, у себя на борту... В Америке женщины ценятся меньше, чем в Средиземноморье, но, возможно, мне удастся там сбыть вас, чтобы возместить часть моих потерь.

В комнате было жарко, но ледяной холод пронизал ее до самого сердца. Ее мокрая одежда прилипла к стулу; раньше, в волнении спора, она этого не замечала. Теперь ее затрясло.

— Ваш цинизм не удивляет меня, я знаю, что... — внезапная хрипота прервала ее голос, затем приступ кашля сотряс ее, довершая ее поражение... Мало того, что она потерпела неудачу, она еще выглядела больной, задыхающейся. Полный разгром!

Совершенно неожиданно он подошел к ней, взял за подбородок и заставил поднять лицо.

— Вот что бывает, когда ночью бегут через ланды за пиратом, несмотря на бурю, — пробормотал он, приблизив свою маску к ее лицу. Прикосновение жесткой и холодной кожи и блеск его горящих глаз совсем

парализовали ее.

— Что вы скажете о чашечке хорошего кофе, мадам?

Анжелика моментально ожила.

— Кофе? Настоящего турецкого кофе?

— Да, турецкого кофе, такого, какой пьют в Кандии... Но раньше сбросьте эту промокшую накидку... Вы совсем закапали мои ковры.

Теперь она увидела, во что превратилась под ее ногами бархатная дорожка, напомнившая ей о зеленой траве летнего луга. Пират стащил с ее плеч мокрый плащ и швырнул в сторону, как тряпку. Сняв со спинки кресла свой собственный плащ, он набросил его на нее.

— Вы уже мне должны один, который бессовестно унесли на своих плечах, когда убежали в ночь пожара. Никогда еще Рескатор не был в таком дурацком положении...

И все было, как той ночью на Востоке: горячие руки на ее плечах, душистые, теплые складки великолепного бархатного плаща на ней. Он подвел ее к дивану и посадил, все еще не выпуская из объятий. Потом отошел в глубину каюты. Снаружи зазвучал звонок. Буря, видимо, подходила к концу: корабль качало гораздо слабее. Песок в часах продолжал струиться, и зернышки его поблескивали в оранжевом свете венецианских ламп. Анжелика отключилась от реальности, она была в волшебном убежище...

По зову колокольчика явился босоногий мавр в коротком бурнусе и красных матросских штанах. Двигаясь изящно, как свойственно его расе, он стал на колени и пододвинул к дивану низкий столик, на который поставил ларец из кордовской кожи с серебряными накладками. Откинутые стенки ларца представляли собой два блюда, на которых были прочно закреплены все принадлежности для приготовления кофе: серебряный самоварчик, массивное золотое блюдо с двумя чашечками китайского фарфора, маленький фарфоровый кувшинчик с водой, в которой плавала льдинка, и блюдечко с леденцами.

Мавр вышел и скоро вернулся с чайником, полным кипятка. Очень аккуратно, не пролив ни капли, он приготовил восточный напиток, аромат которого проник в сознание Анжелики, вызвав почти ребяческую радость. Румянец вернулся на ее щеки, когда она протянула руку к серебряному футляру, в который была вставлена фарфоровая чашечка. Сидя рядом, Рескатор следил своим загадочным взглядом, как она осторожно, по мусульманскому обычаю, двумя пальцами держала чашечку, как влила в нее каплю ледяной веды, чтобы осадок осел на дно, как поднесла чашку к губам.

— Видно, что вы побывали в гареме Мулай Исмаила. Умеете себя вести! Вас можно принять за мусульманку. Как вы ни опустились, но все же сохранили кое-какие добрые навыки, позволяющие узнать вас.

Мавра уже не было в комнате. Анжелика поставила опустевшую чашку между распорками, удерживавшими ее на месте, и пират нагнулся, чтобы снова наполнить ее. При этом он заметил следы крови на футляре.

— Откуда эта кровь? Вы ранены?

Анжелика взглянула на изодранные ладони.

— Я даже не почувствовала. Совсем недавно, когда я спускалась со скалы, цепляясь за камни... А, такое уже бывало на дорогах Рифа.

— Когда вы убежали? Знаете, вы ведь единственная рабыня-христианка, которой такое удалось. Я долго был уверен, что ваши кости белеют где-то в пустыне.

Глаза Анжелики широко раскрылись при воспоминании о том страшном пути.

— Правда ли, что вы искали меня в Микенах?

— Именно так! Впрочем, это было нетрудно: вы оставили за собой убитых.

Веки молодой женщины сомкнулись. Все ее черты выражали ужас.

Человек в маске сказал негромко, с двусмысленной улыбкой:

— Там, где проходит француженка с зелеными глазами, остаются только пожарища да трупы.

— Это что, такая новая поговорка появилась в Средиземноморье?

— Да, вроде этого.

Анжелика подавленно смотрела на кровь на своих ладонях. Он продолжал спрашивать:

— Из Микен вас бежало десять человек. А сколько добралось до Сеуты?

— Двое.

— Кто был второй?

— Колен Патюрель, предводитель узников. И снова ее охватила тревога. Неопределенная опасность... Чтобы прогнать ее, она заставила себя вновь встретиться взглядом со своим собеседником.

— У нас с вами много общих воспоминаний, — проговорила она тихо. Он резко засмеялся, пугая ее.

— Слишком много. Больше, чем вы думаете.

Вдруг он вытащил платок и подал ей:

— Вытрите ладони.

Она послушалась, и заглохшая было боль вновь обожгла ее, соль

разъедала ранки.

— Я пыталась пройти по краю моря, чтобы не сбиться с пути. — И она рассказала, как думала, что пришел ее последний час, когда на нее налетели волны прилива. Она не понимала, каким чудом ей удалось взобраться на крутой обрыв. — Казалось, я борюсь уже со смертью... Но наконец я добралась до вас.

При последних словах в голосе Анжелики послышалась какая-то мечтательная нежность. Сама она этого не заметила. «Я добралась до вас». Теперь она видела только черное неподвижное лицо. Мечтам пришел конец.

Была минута, когда Анжелика чуть не припала к твердой груди пирата и готова была спрятать лицо в складках его бархатного камзола. Этот бархат был не черного цвета, как ей сначала показалось, а темно-зеленого, как мох на деревьях. Разглядывая его, она подумала: «Как там было бы хорошо!»

Рескатор протянул руку, провел пальцами по ее щеке и подбородку; странны были у человека с таким пронзительным взглядом осторожные жесты слепого, знакомящегося на ощупь с недоступными его зрению чертами.

Потом одним пальцем он медленно распустил жалкую промокшую косынку, до сих пор покрывавшую ее голову, и сбросил ее на пол. Слипшиеся, потемневшие от морской воды волосы упали ей на плечи. Среди них светились седые пряди. Анжелике хотелось бы спрятать их.

— Почему вы так хотели добраться до меня?

— Потому что вы один можете спасти нас.

— Вы думаете только об этих людях?! — вскричал он с досадой.

— Как же я могу забыть их?

Она повернулась к песочным часам. Струйка бежала быстро, через определенные промежутки песок вытекал и Рескатор машинально переворачивал часы.

А Онорина спала пока на большой кровати в кухонном алькове, но ее детский покой, которым столько раз любовалась Анжелика, был нарушен. Она волновалась и плакала во сне. Ведь днем возле нее опять были угрожающие лица. Абигель сидела возле девочки и, сжав руки, молилась за Анжелику. Лорье не мог заснуть, как бывало на чердаке, и прислушивался к тревожным шагам отца в соседней комнате.

— Как же я могу забыть их? Вы мне только что сказали, что я оставляла за собой развалины... Помогите же мне спасти хотя бы этих людей, последние обломки.

— Эти люди, гугеноты, чем они занимаются? Какое у них ремесло?

Он спрашивал резко, подергивая бороду нервными рывками. Такое замешательство в поведении человека, который всегда владел собой, показало ей, что неведомо как она добилась успеха. Лицо ее просияло.

— Не торжествуйте, даже если кажется, что я уступаю вашим настояниям. Это еще не значит, что победа будет за вами.

— Ну и что! Если вы согласны взять их на борт и спасти от тюрьмы и гибели, что еще может иметь значение? Я заплачу сторицей!

— Пустые слова! Вы же не знаете, какую цену я возьму с вас. Ваше доверие ко мне граничит с наивностью. Я морской пират, и вы могли бы сообразить, что я занимаюсь не спасением жизни людей, а скорее наоборот. Такие женщины, как вы, вообще не должны вмешиваться ни в какие дела кроме любовных.

— Но это вопрос любви.

— Не философствуйте! А то я посажу вас на свой корабль только затем, чтобы утопить, когда мы выйдем в море! В Кандии вы меньше болтали и были много приятнее. Отвечайте на мой вопрос: каких людей вы просите меня взять на свой корабль — не считая благочестивых женщин — хуже их нет на свете — и хнычущих детенышей?

— Среди них есть один из самых богатых судовладельцев, господин Маниго, и несколько крупных купцов, занимающихся заморской торговлей. На Островах они владеют...

— А ремесленники среди них есть?

— Есть плотник с подмастерьем.

— Это уже лучше...

— Есть булочник, два рыбака. Они опытные мореходы и организовали маленькую флотилию для снабжения бельгийского города Халле рыбой из Ла-Рошели. Есть еще господин Мерсело, бумажный фабрикант, мэтр Жонас, часовых дел мастер...

— Эти ни к чему!

— Мэтр Каррер, адвокат.

— Еще хуже.

— Врач...

— Хватит... Ладно, возьмем их на борт, раз вы хотите спасти их... возьмем всех. Никогда еще не встречал такой упрямой женщины. А теперь, любезная маркиза, представьте мне план осуществления вашего каприза. Я не собираюсь застрять в этой крабовой яме, куда имел глупость зайти, чтобы проконопатить свое судно. Я собирался выйти отсюда на заре. Подожду следующего прилива, еще до обеда мы снимемся с якоря.

— Мы все соберемся у скалы, — просияла она и встала. — Я иду за ними.

Глава 16

Солдат Ансельм Камизо, который часть ночи провел, согреваясь надеждами и райскими мечтами, подскочил, услышав легкое царапание в дверь. Ночь уже кончалась, и небо начало светлеть. Надежда его совсем истончилась, словно огонек догорающей свечки. С трудом передвигая окоченевшие за ночь ноги, он подошел к двери и шепотом спросил:

— Это вы, госпожа Анжелика?

— Это я.

Ключ со скрипом повернулся, и Анжелика появилась в приоткрывшейся двери.

— Долго же вы ходили, — упрекнул солдат.

И вдруг железная рука схватила его за горло, здоровенный пинок свалил с ног и сильный удар по затылку лишил сознания.

— Бедняга, — вздохнула Анжелика, глядя на длинное костлявое тело Ансельма Камизо с кляпом во рту, обмотанное веревками.

— Иначе невозможно, мадам, — отвечал один из сопровождавших ее матросов. Всего их было трое. Рескатор выбрал их из своей команды.

«Я приказал им не отходить от вас ни на шаг и доставить сюда живой или мертвой!»

Во дворе дома мэтра Берна, куда сам хозяин вышел с фонарем в руках, появились Анжелика в черном плаще с серебряными галунами и трое моряков довольно страшного вида, которых легко было представить с ножами во рту. Они опустили наземь огромный сверток, в котором купец узнал крепко связанного стража с Башни маяка.

— Так вот, — быстро заговорила Анжелика, — я нашла капитана, который согласен взять нас всех на свое судно. Через несколько часов он снимается с якоря. Эти люди будут сопровождать меня, пока я извещу всех остальных. Надо дать им надеть что-то на себя, чтобы на них не обратили внимания на улицах. Они с иностранного корсарского судна...

Она постеснялась прямо сказать, что договорилась с пиратом, не признающим никакой власти, никакого государя и подымающим лишь черный разбойничий флаг на мачте своего корабля.

— Он стоит сейчас на якоре в заливе недалеко от деревни Сен-Морис. Там всем и следует собраться. Каждый будет добираться туда как может. Вам со всеми вашими, мэтр Берн, я предлагаю выйти из города через калитку в укрепленной стене. Ею можно пользоваться еще три часа,

потому что смена караула производится в семь утра. Если мы поторопимся, то и другие семьи успеют воспользоваться этим проходом.

Мэтр Габриэль был достаточно умен, чтобы не возражать. Абибель уже поговорила с ним. Он знал, что им грозит гибель и надо хвататься за любую возможность выйти из города и поскорее сесть на корабль. Ночной туман еще держался над городом, но уже занималась заря того дня, который увидит либо их уход, либо гибель в тюрьмах короля.

Он указал погреб, куда положить связанного солдата, и поднялся вслед за Анжеликой в дом будить детей и тетку.

Чуть позже он тревожно задумался над тем, что за странные люди, в подозрительных меховых шапках, с лицами цвета подгоревшего хлеба, сопровождают Анжелику и что превратило ее в непохожую на себя женщину, так твердо отдающую приказы. Он смутно понимал, что в таких серьезных обстоятельствах Анжелике некогда притворяться. Смертельный риск наступающего дня утверждал ее правоту. Она приняла на себя заботу о всех с хладнокровием и бескорыстием знатных вельмож прошлого, и, чтобы ее жертвы не оказались бесплодными, следовало быстро и точно повиноваться ей.

Абибель уже приготовила тощие узлы, как ей было сказано. Пастор Бокер с племянником были уже здесь. Маленький Натаниэль спал еще рядом с Онориной.

— Сейчас я подниму их и одену, — сказала Абибель, не задавая лишних вопросов. — А вы, Анжелика, согрейтесь пока в этой кадке горячей воды, которую я приготовила для вас, и переоденьтесь в сухое.

— Вы добрая фея! — отвечала Анжелика и, не теряя ни секунды, закрыла дверь кухни, вошла в чуланчик, где ее ждала горячая вода, быстро сбросила на пол плащ Рескатора, за ним всю свою мокрую одежду и блаженно опустилась в охватившее ее тепло. Без этой передышки она не могла бы выдержать всего, что еще предстояло сделать, несмотря на экзальтацию, придававшую ей сил. А ведь впереди было много дел.

Ей было слышно, как Абибель осторожно будит детей, рассказывая им о чудесной стране, полной цветов и лакомств, куда они поедут. Девушка сумела поднять их, не напугав, не давая ощутить тревоги этих налитых свинцовой тяжестью последних минут сборов.

— Восхищаюсь вами, Абибель. Вы нисколько не растерялись.

— Это самое малое, что я могу сделать для вас, Анжелика, — отвечала девушка так спокойно, словно сидела за прялкой. — Но где же вы были? Вы совершенно преобразились.

— Я? — Анжелика увидела себя всю, обнаженной, в высоком трюме с

оправой из полированной стали, куда она раньше лишь мимоходом бросала рассеянный взгляд, поправляя волосы и чепчик. Перед ней предстала крепкая женщина с белой кожей, тонкой талией, высокой грудью, длинной спиной и стройными ногами, «самыми прекрасными ногами во всем Версале», и с красным рубцом от разреза, который сделал Колен Патюрель, спасая ее от укуса змеи, там, в Рифе. Забытое тело!..

В ушах ее зазвучал насмешливый голос: «Женщина, за которую сегодня я не отдал бы и сотни пиастров». Она спокойно пожала плечами: «Ему это не годится? Тем хуже для него!» и натянула сухую рубашку, положенную заранее Абигель на табурет. Вызывающе улыбаясь, она встряхнула волосами, и они опять разлетелись солнечным ореолом. «Как же это понять? Он мой худший враг... и мой лучший друг...» Он так зло и даже цинично разговаривал с нею. Издевался. Не хотел принимать всерьез невыносимые страдания преследуемой женщины. «А теперь, любезная маркиза, представьте мне план осуществления вашего каприза», словно стремление спасти человеческие жизни было лишь странной причудой! Но все-таки он согласился взять их на борт. Этот стоящий вне закона корсар согласился сделать то, на что не решился бы ни один капитан с хорошим экипажем и большим запасом продовольствия. Так стоит ли обращать внимание на циничные слова! Чувствительности Анжелики пора было притупиться. Несчастье учит мириться со многим. Надо обращать внимание только на дела.

Он сам с удивлением заметил, когда она уходила с корабля:

— У вас, безусловно, ужасный характер, моя дорогая, и все-таки вы не обиделись на мою невежливость.

— Ах, есть столько вещей несравненно более важных. Спасите нас, а потом обращайтесь со мной, как вам будет угодно.

— Обязательно.

Анжелика едва сдержала смех. Абигель ничего бы в этом не поняла. А ее поддерживало взаимопонимание противников, сознающих себя одинаково сильными и умеющими дать ответ.

Она вышла из чулана, завязывая шнурки юбки, скрутила волосы, засовывая их под чистый чепчик, и завернулась в плащ.

— Я готова.

— Мы все готовы.

Анжелика взглянула на красивые большие часы на стене. Не прошло и получаса с ее возвращения. Время словно растягивалось.

Онорина в двух юбках и пальто с капюшоном спала стоя. Анжелика взяла тяжелую сонную дочь на руки. Подошла Ревекка, чтобы вылить воду.

Она задерживалась из-за Анжелики. Все уже было прибрано в доме. Оставалось только погасить угли в очаге. Мэтр Габриэль сам раздавил их каблуком. Молча они спускались по лестнице при свете единственной свечки. У каждого в руках был узел или сверток.

Во дворе мэтр Габриэль остановился и спросил, что будет со связанным солдатом в подвале. Бросить его в пустом доме значило обречь на мучительную смерть. А ведь Ансельм Камизо помогал им. Поколебавшись с минуту, Анжелика сказала, что даже если их побег не скоро заметят, то вечером уж сюда определенно придут солдаты, чтобы арестовать все семейство. Увидят, что дом оставлен, обшарят его весь и, конечно, найдут беднягу, — если он сам не сумеет еще раньше развязаться и освободиться.

— Хорошо. Тогда идем, — решил мэтр Габриэль. Ночь уже кончалась, когда они вышли со двора, закрыв за собой тяжелые ворота. В плотном еще тумане они добрались до городской стены, а затем и до калитки в углу. Анжелика передала Онорину в руки Абигель.

— Дальше я не могу идти с вами. Мне надо предупредить остальных. Идите к деревне Сен-Морис. Когда все там соберутся, мы вместе отправимся к месту посадки на корабль. Но жители деревни ничего не должны знать. Скажите, что вы собрались на похороны единове́рца, что погребут его в ландах.

— Ты знаешь, как добраться туда, Мартиал? — обратился мэтр Габриэль к сыну. — Отведи туда женщин, до самой деревни. А я должен остаться с госпожой Анжеликой.

— Нет, — возразила она.

— Вы думаете, я оставлю вас с этими иноземными разбойниками?

Анжелика убедила его все-таки идти вместе со своими. Она ничего не опасалась, она чувствовала себя под охраной, больше всего она хотела, чтобы они вышли за стены города. Это ведь только первый этап.

— Нужно, чтобы тех людей, которых я пошлю вслед за вами, встретил около деревни кто-нибудь, кто сумеет их успокоить и ободрить. Ведь они уйдут из дома впопыхах, не успев подумать, а придя в назначенное место, могут растеряться, разволноваться.

Наконец Берн с семьей, оба пастора и Абигель с Онориной на руках ушли, и Анжелика могла исполнять свою роль овчарки, торопливо сгоняющей стадо на место.

У Мерсело все прошло спокойно, и супруги, и дочь их Бертиль не просили никаких объяснений. Анжелика сказала им, что надо отправляться немедленно, иначе придется ночевать уже в тюрьме. Они быстро оделись.

Мэтр Мерсело зажал под мышкой книгу, которую составлял долгие годы; на бумаге с филигранями королевского герба красовалось заглавие: «Летопись мук и страданий, испытанных ларошельцами в годы от рождества Христова с 1663 по 1676-й». Это был труд всей его жизни.

Бертиль спросила, что станет с вещами, уже отправленными на «Святую Марию».

— Этим мы потом займемся.

Семейство Мерсело направилось к городской стене, Анжелика пошла будить часовых дел мастера.

Немного позже она позвонила у дверей Карреров. Этот адвокат не у дел со своими одиннадцатью детьми был, кажется, самым «бесполезным» пассажиром среди тех, кому предстояло тесниться на корабле Рескатора. И он-то начал топорщиться. Отправляться? Именно сейчас? Но почему? Их собираются арестовать? А откуда ей это известно? Сказали? Кто сказал? Где доказательства?.. Анжелика не стала с ним разговаривать, а прошла по комнатам и разбудила всю семью. К счастью, дети, хорошо вымуштрованные матерью, собирались без суеты. Старшие помогали одеваться младшим, те собирали свои вещички. Через несколько минут все были готовы, комнаты приведены в порядок, постели застланы. Мэтр Каррер в ночной рубашке и колпаке еще требовал доказательств, что ему грозит арест, когда вся семья в полном порядке уже ждала его в прихожей.

— Мы уходим, отец, — сказал старший, шестнадцатилетний подросток. — Мы не хотим попасть в тюрьму. Туда отправили сыновей часовщика, и они так и не вернулись.

— Идем же, Матье, — сказала его жена, — мы все решили уходить, значит, надо уходить, рано или поздно.

Она сунула младенца в руки Анжелике и помогла мужу натянуть штаны. Быстро одев его, как ребенка, и не переставая уговаривать, она бесцеремонно вытолкнула его за дверь.

— Моя табакерка... — прохныкал он.

— Держи ее.

Туман уже разошелся. Стало светло. Горожане просыпались. Анжелика и трое моряков, сопровождавших ее, помогли семейству адвоката добраться до калитки в стене. Видя, как они один за другим вступают на тропинку, ведущую через ланды, где туман еще стоял, Анжелика почувствовала невыразимое облегчение. Оставалось предупредить еще три-четыре семьи, да еще Маниго, жившего в отдаленном квартале.

Моноotonно зазвонили в церкви, и сейчас же забил большой колокол,

чьи звуки еще глохли в сыром воздухе. Звонили к утренней молитве. На улицах стали появляться прохожие. Ремесленники открывали ставни своих мастерских. Вновь подходя к городской стене вместе с семьей булочника, Анжелика насторожилась. По стене забегали, там перекликались мужские голоса, потом над переулком повесили что-то красное. Туман еще не совсем разошелся, и солдаты сверху не могли разглядеть подходивших к стене беглецов. Им удалось тихонько отойти и спрятаться за крыльцом ближайшего дома. Надо было подумать, что делать дальше.

Пришла смена и обнаружила, что часовой исчез, — объяснила Анжелика. — Подумают, наверно, что он бежал через угловую калитку. Во всяком случае, ее запрут и поставят возле нее солдата.

Становилось все светлее и было видно, как на стене собирается все больше солдат в красных мундирах.

— Красные мундиры у драгун, — пробормотал булочник. — Почему сюда привели такое пополнение?

— Может быть, потому что подходит голландский флот.

Жена булочника залилась слезами:

— Нам всегда так везет. Если бы ты поторопился, Антуан, мы бы еще успели пройти тут. А как нам теперь выбраться из города?

— Можно прямо через городские ворота, — успокоила ее Анжелика. — Сейчас их откроют.

Она растолковала им, что теперь и другие ремесленники и торговцы отправятся в Ла-Паллис или на остров Ре и вполне можно будет пройти вместе с ними, не привлекая к себе внимания:

— Город ведь не в осаде. И один день у нас еще есть. Вы идите, как будто несете свой хлеб на продажу. Если вас станут спрашивать, можете назвать свое имя.

Она быстро успокоила их, и они смешались с первыми прохожими. Мэтр Ромен прихватил с собой порядочную часть ночной выпечки. Хорошо, будет чем закусить на корабле, пока очередь дойдет до галет.

Прохожие видели просто еще одного булочника из Ла-Рошели, шагающего среди своих сограждан, он же подходил к воротам Св. Николая с тяжелым сердцем, уже сознавая себя изгоем. Горе его усугублялось спешкой, в которой пришлось собираться. Он все еще не мог поверить, что это на самом деле.

Семью Маниго Анжелика застала за столом в их роскошной столовой. Сирики разливал им горячий шоколад. Она так же устала и запыхалась, как в тот день, когда впервые пришла к ним за де Барданем. Ведь солнце уже встало. После ночной бури начинался чудесный ясный день. Туман весь

разошелся. Улицы уже кишели народом. Теперь приходилось действовать не под спасительным покровом ночной темноты. Надо было идти на риск.

Анжелика как можно короче рассказала о последних событиях. Заговор обнаружен, арест неизбежен, осталось одно спасение — немедленно сесть на судно, которое согласилось принять их и находится в окрестностях Ла-Рошели. Трудность в том, чтобы выйти из города, не привлекая внимания. Маниго достаточно хорошо известны, и, конечно, на их счет уже отдан приказ. Надо выбираться, разделившись, и под чужими именами. Выйдя за пределы города, они должны встретиться в деревне Сен-Морис...

Мэтр Маниго, его супруга, четыре дочери, зять в сынишка так и застыли с чашками в руках.

— Да эта особа с ума сошла! — воскликнула госпожа Маниго. — Что? Она заявляет, что мы вот так, сейчас должны отправляться в Америку?.. И все тут бросить?.. — Как называется это судно? — сурово спросил судовладелец.

— «Голдсборо».

— Не знаю такого. А эти люди, что с вами, из его экипажа?

— Да.

— Судя по их ромам, судно ненадежное и даже подозрительное.

— Это так, но его капитан согласился принять нас, тоже подозреваемых. Если вы предпочитаете им рожи подручных Бомье, которые скоро явятся за вами и потащат в тюрьму, тем хуже для вас.

— Из тюрьмы можно выйти, когда имеешь влияние, как я.

— Нет, господин Маниго, на этот раз вам выйти из нее не удастся.

Один из посланных с нею матросов взял ее за руку и сказал с сильным акцентом:

— Мадам, хозяин велел нам не задерживаться в городе после восхода солнца. Надо спешить.

Эта семья, спокойно сидевшая за лакомой едой в роскошной обстановке, словно им не грозила гибель, привела Анжелику в ярость. Не взять с собой Маниго значило лишиться опытного негоцианта, в руках которого было состояние их маленького общества. И она ведь обещала Рескатору, что ему заплатят. А главное, тут был этот беленький мальчик, Жереми, так похожий на Шарля-Анри.

— Тем хуже для вас и для вашего сына. Мне только жаль, что я рискую жизнью, придя за вами. Если бы мне не пришлось добираться сюда, я была бы уже возле Сен-Мориса. Каждая минута уменьшает возможность спастись. Значит, вы решили уехать, но не хотите этого.

Дождаетесь чуда, которое позволит вам сохранить и ваше положение, и деньги, и веру, и свой город. Вы читаете Священное Писание, вам следовало бы помнить, что евреям, узникам в Египте, было ведено есть пасху стоя, перепоясанными, с палкой в руке, готовыми пуститься в путь, когда их призовут... прежде чем фараон хватится...

Судовладелец Маниго внимательно посмотрел на нее, сильно покраснел, потом побледнел.

— Прежде чем фараон хватится, — пробормотал он. — Сегодня мне приснился сон, в котором все опасности, грозящие нам, приняли определенные формы. Я увидел громадную змею, которая приближалась, чтобы задушить меня и всех моих. Она приближалась и голова у нее была...

Он не договорил, встал, тщательно вытер рот салфеткой и положил ее на стол, рядом с недопитой чашкой шоколада.

— Идем, Жереми, — он взял сынишку за руку.

— Куда же ты? — вскричала госпожа Маниго.

— Идем садиться на корабль.

— Ты поверил дурацким историям этой женщины?

— Я в них верю, потому что это правда. Уже несколько дней я подозреваю, что нас предали. — Он повернулся к старому негру:

— Принеси мне пальто и шапку, и для Жереми тоже.

— Возьмите с собой сколько можете денег. Положите их в карманы, — шепнула ему Анжелика.

Мадам Маниго разразилась слезами:

— Он сходит с ума! Что с нами будет, дочери мои?..

Те смотрели то на мать, то на отца. Тут поднялся зять судовладельца, офицер, и взял за плечи свою молодую жену, решительно и нежно глядя ей в глаза.

— Пойдем, Женни... Надо идти.

— Как же это? Прямо сейчас?.. — Она боялась путешествия, потому что ждала ребенка.

— У тебя же приготовлен дорожный тючок. Возьмем его. Пора идти.

— И у меня есть сак. Он тяжеловат, но Сирики понесет его.

— Сирики нельзя идти с нами, — тихо сказала Анжелика. — В городе все знают, что это ваш негр. Вас сразу заметят. Ведь за вами следят.

— Бросить Сирики? — возмутился Маниго. — Это невозможно. Кто же позаботится о нем?

— Ваш компаньон, господин Тома, который должен был принять на себя ведение всех ваших дел и вступить в переписку с вами, когда вы окажетесь на Островах.

— Мой компаньон?.. Да это он нас и выдал. Теперь я убедился в этом. Он мечтает, конечно, захватить все себе. У змеи, которая мне приснилась, была его голова.

В передней он с горечью обвел взглядом прочные, украшенные резьбой своды, большой сад, куда вели стеклянные двери, и двор с неперменной пальмой, куда вела другая дверь.

Держа Жереми за руку, Маниго пошел по двору. Один из матросов нес за ним дорожный сак.

— Куда же вы уходите? — ахнула госпожа Маниго. — Я еще не готова. Мне еще надо упаковать несколько тарелок, самых драгоценных...

— Укладывай все что хочешь, Сара, и догоняй нас, когда сможешь, но поторопись, хоть на этот раз, — с философским спокойствием ответил ее муж. За ним вышла молодая пара. Уже на улице к нему подбежала одна из дочерей.

— Отец, я хочу идти с тобой.

— Идем, Дебора!

Она была его любимицей, вместе с младшим сыном. У него хватило мужества перейти улицу, не повернув головы.

У ворот Св. Николая группа, состоявшая из судовладельца с дочерью и сыном, его зятя с женой и Анжелики с тремя матросами, решила разделиться. Первым пошел офицер, Жозеф Гаррет, с женой и мальчиком Жереми, потом Маниго с тремя матросами. На вопросы, которые им задавали, один из матросов отвечал по-английски. Часовой ни слова по-английски не понимал, но знал, что в гавань прибыл накануне английский корабль. С понимающим видом он пропустил иностранцев. За ними шли две сельские красотки, — Анжелика и Дебора, видимо, бывшие при них. Как только иностранцев пропустили, женщины, хихикая, прошмыгнули вслед, не считая нужным назваться и записаться, а часовые не посмели окликнуть их и проводили снисходительными взглядами.

— Самое трудное позади, — шепнула Анжелика Маниго, догнав его. — Вас не узнали.

Для скорости они шли друг за другом. Ветер был довольно силен. По небу быстро бежали белоснежные облака, легкие и пушистые. Море у берега все еще было темным после ночной бури.

— А что же мать? — спросила Дебора. — И сестры?

— Они пойдут за нами... или не пойдут...

С равнины было видно далеко. Уже можно было различить хижины Сен-Мориса. Их встретили возгласами: «Наконец-то!»

Беглецы вышли из хижин, где пока обогривались у очагов. Мэтру

Берну нелегко было уговаривать их сохранять спокойствие и бодрость. Они слышали, что надо будет подняться на корабль. Но где же он? Тут все начали вспоминать о забытых, не взятых с собою вещах.

— Ах, где же шаль Рафаэля?..

— Где мой кошелек с пятью фунтами?..

Габриэль Берн своей властью как-то установил тишину. Детей напоили свежим молоком, потом пастор Бокер стал читать молитвы, и к беглецам присоединились жители деревни, которые тоже были гугеноты. Проверили всех по списку. Не доставало только госпожи Маниго с двумя дочерьми.

— Пора отправляться, — заявил говоривший по-французски со странным акцентом моряк с «Голдсборо», по имени Никола Перро. — Скоро начнется прилив. Мы будем поднимать на борт пассажиров, а один из моих товарищей останется здесь, чтобы проводить опаздывающих.

Быстро собрали детей, совсем уж проснувшихся и затеявших игры, так неожиданно оказавшись в поле. Все собрались семьями и хотели уже пуститься туда, куда указал говоривший по-французски матрос, как вдруг на ландах раздался крик, приковавший их к месту. Какой-то оранжевый огонек метался среди кустов со страшной быстротой. Это был старый негр Сирики, в желтой атласной ливрее с золотыми галунами, мчавшийся со скоростью доброй лошади.

— Мой хозяин! Где мой хозяин?

— Ах, сын мой! — воскликнул Маниго, прижимая к сердцу старого раба.

Сирики нес в руках свои башмаки на высоких каблуках, чтобы не мешали бежать. Он тряс головой, обмотанной белоснежным платком, и золотыми кольцами в ушах.

— Ты ведь не уедешь без меня, мой господин? А то я умирать...

— Что сказали тебе часовые, как они тебя пропустили? — спросила Анжелика.

— Часовые?.. Ничего сказать... Я бежал, так бежал! — Он рассмеялся, сверкая белыми зубами.

— Пойдемте скорее, — Анжелика подталкивала их одного за другим по указанной тропинке. Онорину она держала за руку. Первые группы шли уже через ланды. От моря их отделяло открытое ровное пространство, голая огромная равнина. Еще можно было разглядеть башни и стены Ла-Рошели. Анжелика забеспокоилась. Раб Сирики, догонявший своего хозяина, привлек, наверно, внимание.

— Идите же, — сказала она Маниго. — Нельзя больше терять ни

минуты.

Но он и его родные медлили. Судовладельца терзали два чувства: желание освободиться наконец от супруги, двадцать пять лет отравлявшей ему жизнь, и стыд бросить жену и дочерей. «Она найдет способ выкрутиться, — утешал он сам себя. — Она сможет даже взять в руки моего нечестного компаньона! Но если ее посадят в тюрьму, она там погибнет — ведь она так любит хорошо поесть».

На дороге послышался шум колес и показалась тележка, за оглобли которой держалась потная и пыхтящая госпожа Маниго. В тележке были в беспорядке свалены ковры, одежда, шкатулки и ларцы, а главное, драгоценная посуда фабрики Бернара Палисси. Обе дочери и служанка толкали тележку сзади. Утомление ничуть не укротило эту даму. Едва увидев супруга, она набросилась на него с упреками и обвинениями.

— Теперь твоя очередь, — приказала она зятю, передавая ему оглобли. — И ты, лодырь, — напустилась она на старого Сирики, — не мог меня подождать, а умчался, словно ласточка...

— Ты так и проехала через ворота Св. Николая со всем этим добром? — спросил покрасневший от гнева Маниго.

— Ну и что?

— И тебе ничего не сказали?

— Они попробовали сказать. Только я их болтовню слушать не стала. Посмотрела бы я, кто мне помешает проехать!..

— Ну, раз вы уже здесь, идите вперед и поторапливайтесь, — велела Анжелика с досадой. Толстуха устроила скандал у ворот. Появилась там, таща за собой, как цыганка, эту тележку. Переругиваясь с часовыми, она могла выболтать и то, куда направляется, и то, что собирается покинуть навсегда Ла-Рошель с ее противными жителями. Она любила распространяться на эту тему, потому что сама была родом из Ангулема и жизнь в портовом городе ей вообще не нравилась.

Анжелика, ведя за руку Онорину, пошла к скале, время от времени оборачиваясь, чтобы поторопить Маниго, которые далеко позади тащили тележку и спорили. Потом она повернулась и поглядела на город. Ла-Рошель, сверкающая белизной на солнце среди серых низин, как никогда походила на корону со многими лепестками. Но у стен города, со стороны ворот Св. Николая, появилось пятнышко пыли, встревожившее Анжелику. Она ускорила шаги и скоро догнала семейство булочника.

— Вот Маниго взяли тележку, — сварливо говорила его жена, — я бы тоже могла уложить все на тачку...

— Как бы Маниго не погубили нас всех со своей тележкой, — сухо

заметила Анжелика. Бегом она обогнала колонну и подошла к мэтру Берну.

— Посмотрите туда, что вы там видите? — она задыхалась. Купец шел быстро, держа Лорье за руку. Он поднял глаза в указанном направлении.

— Я вижу пыль, поднятую группой всадников. — Через минуту он добавил:

— Всадники в красных мундирах. Они едут прямо к нам.

Матрос, шедший впереди, тоже заметил их. Он бросился бежать, держа двоих детей под мышками и крича, чтобы все скорее прятались за дюнами.

Анжелика вернулась немного назад и крикнула Маниго:

— Поторапливайтесь! Бросьте тележку! За нами гонятся драгуны.

Все бросились бежать, спотыкаясь на песчаной дороге. Женские юбки цеплялись за кусты. Уже был слышен тяжелый стук лошадиных копыт.

— Скорее! Скорее! Да бросьте же, Бога ради, тележку.

Маниго вырвал из рук жены оглобли, за которые она держалась, и несмотря на крики и ругань, потащил ее вперед. Анжелика схватила свободной рукой Жереми; к счастью, он был легок как эльф и, подгоняемый страхом, изо всех сил перебирал своими ножонками. Жозеф поддерживал едва дышавшую Женни.

— Не могу больше, — простонала она...

Заметив беглецов, драгуны испустили торжествующий крик. Им сказали, что гугеноты пытаются сбежать. Это была дерзость с их стороны, но уйти им не удалось. Вот они — бегут к морю, как перепуганные зайцы, в беспорядке. Ага! Черт побери это протестантское отродье... На этот раз им достанется! От «миссионеров в сапогах» еретикам не уйти!

Драгуны обнажили сабли, лейтенант скомандовал в атаку. На скаку чья-то сабля задела брошенную тележку Маниго. Ткани разлетелись. Великолепный фарфор хрустнул под копытами...

Слыша этот галоп и торжествующие вопли, Анжелика подумала: «Ну, теперь мы пропали». Она мчалась изо всех сил — так, как когда-то, спасаясь вместе с Коленом Патюрелем из-под стен Сеуты. Жереми споткнулся, она удержала его за руку и опять поставила на ноги. Прижавшаяся к ее уху Онорина смеялась и пронзительно вскрикивала — ей очень нравилась эта игра. Наконец Анжелика добежала до дюн и бросилась под укрытие первой же кучи песка. Жалкое это было укрытие...

Драгуны были уже почти рядом. Они почти нагнали медленно, со стонами тащившиеся пары Маниго с женой и его зятя с беременной женой.

И вдруг, когда казалось, что сейчас уже сабли обрушатся на их головы, защелкали мушкетеры, запах пороха проник в ноздри, вокруг

поднялись дымки выстрелов.

Голос Никола Перро был слышен всем беглецам:

— Не оставайтесь тут! Ползите к скале. Оттуда вам помогут спуститься.

Анжелику тронули за плечо. Это был смуглый матрос, один из сопровождавших ее, оставшийся здесь, видимо, по распоряжению того, кто говорил по-французски. Как ни странно, только сейчас она сообразила, к какой расе он принадлежит. «Ну, конечно. Это же мальтиец!» Совсем неуместная догадка в такую минуту. Он знаком показал ей, что надо отползти назад по отлогой скале. Анжелика осторожно приподняла голову и сквозь сухие стебли увидела, что лошади мечутся и ржут в дыму, а на земле уже лежат тела в красных мундирах.

Беглый огонь мушкетов оборвал атаку драгун, они отъехали назад и начали перестраиваться.

Сердце Анжелики исполнилось восторга. Он предвидел, что за ними могут погнаться, и заранее разместил вооруженных пиратов в засаде между дюн, чтобы оборонять место посадки на корабль.

Она стала отползать, подталкивая детей. Теперь она увидела, повернув голову, судно с поднятыми парусами в заливе. Совсем близко уже была дорожка, спускавшаяся к берегу.

— Госпожа Анжелика, так вы не ранены! — Это мэтр Берн подполз к ней с пистолетом в руке. — Почему же вы задержались?

— Из-за этих недотеп, — она сердито показала на чету Маниго, тяжело шагавших, оступаясь на скользком песке.

— Я ранена, я ранена! — стонала госпожа Маниго. Может быть, ее действительно задела пуля. Она висела всей своей немалой тяжестью на муже, который ругаясь, тащил ее.

— Где Лорье? — спросила Анжелика.

— Матросы уже сажают детей в лодки. Я беспокоился о вас и вернулся. Слава Богу, капитан этого корабля позаботился о защите!.. Он там внизу, на берегу, руководит посадкой.

— Он там! Ах, это замечательный человек, не правда ли?..

— Едва ли... Он в маске, как я видел, и командует пиратами...

Перестрелка вспыхнула снова. Драгуны, перестроившись, попытались вновь напасть, и опять мушкетный огонь отогнал их. Но некоторые из них спешили и направились к дюнам, чтобы встретиться с противником лицом к лицу. Матросы с «Голдсборо», раньше сторожившие драгун со скалы, стали отходить к своим. Пока они еще оставались на скале, обороняя посадку, драгунам было нелегко приблизиться к беглецам. Но

стоило последним мушкетерам отойти на берег, как спускавшиеся туда протестанты оказались без защиты: королевские солдаты могли убивать их стреляя со скал. Некоторые драгуны попробовали предпринять обходный маневр, и красные мундиры появились на вершинах соседних скал. К счастью, мушкетов у них было мало, — в основном сабли и пистолеты. По приказу лейтенанта двое самых неистовых рискнули спрыгнуть прямо вниз, но поломали себе ноги, и их вопли охладили энтузиазм тех их товарищей, которые собирались последовать за ними.

Матросы с «Голдсборо» охраняли единственное оставшееся место спуска. Другие моряки спускали детей и женщин, усаживали их в плясавшую на волнах лодку и гребли изо всех сил, торопясь подойти к судну, готовому уже сняться с якоря. На реях видны были другие матросы, расправлявшие снасти; надо было правильно распределить нагрузку и изменить площадь парусности, когда корабль двинется.

Мэтр Габриэль и Анжелика медленно отходили, держа за руки Онорину. Мальтиец заботился о Жереми. Матросы с мушкетами осторожно отходили с прежних мест.

Лейтенант прокричал драгунам:

— Не бойтесь ничего! Скоро эти бандиты спустятся вниз и тогда мы их перестреляем. Эй вы, внизу, стреляйте по шлюпке!

Он обращался к тем солдатам справа от себя, которые успели уже добраться до берега. Целиться в беглецов и пиратов с мушкетами они не могли, так как тех закрывала нависавшая скала. Зато лодка, подплывавшая уже к кораблю, хотя и была далеко, но представляла хорошую цель. Скоро пули заплясали вокруг нее, а в группе женщин и детей, столпившихся в ней, раздались вопли ужаса. Находившийся там же пастор Бокер встал на ноги, несмотря на протест пирата, управлявшего шлюпкой, и запел своим старым, надтреснутым голосом псалом.

Матросы на шлюпке быстро гребли, чтобы скорее выйти из опасной зоны. Это им удалось — на шлюпке никто не был ранен. Но предстояло вернуться к берегу, чтобы забрать оставшихся.

А драгуны успели за это время пристреляться.

— Они от нас не уйдут! Смелее! Следующий раз никого не упустим, — кричал лейтенант. — Будьте наготове, драгуны!

Щелкнули «собачки» мушкетов, зазвенели шомпола, которыми прочищали дула, и цепочки от рогов с порохом. Некоторые солдаты, надеясь на близкую удачу, высунулись вперед, чтобы вернее попасть в тех, кто еще не спустился со скалы.

Анжелика спускалась по крутой тропинке и вдруг перед ней возник

усатый драгун с поднятой саблей. Габриэль бросился вперед, выстрелил, и драгун свалился, но последним конвульсивным движением успел еще нанести удар. Купец, раненный в плечо и висок, упал бы со скалы, если бы Анжелика не подхватила его в последнюю секунду. Но сама она не могла удержаться на ногах под весом тяжелого тела и, зовя на помощь, чуть не скатилась вниз. На помощь ей пришел чернолицый матрос из команды «Голдсборо»; поддерживая раненого, он кое-как спустил их по козьей тропинке.

На берегу раздалась команда по-английски, вероятно, приказ отходить, так как последние пираты из прятавшихся среди дюн вскочили и обезьяньими скачками присоединились к товарищам внизу.

— Путь свободен! Теперь сюда!.. — кричали драгуны, скучившись.

Анжелика на кучке осыпавшихся камней соскользнула на песок, поддерживая окровавленную голову мэтра Берна.

— Он умер! Он умер! Бедный мой друг.

Кто-то схватил ее за талию и заставил обернуться. Это был Рескатор.

— Наконец-то вы! Конечно, самая последняя! Сумасшедшая женщина!

Он явно смеялся под маской. Словно гибель не грозила им в эту минуту — ведь он со своими матросами оставался без всякого прикрытия на берегу, куда шлюпка не могла подойти, потому что над головой у них стояли драгуны, словно рядом не лежали раненые, пятная кровью гальку и песок, словно не настал их последний час...

Он смеялся, прижимая ее к себе, словно любил ее, рабыню, купленную в Кандии, невероятной варварской любовью, усиленной всеми бедами и трудностями, которых она ему стоила.

Но Анжелика билась и вырывалась из его рук, оглядываясь во все стороны, потому что новая страшная тревога пронзила ее.

— Онорина! Где же Онорина?.. Я выпустила ее из рук, чтобы поддержать раненого мэтра Берна... Неужели она осталась там, на скале?..

Она пыталась вырваться и опять полезть вверх. Он удержал ее железной рукой:

— Куда вы рветесь, несчастная? Стойте здесь! Сейчас пушки дадут залп, и от вас ничего не останется.

На борту корабля подняли заслонки, из-за которых показались черные дула десяти пушек.

Из уст Анжелики вырвался дикий вопль загнанного зверя. На скалистой тропинке она увидела зеленый чепчик Онорины. Девочка была у самого края и могла вот-вот свалиться вниз. В общем шуме ничего нельзя

было разобрано, но можно было догадаться, что она плачет от страха и зовет мать, оказавшуюся внизу, под обрывом. А сверху к ребенку уже приближались драгуны.

— Дочка! Дитя мое! — кричала Анжелика вне себя. — Спасите ее! Ее сейчас убьют! Она свалится вниз!

Железная рука безжалостно держала ее, не давая шевельнуться.

— Оставьте меня, там моя дочь! Мое дитя! Онорина!.. Онорина!..

— Не двигайтесь с места. Я пойду за ней.

Парализованная ужасом, она смотрела, как Рескатор с поразительной ловкостью взобрался по обрывистой тропке. К ребенку уже приближался королевский солдат. Рескатор выстрелил ему прямо в лицо из своего пистолета, а другой рукой схватил девочку, словно какой-то узел. Раненный им солдат зашатался и грохнулся на прибрежные камни в нескольких шагах от Анжелики. В эту минуту с корабля начали стрелять пушки, полетели осколки скал, поднялся страшный грохот.

Анжелике показалось, что Рескатор и Онорина погребены под обвалом камней и земли. Но вдруг из облаков пыли и дыма появился силуэт пирата.

— Берите свою дочь! И держите ее получше!

— Она не ранена?

— Кажется, нет. Теперь надо садиться в лодку.

Пользуясь расстройством в рядах драгун, которых настигли пушечные ядра, шлюпка вернулась к берегу. Матросы перенесли в нее мэтра Берна и одного из своих, тоже раненого. Анжелику бесцеремонно втокнули в шлюпку, посоветовав сесть прямо на дно. Она услышала голос Рескатора:

— Больше шлюпка не сможет подойти к берегу. Все должны уехать этим рейсом.

Он последний забрался в лодку и повернулся к белым стенам шарантских скал с театральным жестом:

— Прощайте, негостеприимные берега! Он стоял в самой корме шлюпки, представляя собой удобную цель. К счастью, солдаты, деморализованные неожиданным обстрелом и потерявшие многих из своих рядов, уже не думали стрелять. Лейтенант был тяжело ранен, его помощник отдавал противоречивые приказы и орал так, что беглецы могли их расслышать.

— Скачите скорее и просите поддержки в Пор-Луи.

— Оповестите флот в Сен-Мартине на острове Ре и Большую крепость на мысу Саблонсо...

— Не дадим этому разбойнику уйти из наших рук...

На «Голдсборо» уже поднимали якорь. Марсовые подтягивали шкоты, ветер сразу заполнил укрепленные паруса. Капитан Язон отдавал с мостика приказы так спокойно, словно дело было в порту на глазах у толпы зевак. Матросы носились по реям, подтягивая кое-где ванты и шкоты...

В это время подошла шлюпка, переполненная последними беглецами, и стала с другой стороны корабля, вне досягаемости выстрелов с берега, так что можно было переправить людей на борт уже начавшего двигаться «Голдсборо». Онорину подхватил матрос с черной повязкой на одном глазу, напомнивший Анжелике Кориано, помощника д'Эскренвиля. Но Онорине это неблаговидное лицо понравилось, она обняла матроса за шею и даже не пискнула, пока он подымался с нею по веревочной лестнице. Поднять двух раненых было сложнее и опаснее, но и это прошло благополучно. Наконец все оказались на мостике, шлюпку подняли на блоках и крепко принайтовили у шканцев. Все это совершалось с образцовой быстротой и аккуратностью.

Стоя на палубе, в безопасности, Анжелика подняла глаза. Скалы уже отодвигались вдаль. Еще видна была поверх их красная линия мундиров королевских драгун, яростно махавших кулаками. Подгоняемый бризом корабль вышел из залива и направлялся в свободное море между островами. Слева показалась Ла-Рошель, ее морской фасад. Она казалась совсем близко и блестела в лучах полуденного солнца, особенно полуразрушенные, но все еще величавые башни Св. Николая, Цепи, Маяка. «Голдсборо» шел в направлении города.

Глава 17

Рескатор поднялся на палубу последним. Он сразу оценил ситуацию. Оказавшийся рядом Никола Перро покачал головой.

— Ветер с северо-запада!.. Нам не везет...

— Да уж...

Анжелика и сама видела, что ветер гонит их к городу. Капитан Язон отдавал приказания одни паруса поднять, другие спустить, чтобы можно было направить судно к каналу Ла-Паллис. К Рескатору подошел матрос и протянул подзорную трубу. Пират взялся за маску, словно хотел ее снять, потом быстро огляделся и скомандовал:

— Раненых и пассажиров в трюм! На палубе остаются только члены экипажа.

Он поднял трубу, оглядел берега, оценил возможности не плыть к ним несмотря на дующий в ту сторону ветер.

— Нет, вас это не касается... — проговорил он, не поворачивая головы. Он заметил, конечно, краем глаза, что Анжелика собиралась послушно последовать за спускавшимися по трапу беглецами.

Рескатор опустил подзорную трубу, повернулся к молодой женщине и внимательно посмотрел на нее. Она еще не успела успокоиться и отчаянно прижимала к себе дочь. На ветру волосы Онорины поднимались огненным ореолом вокруг ее личика.

— Ваша дочь! Действительно, она похожа на вас. Кто из этих гугенотов, которых я взял сегодня на борт, ее отец?

Теперь ли задавать такие вопросы? Анжелике показалось, что город уже близок. Еще немного — и у окон и на стенах появятся любопытные, наблюдающие за отчаянными маневрами неизвестного корабля.

— Ее отец, — проговорила она, глядя на пирата как на потерявшего разум, — представьте себе, это бог Нептун... Да, так мне сказали. А теперь посмотрите-ка лучше, где мы сейчас. Мы на расстоянии выстрела от крепости Людовика. Если ее гарнизон уже предупредили, то мы погибли.

— Вполне вероятно, моя дорогая...

Кораблю не удалось обогнуть мыс в начале залива. Теперь он был на полном виду Ла-Рошели и крепости, у амбразур которой замечалась подозрительная суета.

— Идите сюда! — стремительно бросил Рескатор и жестом велел Анжелике следовать за ним. Он быстро перешел мостик, поднялся на

левые шканцы, потом по ступенькам в рубку.

— Мадам, укройтесь здесь, — произнес человек в меховой шапке, Никола Перро, указывая на вход в каюту Рескатора, под рубкой. — Наш капитан сам берется за руль. Значит, мы выберемся.

Эту веру в мастерство своего командира разделял весь экипаж. Все были совершенно спокойны, некоторые матросы покачивались на вантах, перекидываясь насмешливыми замечаниями в подражание тому, кто научил их встречать опасность философской улыбкой.

— Ведь из крепости Людовика будут стрелять в нас, — ослабевшим голосом пробормотала Анжелика.

— Всенепременно, — отвечал своим странным французским языком Перро, стоявший подле; ему поручено было, видно, охранять ее.

Над их головой послышались распоряжения капитана Язона. Марсовые забегали по снастям, их силуэты с непостижимой быстротой мелькали среди такелажа. Когда над фортом Людовика поднялись дымки вспыхнувших фитилей, «Голдсборо»-чуть передвинулся и стал почти неподвижно как раз напротив крепости и обращенных к нему пушек.

— Отдать якорь!

И сразу загрела якорная цепь и полетели брызги от якоря, погружавшегося в воду. В тревоге и недоумении Анжелика взглянула на матроса.

— Разве Рескатор собирается вести с ними переговоры?

Перро покачал своей лохматой головой и проворчал:

— Не похоже на него. По-моему, он вроде бы охотится за кашалотом в устье реки Святого Лаврентия.

Якорь достиг дна. Корабль остановился, слегка подрагивая под ветром. Раздался залп всех пушек крепости, выстреливших сразу, по общей команде. И в ту же минуту, повинувшись резкому движению руля и опираясь на якорь, корабль вильнул в сторону. Ядра пролетели совсем близко и вспенили волны там, где только что находился бок «Голдсборо».

Корабль уклонился от удара словно опытный дуэлист. Но опасность еще не миновала. Некогда будет поднять якорь, чтобы избежать второго залпа. Едва Анжелика подумала об этом, как раздался крик:

— Рубить якорь!

На передних шканцах появилась, словно чудом, наковальня; три мощных удара — и якорная цепь была перерублена.

— Полный вперед! Держи на северо-восток!

Освободившись от якоря, судно помчалось на всех парусах. Пушкари из крепости Людовика прицеливались напрасно. Опять заряды пролетели

совсем близко от цели, взбаламутив волны и подняв тучу брызг, что нисколько не мешало кораблю продолжать путь.

— Гип-гип ура! — воскликнул Никола Перро, и вся команда единогласно подхватила его крик. Затем он стал объяснять Анжелике:

— Эти злодеи всадили бы в нас десяток «шариков», если бы не он. На всех морях нет другого такого мастера маневра! Если б не его искусство, лежали бы мы теперь на дне морском. Видели, как он двинул руль?.. А все же, мадам, войдите в каюту, осиное гнездо еще близко, как бы чего...

— Нет, я останусь здесь до конца, пока не увижу впереди свободное море.

— Что ж, поступайте как вам угодно, мадам. Некоторым нравится смотреть в лицо смерти. Впрочем, иногда от этого бывает толк: смерть пугается и уходит.

Этот охотник с реки Св. Лаврентия определенно вызывал симпатию, несмотря на шапку из лохматой шкуры и татуировку на руках.

После акробатических фокусов, давших ему возможность вывернуться из-под обстрела крепостных орудий, корабль выпрямился и помчался вперед, как пришпоренный боевой конь. Ветер сместился чуть более к западу. Пользуясь этой милостью природы, подняли все паруса, и очень скоро «Голдсборо» был далеко от Ла-Рошели и даже миновал мыс в начале залива. Чтобы выйти в открытое море, надо было еще пройти через проливы между островами. В расположенный на юге пролив Антиош между островами Ре, Э и Олерон не позволял направиться сильный северо-западный ветер, дувший с утра. А чтобы попасть в бретонский пролив, более узкий и лучше обороняемый, между материком и северным берегом острова Ре, надо было раньше пробраться узким каналом от Ла-Паллис до мыса Саблонсо. Рескатор избрал второй путь. Капитан Язон скомандовал:

— Эй, на марсе! Спустить верхние паруса! Поднять нижний формарсель, крюйс-стенъ-таксель и контр-бизань.

Под низкими парусами корабль вошел в проход между двумя мысами. Анжелике стало страшно. Она знала о коварном, неглубоком дне этого прохода, каменистых мелей которого опасались портовые моряки. Короткие порывы ветра, нагонявшие на судно сбоку сильные волны, могли в любую минуту сбить его с единственно безопасного для судна такой осадки курса.

— Вам уже приходилось проходить здесь? — спросила она Перро.

— Нет, сюда мы вошли с юга.

— Тогда вам нужен лоцман. Среди моих друзей есть один рыбак, Ле-Галль, который знает здесь все мели.

— Правильная мысль! — вскричал человек в меховой шапке и побежал сказать об этом обоим капитанам. Очень скоро матрос привел Ле-Галля. Анжелика поднялась на ют следом за ним.

Рескатор, по-прежнему в маске, стоял у руля, напряженно прислушиваясь к малейшему движению корабля, осторожно нащупывая правильный курс. Он обменялся с ларошельским мореходом несколькими словами и уступил ему место.

Анжелика старалась не двигаться, и Онорина тоже не шевелилась, словно понимая, что женщине и ребенку не место на корабельном мостике в час опасности. А все-таки ни за что на свете она не хотела бы уйти отсюда. Корабль двинулся более уверенно. Но Ле-Галль вглядывался в край острова Ре, где была едва заметна крепость.

— А что, если в нас станут стрелять из крепости Гран-Саблонсо?

— Там посмотрим! — отвечал Рескатор. Видимость становилась хуже. Дневное солнце грело сильно, и над водой поднялся золотистый туман, скрывавший из виду берега. Вдруг с марса донесся крик:

— Вижу военный корабль. Идет нам навстречу.

Капитан Язон выругался и, кажется, повесил нос:

— Везет нам, как крысам!

— Этого следовало ожидать, — спокойно заметил Рескатор, словно все было в порядке вещей. — Прикажите замедлить ход.

— Для чего?

— Чтобы я мог подумать.

Теперь они увидели военный корабль, вышедший из-за мыса Саблонсо. Его поднятые паруса белели на фоне затуманившегося неба, словно нарисованные мелом. Ветер был для него попутный, и двигался он быстро.

Рескатор положил руку на плечо Корентину Ле-Галлю.

— Послушайте, начинается отлив; если нам тут трудно пройти, каково будет нашему противнику, у которого водоизмещение много больше? Он ведь находится впереди нас.

Взор Анжелики упал на руку в перчатке, лежавшую на плече моряка. Рука была мускулистой и в то же время изящной. На безымянный палец был надет узорный серебряный перстень. Она побледнела. Она помнила эту руку без перчатки, ее мягкую и непреодолимую хватку. Где же она ее видела? Может быть, в Кандии, когда он повел ее к дивану, сняв предварительно перчатки? Нет, где-то еще. Что-то было ей так знакомо. Может быть, мысли у нее мешались, оттого что последний час был так близок... Может быть, в неотвратимой уже смерти и скрестятся их судьбы,

как увидел это в звездах Осман Ферраджи...

И в тоже время она понимала, что они не умрут сейчас. Ведь Рескатор взял на себя заботу о их судьбах! Этот загадочный человек обладал, казалось, неподатливостью античных героев. Ничто не могло сразить его, она была наивно, слепо убеждена в этом и до сих пор не обманывалась.

Лицо лоцмана просветлело.

— Ну, конечно! Вы тысячу раз правы! Они рискнут войти в этот канал, только если им чертовски захочется изловить нас. Конечно, у них тоже должен быть хороший лоцман. Но положение у них... ненадежное.

— А мы сделаем его еще ненадежнее... Да еще используем их как заслон, если крепость решит вмешаться. Я их заставлю стать между нею и нами... Эй, полный вперед! Приготовиться к бою!

Марсовые бросились по реям, а прочие матросы быстро выскочили на шканцы с саблями и кортиками наголо, моментально убрали камуфлирующие заслонки с пушек. Марсовые с мушкетами поднялись на верхушки мачт.

— Не посыпать ли палубу песком? — спросил помощник.

— Наверяд ли дело дойдет до такого боя, — отвечал Рескатор, поднимая подзорную трубу. Он иронически улыбнулся под маской: «Посыпать палубу песком. Еще что!..» Анжелика помнила, что в Средиземноморье так готовились к решающим сражениям: заранее рассыпали на палубе песок, чтобы босые ноги сражающихся не скользили в крови раненых.

— Они сядут на мель, прежде чем попробуют забросить на нас крюк, — добавил пират, пожимая плечами. От него исходила такая уверенность, что стало ослабевать напряжение последних минут перед встречей двух кораблей, неудержимо двигавшихся навстречу друг другу. А скоро стало заметно, что положение военного корабля хуже. Он был отягощен четырьмя десятками пушек да еще имел неосторожность поднять все паруса и теперь с трудом придерживался правильного курса. Волны сносили его к берегу.

— А если они станут стрелять в нас? — спросил Ле-Галль.

— Такая махина!.. Им очень трудно будет повернуться так, как надо для пушек. А мы повернемся к ним бушпритом, пусть попробуют попасть в эту цель.

«Голдсборо» упорно двигался вперед. Военный корабль все с большим трудом удерживался на волнах. Волны неукротимо толкали его к берегу, и вдруг он наклонился и раздался глухой треск.

— Сел на мель! — закричали все матросы «Голдсборо» и замахали

шапками от радости.

— Как бы и с нами этого не случилось. Отлив усиливается. — И Рескатор послал матросов на шканцы промерять глубину.

Скоро пиратский корабль вышел на простор мимо своего беспомощного противника, посылающего вслед проклятия.

— Не выпалить ли в них разок? Нам это удобно, — спросил капитан Язон.

— Нет. Не стоит оставлять за собой слишком дурную память. Да и мы далеко еще не выбрались отсюда. Анжелике тоже пришло на ум, что могут появиться и другие корабли и преградить им дорогу.

Но больше помех не было, и они благополучно вышли из узкого канала в бретонский пролив. Ле-Галль распрямил спину, стоя у руля:

— Самое опасное место мы прошли. Теперь я предлагаю увеличить парусность и двигаться вдоль северного берега, пока не дойдем до мыса Груэн-де-Гу.

— Хорошо. Теперь идти было легче. Пролив представлял собой неплохо защищенный рейд, ветер был там не так силен и толкал корабль прямо вперед. Легкий туман не скрывал дуги материка и белоснежного кружева солончаков.

Но по другую сторону был порт Сен Мартен на острове Ре, и скоро оттуда медленно, как во сне, стали выходить одно за другим суда королевского флота, направляясь к «Голдсборо» и готовясь преследовать его.

На «Голдсборо» молча следили за движениями этой своры.

— Мы почти у цели, — пробормотал Ле-Галль. — Скоро будет мыс Арсай.

— Ускорим ход! Ветер немного изменился. Он нам поможет.

— Им тоже.

— Но мы пока впереди.

Суда королевского флота сначала надвигались с пугающей быстротой, а потом стали держать одну и ту же дистанцию. Пиратский корабль был пока недосыгаем для их пушек.

Рескатор снова положил руку на плечо ларошельца.

— Попробуем выйти подальше в открытое море, а там уж — слово Рескатора! — мой корабль помчится по ветру и никаким королевским судам не догнать его.

— Попробуем! — загорелся лоцман. Он не спускал глаз, точно соблюдая курс и учитывая самые ничтожные течения, самые слабые порывы ветра, все, что могло ускорить ход корабля. Он великолепно знал

эти проливы, столько раз ставил здесь сети и вытаскивал их полными омаров, и заливался песней, разглядывая с любовью четкие линии берегов, острова и море — привычный ему с детства пейзаж. По происхождению он был бретонцем, но уже три поколения его семьи жили в Ла-Рошели, вот почему он был гугенотом и держался за свою веру так же упрямо, как бретонские католики — за свою. Сейчас он думал, что проходит по местам, где знал счастье, чтобы покинуть их навсегда, и что в трюме этого убежавшего от погони судна прячутся его жена и дети, и что ужасно было бы погибнуть под пулями французского короля здесь, поблизости от островов, где рыбачил, и от родного города.

Он боялся не столько смерти, с которой встречался не раз на море, сколько такой несправедливости. «О Господи, вспомни, что мы страдали во имя твое!.. Почему это?.. Почему?..»

Анжелика бросила взгляд назад. Паруса преследующих кораблей еще приблизились. А морская зыбь становилась сильнее, пенистые гребни волн все выше — это значило, что скоро уже будет открытое море. Берега оставались позади, их уже трудно было разглядеть. Ветер стал солонее и острее. Туманный горизонт раскрывался все шире. Морской простор!.. Успеет ли их корабль выбраться туда?..

Она взглянула на Рескатора и увидела, что и он смотрит на нее сквозь прорези своей маски. Ей показалось, что он хочет прогнать ее с палубы, сказать, что тут ей не место. Прогнать, зло насмехаясь, как делал уже не раз. Но он ничего не сказал. Она подумала тогда, что он так смотрит на нее, потому что дела повернулись очень плохо, что наступила критическая минута. Ей, до сих пор сохранявшей уверенность, вдруг стало страшно.

— Неужели слишком поздно?

Вдруг Онорина привстала у нее на руках и вытянула ручки к горизонту, весело лепеча:

— Птички, там птички.

Это были корабли. Они появились на горизонте, преграждая выход из залива. Еще несколько мгновений — и их стало бесчисленное множество. Между ними и королевским флотом, подходившим все ближе, «Голдсборо» оказался на положении окруженного и загнанного зверя, который даже не может повернуться лицом к преследователям.

Вся команда столпилась с возгласами удивления и отчаяния. Это уж было чересчур. Они могли сражаться, но победа была невозможна, и все пути к спасению закрыты. И вдруг Рескатор расхохотался. Он так смеялся, что закашлялся, не в силах говорить. «Да он с ума сошел», — подумала Анжелика, похолодев. Но пирату удалось выговорить, наконец:

— Голландцы!

И всеобщая растерянность сменилась порывом радости.

— Подымите на главной мачте английский торговый флаг! — крикнул по-английски капитан Язон. Потом он повторил приказ по-французски.

На ветру заплескались поднятые флаги — на главной мачте с красным крестом поверх белого андреевского креста на синем поле и красные флаги на корме с тем же трехцветным крестом в верхнем углу.

Тяжелый торговый флот, сильно потрепанный вчерашней бурей, медленно и торжественно входил в бретонский пролив. Впереди двигались два линейных пятимачтовых корабля с тремя мостиками и батареями из семидесяти двух пушек. За ними двигались четыре сотни торговых судов самого различного тоннажа, но не меньше трехсот тонн. Этот огромный флот сопровождало еще два десятка военных кораблей, не таких больших, как пятимачтовики, шедшие впереди.

«Голдсборо» проскользнул в середину этого флота с ловкостью зайца, прячущегося в глухом лесу. Через несколько минут между ним и преследователями оказался десяток торговых кораблей. Офицеры Его Величества Короля Французского не могли сделать ни одного выстрела из пушки, не задев честных негоциантов, вошедших во французские воды. И пришлось отказаться от намерения наказать дерзкого пирата, который так умело посмеялся над ними.

Характер качки изменился, и запертые в трюме беглецы поняли, что корабль вышел в открытое море. Долго они прислушивались ко всем доносившимся снаружи звукам, следя за борьбой корабля с встречным ветром. Резкий поворот, когда корабль маневрировал у крепости Людовика, заставил их всех повалиться друг на друга, а глухой грохот пушек предвещал, казалось, их последний час. Потом корабль долго и как будто неуверенно шел по проливу. Остановки, приготовления к бою, шлепанье босых ног, пробежавших над головой находившихся в трюме людей, мучительное ожидание... Все эти часы они молились и молились, лишь изредка обмениваясь краткими словами, чтобы унять детей или прервать уж совсем невыносимую тревогу...

И как в Ноевом ковчеге, у них не было окна и они не знали, что делается снаружи.

А потом корабль пошел ровно, спокойно, ритмично покачиваясь, и ветер наполнил все паруса, которых уже не опускали, и все снасти весело натянулись, и корабль понесся вперед, как чистокровный конь, более не сдерживаемый рукой всадника.

В дверях трюма появился измученный Ле-Галль с блеском победы и

тоской в голубых кельтских глазах.

— Мы ушли от погони. Мы в открытом море. Мы спасены!

И все они с разбитым сердцем, со слезами на глазах, упали на колени.

— Прощай, Ла-Рошель! Прощай, наш город! Прощай, наше королевство! Прощай, наш король!..

— Землю еще видно, — сказал Рескатор, подойдя к Анжелике и упорно сверля ее взглядом через прорези маски. — Может быть, вы хотите бросить последний взгляд на берега, которые покидаете навсегда, мадам?

Анжелика отрицательно качнула головой.

— Нет.

— Маловато у вас чувства для женщины. Опасно, наверно, вызвать вашу ненависть. Так вам нечего пожалеть, не о чем вспомнить, никого дорогого вам вы там не оставили?

Она подумала: «Только мертвое дитя, могилку на краю Ниельского леса... Вот и все».

— Все, что у меня есть дорогого, я увожу с собой, — сказала она вслух, прижимая к себе Онорину. — Вот мое единственное сокровище.

И опять, как при всяком проявлении настойчивого любопытства Рескатора, затрагивавшего ее за живое, ей показалось, что за ней следят, что ей грозит опасность.

Страшная усталость легла ей на плечи. Это был груз только что пережитых часов и груз всей ее жизни, так мучительно ощущавшийся теперь, когда судьба навек запирала дверь за прошлым. Она почувствовала, как болят усталые руки, на которых все время держала Онорину.

— Я устала, — сказала она еле слышно. — Ах, я так устала. Я хочу спать...

Что происходило, после того как она выговорила эти слова и перед тем как проснулась уже на закате, она не знала. Открыв глаза, она увидела темно-красное солнце, огромным фонарем опускавшееся на тускнеющую серебряную поверхность неба и моря. Оно опустилось до горизонта и страшно быстро исчезло, оставив за собой лишь розовую полосу, которая скоро побледнела.

Анжелика ощутила движение судна, ровный непрерывный ритм, перенесший ее на несколько лет назад, в Средиземноморье. И тогда, даже когда она была пленницей на «Гермесе», ее посещали такие минуты, наполнявшие сердце сознанием беспредельности мира и как-то умиравшие тревогу ее неудовлетворенной и страстной души. Благодаря этим минутам она вспоминала с сожалением и какой-то отрадой о путешествии, в котором пережила невероятные муки.

Сейчас она узнавала то море. В стеклянном оконце позади вспыхнул краткий костер сумерек, потом наступила пора таинственного полумрака, предвещающего ночь.

Она слышала, как взлетающие брызги волн ударяются о стенки корабля, как сухо пощелкивают снасти, как ветер поет в вантах.

Она приподнялась на восточном диване, куда ее уложили, оперлась о руку и так сидела с пустой головой, ни о чем не думая, но с острым сознанием охватившего ее счастья. Она свободна!

Рядом спала Онорина, широко раскинувшись, с румянцем на пухлых щечках. Анжелика склонилась к ней с бесконечной нежностью.

— Я увезла тебя, мое сокровище. Плоть от моей плоти, сердце от моего сердца.

Беспредельная радость стала почти мучительной. Наконец осуществилась мечта всей ее жизни. Она достигнет свободы, переплыв через море. Соленый воздух наполнил ей грудь, глаза закрылись, голова склонилась в странном хмелю, губы приоткрылись в блаженной улыбке.

Одна, в угасающем свете дня, Анжелика повернула к океану, как к вновь обретенному любовнику, бодрое и счастливое лицо влюбленной женщины.

notes

1

Бастард — в Западной Европе в средние века — внебрачный сын влиятельной особы (короля, герцога и т.д.)